Константин Волков

Из засады

Annotation

О затерянном среди лесов посёлке с находящейся там колонией строгого режима двадцать лет назад и не вспомнили, для боеголовок нашлись цели поважнее.

Трибунал и приговор: "высшая мера социальной защиты" – не самое страшное! Всё кувырком: ты палач и жертва, ты герой и изгой... Тебе одна дорога – в лес. А там хозяйничают твари и выжить, ох, как нелегко! Лесники ухитряются возвращаться в Посёлок с добычей, но то лесники. Всем известно, что эти ребята со странностями. А нормальному человеку за Оградой делать нечего.

- День первый
- День второй
- День третий
- День четвёртый
- День пятый
- День шестой
- День седьмой
- День восьмой
- День девятый
- День десятый
- День одиннадцатый
- День двенадцатый

Из блокады

День первый

Сначала казалось, с этим я легко справлюсь – дело-то не хитрое. Но, едва я увидел собравшуюся на площади толпу, заскреблось, зацарапалось ледяными коготками беспокойство, нехорошие приметы вспомнились.

Понятно, не стоит на каждую примету обращать внимание: одни верные, другие – ни то, ни сё, лишь напрасно смущают. Беда в том, что сразу не разберёшься.

Умные люди в эту ерунду и вовсе не верят, но, заслышав крик банши, любой, даже самый умный, сплюнет через левое плечо, и пальцы в кукиш сложит: мол, чур, меня! Банши – всего-навсего лягушка, большая и вкусная, если хорошо приготовить. Есть у неё маленький недостаток – голосит, будто петли ржавые скрипят, только намного громче. Звук, между прочим, разный бывает. Есть и такой, который человечье ухо не слышит. Как придёт время банши плодиться, начинает она к обычным воплям добавлять этот самый неслышимый звук. Такая жуть пробирает - хочешь, не хочешь, а фигу покажешь.

А когда ящерка на сапог залезет, или кошка дорогу перейдёт, обязательно схватишься за пуговицу, даже если ни в какие приметы не веришь. На всякий случай – мало ли, как обернётся?

Всё пошло не так с самого утра. Судите сами, это нормально, встречать двадцатый день рождения под виселицей? Хорошо, что не с петлёй на шее, потому что когда на шее петля, не до примет уже. А если предстоит кого-то вздёрнуть – возможны разные варианты. У меня варианты имеются, но дело-то нешуточное, оттого и на душе неспокойно.

Степану что? Он к такому привычен. Петли осмотрел, за верёвки подёргал:

– Тут главное – не суетиться. Делай, как я. Понял?

Я кивнул и взял предложенную сигарету. Тревога не исчезла, лишь слегка притупилась. Ощущение пока невнятное, ни к чему конкретно не относящееся, а отмахнуться от него не получается. Проблемы толком и не начались, а в груди уже зародился студеный

комок, леденит и острыми краями царапает, предупреждает: жди, скоро будут сюрпризы.

Иногда безобидные события начинают переплетаться хитрыми узорами, неясно, что будет дальше, и чем всё закончится. Скорее всего – ничем. Узоры сами собой расплетутся, и жизнь снова сделается обыкновенной. А может, и не сделается. Или сделается, но совсем другой…

А толпа собралась приличная: граждане зябко ссутулились под тёмными от сырости брезентовыми навесами, одежда намокла, рыжая грязь пристала жирными ломтями к сапогам. Выплюнув окурок в лужу, Степан отошел к выстроившимся редкой шеренгой перед виселицей дружинникам. Главный у них Клыков, он что-то сказал, Степан засмеялся, а мне совсем уж муторно на душе сделалось.

Жду я, значит, когда приведут смертников, а народ подтягивается к месту казни. Любопытно поселянам, как оно в этот раз пройдёт?

С утра моросил дождь, а сейчас зябко и скверно, только мы к этому привычные, нашего брата этим не проймёшь. Лето выдалось мокрое, ну и что? Который уж год льют дожди, но по сравнению с тем, что творилось раньше, сразу после Катастрофы, это ерунда…

Был я тогда мальцом, а всё равно запомнил окрашенные в оттенки синего и серого небеса, цветные сполохи на севере, там, где находился город Серов, багровые росчерки пылевых облаков и размазанную, тусклую кляксу Солнца. Если случалась затяжная гроза, или, скажем, ураган, особо не пугались – и не такое видали. А ночью, бывало, творилась настоящая чертовщина! Небо начинало светиться, полыхали зарницы, словно опускался мерцающий, клубящийся занавес. Деревья, дома, люди – всё окутывалось призрачным сиянием. В воздухе плыли огненные шары. Металл искрился… м-да, эти спецэффекты, как называл природные чудеса Захар, остались в прошлом. В настоящем только дожди – серая и нудная морось.

Начинался день нормально. Скажем так: особых проблем утро не сулило, что уже неплохо. Мутный свет едва просочился через пыльное, с треснувшим стеклом, окошко в зябкую и сумрачную комнату. Всё серо и привычно до тошноты. Желания выбираться из-под одеяла никакого, и я прикинулся спящим. В конце концов, праздник у меня, или как? Тихо, на грани слышимости, заплакала банши. Этот плач не по мне, но я, на всякий случай, показал ей фигу – бережёного Бог

бережёт. Из кухни просочились вкусные запахи, дверь приоткрылась, и я сквозь прищуренные веки стал наблюдать, как Витька готовит завтрак. Весело затрещали полешки, чёрный от копоти чайник плюнул кипятком, брызги зашипели на раскаленной плите. Поплыл и стал перемешиваться с запахом дыма и казармы аромат отвара из смородиновых листьев и мяты.

Ренат тоже не торопился вылезать из тёплой постели; замотался в одеяло с головой, будто спит. Только видно же – проснулся. То на один бок повернётся, то на другой.

Ольга и Слава Кабан в подвале; смертников положено сторожить. Конечно, из Посёлка некуда бежать. В лес удерут, и что? Долго там не протянут, хотя, если подумать, всяко дольше, чем на виселице.

В участке, по причине раннего времени, только мы. Сам участок – серое двухэтажное здание рядом с площадью. Когда-то кирпичные стены сверху донизу покрывал синий мох. Потом его потравили. Обычный мох не цветёт, но этот был какой-то особенный – каждую весну на нём распускались мелкие цветочки. Такой аромат стоял – голова шла кругом. Красиво было: стены синие, цветы белые. Выморили эту красоту, потому-что из-за сладкого духа добротное здание пустовало. Теперь здесь милиция, и, заодно, наше общежитие.

Людей в Посёлке больше не становится, совсем наоборот, потому незанятых домов навалом, выбирай, какой нравится. Если ты совсем с претензиями, можно и терем отгрохать, леса вокруг полно, стройматериалом поселковая власть обеспечит. Только хлопотное это дело, дом содержать! Конечно, семейным, а тем более с детьми, деваться некуда. Для таких лучший вариант – тёплая изба. Но многие предпочитают жильё попроще: селятся в панельной четырёхэтажке. Сдаётся мне, жить в ней – та ещё канитель: и зимой холодно, и во двор, если квартира на самом верху, по всякой нужде не набегаешься. Это раньше людей размещали, где придётся. Сейчас, кому надо, давно жильём обзавелись. А нам и так хорошо. Опять же, до работы рукой подать. Одёжку натянул, по лестнице спустился – и на службе.

Спальня небольшая – впятером тесно – зато сквозняков нет. Ольга угол занавесками отгородила, а мы так. Кровати, шкаф, тумбочки, ничего лишнего. Казарма, она и есть казарма. Выкрашенные в синий цвет стены; краска местами отвалилась, оголив грязно-серую, заплесневелую штукатурку. На потолке жёлтые разводы, кое-где

вздулись пузыри. В углах – пучки сухого комарника, чтобы летучую и ползучую гнусь отгонять. Над кроватью Рената пришпилена картина. Глаз не оторвать: голубое небо, зелёное море, чудные растения, с огромными листьями на верхушке голого ствола – такие деревья пальмами называют. Ещё там красивая, почти без одежды, женщина. У неё странные двухцветные волосы, неестественно яркие губы, тело сияет в солнечных лучах, а глаза синие-синие, будто васильки. Зубы, понятно, ненастоящие, вставные, как у Славки, потому что не бывает таких белых зубов. Ногти тоже удивительные, длинные, блестящие, да ещё и разноцветные. На них что-то нарисовано.

Знающие люди объяснили мне, наивному, что эта картина плакатом называется. Нет в ней особой художественной ценности. Бумага пожелтела, краски выцвели, один угол оторвался, но всё равно – глаз не отвести! Я в жизни не видел ни моря, ни пальм. И никогда, наверное, не увижу. И таких женщин, скорее всего, не увижу. И даже не узнаю, остались ли на Земле море, пальмы и такие странные женщины…

А насчёт художественной ценности одно скажу: красиво же! Сейчас такую красоту днём с огнём не сыщешь. А если найдёшь – не купишь, денег не хватит. Может, даже, и на куль сахара не выменяешь.

На сковороде зашкворчало мясо, и желудок громко напомнил о себе. Значит, пора вставать. Я на цыпочках пробежался по холодным и неприятно скрипящим половицам к рукомойнику. Вода за ночь остыла – никто не потрудился налить тёплую – и тело прошибла мелкая дрожь. Ещё нужно побриться, как-никак, намечается участие в общественном мероприятии. Закончив с утренней гигиеной, я оделся. Выбежав на улицу, я первым делом увидел ящерицу, да не простую, а шестиногую и бесхвостую; среднюю пару лапок тварь волочила по земле. Пользы от этого безобразия никакой, только помеха, да ничего не поделаешь: раз такой уродилась, надо приспосабливаться. Пока я справлял нужду, ящерка неожиданно шустро забралась на сапог, видно, перепутала с камнем. Отдых у зверушки, не задался. Пока она раскорячивалась, устраиваясь поудобнее, я брезгливо дрыгнул ногой, и нет ящерки. Кувырком улетела в заросли крапивы.

Когда я вернулся в дом, подоспел завтрак. Устроились мы за неказистым, сколоченным на скорую руку из берёзовых досок, столом. Тёмная, отполированная локтями, столешница изукрашена

вырезанными ножом рисунками и надписями. Изображены там лесные чудища и голые красотки. Коряво намалёвано; как умеем, так и рисуем. Но сейчас этой живописи не видно, поверх неё застиранная до дыр скатёрка разложена. Посередине стола – большая сковорода, наполненная шипящими, невозможно душистыми ломтями свинины, вперемешку с жареным луком. На тарелочке – кубики сала, густо присыпанные чесноком. Грязно-коричневые, неровные комки сахара в деревянной чашечке и горстка соли в старой помятой жестянке от армейской тушёнки. Алюминиевые кружки ждут, когда их заполнит душистый отвар. Граждане так едят по праздникам, и то – не все. Но мы – не какие-то поселяне, нам положено.

Народа в Посёлке много, может, полтысячи, а может и больше. Точнее сказать не берусь, переписями у нас Асланян занимается. В лицо я всех помню, большинство по имени назову, и не ошибусь. Если что-то про кого и не знаю, у Ольги спрошу. А пересчитывать их – кому надо, пусть и пересчитывает.

Нужно всю эту ораву накормить. Проблема, конечно! Но вот что я скажу – от голода ещё никто не помер, а это не так мало, если учесть, в каких условиях живём. Многие с пониманием к трудностям относятся – люди в жизни разное повидали, да жизнью этой биты-перебиты. Молодых у нас можно по пальцам пересчитать; кому полвека не стукнуло, те и считаются молодёжью.

До Катастрофы в Посёлке находилась строгорежимная зона, отсюда и пошла такая невесёлая демография. Уже тогда почти всем было за тридцать, да после два десятка лет минуло. Но кое в чём нам повезло – неподалёку располагалась женская колония. Так что не остались люди без любви и ласки. Одна баба на троих мужичков – не густо, и даже, местами, хлопотно, но всё же лучше, чем совсем без них, верно? Повезло нам и с другим – имелась какая-никакая инфраструктура. От прошлой жизни остались больница, промзона, швейный цех в женской колонии. Ткани, нитки, оборудование и склад, под завязку затаренный одеждой – это, я скажу, дорогого стоит.

Потом мы и сами научились кое-что делать, а сначала…

На первое время хватило медикаментов, одежды и оружия, а вскоре подоспела нежданная подмога. Клыков – командир специального отряда, привёл большую группу беженцев с разорённого севера, оттуда, где находилось управление всеми окрестными

лагерями. Клыков и два десятка его бойцов пришлись ко двору, а главное, эти люди сумели доставить кое-какую технику, привезли оружие и боеприпасы.

Так мы и выжили.

Граждане приспособились, меж собой худо-бедно ладят. Поселяне стараются нас, ментов, без особой надобности в свои дела не впутывать, сами вопросы решают, но и нам скучать не дают. Часто для восстановления законности хватает зуботычины. Только люди разные, и случаи, соответственно, разные! С одним достаточно душевно пообщаться, чтобы осознал и исправился, другому нужно побывать за Оградой на лесоповале; после этого взгляды на жизнь, обычно, меняются, не узнать человека – куда весь норов делся! Можно ещё недельный паёк урезать – очень действенно в плане воспитания. Хуже, когда приходится чрезвычайные меры применять, неприятно это, но такая уж наша работа.

Уплетал я мясо, а мысли вокруг предстоящего мероприятия вертелись. Не впервые людей вешаем. Я с детства всякого навидался, и такие дела меня не сильно трогают: надо – значит, надо! А на душе пакостно. Не чужих казним – своих, поселковых. Всю жизнь с ними бок о бок. Заслужили они мерзкими поступками такую участь, а всё равно жалко. Ладно, сделать, и забыть.

– Как думаешь, сегодня вздёрнут? – поинтересовался Ренат, наливая себе чай. Видно, о том же, о чём и я, думал.

– Это как пить дать, – ответил Виктор. – Чего тянуть? Дождь, поди, скоро стихнет, значит, люди соберутся. Сегодня обязательно!

Мы стали набивать трубки табачком, когда Ренат забеспокоился.

– Слушай, Вить. А ты смертников накормил?

– Чо-та забыл, – лениво ответил Виктор, выдыхая облачко горького дыма.

– Тебе, Витёк, хорошо, – сказал Ренат, – а им не позавидуешь. Спустись к ним, что ли. Угости горемык табачком.

– И накорми, – проявил я заботу, не изверг же.

– Потерпят, – отмахнулся Виктор. – Недолго им. Чего зря добро переводить?

– Ну и сиди, грей задницу, – беззлобно проворчал Ренат. Он собрал со стола еду, и сам ушёл в подвал.

– И на фига? – бросил ему вдогонку Виктор. – Добренький!

Под сапогами заскрипели ступени; вошли Сашка с Игорем, а следом – Захар. Пришедшие развесили мокрые дождевики на вбитые в стену гвозди, и расселись за столом. Сделалось шумно, тесно и сыро.

– Готовы? – спросил Захар. Мы всегда готовы. Он в курсе, что мы всегда готовы, но всё равно спросил. Дело предстоит не рядовое. Поглазеть на зрелище соберётся толпа, может случиться всякое. Наша забота, чтобы этого «всякого» не случилось.

Последним, небрежно стряхнув капли дождя с потемневшей от влаги брезентовой накидки, явился Степан Белов; обшарпанный, весь перекрученный изолентой «калаш» клацнул о столешницу; накидка полетела на пустую скамью. Рукопожатие у Степана такое… будто рак клешнёй хватанул: жёсткое и цепкое. Сложения дядечка не богатырского, и возраста солидного, а посмотришь, как придвинул ногой табурет, да с каким видом на него уселся, и понимаешь, кто здесь главный. Притихли ребята. Степан зыркнул из-под лохматых серебряных бровей тускло-серыми глазами; взгляд – что бритва; порезаться можно. Степан и сам такой: острый да колючий. С виду – худощавый человечек, лицо исполосовали морщины, лысина сквозь редкую седину розовеет. Только сразу чувствуется – лучше этого дядю не трогать, поранишься. Его у нас кумом величают, не каждому дозволяется называть его Стёпой. Мне иногда можно.

Виктор налил Степану чай, тот кончиками пальцев отодвинул кружку в сторону и поинтересовался:

– Как настроение?

– Как обычно, Стёп, – отчеканил Захар. – Бодрое.

– Хорошо, что бодрое, – похвалил кум. – Арестанты как? Не психуют?

Захар посмотрел сначала на меня, а потом на вернувшегося из подвала Рената.

– Тихие сидят, – доложил Ренат, – словно мышки. Проблем не будет.

– Кабы точно знать! Жить-то всем охота. Им, стало быть, тоже помирать не хочется. Начнут дёргаться – так и вы не церемоньтесь! Главное, чтобы всё прошло гладко. Значит, поступим так. Захар, ты со своими орлами поведёшь гавриков на площадь. А со мной сегодня… – Степан посмотрел, словно взвесил, измерил, а потом ткнул пальцем в меня. – Вот Олег сегодня мне поможет.

– Олег? – переспросил Захар. – Почему Олег?

– Потому что я так хочу, – Степан криво ухмыльнулся, тускло блеснули металлические зубы. – Ты говорил, что доверяешь ему, как себе! Или засомневался?

Захар пожал плечами, мол, ты начальник, тебе виднее.

Тогда и царапнуло беспокойство – пока едва заметно. Сразу вспомнились дурные приметы: сперва банши, потом ящерка шестиногая. Стало ясно – хорошего ждать не стоит, день рождения насмарку. Арестантов отконвоировать – одно, а самому их жизни лишить – совсем другое. Так мы не договаривались! Хоть бы предупредили заранее, что ли! Без меня за меня решили, а спорить… с кем спорить, с кумом? Нет уж!

– Вот и славно, – одобрил молчаливое согласие Степан. – Давайте, значит, за то, чтобы без проблем.

Витька, словно ждал команду, тут же притащил бутыль шнапса. Прозрачный, очищенный, на дубовой коре настоянный; не самогон – чудо. Мы сдвинули кружки. Ну, по маленькой, чтобы, значит, всё прошло нормально. А потом неплохо бы покурить. Махру завернули в бумагу – пожелтевший, пахнущий пылью и чем-то горьким и едва уловимым, обрывок той ещё, настоящей газеты. Степан расщедрился, своих запасов не пожалел. Прежняя бумага не похожа на сделанную в Посёлке. Наша грубая, толстая, и с маленькими щепочками внутри. Писать на такой ещё как-то можно, а самосад лучше в сухие листья заворачивать, если трубка не нравится.

Выпивка немного расслабила, у кума лицо разгладилось, и взгляд перестал колоться. Хорошо сидеть в тёплой кухне, однако, и работать надо. Ребята двинулись к выходу. Я тоже дёрнулся, но Степан придержал: сиди, мол – ещё успеешь. А потом, когда мы остались с глазу на глаз, спросил:

– Не боишься? Без привычки человека трудно порешить.

Равнодушно поинтересовался, спокойно. И ободряюще так, будто волк зайцу, улыбнулся, а взгляд, нацеленный мне в переносицу, вновь сделался острым.

– Случалось, убивал, – ответил я небрежно, хотя, если честно, кисло на душе стало.

– Ты чужака, что ли, вспомнил? – спросил Степан, не пытаясь скрыть ехидство.

– И что же, что чужак, – пробурчал я. – Чужак, он тоже человек.

– Ну-ну, – хмыкнул Степан, – вот и посмотрим.

Он достал из-за пазухи фляжку, и снова налил: мне куда больше, чем в первый раз, а себе на донышко. У кума особенное пойло, крепкое, полынью и разными душистыми травками пахнет. Не часто мы его пробовали, да не очень и надо – к такой выпивке привычка нужна. Но сейчас всё равно, лишь бы успокоиться. Ладони вспотели, мурашки по спине. Ещё ничего не случилось, а я весь извёлся. Скорее бы закончить, что ли!

– Пей уже. Что, как девка, воображаешь?

Тут я заметил, что кружку в руке держу, а мысли где попало шляются. Не то, чтобы я против выпивки, у нас, если не пить, можно свихнуться. Запросто! Навидался бедолаг: скачут по улице, слюни пускают. Этим дорога в лес, потому что медицина бессильна. Сыча, для примера, возьми… ладно, не в нём дело!

Я проглотил горькое пойло, льдинка внутри тут же растаяла, вместо неё разгорелся пожар. Незаметно переведя дух, я сунул в рот кусочек сала. Желудок с изрядной дозы узлом завязался, а обратно так и не развязался. В ушах зазвенело, будто приставучий комар над головой повис.

Пора! Надел я сто раз штопанную-перештопанную, до белизны застиранную куртку. Красную повязку на рукав, чтобы видели – человек на службе. Личный «макаров», до мельчайшей царапинки знакомый, до последней заусеницы родной – в кобуру. Четыре патрона в обойме: каждый на вес золота, если хоть одного не досчитаюсь – голову открутят!

– Ты вот что для себя реши, – перед самым выходом напутствовал меня Степан, – Они уже покойнички. Ходят и дышат – но всё равно уже покойнички. Им без разницы, кто их удавит – ты, или Захар. Подумай так, и будет проще.

Степану хорошо говорить – он в этом деле спец! Не впервой ему людей на тот свет отправлять: кого законно, по приговору, упокоил, а кого, болтают, и втихую порешил. Люди много брешут, нельзя всему верить – но в это верится, ведь не ради удовольствия он этим делом занимается, а для безопасности Посёлка. Кто-то и такую работу должен выполнять, верно?

Пошли мы. Степан через лужи скачет, да так ловко у него выходит – кажется, и брызги из-под сапог не летят. Я сзади – еле поспеваю. Отчего-то ноги стали ватными, а в глазах помутилось; употреблять с утра в больших количествах не всегда полезно. Чтобы совсем не отстать, я побрёл, не разбирая дороги. Лужа, так лужа, и что? Везде эти лужи!

Миновав правление, мы подошли к площади. Раньше здесь ржавел памятник в виде серпа и колосьев. Поставили его в стародавние времена, задолго до катастрофы, сейчас уж не вспомнить, кому, и по какому поводу. Землю вокруг памятника выложили каменной плиткой – хорошее получилось украшение пейзажа. Однажды, перепив самогона, в это украшение на бульдозере въехал Пупок: повалил и раскурочил. Сильно мужика за то поколотили, сгоряча хотели шлёпнуть, но, когда увидели, что трактор уцелел, пожалели. Восстанавливать памятник не стали, каменную плитку люди растащили для своих нужд, а та, что осталась нетронутой, сначала раскрошилась, а потом и вовсе утонула в грязи.

Теперь площадь – просто пустое место, посреди неё иногда устанавливают виселицу. Сооружение несложное: два столба, поперечина, две петли с блоков, закрепленных наверху, свисают, и два крюка в столбы загнано. Издали на детские качели похоже, только побольше, и предназначено совсем не для развлечения.

Мы подошли от правления, а зрители по другую сторону площади собрались. Около виселицы дружинники редкой шеренгой встали. Серьёзные ребята, в новеньких куртках, у кого зелёный платок на рукав повязан, а у кого и на голову – не так, как бабы носят, а по-особому, вроде шапки. Кто небрит, а кто и вовсе бороду отрастил. «Калашниковы» не у всех, но если у кого нет автомата, у того ружьё. И, могу спорить – заряжено не мелкой дробью.

Дружина, как и милиция, именуется народной. А как же? У нас всё для народа и во благо народа. Дружинники на этот самый народ смотрят, а люди близко не подходят, издали за процессом наблюдают. Толпа растёт, кто-то привёл детей, чтобы посмотрели на поучительное зрелище. Одеты все по-разному: в засаленные фуфайки с торчащими клочьями ваты, в грубо выделанные кожаные куртки, в рабочие спецовки. Обуты люди, в основном, в пошитые нашими умельцами

сапоги, а те, кто попроще – и вовсе в лапти, потому что сапогов на всех не напасёшься.

Жмутся собравшиеся под брезентовыми навесами, хотя дождь прекратился. Барачники тоже здесь – эти в кучу сбились, остальных как бы не замечают, и граждане их сторонятся. Все ждут.

Кум отошёл, я один под виселицей остался. Смотрю, как лёгкий ветерок петли колышет. Верёвки намокли, разбухли, с них капельки воды на землю падают, а под ними большая лужа образовалась.

Вот и конвой появился – ведут смертников. Те понуро шлёпают по раскисшей земле, ссутулились, руки за спиной наручниками схвачены. Кажется, осуждённые мыслями уже в могиле. Их, как и положено, с этого света на тот отец Алексей провожает. Для тех, кто ещё во что-то верит, он вроде попа, большинству же давно плевать на высокие материи, разобраться бы с земными делами.

Отец Алексей, задрав, чтобы не забрызгать, подол чёрного халата, спешит за смертниками, а тем до него и дела нет. Их сейчас другое волнует. И меня, кстати, тоже: вдруг показался чрезвычайно важным один вопрос – который из них мой? Казалось бы – какая разница, кого я вздёрну? Но если уж всё равно кого-то придётся, пусть это будет Сыч!

Тот, кажется, ничего вокруг не замечает, ему и жить-то, верно, не хочется. Какая душегубу в Посёлке жизнь после того, что натворил? Барачники тоже люди, а этот нажрался дурмана, взял топор и… в общем – два трупа. Неизвестно, сколько ещё успел бы Сыч наворотить, но люди остановили. Крепко его поколотили, чуть дух, убивец, не испустил, да мы подоспели. Когда Сыч очухался, белый свет ему не милым стал. Осознал, идиот, что наделал, и превратился из человека в побитую собачонку: выл и скулил, да поздно – теперь не исправишь! Ему один путь – на виселицу, а остальным урок – не жрите хмель-дурман.

А Петра Партизана даже немного жаль. Из другого теста он слеплен: покрепче Сыча, и позлее. Идёт уверенно, хоть и прихрамывает, глазки зыркают исподлобья, ухмылка в бороде прячется. Пётр дурманом и барыжничал; Сыч не отпирался, сразу выложил, где запрещённую травку брал. Партизан – опытный лесник, человек уважаемый и для Посёлка нужный. Может, я один так думаю, но петля для него – чересчур. Его бы пожалели, если бы не другие

грешки – любил он, значит, ножом помахать. За это, так сказать, по совокупности, вышку и получил.

Бой на ножах – тоже драка, только по правилам. Мы это дело не одобряем, но разве за всем уследишь? Живут люди за Оградой, друг другу осточертели. Сотня обид накопилась, жизнь такая поперёк горла встала. Нервы звенят, как струны, нет-нет, да сорвётся кто-то. Хорошо, если дело простым мордобоем закончится, а могут и за ножи схватиться – какая мелочь причиной станет, поди-ка, угадай! Лучше пусть дерутся по правилам и в специальной защитной одежде; и у драчунов пар выйдет, и болельщикам развлечение – сплошной позитив!

Чаще всего дело обходится без увечий, тогда и мы делаем вид, что не заметили. Когда отвернуться не получается, в целях профилактики пожурим, самое большее, наш, опять же народный, суд пошлёт за Ограду, лес валить. В каждом деле нужна осторожность, а в такой драке - особенно. Если сильно кто кого подранит, или, что совсем худо, насмерть зарежет, с того и спрошено будет иначе. Высшая мера такому драчуну реально светит. Партизану же до поры, до времени сходило с рук, Степан его трогать почему-то не разрешал. Имелись у меня кое-какие соображения по этому поводу, но я держал их при себе. Кому охота, пусть сами суют нос в дела кума, а я посмотрю, да посочувствую.

После того, как Сыч устроил бойню, стало ясно – допрыгался Пётр. Всё ему припомнилось, не только хмель-дурман. Честно говоря, к запрещённой торговле наркотой лишь прицепились, и накрутили по максимуму.

К слову, о хмель-дурмане: никакой это на самом деле не наркотик. Если человеку дурь нужна, не хмель он будет покупать. Есть кое-что поинтереснее. К примеру, грибы такие растут, если хорошо поискать, даже внутри Посёлка встречаются – собирай, суши, да балдей. Кому надо, те в курсе, а остальным об этом знать ни к чему… Хмель же, наоборот, полезное и нужное растение, много жизней спас. Может, без него у нас вполовину меньше людей осталось бы.

Не просто так дурман приравняли к наркоте. Обратили на него внимание лет десять назад. Пришла в чью-то светлую голову идея – пиво сварить, уж очень дурман похож на обычный хмель, который в этих местах совсем исчез. Как распробовали, что за напиток

получился, поняли – непростое это пойло, ох, непростое! Умники ничего толкового сказать не могут, послушаешь, и мысли окончательно в голове перепутываются. Вроде бы и не наркотик это, привыкания к нему, в обычном смысле, нет. Архип называет хмель мудрёным словом «биостимулятор». Нормальному поселянину что интересно? Разжевал шишечку, и жизнь кажется ясной, как безоблачное небо, настроение поднимается, силы прибывают, а любая боль – и душевная, и телесная – отступает. Никакая выпивка так не радует, и похмелье наутро не мучает!

Но это лишь побочное действие. Содержится в дурмане чудо-вещество невероятной силы, если выделить его в чистом виде, то никакого тебе опьянения, зато любая хворь отступает. Не само это вещество лечит, оно умеет так настроить организм, что тот начинает в два счёта с болезнями справляться. Даже со смертельными. Всё бы прекрасно, да есть один момент: привыкнешь к дурману, и будешь всю жизнь его жевать, потому что организм разучится сам за себя бороться. Принимаешь лекарство – хорошо. А нет – угаснешь за три дня. Старые болячки повылезут, ещё и новые появятся. Потому не всем такое лечение показано, а лишь тем, кто по-другому всё равно помрёт.

И получается, что хмель-дурман – полезное, даже незаменимое, растение. Лесники ради него по лесу рыщут. Что находят, они обязаны докторам сдавать, за это им почёт, уважение, да усиленный рацион, какой даже нам, ментам, не снился. А чтобы люди запретами не возмущались, и придумали байку, что это наркотик. Оно и правильно, хорошего мало, если здоровый человек, привыкнув к этой травке, без неё хворать начнёт.

А Партизан побарыжить решил!

Над площадью повисла тишина: слышно, как хлюпают по лужам сапоги. Неожиданно из малюсенького просвета в облаках блеснул лучик, и всё засверкало; порадоваться бы солнышку, да что-то нерадостно. Наоборот, ещё муторнее стало.

Люди расступились, пропуская арестантов. Кто-то свистнул, барачники начали выкрикивать оскорбления – но вяло, без азарта. Дружинники подобрались, оружие залязгало.

– Принимайте голубчиков, – сказал Захар.

Степан кивнул.

– Осужденные, подойдите!

Те прошлёпали по луже, и встали рядом с нами; вид несчастный, головы понурены.

– Отец Алексей, – продолжил Степан, – грехи отпустил? Ничего не забыл? Тогда свободен.

Поп резво удалился. Любопытные стали протискиваться в первые ряды; интересно вблизи на дело посмотреть. Пока тихо, но скоро толпа прихлынет вплотную к дружинникам. Те лениво проверяют оружие. Самых шустрых уже приходится отгонять. Начинается вялая и почти беззлобная перебранка.

Когда растворилась дверь Правления, и на площадь вышел Терентьев, зародившийся было гул, оборвался, и снова повисла тишина.

Хозяин, он и есть Хозяин. Ни роста особенного, ни силы. И годы солидные – шесть десятков точно разменял, а выглядит и того старше. Одет просто, половина мужчин в Посёлке так одевается: чёрный ватник, рабочие штаны, да стоптанные сапоги. Только сапоги эти кирзовые, значит, взяты из старых запасов.

Появился этот человек, и люди притихли. Терентьев неловко перепрыгнул через лужу, ноги заскользили по грязи, замахав руками, он с трудом удержал равновесие, а над площадью по-прежнему висела тишина, я не услышал ни одного смешка. Сергей Владимирович неспешно подошёл к нам. Его рука взметнулась вверх, призывая к вниманию. Немного выждав, Терентьев, заговорил:

– Граждане Посёлка! Товарищи! Мы собрались здесь, чтобы восторжествовала справедливость. Вы знаете, в чём обвиняются эти люди, – Хозяин указал на приговорённых. – Мы считали их друзьями, мы верили им! А они посягнули на святое! На жизнь и здоровье людей, а, значит, на благополучие каждого из нас, всего Посёлка! Вы знаете, какой приговор вынес суд! Но, может быть, кто-то считает, что этот приговор слишком суров? Тогда скажите об этом сейчас, пока есть время что-то изменить!

Терентьев ждал, что ответят люди, а люди ждали, что случится дальше. Прошла минута. Хозяин обернулся к смертникам:

– Хотите что-то сказать? Нет? Отлично! Нечего тянуть! Начинайте!

В этот миг я заволновался по-настоящему. Нахлынуло так, что руки затряслись; почувствовал, наконец, что сейчас я убью человека.

Не важно, какие за ним грехи. Он беззащитен, а я своими руками… ладно; надо, значит надо. Дурь выветрилась из головы. Язык сделался шершавым и сухим, да в ушах сильнее зазвенело. Как бы не оплошать при всём народе? И сердце затрепыхалось, и ладони влажными стали. Эх, ещё бы из фляжечки степановой хлебнуть, да, наверное, нельзя.

Что-то кум про меня понял. Зашептал:

– Не трясись. Кто-то должен это сделать, почему не ты?

Я кивнул, не волнуйся, мол, не подведу. А Степан ловко скрутил две сигаретки: одну Партизану, другую Сычу. Посмолите, ребята, вам напоследок полагается. Самокрутки догорели, и кум повёл Сыча к петле. Значит, мой – Партизан.

– Пошли, что ли, – сказал я.

– Ну, пошли, Олежка, – усмехнулся лесник. – Да ты не дёргайся. Давай быстрее закончим.

Вот гад! Издевается, что ли? Совсем пакостно мне. Вспомнились байки про лес, которые нам, сопливым пацанятам, травил лесник. Красиво рассказывал – заслушаешься! Но сейчас, дядя Петя, лучше помолчи. Ты всё равно покойник, а вам, покойникам, разговаривать не положено.

Стал я затягивать петлю, а Партизан голову задрал, подставляя шею, будто помочь мне решил. Бородища-то колючая, пока я верёвку как надо приладил, сто раз чертыхнулся. Кое-как, с грехом пополам осилил я это дело. Дальше что?

Степан своего вздёрнул. Сноровисто у него получилось. Свободный конец веревки к крюку прицеплен, можно, сунув руки в карманы, понаблюдать, как человек мучается. А Сыч ногами кренделя выделывает, аж перекладина ходуном ходит. Толпа заволновалась, смешки послышались. То ли надо мной, неумёхой, ржут, то ли над коленцами Сыча. И-эх! Потянул я обеими руками. Захрипел Партизан. Тяжелый! Ощущение, будто гигантская рыба на удочке бьётся. Верёвка из мокрых ладоней выскальзывает. Что делать? Сейчас уроню – позорище будет! Всё ниже Партизан, ноги по луже колотят, грязь и брызги во все стороны. Степану спасибо, вырвал у меня верёвку, и закрепил, как надо. Повисли они рядышком, Сыч почти затих, а Партизан ещё полон сил.

– Хватит! – крикнул Хозяин. Степан будто этого и ждал, у него в руке оказался нож. Пара быстрых движений, и верёвки обрезаны.

Висельники, как перезревшие яблочки, плюхнулись в лужу, а мне осталось только рот раззявить. Застыл я, с головы до ног обляпанный грязью и брызгами. До меня не сразу, но дошло: казнь-то, получается, не настоящая. Выходит, напрасно я нервничал? Могли бы предупредить, гады!

Бывало, и раньше смертников миловали. В последнее время всё чаще Терентьев отменял приговоры. Но чтобы щадили убийц – такого не припомню! Можно понять и простить, если кто-то по недомыслию, или в пьяном угаре дурость сотворит, а потом искренне раскается. Такой немного повисит, и – за Ограду, хмель собирать. Можно ещё на охоту человека отправить. Не одного, конечно, а с настоящими лесниками. Одному – неминуемая гибель, а так, глядишь, живой вернётся. И будет ему урок на всю оставшуюся жизнь. А если в лесу сгинет, так с пользой – другим пример и предостережение. Но убийц не жалели! До сегодняшнего дня – никогда.

И всё же хорошо, что так повернулось. Не стал я палачом! Застыл я, пугало из себя изображаю, а сам чувствую, волнение потихоньку улетучивается.

Смотрю, Сыч в луже, лицом вниз. Сил на ноги подняться не хватает. Да что там, на спину перевернуться не получается. Захлебнулся бы, наверное, если б петля шею не стянула. Можно подумать, уже преставился, горемычный, но нет, ноги изредка подёргиваются. Зато Партизан хрипит и корчится, глаза выпучились, лицо налилось кровью, а борода пропитавшись водой и грязью, превратилась в неопрятный клок. Перевернул Степан Сыча, раз – ножом по верёвке, два – выволок из лужи, а тот даже встать не попытался, глаза в серое, с голубым просветом, небо уставились, кажется, и не моргают.

– Чего застыл? – крикнул Степан. – Освободи Петра! А то, не ровен час, помрёт!

Я окончательно пришёл в себя, вижу, Силы у Партизана заканчиваются. Я к нему, петлю кое-как ослабил. А Хозяин заговорил о принципах гуманизма, о ценности человеческой жизни, о том, что в наше время общество не должно слепо мстить, а должно предоставлять возможность осознать и искупить. А потому, на основании вышесказанного, смертная казнь заменяется высылкой из Посёлка. Всё это я слышал краем уха, а сам радовался: поживут

немножко, смертнички. Глядишь, будет у них в этой жизни что-то хорошее. Даже если вскорости пропадут за Оградой, я тут ни при чём.

Тишина, повисшая над площадью, заполнилась бранью и свистом. Я не понял, одобряют люди, или наоборот. Барачники, те недовольны – они всегда и всем недовольны. Но пока оторопели, что-то меж собой обсуждают. Ещё бы, их такой поворот сильно удивил.

Партизан тяжело поднялся на ноги. Он весь перепачкался грязью, а с бороды, с волос и одежды потекли струйки мутной воды. Ух, как его шатает!

А Сыч, видно, сообразить не может, на каком свете находится. Встал на четвереньки, из горла сиплый свист, голова, будто маятник, из стороны в сторону мотается.

– За ворота этих тварей, – бросил, уходя, Терентьев.

Захар и ребята своё дело знают. Сняли наручники, потащили Сыча и Партизана под локотки. Дружинники вокруг них сомкнули кольцо, оружие в боевой готовности, на случай, если гражданам придёт в голову самосуд учинить. Мы с кумом, что требовалось, сделали, дальше обойдутся без нас.

– Пошли, Олег, – сказал Степан. Я побрёл за ним, через площадь, мимо Правления, вглубь одичавшего, заросшего малиной и крыжовником, яблоневого сада. Когда мы оказались среди мокрых кустов и деревьев, он сунул мне в руки фляжку.

– На, хлебни, – сказал он. Я глотнул, будто воду. Ни вкуса, ни запаха не ощутил, а желудок вывернуло наизнанку. Еле успел я в кусты нырнуть.

Когда рвотные спазмы прекратились, стало мне легко и радостно. Перед Степаном я опозорился, только на это сейчас плевать. Утерев рукавом слёзы, я ещё раз приложился к фляжке. Теперь совсем хорошо!

Кум задумчиво смотрел на меня, видно опять что-то для себя решал.

– Сегодня отдыхаешь, – сказал, наконец, Степан. – Можешь напиться, можешь по бабам. А можешь – и то и другое.

– Да нормально, – пробормотал я. – Почти нормально… скажи, ты знал, что казни не будет?

– Не знал. Никогда не знаешь, что решит Хозяин. То есть, Партизана бы он точно помиловал, а насчёт Сыча были у меня

сомнения. Тебе какая разница? Повесили, не повесили, не в этом дело. Дело в другом… – Степан вонзил в меня взгляд. – И как тебе? Трудно убить человека?

– Да, – честно сказал я. Чего врать, по мне прекрасно видно.

– Но можно, верно? Однажды переступишь через себя, а дальше легче будет.

– Не знаю, – сказал я. – Не хочу пробовать.

– Мало кто хочет, – вздохнул Степан. – Но кто-то должен, и никуда от этого не деться. Потому что такая она, жизнь наша. Главное, чтобы в привычку не вошло, и не стало в радость. Держи подарок. Ты ж у нас именинник, отметь это дело, как следует.

Степан отдал мне нож, которым он перерезал верёвки. Я взял, даже, помнится, поблагодарил. И пошёл выполнять распоряжение кума. Напиваться.

* * *

– Зацени, какую штуку мне Степан подарил!

Я достал из кармана нож. Разноцветная ручка, набранная из оргстекла, удобно легла в ладонь, тускло блеснуло лезвие. Бум! Я всадил нож в столешницу, и теперь он торчит меж бутылью, и миской с малосольными огурчиками.

– Как тебе? – спрашиваю я. Захар переводит взгляд с оружия на меня. Глаза его хитро сощурены, под вислыми усами прячется лукавая ухмылка. Только напрасно он так смотрит. Я-то знаю: нет в нём ни грамма хитрости. Много чего есть, а этого нет. Помню, когда я был пацанёнком, он усаживал меня на колени, а я просил рассказать «сказку про войну». Эх, как хорошо-то было: улучив момент, я дёргал дядьку Захара за ус. Главное в этом деле – суметь удрать. Замешкался – на тебе увесистый шлепок!

Плохо, что он тоже помнит мои проказы. Подозреваю, что я для Захара так и остался пацаном, значит, и отношение ко мне соответствующее. Но я всё равно его уважаю: хоть он мой начальник, но мужик душевный. Вчера за пьянку в рабочее время ждала бы меня серьёзная взбучка. Получил бы я в зубы, и месяц занимался бы исключительно разруливанием шумных бабьих свар. Сегодня – не так. Захар сидит напротив, а в кружки налит самогон. Случай особый. Во-первых, праздник у меня, а во-вторых… во-вторых, Степан Белов приказал напиться, приходится исполнять. Хорошо, что рядом Захар.

Потому что, когда один, выпивка не радость, а сплошное мучение. Опять же, и поболтать с кем-то нужно.

Душевно сидим. Говорим о дельном, о пустяшном, и о сущей ерунде.

Захар выдёргивает нож из столешницы, пробует лезвие, взвешивает оружие на ладони.

– Красив, чёрт! – в голосе Захара нескрываемое восхищение. – Ничего не скажешь, красив. Получается у Степана такие штучки делать. Мастер!

Захар цепляет на кончик ножа огурчик, а мне говорит:

– Наливай, юбиляр.

Два десятка лет прошло с тех пор, как я появился на свет. Тогда это никого не обрадовало – некому было радоваться: имя отца неизвестно, а мать умерла после родов. И что прикажете делать с малышом? Люди не знали, как самим выжить, а тут я! Не ждали? Сюрпри-и-из! Терентьев решил: что вышло, то вышло – родился, так живи. Фамилию мне дали Первов, потому что я был первым, рождённым после Катастрофы, а назвали Олегом. Что-то с этим именем у Терентьева было связано там, в прежней жизни. Бездетная одинокая женщина согласилась за дополнительный паёк попробовать выходить нежеланного младенца, и у меня хватило наглости выжить. Спустя ещё какое-то время сделался я всеобщим любимцем, Клыков называл сыном полка, Терентьев своими руками мастерил для меня игрушки. К слову, игрушек было навалом, и самодельных, и оставшихся у людей от той жизни – всё несли мне. Каждый норовил хоть чем-то порадовать шустрого малыша. До трёх лет я был единственным выжившим ребёнком, появившимся на свет после катастрофы. Это после женщины, глядя на меня, перестали бояться рожать, и даже принялись делать это с каким-то азартом, словно бросились навёрстывать упущенное. Да разве наверстаешь? У нас и сейчас мало рожается детей, а уж тогда…

Мы выпиваем, Захар ест огурец с кончика ножа, потом делает быстрое, практически незаметное движение кистью руки. Бум! Нож трепещет, вонзившись в дверной косяк. Красиво запустил! Только у нас каждый мужичок знает, как с ножиком обращаться. И я так могу! Ну, почти так. Это не трудно. А если хорошее оружие, то совсем легко.

– Я вот что думаю, – говорит Захар. – Скучно ты живёшь. И неправильно. Тебе нужно хобби.

– Чего? – удивлённо переспрашиваю я.

– Займись чем-нибудь. – Степан вот ножи мастерит. И для нервов полезно, и есть, чем время занять.

– Вон ты о чём… Не, ножи я не умею.

– Научишься. Берёшь напильник, или рессору. А лучше их вместе. В общем, не знаю я, у Стёпки спроси. А я могу научить лобзиком выпиливать, этим я сам когда-то занимался. Жалко, лобзика у меня нет. А вот ещё вариант: мебель из ивы плести. А что, полезное дело!

– Не, мебель не буду. Ерунда это. Зря время терять.

– А торчать в библиотеке – не зря время терять? Скоро прохвессором, блин, заделаешься. Будешь, как Архип; вроде и умный, а вроде и глупый. Наливай, чего ждёшь?

– Это правильно. Лучше двинем по маленькой.

– Какое же тебе занятие-то предложить? Можно ещё по бабам. Взрослый уже, пора.

– С этим я без тебя как-нибудь разберусь, – говорю я.

– В том и беда, что «как-нибудь». Медсестричка твоя, Катька, она ж ещё маленькая. Сколько ей, пятнадцать?

– Вроде, шестнадцать, – бурчу я.

– Я и говорю… – взгляд Захара мгновенно делается жёстким и сердитым. – Нет, я, конечно, понимаю, главное, чтобы девка созрела. Сколько ей – второй вопрос. Ты смотри! Не смей обижать! Пока гражданкой не станет, чтобы всё у вас аккуратно… Упаси тебя Боже!

– Ты что, Захар? – натурально возмущаюсь я. – Ты, вообще, о чём? Мы просто дружим. Друзья мы, понимаешь, и больше ничего.

Мы, в самом деле, друзья, если кто-то где-то услыхал что-то другое – это пустая брехня!

– Раз так, дружите себе. А то скажу Ренату. Он тебя вмиг обженит. А чё, ты молодой да здоровый. Любая счастлива будет. Выбирай бабёнку посочнее, и вперёд. А хочешь, двух бери. Это хобби, так хобби! Настоящее, мужское! Не то, что лобзиком.

А сам на меня лукаво так смотрит, а под вислыми рыжими усами наглая ухмылка прячется. У-у-у, таракан хитрющий! Понимает, что мне после стаканчика захотелось немного покуролесить, развеяться малость. Там видно будет. А пока…

– Наливай!

– Не раскисай! Что-то ты раскис, друг, – говорит Захар.

И вовсе я не раскис! Напротив, мне хорошо. Только надо собраться, привести себя в порядок. Эту сложную мысль я старательно втолковываю Захару.

– Ладно, коли так. А то в бутыли ещё много осталось…

– Захар, объясни, почему Степан меня выбрал? Раньше ты это делал… и он… а сегодня я. Почему?

– Почему, почему? Да потому! Присматривается он к тебе. Сколько лет Степану? Шестьдесят два. А Хозяин и того старше. И я не пацан уж. Пока тянем, только надолго ли нас хватит? А молодёжи, считай, почти что нет. На тебя, оболтуса, вся надежда! Нам понять нужно, на что ты годишься, вот и смотрим. Если хочешь знать, Клыков на тебя глаз положил, ему люди нужны. И лесникам нужны. Фиг им! Мне ты тоже не лишний. Не отдам!

Ладно, Захар, не отдавай. Я согласен. Мне и в милиции неплохо. За это и выпьем!

– Захар, ты скольких на тот свет отправил?

– Думаешь, я покойников считаю? Зачем мне?

– Нет, я понимаю, что до фига. Ну, сколько? Десять? Двадцать?

– Да уж поболе. Когда я начинал, тебя ещё и в проекте не было. Чечня – слыхал про такое?

– Ага.

– Не ври! Откуда тебе слышать? Может, и про Донбасс знаешь? Молод ты, знать про это!

– Сам же рассказывал.

– Мало ли что я рассказывал? А ты не верь всему! Кстати, что за интерес такой непонятный? – взгляд Захара становится трезвым и очень внимательным.

– Просто так спросил. Понимаешь, я человека убил. Почти убил… если честно, тошно мне от этого. И страшно. Там, на площади чуть не обделался. Ты тоже каждый раз… ну, это… переживаешь?

– Вон ты о чём! Не до переживаний мне. Привык.

– Хорошо, ну, ладно. А когда первого кончал, тоже всё нормально?

– Когда первого? Видишь ли, Олежка, тут дело такое… когда я своего первого завалил, о другом переживал – как бы самому не стать жмуром. Может, и обделался, только давно об этом забыл, и

вспоминать не намерен. Понял? А если понял – давай по последней, и баиньки. Отдохнуть тебе надо.

Выпил я ещё, по-моему, даже без закуски. А дальше – туман. Кажется, Захар пытался забрать у меня бутыль, вроде бы укладывал в постель, да не уложил, потому что мне хотелось продолжения.

* * *

Мерзость во рту, неритмичный и навязчивый стук в затылке, а вдобавок неловкое чувство, будто я перед кем-то провинился. Кажется, ничего плохого не делал. Или делал? О-хо-хо. Я поднял тяжёлую голову и приоткрыл один глаз. Надо же, я за тем же за столом. Так и сидел за ним? Спал, наверное. Бутыль с самогоном куда-то делась, зато перед носом стоит кружка с травяным чаем. Лучше бы рассольчик огуречный налили. Водичку, на крайний случай.

– Очухался, Рыжий? – спросила Ольга. Когда она злится, по имени меня не называет. Молчала бы, потому что я вовсе не рыжий, есть небольшая рыжинка, и что с того?

– Да, друг, силён ты пить! Талантище! – Ренат восхищённо поцокал языком.

– Хоть какой-то талант у человека должен быть, хотя бы такой, – поддакнула Ольга.

– Ребятки, я не сильно куролесил? – спросил я. Голос сделался похожим на воронье карканье.

– Что-то с памятью моей стало… – пропел Ренат.

В самом деле не помнишь? – спросила Ольга. – Правда-правда? Сначала приставал: «давай выпьем, давай выпьем…», а когда мы согласились, спать завалился. Из-за тебя, охламона, ни поработать, ни отдохнуть не получилось.

Мало кому я бы «охламона» спустил, но Ольге можно. Ей много чего можно. И вообще… как-то некрасиво вышло, не по-товарищески. Обязательно всех угощу… когда-нибудь… не сегодня. Сейчас даже подумать об этом тошно.

Ренат уселся напротив, и стал набивать трубку махрой. Глядя на него, и мне захотелось покурить. Обшарил я карманы – кисет на месте. Значит, всё не так уж плохо. Свернуть бы сигарету, да пальцы, будто чужие. А трубка где? Вот она, моя пыхтелочка! Кажется, что-то в жизни поменялось в лучшую сторону. Ещё бы Ренат перестал занудствовать.

– Э, нет, друг, табачок убери, – сказал он, и пыхнул на меня горьким дымом. – Чаёк лучше выпей. Покушать, вот, можно, и даже нужно. Ополоснуться тоже хорошо. А курить – после. Снова тебя развезёт, и что я буду делать? Ты у меня должен свеженьким быть, как огурец, понял?

– Нет, – ответил я, – не понял. Зачем свеженьким?

– Как это? – Ренат удивлённо выпучил глаза. – Затем! Оставил тебя Захар на моё попечение. Говорит, в надёжные руки отдаю. Своди куда-нибудь, и чтоб к утру глазки у парня сверкали, чтобы жизни он радовался, а про хандру и думать забыл. Не помнишь?

– Не помню, – искренне удивился я такому повороту. – А я что?

– Ты? Ничего! Щерился по крокодильи, да бормотал, что готов идти хоть сейчас, вот выпьешь по маленькой с боевыми друзьями, бутылочку возьмёшь, и сразу пойдём. Еле уговорили мы тебя отдохнуть перед дорожкой.

– Слушай, – я зашипел, обжегшись горячим чаем, – видишь же, ходок из меня сейчас тот ещё! Мне бы полежать, это я с удовольствием. А куда-то переться – в другой раз. Ладно?

– Э-э-э, – покачал головой Ренат, – не получится без тебя. Никак не получится. Командир велел идти вдвоём, значит, надо идти вдвоём. Сам посуди. Если без тебя, Захар скажет: «опять Ренат загулял». Командир такой, он и осерчать может. А с тобой – другое дело. С тобой я – на задании. Да не робей, там девки хорошие, насиловать не станут, если сам не попросишь. Немножко посидишь, опохмелишься, и домой, баиньки. Скажи, не подведёшь старого боевого товарища?

– «Опохмелишься», значит? – промямлил я, а сам подумал: почему бы и нет? Это телу плохо, а душе хочется продолжения. – Ладно, постараюсь не подвести.

– Вот какой ты молодец, – обрадовался Ренат, – я знал, что на тебя можно положиться. Ты не переживай – всё будет в лучшем виде. Только в порядок себя приведи.

Слушала Ольга наш трёп, да вдруг, ни с того, ни с сего, заругалась в том смысле, что нам, кобелям, давно пора выметаться, потому что работать мешаем, а ей нужно ещё кое с кем потолковать. И так кучу времени со всякими охламонами потеряла.

Во дворе, возле маленькой беседки, в землю вкопан металлический бак, наполненный стекающей с крыши дождевой

водой. Я разогнал ладонью упавших в воду мотыльков и прилетевшие с соседних яблонь листья, разделся и окунулся с головой. Сначала показалось – сейчас помру, но вскоре похорошело! На улице прохладно, по телу жгучий озноб, как раз это мне и нужно. Когда я до красноты растёрся полотенцем, зябкая дрожь унялась. Ф-ф-ух – кажется, отпустило! Гадостный привкус во рту остался, зато больше не плывёт перед глазами. Жизнь сделалась терпимой.

Я плюхнулся на скамейку. Беседку сверху донизу опутал хмель, почти такой же, какой собирают лесники. Они и принесли саженцы в Посёлок, только напрасно старались, потому что силы в этом растении нет, не вызревает оно здесь, а чего ему не хватает, умники так и не сумели разобраться.

Я пожевал зелёную, но без жёлтых крапинок на верхушке, шишечку. Во рту стало прохладно и кисло. Ещё немного посидев на свежем воздухе, я вернулся домой.

За столом, напротив Ольги, расположился красномордый обитатель бараков по прозвищу Мухомор. Весь из себя несчастный, он горестно вздыхал, нервно теребя толстыми пальцами потрепанную вязаную шапочку.

– Привет, дядя Миша, – поздоровался я. – За помощью к нам, или, наоборот, сам провинился?

– Здравствуй, Олег, – Мухомор тяжко вздохнул. А глазки-то у него грустные, как у собаки, заметил я. Грустные и честные-пречестные.

– Это он для меня Олег, а для тебя он теперь гражданин Первов. Уяснил?! – отрезала Ольга. Уже интересно, потому что я считал Мухомора человеком не то, чтобы приятным, но вполне, насколько такое можно сказать про барачника, безобидным. Не знаю, чем он рассердил Ольгу, только зря он это сделал! Тому, на кого Ольга сердится, не позавидуешь. Уж я-то знаю, не раз на себе испытал.

Чтобы не мешать, я взял табуретку, и присел в уголке покурить. Дядя Миша старался не смотреть ни на меня, ни на Ольгу, взгляд его упёрся в столешницу, зад, обтянутый лоснящимися штанами, беспокойно ёрзал по скамейке. Мухомор не утерпел, достал кисет.

– Потом коптить будешь! – зло сказала Ольга. – В этом хлеву и без тебя дышать нечем!

Мухомор суетливо запихал махорку в карман.

– Чего это ты на него? – спросил я равнодушно. Не особо меня интересовало, что натворил дядя Миша. Уж наверное, не убил никого, иначе бы с ним не так, и не здесь разговаривали. Я с наслаждением выпустил облако дыма, Мухомор жадно втянул воздух и, в очередной раз, горестно вздохнул. Меня это не растрогало. Ольга пояснила, отчего дядя Миша впал в немилость:

– Представляешь, Олег, у него в ячейке ребята арсенал обнаружили. Половицу отодрали, а там ножи, заточки, даже запчасти к самострелу. Спрашивают: «где взял?», а он молчит. Спрашивают: «для чего?», он опять молчит. Неразговорчивый какой! Михаил, признайся, где взял, и разбежимся по своим делам.

Мухомор, понятно, не захотел признаваться. Сам, мол, не пойму, откуда взялось. Подбросили! Интересуетесь, кто подбросил, граждане начальники? И мне любопытно. Если узнаю, убью гадину. Вот этими руками удавлю! Верьте мне, люди, я же честный, законы соблюдаю, власть нашу уважаю, потому что вижу, как она денно и нощно печётся о нас. И родной милиции всегда готов помочь! Вы только найдите ту сволочь, которая меня подставила! Ну, пожалуйста!

Разложил дядя Миша складно, как по нотам. Мне эти дела знакомы. У барачников песни на один мотив: ни в чём, бедняги, не виноваты, зато каждый их оклеветать норовит, они белые и пушистые, да жизнь вокруг серая и колючая. Заслушаешься!

А потом до меня дошло, за что Ольга рассердилась на Мухомора. А когда дошло – я обалдел! Что же получается, товарищи? Пока я самогоном накачивался, ребятки очередной схрон поднимали – третий за лето! Похоже, совсем у барачников крыши посрывало! Я понимаю – традиции: нельзя мужику без ножа. Но меру надо знать. Закон для чего? Чтобы на него все, кому не лень, плевали, или, может, для чего-то другого?

– Нет, это никуда не годится, – печально сказал я, и начал медленно закатывать рукава. – Всё ты врёшь, дядя Миша. Даже я вижу, что врёшь.

Мухомор сбился, глазки захлопали, лоб от умственного напряжения в гармошку сложился. Помолчал дядя Миша, да завёл старую песню на новый лад. Опять забожился, что не его это, что он ни сном, ни духом – вот вам крест во всё пузо! – и вообще, Мухомор

не разбирается в оружии, не любит оружия. Да если посмотреть непредвзято, и не оружие это вовсе. Ржавый хлам это!

Ольга ему в ответ, мол, и она не понимает, зачем нормальному человеку такое барахло? Ты же, Михаил, правильный мужик? Честный? Ты сам говорил, что честный! Тогда скажи честно, может, побарыжить решил? Кому продавать собирался? Признайся, а мы тебя поймём. Не враги, за одной Оградой живём. Войдём в положение, подумаем, как тебе, горемычному, ни в чём не виноватому, помочь.

– Да кому этот хлам спихнёшь? – начал доказывать Мухомор. – Если б оружие нормальное было, тогда бы поговорили. А так, сами знаете, нельзя простому люду иметь оружие.

– Ой, ли? А сам, грешным делом, заточку в сапоге не прячешь? – съехидничала Ольга.

Мухомор оправдываться перестал, глаза возмущённо засверкали.

– А ты проверь, девонька! Обыщи, я не против! Может, чего и найдёшь! – привстав со скамейки, заголосил барачник. Да так натурально у него получилось, что я на миг поверил: этот в жизни нож за голенищем не спрячет. Хотя без оружия, не скажу, что каждый первый, но каждый второй нос за порог не высунет. Мужичок без ножа, что без штанов, и запрещать тут бесполезно. Тем более, барачникам.

– Обыщи его! Ишь, размечтался! Ладно, убедил, верю! – засмеялась Ольга. – А ты, Олег, веришь? Ты в глаза ему посмотри! Видел когда-нибудь такие честные глаза?

Рукава оказались засучены, я размял кулаки, в костяшках пальцев хрустнуло:

– Дядя Миша, ты бы лучше признался; чьё это, кому, и для чего!

– Эх, Олежек, и ты меня не понимаешь… – затараторил Мухомор. – Ты ещё без штанов бегал, а я тебе разные цацки вырезал. Помнишь? Кораблики, свистульки. Ножиком, между прочим, не пальцем делал. Без ножика в хозяйстве никак нельзя! Подстругать, дырку прокрутить, то да сё. И мясо, или, скажем, рыбку порезать – без ножа не получится. Ты не обижайся на старого дурака, но я вот что скажу: недовольны люди, потому что милиция плохо работает. Маньяки в Посёлке объявились; нажрутся дурмана, и людей рубят. Их вешать надо, а не отпускать! Как защититься-то? Вы меня, что ли, защитите? Нет, вы меня защитить не успеете! Честного человека в бандиты записать у вас

быстро получается. А ежели, скажем, настоящий бандит кровь людскую пустит, так вы опосля придёте. Своих, поселковых, завсегда прикроете, а нам за каждую ерундовину головы поотрывать грозитесь! Вот и злятся люди!

Ловкий дядя; всё наизнанку вывернул. И про то, что со мной нянчился, не забыл. Мол, ты-то ещё сосунок. Поживи с моё, понюхай жизни, лишь потом об этой жизни мне рассказывай. И про Сыча с Партизаном напомнил. С одной стороны, конечно, хорошо, что не случилось мне казнить лесника. Но, честно скажу, не понял я решения Хозяина. Какое-то оно… неоднозначное, что ли?

– Дядя Миша, – сказал я недовольно, – свистульки-бирюльки – дело прошлое. Забудь, ладно? Мы сейчас о тебе говорим. Если виноватый, ответишь по всей строгости, а если ни в чём не виноват, тоже разберёмся, и гуляй на все четыре стороны.

– Хорошо изложил, Олег! В самую точку! – недобро прищурив глаза, посмотрела на Мухомора Ольга. – Думаю, нужно человека отпускать. Видишь же, какой он весь из себя невиноватый! Иди Михаил, иди. Заскучала я с тобой.

Не ожидал Мухомор такого поворота. Даже я не ожидал, а я Ольгу знаю.

– Куда идти? – глупо переспросил барачник.

– А куда хочешь, только быстро, пока я не передумала, – ответила Ольга, – Незачем тебе, невиноватому, казенные харчи жрать. Иди домой, выспись, а завтра на работу ступай. Ты же за хрюшками дерьмо убираешь? Нужное для общества дело. Катись в свинарник.

Мухомор нерешительно нахлобучил шапочку.

– Ну, до свидания, что ли? – заулыбался он.

– До свиданья, до свиданья, – буркнула Ольга. – Иди-иди, не держим. Только небольшая к тебе просьба, передай Пасюкову от нас лучшие пожелания. Пусть не сильно обижается, что мы оружие конфисковали, тут он сам виноват, надо лучше прятать. И, не в службу, в дружбу, скажи ему, чтобы к нам заглянул. Ужас, как хочется его поспрашивать, может, разговорчивее тебя окажется. Объяснит, зачем ему ножи.

Мухомор из-за стола вылез, но тут обратно сел.

– А про Пасюка, откуда знаете? – удивился он.

– Мы про всех знаем! Работа у нас такая – про всех знать! Сам видишь, узнали, что ты ни при чём. Попросил хороший человек железки спрятать, а ты, по доброте душевной, не смог отказать. На тебя-то мы зла не держим, иди себе. У нас к хозяину железок вопросы имеются.

– Пасюк решит, будто я его сдал, – растерянно проговорил Мухомор.

– Конечно, решит, – согласилась Ольга. – Но ты же умный! Нам по ушам хорошо ездил, и Пасюкову проедешься.

– Как же! Он и слушать не станет! Почему, спросит, менты тебя отпустили и мной заинтересовались? У него разговор короткий – может и нож под ребро засадить!

– Это ты напраслину гонишь, – засомневалась Ольга. – Не дурак же он? На виселицу ему, что ли, хочется? А несчастный случай, думаю, возможен. Не сейчас, когда-нибудь потом. Свинки Мухомора сожрали, или бревном задавило. Жизнь, она непредсказуемая, но ты уж будь осторожнее, не поддавайся. Только, сдаётся мне, что отделаешься ты всего лишь испугом, потому что дельце-то пустяшное. Конечно, переедешь ты из своей тёпленькой ячейки, которая возле печки, в другую, холодную и вонючую. Но это лучше, чем в камере. Да?

– Стоп, граждане начальники! – сказал Мухомор. – Так не пойдёт. Давайте по-другому договариваться.

– Как это, по-другому? – заинтересовалась Ольга.

– А так. Вы спрашиваете, я отвечаю. Что могу, то скажу. Но и вы меня не подставляйте. Лады?

– Если б сразу так, и разговор бы другой получился, – сказала Ольга. – А то: «ничего не видел, ничего не слышал, никому ничего не скажу». Весь интерес у меня пропал. Иди себе! Но если по-настоящему осознал и хочешь помочь, другое дело. Тогда присаживайся. Обговорим.

И объяснила Ольга дяде Мише, что, в общем-то, нам без разницы, где Мухомор будет спать: у печки, у туалета, или, если уж совсем не повезёт, в сырой земле. Но, из симпатии к нему, дяде Мише, можно сделать так, чтобы все остались довольны. Например, запереть сейчас, его, дядю Мишу, в камере. А что? Тепло, приличная еда, казённый табачок. Райское местечко, если не сильно привередничать. А завтра,

на худой конец, послезавтра, соберём заседание народного суда. Наш суд – он же гуманный, особенно если похлопотать. Получит дядя Миша ерундовину. Месяц работ за Оградой, самое большее – два. Потому что незаконное хранение оружия – невеликая провинность, если посмотреть на это дело под правильным углом. Опять же: свежий воздух, работёнка не пыльная, дружинники приглядывают, в обиду зверью не дают. Вечером дома, с дружками, которые от зари до зари в свинарниках пашут, да ему, дяде Мише, завидуют! А Пасюка мы трогать не станем, чтобы тот не подумал чего плохого про дядю Мишу. Всё, дядя Миша, удачно для тебя складывается. Ещё и невинно пострадавшим за его, Пасюка, грехи заделаешься. Если смелости хватит, и компенсацию стребуешь.

Такие блага мы не всякому предлагаем. Тебе, дядя Миша, лишь из-за того, что ты хорошие кораблики Олежке делал. И благодарности никакой не ждём, надеемся исключительно на человеческую порядочность. А дядя Миша, как человек исключительной порядочности, непременно расплатится за то добро. Если, например, что случится в бараках, или разговорчик важный дядя Миша услышит, пусть нам сообщит. Нет, нет! Ничего зазорного мы не предлагаем. Никто стучать на дружков не просит. Зачем нам? Ты же видишь – мы сами всё знаем. И принципы твои уважаем. И ответа немедленного не требуем. Посиди до утра в камере, обдумай. Может, вопросы возникнут. А утром, на холодную голову, и обсудим.

Запер я Мухомора; пусть о жизни своей неправильной поразмыслит, глядишь, с утра и разговаривать по-другому будет. Ольга вмиг подобрела, улыбка появилась, а яростные искорки в глазах притухли. Теперь Мухомор наш, со всеми потрохами – что ещё для счастья надо? У Ольги это запросто выходит: люди готовы рассказать ей даже то, о чём она не спрашивает. Я так не умею – здесь особый талант нужен. Конечно, и я не совсем бесполезен. Хоть роста невеликого, но если надо в рыло двинуть, это смогу, внесу посильный вклад.

– Слушай, подруга, – бодро сказал я, – Это третий схрон за лето. Не слишком Пасюков обнаглел? Может, пришло время им заняться?

Скисла Оля, улыбнулась, да улыбка вышла кривая, на оскал похожая. И понятно: скользкий тип этот Пасюков, и не простой.

Хотелось бы его прищучить, да неясно, как подступиться. Скорее всего, ничего не получится, а проблемы, точно, наживёшь.

– Когда-нибудь… – прошипела Ольга и сощурилась. Пальцы сжались в кулаки. Верно, представила, что добралась, наконец, до Пасюка. Я тоже это представил, и немного ему посочувствовал.

– А всё же третий схрон, – напомнил я для порядка, – что-то барачники задумали. Нет?

– Ерунда, – отмахнулась Ольга. – Я бы знала. Это вроде игры: они прячут, мы ищем. Все при деле, всем весело. Если охота, посмотри, чего парни у Мухомора откопали.

Я заглянул в оружейную. Забавный оказался арсенал! Значит, мясо, резать? Рыбку потрошить? Кораблики строгать? Этими тесаками сподручнее живых кабанов на фарш рубить! Я никогда не видел мачете, и довольно смутно представляю, что это. Мне воображаются острые, сверкающие на солнце большие ножи. Передо мной другие: тусклые, даже в пятнах ржавчины, щербатые, и какие-то кособокие. Сработаны, и не очень умело, из того, что под руку попалось. Но всё же, когда я увидел эти орудия, в голове зазвучало: «мачете».

И кому такое «мачете» нужно? В карман не положишь, и в сапоге не поместится. Можно прицепить на пояс, тогда выйдет что-то вроде короткой сабли. Круто будет смотреться, но кто в Посёлке решится на такую наглость? Вопрос…

Отвлёк меня от этих мыслей Ренат. Весь из себя причёсанный и выбритый, он находился в полной готовности. Ему не терпелось, он бил копытом, норовя сорваться в любой момент. В руке у него сетка, в ней соблазнительно клацают фляжки, виднеются огурчики, печёные картофелины, тушенка.

– Потому что мы нормальные мужики, – сказал Ренат, – а значит, с пустыми руками к дамам не ходим. Во всяком случае, не на первое свидание.

А что, с такими гостинцами нас радостно примут в любом доме! Потому – вперёд, и прочь сомненья! Приняли мы по маленькой, на ход ноги. Похорошело.

– Ну, пошли, что ли?

– И валите, кобели запойные, – напутствовала нас Ольга.

* * *

К вечеру облака истончились, через просветы небо проглядывает – лазурное над головой и порозовевшее на западе. Солнышко расплылось и повисло над верхушками деревьев, а напротив него, на востоке зажглось призрачное, окольцованное нимбом, ложное солнце – значит, завтра будет ясная погода! Капли сверкают на траве, и грязь, как будто, не такая грязная. Ноги вязнут и разъезжаются; ничего не поделаешь – улицы Посёлка сделаны из луж и слякоти.

Бом-м-м… бом-м-м… бом-м-м… разлетелось вдребезги вечернее спокойствие. С тополя, что растёт у площади, гомоня, снялась воронья стая. Тишина – три удара – тишина – три удара. У Ограды – чужаки. Степень опасности третья, то есть – почти никакая. «Не тревожьтесь, граждане, занимайтесь своими делами, не мешайте дружинникам – они сами разберутся», – примерно так. Естественно, заслышав этот сигнал, весь Посёлок сбежится на звон рельса – всё-таки развлечение.

– Может, глянем, что на этот раз? – обрадовался Ренат. – Хоть одним глазком.

– Охота тебе под ногами у людей путаться. Наверняка, ерунда какая-то, – для вида заспорил я. А с другой стороны, если б совсем ерунда, пристрелили бы нарушителя, и дело с концом. Незачем лишний шум поднимать. Раз бьют в рельсу, значит, предупреждают: не волнуйтесь, но от убежищ далеко не уходите. На всякий случай…

– Не вредничай, Олег. Может, им помощь нужна. Ну, пойдём, – Ренат зашагал к северному посту.

– Ладно, пойдём, – я бросился его догонять.

Любопытный народ собирался кучками. Близко к Ограде, чтобы не мешать дружинникам, не подходили. Лучше наблюдать издали – и под горячую руку клыковских ребят не попадёшь, и безопаснее.

Но Ренат рассудил, что мы – не абы кто, нам можно, и даже нужно забраться на вышку. Я вздохнул и поплёлся за ним.

Не нравится мне, когда рядом лес – у меня из-за этого на душе неспокойно. И сейчас внутри заскребло, но я, вслед за Ренатом, смело забрался на первый ярус. Выше мы не полезли, и отсюда вся граница – как на ладони. Посёлок огорожен частоколом из заострённых трёхметровых брёвен. Недалеко виднеется железная дорога, она бежит с севера на юг и насквозь пронзает Посёлок. За Оградой – сто шагов ровной земли: ни деревца, ни кустика, лишь покосившиеся столбики с колючей проволокой, да ловушки, замаскированные дёрном. По

другую сторону Ограды, на территории Посёлка – вышки. Старые металлические и установленные позже деревянные. На них дежурят, а в случае прорыва с них же и стреляют, дружинники.

Не так давно окрестный лес кишел тварями – одна чуднее другой. Атаки на Посёлок тогда были обычным делом. В ответ мы вырубали деревья, жгли траву, перепахивали землю. Сейчас попроще: лес не атакует, а мы почти не выходим за Ограду – так и живём… хотя, случалось, забредало к нам очередное чудище.

– Ни фига себе! Ты посмотри! – Ренат возбуждённо махнул рукой в сторону леса. Где-то там, почти у деревьев, топчется бурый мишка. И стоило шум поднимать? А когда я присмотрелся, понял, что стоило. Зверь-то не совсем обычный. Всё у него, как у косолапых. Только размер… этот раза в два больше любого другого медведя. Частокол такому амбалу не преграда. Если заберётся в Посёлок, мало не покажется ни нам, ни ему.

Зверь, похоже, сам не понимает, зачем он здесь. Пришёл, любопытства ради, на чужую территорию, сам не рад, на морде недоумение нарисовано. Пока зверь не агрессивен, топчется на месте, лапа тянется к колючей проволоке. В голове неторопливо крутится какая-то медвежья думка. Может, мишка всё хорошенько обмозгует, да уберётся восвояси.

А к вышкам подтянулись автоматчики.

– Не стрелять, не стрелять! Кто пальнёт, башку откручу! Только по команде! – орёт Клыков.

На вышку, пыхтя, забрался красномордый бородач с пулемётом. За ним второй такой же мордатый, и запыхавшийся – этот приволок патроны. Бойцы начали устанавливать оружие.

– Валите отсюда, не мешайтесь! – ворчит пулемётчик.

– Без вас управимся, – поддакивает напарник. Они занимаются делом, и больше не обращают на нас внимания. Мы спускаемся на землю, смотрим через узкие прорехи в заборе.

Вдруг – осатанелый лай; из псарни привели собак. Не нравится им медвежий дух, зашлись в истерике, рвутся с поводков. Косолапого надрывный лай нервирует. Кто там осмелился тявкать? Проучить наглецов! И побрёл мишка к частоколу. Колючая проволока зверю не помеха. Он её, скорее всего, и не замечает.

– Генератор кочегарь! – орёт Клыков.

Фыркнул, и, наконец, завёлся дизель-генератор. По колючке побежал ток. А пришельцу это нипочём. Он прёт, как трактор, столбы валятся, проволока рвётся, как паутина. Зверь обходит ловушки, чует их, что ли? Он рядом. Собаки остервенели, подавились лаем. И стало тревожно. А ну, как прорвётся? А вдруг? И мы с Ренатом пятимся, да что там – убегаем от Ограды.

Стреляйте, почему не стреляете!? Он же сейчас всё тут разворотит! И Клыков орёт:

– Пулемёт, огонь! В голову ему, в голову! Не мазать!

Резко и коротко хлестнула очередь. Докатился обиженный рёв, животное вздыбилось на задние лапы. Ух, огромный – грудь и голова подымаются над частоколом. Тарахтит автомат, ещё один. Пули рвут зверя. Пена с клыков. Клочья шерсти. Алые брызги. Опять вступает в дело пулемёт. Медвежья морда превращается в кровавое месиво. Всё! Зверь медленно, словно во сне, заваливается на Ограду. И тут же, как по команде, смолкает оружие. Звенящая тишина. И снова лай собак.

Брёвна под тушей медведя ломаются, как сухие прутики. Их треск громче выстрелов. Зверь мёртв, но лапы ещё скребут землю, размётывая грязь и щепки.

– Остановите генератор! Мать твою! Собак, собак пускайте!

И получившие свободу псы радостно терзают тушу поверженного врага. Ф-фух. Я сквозь сжатые губы выпускаю воздух; оказывается, я следил за происходящим, затаив дыхание. Сердце колотится о рёбра. Тело просит действия. Бежать, рвать, бить, стрелять! Дружинники оттаскивают собак; звери упираются; их раздразнило свежее мясо. Пасти оскалены, морды окровавлены.

К туше подошёл Архип Петрович, спец по животным, и прочей лесной мерзости, а по должности самый главный наш умник. Он давно крутился неподалеку, пританцовывая от нетерпения, и его час настал.

– Отойди ты, не мешайся, – беззлобно заворчал на Архипа Клыков. По лицу видно, доволен командир своими бойцами. Сработано быстро и чётко. Патронов израсходовано немного. Главное, обошлось без пострадавших.

Архип раздражённо принялся доказывать, что ему необходимо осмотреть, измерить и зарисовать. Неплохо бы взять образцы на исследование. Клыков объяснил, что скоро подойдут забойщики. Когда

они будут разделывать тушу, тогда измеряй, что хочешь, и бери любые анализы.

– Надо же, – весело оскалился пулемётчик. Он обошёл вокруг туши, любуясь проделанной работой, – еда сама пришла. Теперь медвежатину лопать будем.

– Погоди радоваться-то, – проворчал его напарник, он тоже осматривал трофей, – может, глисты в нём. Или бешеный! Чего, спрашивается, на пулемёт попёрся?

– Не хочешь – не ешь, а другим аппетит не порти. Собачки что попало жрать не будут. Видал, как набросились? Вот и думай!

Мясо – это хорошо. Вовремя мишка к нам забрёл. Посмотрит Архип, анализы всякие возьмёт, а потом устроим праздник обжорства.

Тут бы нам уйти, да не успели – на месте битвы появился Степан. Он, сходу оценив ситуацию, кивнул нам, мол, подождите, есть разговор. Из него посыпались распоряжения: собак, попробовавших медвежатину – в отдельный вольер, и проследить. Если не захворают, значит и людям можно. Архипу – проверить зверя на предмет паразитов и болезней, и сразу доложить. Клыкову – послать людей за бригадой забойщиков, и за строителями. Да, и пусть сапожника приведут, будем решать, сгодится ли шкура на обувь, или куртки сошьём.

Отдав необходимые распоряжения, Степан подозвал нас. Он посмотрел на меня и неодобрительно покачал головой.

– Разит, как из пивной бочки. С утра чтоб как огурчик, чтобы ни запашка, упаси боже, – и, увидев моё расстроенное лицо, добавил. – Не переживай, наверстаешь. Ты же шустрый!

Потом Степан перевёл нехороший взгляд на Рената, тот неловко попытался спрятать сетку с едой за спину, фляжки предательски звякнули. Степан поморщился и спросил:

– Говорят, новый схрон с оружием нашли? А я через третьи руки узнаю!

– Да не схрон это, ерунда, – заоправдывался тот. – Десяток ножей. Завтра бы тебе показали. Делов-то…

– Не завтра, – поморщился Степан, – Сейчас. У самих на этот счёт мысли имеются?

Тут я и выдал, что думаю. Про то, что слишком часто стали попадаться такие заначки. Про то, что эти ножи не спрячешь ни под

одеждой, ни в сапоге. Значит, прятать их не собираются. И не для мелкой драки они приготовлены, а для открытой рукопашной схватки. Можно было бы предположить, что это для забойщиков на свиноферме, но забойщикам столько не надо! Опять же, есть там запчасти для самострела; на ферме они, точно, не нужны. Что-то нехорошее за этим чуется!

Степан посмотрел на меня, а потом заявил:

– Если ты такой наблюдательный да умный, пора к настоящей работе примериваться. Тогда и увидим, на словах ты шустрый, или на самом деле. На другое разрешаю забить, а с оружием разберись до конца!

Такой мне урок: не высовывайся, когда не просят. А высунулся – не обижайся, что заметили, да запрягли, и лучше не думать, что будет, если запорю это дело – по полному счёту спросит. Без скидок.

Я начал соображать, как бы ловчее к новому заданию приступить, но Степан удивил меня ещё больше.

– Есть мнение, – он посмотрел давешним острым взглядом, – и я это мнение поддержал. Нужно бы нам понять, каков ты в лесу. А посему, завтра на рассвете ты должен быть у оружейного склада. Там соберутся лесники. С ними за соляркой пойдёшь. Да не бойся, одним днём управитесь, к вечеру дома будете. Остальное – когда вернёшься. Ясно?

– Ясно, – ответил я, хотя на самом деле понял лишь, что развесёлый вечер отменяется. Я ни разу не ездил за соляркой. Я, вообще, дальше, чем на пятьсот шагов от Посёлка не отходил. Я не умею жить в лесу, и не хочу в лес! Какая лесникам от меня польза? А хлопот с новичком, точно, не оберёшься. Но ничего этого я Степану не сказал. Какой смысл, если всё решено?

День второй

Маленький, корявый и заросший рыжим волосом человечек по имени Лёша, подбоченившись, стрельнул в меня взглядом жёлтых прищуренных глаз, в дебрях неопрятной бороды обозначилась кривая ухмылка.

– Парни, гляньте, как вырядился. Кажись, думал, что его по бабам зовут, – глумливо проговорил Алексей. Не зря его кличут Лешим. В точку попало прозвище, приклеилось, не отдерёшь. Савелий охотно заржал над шуткой, не постеснявшись выставить напоказ коричневые пеньки зубов. Антон улыбнулся без ехидства, и почти дружелюбно.

– Ты вот что, – сказал он. – Ты на этих сморчков не обращай внимания. Ну их! Как есть – бомжи, смотреть тошно. А к нам цепляются, потому что завидуют. Мы-то с тобой хоть куда!

– Хоть туда, а хоть сюда! – захихикал Леший. – Пятый десяток, а хорохоришься, как пацан. Смотри, не надорвись. Инфаркт не дремлет.

– Завидуй, завидуй, – сказал Антон. – У самого, небось, в штанах всё отсохло. Потому ты и злой.

Савелий опять заржал, а мне подумалось, что лесники – люди с причудами. Оно и понятно: если человек дружит с головой, его за Ограду и пинками не выгонишь, а эти сами в лес ходят.

На лесниках залатанные штормовки, нахлобученные до бровей вязаные шапочки, обвисшие на коленях портки, на плечах болтаются тощие рюкзачки. Я в этой компании, действительно, выгляжу чужаком, хотя и нацепил старьё, которое не очень-то и жалко.

– Ну, что, туристы, все собрались? Айда с Яшкой ругаться, – сказал Леший и закосолапил к оружейному складу.

– Здесь вот, и ещё здесь, – дрожащей ладонью Яков придвинул ко мне лист бумаги. Кривой, с обломанным и почерневшим ногтем, палец указал, где я должен расписаться. В комнатке с затенёнными разросшейся сиренью окнами, мрачно даже в ясный день, а ранним утром, когда на улице ещё как следует не рассвело – и вовсе темно. От кривой свечки, чадящей рядом с чернильницей, толку немного, и, чтобы разобрать написанное, пришлось поднести серый и шершавый на ощупь лист бумаги к глазам.

«Я, Олег Первов, получил во временное пользование автомат модели АК-74 и 60 патронов к нему в придачу в рожках. Принимаю на себя полную ответственность за сохранность вверенного мне общественного имущества и обязуюсь возвратить в полной сохранности»

– Что, и патроны во временное пользование? – удивился я. – А вдруг потрачу?

– Лучше бы не надо, – печально сказал Яков. – Сам не обрадуешься, когда будешь объясниловку писать. Да ты не тяни, подписывай, так положено. Число нынешнее, месяц и год пиши. Ещё фамилию поставь. Имя с отчеством не забудь. Как, нет отчества? Ах, да, что-то я подзабыл. Да… ну, ладно, если нет, тогда ничего не пиши, оставь пустое место.

Макнул я перо в чернильницу, пока царапал нужные слова, на лбу от усердия выступила испарина. Как ни старался, строка плясала, будто пьяная – то вверх убежит, то вниз. А в конце, для красоты, на бумажку шлёпнулась клякса. Яков близоруко поднёс расписку к глазам, лицо стало недовольным, губы сжались в ниточку. Кладовщик молча ушёл в соседнюю комнату; послышалось, как звякнул дверцей металлический шкаф, и вскоре я держал в руках видавший виды «калаш».

– Можешь пересчитать, – Яков положил на стол два примотанных друг к другу рожка. – У нас всё точно, как в аптеке.

– Верю, – я прищёлкнул магазин.

– Это правильно, людям нужно верить, – заявил Антон, – Ты бы, Яша, ещё гранат одолжил, хоть парочку. Во временное, так сказать, пользование.

– Нету, – Яков упёрся взглядом в пол.

– Как это нет? Всегда были, а сейчас – нет?

– Не положено. На юг идёте. Если бы на север, тогда другое дело. А так – нету! Ни одной нету.

– Слышь, чернильница, – набычился Леший, – ты чего выпендриваешься? Ты меня знаешь…

– Подожди, Лёша, – оборвал друга на полуслове Антон, – Яков нормальный парень, он всё понимает. Давай так, Яша; мы тебе консервов, или табачка со шнапсом, так сказать, во временное пользование, а ты нам пару гранат одолжишь. Идёт?

Яков замотал головой, а сам на меня искоса поглядел. Дело понятное, деликатные вопросы при посторонних, тем более, при ментах, не решаются. Чтобы не смущать людей, я вышел на свежий воздух, без меня быстрее договорятся.

Утро зябкое. Звёзды на небе погасли, не видно ни одной завалящей тучки, а по земле потянулись языки тумана. Я покурил, и начал притопывать, чтобы немного согреться. Тут они и вышли – вооружённые, и, кажется, довольные. Лесники о чём-то пошептались, я, от нечего делать, сапогом грязь в сторонке поковырял.

– По местам, парни, – дал команду Леший, и мы пошли к трактору. Это раздолбанная гусеничная машина, корпус в разные цвета выкрашен; какую краску нашли, той и замазали ржавчину. Стекла нет, и дверей тоже нет, зато прицеплена большая, перепачканная соляркой, бочка на колёсах. Вся она в чешуйках жёлтой краски, а с одной стороны ещё можно разобрать надпись «молоко». Покрышки со стёртыми протекторами набиты резиновым уплотнителем. Выглядит это чудо техники празднично и нелепо, зато – ездит!

Савелий забрался в кабину. Мотор, как и положено, решил не заводиться: пару минут скрежетал, чихал и фыркал. Потом выхлопная труба выплюнула клуб чёрного дыма, железного монстра прошибла дрожь, внутри у него равномерно затрещало. Если в окрестных домах ещё спали, уж теперь, наверняка, проснулись.

Леший пристроился на краешке сиденья рядом с Савелием. А мы с Антоном забрались на крыло бочки. Дёрнуло, качнуло – поехали! На ухабах ощутимо кренило и трясло. Я, чтобы не свалиться, вцепился в дугу замка на горловине.

По переулкам мы притащились к железной дороге, и дальше потарахтели вдоль неё, мимо бараков, к Южному посту. Частокол проявился из тумана щербатым оскалом. Дружинники распахнули створки ворот, сонный дядька помахал нам на прощание, Антон небрежно козырнул в ответ.

По левую руку – кладбище. Много чего про это место говорят. Иногда по ночам там непонятные шевеления наблюдаются. Люди горазды приврать, но и совсем зря болтать не станут. Вокруг Посёлка, вообще, творится много всякого. Не всё, о чём рассказывают – правда. Наверное, не всё и брехня. Но лучше об этом не думать, и так на душе муторно.

Туман загустел, высунул из леса рваные щупальца, заслоился. Низины наполнились белёсым киселём. Я оглянулся, а ворота уже заперты. Кому довелось пожить до Катастрофы, знают, что мир большой, а для меня Посёлок – и есть весь мир. Я заворожено смотрел, как мой мир тает в тумане.

* * *

Лесники – народ любопытный, прочесали все окрестные селения. Посёлки в округе мертвы, но, бывает, улыбнётся человеку счастье, найдёт он что-то полезное: склад с запчастями на мехбазе лесозаготовительного предприятия или гараж, забитый галитом, из которого мы теперь делаем поваренную соль. Однажды в заброшенном железнодорожном тупичке обнаружили цистерны с дизельным топливом. Посёлок ликовал – теперь заживём! Будет у нас, как в раю, даже лучше: техника заработает, и снова появится электричество! В общем-то, как мечталось, так и вышло, только наперёд умникам пришлось поломать голову, как профильтровать старую солярку. Сейчас поездки за горючкой – обычное дело. Путь неблизкий, километров десять в один конец. Хоть южный лес – не северный, а всё равно, как сказал Леший, не по бабам сходить.

От трактора воняет отработанным топливом, в ушах рёв дизеля, по сторонам, сквозь текучий туман, чернеет плотная, без просветов, стена деревьев. Трактор прёт вдоль железки, иногда, если лес подбирается вплотную к путям, Савелию приходится заезжать на рельсы, и тогда бочку начинает немилосердно трясти на шпалах.

Неуютно и боязно – лес, вот он.

Говорят, километровое кольцо вокруг Ограды – самое гиблое место. Может, раньше так и было, но сейчас у Посёлка стало спокойнее. А дальше зависит от направления. Пойдёшь на север, выйдешь к болоту, где растёт хмель-дурман. Считается, что там и находится ад. На запад никто не ходит, говорят, человеку путь туда заказан, а ещё рассказывают, что вся дрянь именно с запада к нам и лезет. Брешут, наверное, только в тёмные ночи облака в той стороне призрачно так мерцают, значит, что-то их с земли подсвечивает. Никто в тех местах не бывал, и рассказать о том, что там на самом деле творится некому. Разговоров много, только всё это враки, да фантазии умников.

На востоке же, и на юге почти безопасно, но и там всякое случается. Если взбредёт зверюге, вроде давешнего медведя, прогуляться в здешних местах, отбиться нам будет непросто! В лесу и мелкой живности полно. Заслышав натужное взрёвывание трактора, мелюзга сама торопится уйти с дороги смердящего железного чудища. Мелкота, в основном, безобидна, но иные особо интересные экземплярчики наводят страх и на крупных тварей, потому что много у природы в запасе каверз и сюрпризов. И фантазией она не обделена – такое иной раз, на удивление поселковым умникам, выдаст!

Две ржавые нити рельсов ползут навстречу, а я таращусь в туман. Каждый нормальный гражданин, безвылазно живущий за Оградой, знает: если попал в лес, жди подвох. Лес вам не просто так! За долгие годы это прочно вдолбили в мою голову. Теперь я высматриваю, где же спрятался этот самый подвох? Жду, весь напрягся, но пока из неприятностей только лёгкая тошнота: может из-за того, что бочку нещадно трясёт и подбрасывает на ухабах, а может, вчерашний загул о себе напоминает. Антон смачно зевнул, ему, в отличие от меня, скучно.

– За что тебя?! – прокричал он.

– Не понял, – ответил я, – что «за что»?!

– Ну, это, – пояснил Антон. – За что к нам попал? В лес «ни за что» не отправляют. Видно, косяк за тобой! Да не простой, а конкретный! И не говори, что сам попросился. Если человек хочет стать лесником – понятно же, богатой жизнью прельстился, за каким ещё чёртом в лес переться? А тебе под крылышком у Захара разве плохо? Мне-то всё равно, делай, как знаешь, лес большой, его на всех хватит. Но сперва подумай, надо ли? Был бы смертником, тогда пожалуйста, тогда понятно – этим без разницы, они прощение заслужить хотят. А про тебя что-то не пойму.

– Сам не пойму, – сказал я. – Вины за собой не чую, и в добровольцы не напрашивался.

– Дело твоё, не хочешь, не говори. Меня не колышет, что ты мент. Если кому-то ваш брат не нравится, это его трудности, а мне главное, что не барачный пасюк.

– Не любишь их?

– Не бабы, чтобы их любить, – сказал, будто сплюнул, Антон. – Крысы, они и есть крысы.

Зря он так. Люди везде разные, хоть в Посёлке, хоть в бараках. Я понимаю, почему к этим парням такая неприязнь, но всех без разбора стричь под одну гребёнку не стал бы. Только, если уж совсем откровенно, и сам я к этим ребятам отношусь настороженно. Беспокойства от них куда больше, чем пользы – это я, как мент, говорю. У них свои законы, свои авторитеты, и какое-то своё понимание жизни. От людей всё чаще слышится, что зря, мол, Хозяин с ними церемонится. Не по нраву наша жизнь, пусть проваливают в свой Нерлей, скатертью дорога.

* * *

Когда творились те дела, я пешком под стол ходил, потому мало что запомнил, а из того, что запомнил, мало что понял. Люди говорят разное, кто так расскажет, кто по-другому перевернёт. Истории Рената самые интересные. Он – из ватажных, и о тех делах не понаслышке знает. Слушаешь, распахнув рот, о похождениях лесной братвы, и на себя чужие подвиги примеряешь. Конечно, вранья в этих историях больше, чем правды, как же без этого? Без этого дельная байка не сложится. Сдаётся мне, что на самом деле весёлого там было не так уж много.

Люди говорят, что край у нас особый. То есть, не сейчас он стал каким-то необычным, он и до Катастрофы от других мест отличался. С юга на север через леса протянулась нитка железной дороги. На неё, как бусины, нанизаны посёлки. Почти в каждом таком посёлке раньше находилась колония, а кое-где и не одна. До Катастрофы даже за самую суровую провинность не вешали. Человека на долгие годы закрывали в специальном лагере, и жил он за оградой, примерно, как мы сейчас!

Когда случилась Катастрофа, растерялись: ничего не предвещало, и вдруг… телевизоры, радио, телефоны – всё замолчало. Потом пропало электричество. До больших городов далеко; кто туда подался – обратно не вернулись. Бардак и паника. Одни доказывали, что случилась-таки ядерная война, вторые спорили, что нет – если бы война, тем более, ядерная, было бы не так. Никто не знает, как, но по-другому. Наверняка, это умники со своими умными опытами перемудрили. Не зря же на севере, там, где город Серов, какую уж неделю сверкает. Известно, что именно там находятся самые секретные лаборатории. Доигрались в науку – чтоб им пусто было!

Даже сейчас люди продолжают что-то друг другу доказывать, но без прежнего азарта, скорее, ради спортивного интереса. Что по мне, то я был бы не прочь узнать, что же произошло на самом деле, только ничего от этого не изменится. Мы посреди леса, из которого невозможно выбраться – вот что действительно важно!

Со временем люди приспособились да пообвыкли, а тогда было не до шуток. Сначала жизнь катилась по наезженной колее, а прикатилась к смуте. Продуктов не подвозили, запасы подошли к концу, и стало голодно. Те, кто уходил или уезжал из посёлка на разведку, назад не вернулись. Потом начались бунты; то в одной колонии забузят, то в другой. Лагерникам показалось – раз уж так сложилось, нужно переустроить жизнь по-новому, по справедливости. Где-то охрана, не дождавшись помощи, разбежалась, где-то и убежать не успела. Лес наполнился ватагами. Жили грабежом; поселян обкладывали данью. Только много ли с поселянина возьмёшь? Ему бы самому выжить, а тут ещё и эта напасть.

Терентьев тогда был начальником одной из колоний. Он, в ожидании эвакуации, кое-как организовал охрану заключённых. Прошло немного времени, и стало ясно – про него забыли, а может, некому больше про него помнить.

Терентьев назначил себя главой Первомайска – так назывался Посёлок до катастрофы. Он и сейчас так зовется, только в других селениях людей не осталось, значит, и в названии нет большой нужды, Посёлок, он и есть Посёлок. Так вот: стал Хозяин главой Посёлка. Никто не спорил: других начальников всё равно не осталось, умотали в неизвестном направлении. Первым делом новый глава создал отряд самообороны, вскоре сыскался командир для этой небольшой отчаянной дружины – в посёлок пришёл Клыков со своими парнями. Иногда казалось – всё, нет больше сил. Но сдюжили. Из соседних селений потянулись люди – по окрестностям ползли слухи, что у Терентьева жить спокойнее; хоть какая-то, да защита. Естественно, и ватажники слетались. Эти кружили возле Посёлка в надежде урвать кусок. С теми, кто грабил беженцев, долго не разговаривали. Если попадали они в руки Клыкова, звучало короткое: «в расход гадов!» На том беседа и заканчивалась.

Терентьев освободил большую часть заключённых – что было раньше, не в счёт, пришло время начать с нуля. Но и таких, кто, по

удали бандитской, по взглядам и принципам, а, может, и по тупости беспросветной, не хотел иметь дело с новой, «ментовской», властью, хватало. Переубеждать их никто не собирался; если жизнь не убедила, человеческие слова бессильны.

И наступила та самая ночь…

Сработали жёстко. Едва порозовело небо, их выстроили на плацу. Люди Клыкова злы, автоматы целят в неудачников, пулемётчик на вышке ждёт, а руки-то чешутся; перестрелять бы эту шваль к чёртовой матери! Собаки захлёбываются в истерике, вот-вот оборвут поводки. Бойцы готовы; взмахни Терентьев рукой, дай команду, и понесётся…

Людей в чёрных робах построили неровной шеренгой. Чернявый худенький паренёк потупил взор и боится шелохнуться. Ренату страшно! Всё пошло не так. Говорили – дело верное. Главное – не струсить, навалиться кучей на охрану, завладеть оружием! Надо вырвать свободу из ментовских лап! У других получилось, теперь наша очередь! Лесная братва поможет, отвлечёт Клыкова. Ночь обещает быть жаркой, она станет последней для ментов! Не по-божески живём. У них – всё, у нас – голодная пайка. Если не оплошаем, будет сытная жрачка, бабы, и всё, чего душа пожелает. Мы, вместе с лесной братвой, наладим справедливую и правильную жизнь.

Говорили так, а вышло иначе.

Бунтовщики достали ножи, и высыпали на плац. Тут же вспыхнули прожектора, с вышек затрещали выстрелы; люди Клыкова были готовы. Потом – избиение, и травля собаками. Ренат, надеясь уйти от расправы, укрылся в бараке. Нашли, выволокли, немного попинали, швырнули на плац. Ссутулившийся в шеренге таких же бедолаг, парнишка не может понять, как же умудрился вляпаться в это дерьмо. Развели нас, как лохов развели! Где лесная братва? Из леса не донеслось ни единого выстрела.

Есть ещё шанс – всей оравой броситься на ментов, задавить. Тогда, возможно, кто-то спасётся. Да куда там, кто был способен в кураже рвануть на груди робу, и, увлекая примером остальных, пойти на ментовские пули лежат поодаль. Были отчаянными, теперь мёртвые. Их тела свалены в кучу. Как нарочно, а может, действительно, нарочно, смерть нашла самых-самых.

Терентьев, заложив руки за спину, медленно шагает вдоль шеренги заключённых, свет фонарика высвечивает напряжённые лица.

Оглядев каждого, Терентьев произносит пять фамилий. Люди Клыкова выдёргивают названных из строя.

– Увести, – даёт команду Терентьев. Пятерых уводят за барак. Доносятся выстрелы; бойцы возвращаются одни.

– А с вами что делать, мерзавцы? – Хозяин вновь идёт вдоль шеренги оцепеневших людей. «Первый, второй, третий…», считает он.

Каждый десятый выходит из строя. Значит, каждого десятого, в назидание остальным, пустят в расход. Слыхал Ренат про такие штучки.

– Десятый, – Терентьев смотрит насмешливо, и Ренат делает шаг. А ноги почему-то не хотят идти.

За спиной звучит глухой, будто сквозь вату, голос:

– Не имеешь права, гад! Без суда не имеешь права! Нет закона – людей без суда стрелять.

– Кто это? – спрашивает Хозяин. – Это ты, Пасюков, гавкнул? Если такой смелый, тоже выходи. Я объясню, кто тут суд, и кто тут закон!

Пасюков не струсил, вышел. Терентьев пожал плечами, а потом кивнул каким-то своим мыслям и снова начал считать: «первый, второй, третий…»

Их не расстреляли. Они копали могилы для мёртвых товарищей. Но страха Ренат натерпелся, думал, роет яму для себя. Он сильно поумнел за эти часы.

Потом Хозяин сказал:

– Вы, сволочи, слушайте внимательно! Мы из последних сил выбиваемся. А вы? Вам голодно? Вам тяжело? Думаете, нам легче? Кормим вас, поим, а просим лишь не мешать, раз не желаете помочь. Так вам неймётся! Захотели тут всё по-своему переустроить? Ваша взяла! Отныне вы свободны! Скатертью дорога! Идите, куда хотите, и там творите, что хотите. На первое время еду получите. А дальше – как знаете. Ух, не видеть бы вас, гадов! Ладно, кто решит остаться, не возражаю. Живите, как все, работайте, как все. А кто уйдёт, тому пути назад не будет. Думайте! Даю вам сутки.

Они боялись поверить свалившемуся на них счастью. Мысленно были на том свете, и вдруг – такой подарок! Хотели свободу – вот она, берите! Так может, и на пули идти не стоило? С этой властью, оказывается, можно договариваться! Ушли немногие, но даже кое-кто

из поселковых соблазнился рассказами о вольной жизни. Обосновались в Нерлее. Жителей в нём почти не осталось, местные бежали в Первомайск. Тех, кто ещё не покинул свои дома, пришлые не трогали, но те сами ушли – не понравилось им такое соседство.

Сначала было тяжело, но сдюжили. Лесная братва подтянулась, со временем пришедших из леса стало больше, чем тех, кто ушёл из Первомайска, кое-кто пришёл с оружием, и в рацион прочно вошла дичь. Но стал Ренат задумываться, чем эта жизнь лучше той, что ждала в Посёлке? Хотелось свободы, а ей и не пахло! Проблемы и разногласия решались авторитетными людьми – их слово на первых порах и было законом. Нехитрое добро, продовольствие, даже дурёх, что увязались за изгнанниками – распределили меж братвой на усмотрение главарей. Оказалось, что совсем без закона жить не получается, и придумали закон – правильный и справедливый, только, пожалуй, не всем он казался правильным, и не для всех был справедливым. На свободе, той Свободе с большой буквы, о которой наивно грезил Ренат, пришлось поставить крест.

С соседями из Первомайска жили мирно, дела обычно решались быстро и по обоюдному согласию. С Терентьевым общался, в основном, Пасюков. Иногда ему приходилось и конфликты улаживать; худой мир лучше доброй ссоры. Но всякое бывало…

Как-то раз трое нерлейских били дичь в окрестных лесах. На беду, встретились они с поселковыми разведчиками. Тех двое, у них «калаши», а у охотников – двустволки. Задевать клыковских ребят – идея не из лучших, но жадность и ватажная удаль вскружили головы. Кругом лес – никто не узнает. На худой конец, можно свалить на пришлых бандитов.

Ружья против автоматов – не самый удачный расклад, но разведчики подвоха не ждали. Под разговор о жизни задымились трубки, фляжка пошла по кругу.

Вышло некрасиво – один сумел улизнуть. А назавтра в Нерлей пришли люди Клыкова. Они никого и ни о чём не спрашивали: откуда-то знали, кто виноватые, и где их искать. Когда избитых до полусмерти охотников поволокли в Посёлок, ни у кого и мысли не возникло за них вступиться. Это после заговорили, что если бы навалились кучей, мало бы этим беспредельщикам не показалось. Мол, терентьевские совсем обнаглели, надо им рога пообломать. Шептались, да понимали –

против автоматов не попрёшь. Числом, быть может, и задавили бы, да многих бы после этого недосчитались. А что Клыков сделал бы с Нерлеем потом – лучше не думать.

Отправился Пасюков в Первомайск, братишек выручать. Никто не спорит, они виноваты, нашли приключения на свою, м-м… голову. Если бы сами наказали «героев», может, и не случилось бы недоразумения с Терентьевым. Но, с другой стороны – люди бы не поняли, они считали, что охотники совершили подвиг. Теперь придётся хлопотать. Может, Терентьев и выкуп за этих дебилов потребует. Лишь бы недорого попросил.

Выкуп Терентьев не потребовал. Пасюков вернул «калаш», Хозяин взял автомат, и сказал: «Своих можешь забрать, они на площади». На площади соорудили виселицу. Там Пасюков их и увидел.

Таким, по возможности, быстрым образом Терентьев и уладил то «недоразумение»…

Нерлейская жизнь Ренату нравилась всё меньше. Вместо желанной свободы жёсткая дисциплина. Вместо обещанной справедливости голодное существование. Может, и в Посёлке так же, но там безопаснее. Не пора ли уносить ноги? Первым ушёл тот, от кого и не ждали – один из главарей Стёпка Белов. Если такому авторитету, как Степан, можно, другим и вовсе не грех. Терентьев говорил когда-то, что никому обратной дороги не будет, но беглецов принимал. В Нерлее дезертирство не одобрялось, предателей заочно судили, а люди всё равно бежали – по одному, и группами. Приговор приговором, а поди-ка, достань человека в Посёлке. Однажды ушёл и Ренат.

Оказалось – вовремя. Лес изменился, откуда-то пришло невиданное зверьё, стали гибнуть люди. Свободолюбие отошло на задний план, и Пасюкова отправили на переговоры – гонор хорошо, а жить хочется. Потом Ренат понял – Хозяин обрадовался такому повороту. Затевалась большая стройка – нужно было возводить Ограду. Людей не хватало. Недоедание, болезни, нападения тварей и стычки с бандитами сильно проредили население. Совсем не к месту оказалась мужицкая вольница под боком. Лучше, когда они под присмотром, а ещё лучше – если трудятся на благо Посёлка!

Ждали, что Хозяин запросит немалую цену, если, вообще, разрешит вернуться. Терентьев не потребовал почти ничего, но обставил всё так, будто сделал нерлейским великое одолжение.

Рассчитываешь стать гражданином со всеми правами и обязанностями, получить жильё и работу – соблюдай законы Посёлка. Но, первонаперво, сдай оружие. И кормить просто так никто не будет – пайку придётся отработать. Хочешь жить по-своему, как в Нерлее? Воля твоя, даже это можно! Селись в пустых бараках, там живи, как тебе вздумается.

До Катастрофы по горло наглотались лагерной жизни, зачем же добровольно к ней возвращаться? Но люди, они разные. Кому и воля, как тюрьма, а кому и тюрьма – дом родной, лишь бы не в услужении у ментов. Эти ушли в бараки. Оно и лучше, пусть промеж собой что угодно делают, зато народ в Посёлке не станут баламутить. Опять же, когда они в кучке, за ними и приглядывать легче. Словом, живите, как знаете, но едва вышли в Посёлок, соблюдайте закон! Иначе…

Что «иначе», поняли даже самые тупые. В те времена виселицу с площади вовсе не убирали.

* * *

Антон что-то говорил, но я слушал вполуха, иногда кивая во вроде бы подходящих для этого местах; одна половина слов тонула в грохоте тракторного двигателя, другая и вовсе пролетала мимо. Отдохнуть этой ночью не получилось: переживания минувшего дня смешались с тревогами о дне новом, с такой кашей в голове долго не удавалось заснуть. А сейчас, несмотря на тряску и шум, меня одолела непонятная полудрёма. Иногда бочку сильнее обычного подбрасывало на очередной колдобине, тогда я вполголоса чертыхался: так и угробиться недолго!

– Мне без разницы, зачем ты здесь, – говорил Антон, – начальству виднее. Пойми, что приглядывать за тобой никто не будет, потому сам не зевай. Разберёшься, что к чему – молодец!

Я кивнул, и Антон продолжил:

– Вообще-то, в лесу интересно! В Посёлке – тоска зелёная! По мне лучше здесь, чем в Посёлке. Вам не понять, вы боитесь. Наслушались страшилок, сами себя перепугали, а когда со своими страхами сюда прётесь, беда и приключается. Вот так! Ничего не бойся, смотри в оба, и всё будет пучком.

Я понял, что, действительно, боюсь, и спросил:

– На что смотреть-то?

– Откуда я знаю? Лес всегда разный. Его чувствовать нужно, уяснил?

Я опять кивнул, хотя не совсем разобрался, о чём толкует Антон. Как это – чувствовать лес? Выплыла из тумана берёза, приближается. Дерево, как дерево, только выросло в стороне от других. Корявый, перекрученный вокруг себя, ствол. Ветви, словно руки, растопырены, и листья какие-то не такие; цвет у них неправильный, что ли? Сразу чудится недоброе. Может, это и есть легендарное хватай-дерево? Его, сказывают, от обычной берёзы не отличишь, пока оно тебя не сцапает. А если попался, отличать поздно, потому что ветви оплетают с ног до головы, а листья высасывают из тела все соки.

Оказалось, нормальное дерево, немного больное только. Трактор протарахтел мимо, а в сторону кривой берёзки никто и не глянул. Такое у меня чутьё, я с этим чутьём от деревьев шарахаюсь. Нет уж, лесники, вы ребята тёртые, сами и разбирайтесь, где опасно, а где – нет. Я рядом постою, да посмотрю, как вы это делаете.

Гусеницы трактора перемалывают пробившуюся сквозь щебень железнодорожной насыпи худосочную поросль. Бочку мотает – только держись. А вокруг, если смотреть, забыв о непонятных страхах, красота, какую в Посёлке не увидишь. Туман, стёк в ложбинки, небо сделалось голубым и сочным. Берёзки с осинками чистенькие. Солнышко пронзило лучами зелёные кроны, оттого стволы деревьев стали яркими и будто светящимися изнутри. А запахи: травой пахнет, и сыростью! Ещё примешивается густой цветочный аромат, и едва уловимый душок разложения. Иногда ветерок относит в нашу сторону чёрное облако, извергнутое трактором, и тогда лесные ароматы перебивает маслянистая вонь.

Деревья раздались, и я увидел тот самый Нерлей. Кособокие дома выпучились бельмами слепых окон. Нет ограды, нет полосы отчуждения, а улочки давно захвачены лесом. Железка огибает посёлок по краю. Небольшая станция: замшелая избёнка с просевшей крышей, да перрон, покрытый вспучившимся под напором прущей наружу травы асфальтом.

Двигатель умолк, и зазвенела тишина. Миг, и тишина заполнилась шелестом листьев и скрипом качающихся на ветру деревьев. Потом загомонили птицы.

– Перекур, парни, – сказал выбравшийся из кабины Леший и смачно зевнул.

Я соскочил на перрон.

– Устал? – посмотрев, как я разминаю затёкшие ноги, спросил Антон.

– Есть немного, – признал я.

– Ничё, дальше будет легче, – усмехнулся Леший. – Курорт вам будет. Полчаса на отдых, и вперёд.

После небольшого перекуса мы расслабились – каждый по-своему. Савка протирал замасленной тряпицей испачканный корпус трактора, от усердия даже язык высунул. Машина не стала чище, наоборот, покрылась жирными разводами, зато человек получил удовольствие. Леший мерил косолапыми шагами перрон, недоверчиво поглядывая на стену деревьев. Антон прикорнул у трактора. Все при делах, лишь я сам по себе.

Как будто люди вокруг, а в то же время никому до меня нет дела. И снова заскреблась притаившаяся в душе тревога. Это, наверное, потому, что я оказался слишком далеко от дома. Надо привыкнуть, и всё пройдёт. Никто ни о чём не беспокоится, значит, и мне беспокоится не о чем, а надо бы мне отдохнуть, пока обстоятельства позволяют. Присел я на корточки рядом с избёнкой, спиной в стену упёрся. Неподалёку цветёт кустистый чертополох, около него затеяли круговерть пчёлы и бабочки, а я смотрю на это радостное мельтешение, и чувствую – едва заметная внутренняя дрожь начинает стихать.

Большеголовый, рыжеволосый мальчуган отчаянно рубится с гигантской колючкой. Бой неравный – чертополох выше пацана. Грубо пошитая рубашонка из чёрной, сально блестящей ткани едва прикрывает худое тельце, кроме рубашки никакой одежды на мальчике нет. День выдался на редкость яркий. Красочное и тёплое лето. Небосвод расчерчен серыми лентами пылевых облаков, где-то бушует гроза – доносятся далёкие раскаты. Мягкая травка щекочет босые ступни. В руке – ореховый прутик, хотя на самом деле это сабля. И всем понятно, мальчик бьётся не с чертополохом, а со злым чудищем. Вжик-вжик, и противник обезглавлен. И ещё одна атака, и ещё.

Этот пацан – я, и мне два года. Я смотрю на мальчугана со стороны, но в то же время у меня получается видеть мир его глазами;

ощущение необычное и совсем не страшное.

Рядом – женщина. Зовут её тётей Леной. Она гордится мной. Она – мама. Какая ты молодая! Ты смотришь на меня. Ты улыбаешься. Я хочу, чтобы ты увидела, какой я сильный, ловкий и смелый. Вжик-вжик, сверкает сабля, летят головы страшного противника. Из кустов малины выпархивает большая коричневая бабочка. Крылышки потрёпаны, полёт неровный, дёрганый. Я любуюсь ей, затаив дыхание.

Бом-бом-бом: тягучий набат киселём растекается по Посёлку. И вот я на руках у мамы. Скорее, к большому двухэтажному зданию. Там безопасно. Там сильные мужчины с автоматами, они защитят. Я обхватываю ручонками мамину шею. Мне хочется сказать, что скоро я вырасту, тоже стану большим и сильным, у меня будет оружие, которое громко стреляет, и я защищу маму от всех-всех-всех плохих людей на свете. И мама перестанет бояться. Но разговаривать я ещё не могу, и свои мыслишки выражаю нежным: «дю-дю».

Гул набата стих. На границе не стреляют, значит, в этот раз обошлось. Высокий мужчина говорит, что ничего страшного не случилось, в убежище идти не обязательно. «Это же Клыков, только без седины и морщин, на нём настоящая военная форма со звёздочками на плечах» – удивляюсь я-наблюдатель. Я-малыш тянусь ручонкой к блестящей кокарде. Лицо Клыкова, почему-то, стареет, красивая форма превращается в залатанный ватник. Мама идёт вслед за офицером, а у границы собираются люди. Они вооружены. Они готовы биться насмерть. Ещё нет Ограды, не лезут из леса хищные твари, это будет после. Сейчас опасность – ватажники. Их осталось мало, и беспокоят они редко, но всё же случается, от голодного отчаяния прут в Посёлок.

Три ряда колючей проволоки, несколько сторожевых вышек – на них люди Клыкова. Они готовы стрелять по всему, что движется, но сейчас опасности не видно. Хлопец лет десяти, застрявший в колючке, не выглядит опасным.

Мальчик замер, руки подняты, на чумазом лице дорожки слёз. Сквозь плач, как заклинание:

«…не стреляйте, дяденьки, не стреляйте, дяденьки, не стреляйте…».

«Стой, где стоишь, пацан, не шевелись», – кричат ему.

Люди режут «колючку», ведут мальчишку. Откуда ни возьмись – Терентьев. «Кто такой! как сюда попал! почему один! где родители!» – грозно вопрошает он. И тут я вижу – никакой это не мальчишка. Девочка. Измождённая, сильно испуганная, чумазая девчонка. Она сбивчиво, давясь рыданием, пытается объяснить: звать Олей, её семья укрылась от бандитов в лесу… там было много людей, со всех окрестных деревень… а после пришли страшные звери. Люди решили спасаться в Посёлке. Думали – здесь безопасно, только никто не дошёл. Оле повезло…

Люди перешёптываются, какие такие звери? Наверное, это бред испуганного ребёнка. Скоро узнаете! Ватажники будут вспоминаться, как милые проказники…

Мама прижимает девочку к себе, а Терентьеву говорит:

«Чего ты разорался? Напугал девчонку, ирод…».

И к Оле:

«Бедненькая, как же ты одна-то шла…».

Через неделю Терентьев, словно извиняясь за грубость, подарит Оле кривобокую деревянную куклу – он сам её неумело смастерит. А сейчас Хозяин, осёкшись на полуслове, с недоумением смотрит на маму. Девочка, взъерошилась, будто затравленный зверёк, и прильнула к тёте Лене, ища спасение от грубого мужчины. А потом наружу выплеснулся неудержимый плач.

«Голодная, небось, – говорит мама. – Пойдём».

Оля покорно идёт за нами. И тогда начинаю реветь я. Потому что детским умишком чувствую – мамины любовь и ласку, ранее предназначавшиеся мне одному, отныне придётся делить с этой пришлой…

* * *

– Подъём, лежебоки! Хорош дрыхнуть! Видишь, Савка, какие вояки? Им лишь бы поспать! Нас будут жрать, а эти не почешутся!

Крик Лешего бесцеремонно ворвался в сон. Я вскинулся, сердце затрепетало в испуганной скачке. Мир вокруг неприятно расплылся. На миг почудилось – он зыбок и призрачен; дунь посильнее, разлетится тающими клочьями. Нереально реальный сон показался каменно-прочным по сравнению с ускользающей реальностью. Проползло несколько секунд, и наваждение сгинуло, взгляд сфокусировался на довольно ухмыляющейся физиономии Лешего.

Антон текучим движением поднялся на ноги, оружие в руках, а глаза шарят по сторонам. Не увидев опасности, лесник расслабился и закинул «калаш» на плечо.

– Чего разорался? Шёл бы ты лесом, Лешак окаянный! Чё людей пугаешь? – Антон подмигнул мне, мол, не робей. – А ты, Олег, чего нахохлился?

– Сон видел, – признался я. – Там всё… лучше, чем на самом деле.

– Ты, случаем, не переборщил с дурманом? – ехидно поинтересовался Антон. – Мне, бывало, такое снилось.

– Язычок-то прикуси, – оборвал Леший. – Чего встали, поехали уже…

Высоко забравшееся солнышко разогнало туман. Я поглядывал на деревья и кусты, иногда косился на небо. Мимо проплывали берёзы, реже осины, ещё реже сосны да ели, а потом снова берёзы. Густой подлесок то подбирался к железной дороге, то раздавался в стороны, уступая место болотистым лужайкам или дурящим голову цветочными ароматами полянкам. Со столбов – некоторые повалены, другие ещё пытаются держаться прямо – свесились обрывки проводов. Местами к проводам цеплялось что-то мохнатое и перепутанное. Вид у этого чего-то неопрятный и противный – напоминает бороду Лешего, если её намазать зелёной тиной.

И, показалось, всё не так, как должно быть! Известно же, что в лесу опасность может таиться за каждым кустом, и где она? Предчувствие опасности есть, а самой опасности не наблюдается. Наоборот, красотища! На вкус человека, не выходящего за Ограду, здесь слишком ярко и оживленно. Бабочки, цветочки, разукрашенные пичужки. Красивые ящерки – те, что носят на спине пёстрые гребни – прыскают в стороны от трактора. Да сколько их, этих ящерок – в глазах рябит от разноцветной круговерти! Почуяв тепло, ящерицы залезли на рельсы и на камешки, расправили гребни, точно зонтики, друг перед другом красуются. Так, замерев, они могут целый день просидеть. Некоторые брешут, будто эти ящерки солнечным светом питаются, словно травка или кустики. Ерунда, днём зонтики тепло собирают, а как ночь приходит, у ящерок самая жизнь и начинается. А для того, чтобы свет кушать, надо быть зелёным, как трава. Хлорофилл же

зелёный, а ящерки – нет. Это мне Архип объяснил, он мне много чего объяснил, и про ящерок, и про другие биологические чудеса.

«Быть может сталая-а-а тюльма центлальная-а-а-а меня-а мальчишечку-у-у…» Сначала от тоскливых звуков похолодело внутри. Потом я понял – это Савка песню горланит, да так мощно, что слова слышатся даже сквозь рокот тракторного мотора. Я только плюнул с досады. Какой с Савки спрос? Когда раздавали мозги, механик где-то шлялся, и достались ему совсем никудышные. Чтобы человек не сильно по этому поводу горевал, одарили его недюжинной силой, и покладистым характером. Жил в Посёлке тихий безобидный дурачок. Имелся у него редкий в наши дни талант – Савелий мог починить любую технику. Железо – это вам не люди, оно простое и понятное. Так случилось, что приветили механика лесники, чем-то он им приглянулся. И пришёлся ко двору.

Зелёных штуковин на проводах и деревьях поприбавилось, сделались они крупнее, и цвет у них стал болотный – неприятный, и, как будто, липкий. В придачу к этому, они извивались, словно пучки гигантских земляных червей. Повеяло едва уловимым, но отчётливо различимым сквозь вонь работающего трактора, запашком. Тут мне впервые почудилось – пропадаю. Страх в виде холодного кома обосновался внутри, да так всё там выморозил, что заныло в паху. Успокоишь себя, но выметнется из кустов птица, или заяц поперёк железки прошмыгнёт, и снова кишки покрываются инеем.

Как мы перебрались через реку – отдельная история. В общем-то, и не река это, так, речушка. Ручеёк несчастный: тихий, мелкий и узкий. Леший сказал, что ещё пару лет назад через него можно было перепрыгнуть. Можно и сейчас перейти, не зачерпнув в сапоги. Только крутые берега с обеих сторон ивой заросли. Значит, трактор не проедет.

Конечно, проще всего по мосту, да соваться на этот мост ох, как не хочется. Про свисающие с проводов и деревьев зелёные штучки-мочалки я говорил. Если они в стороне, и никого не трогают – пусть висят. Но здесь же полное безобразие: мост покрылся красно-рыжими потёками, на перилах шелушатся струпья ржавчины, а на всех перекрытиях, рельсах, шпалах, словом, везде навешена зелёная дрянь. Только она теперь не совсем зелёная, а, скорее, болотно-жёлтая, блестит от слизи и колышется. Этой слизью всё выпачкано. Сочится

она по шевелящейся растительности, капли набухают, склизкие нити тянутся. И запах теперь отчетливее чувствуется – чем-то нехорошим, разложившимся попахивает.

– Вон как оброс, – Леший показал на увешанные зеленью перила, – обсопливился.

– Что за дрянь? – наморщил я нос.

– Это, друг, та ещё гадость, – ответил Антон. – Всем гадостям гадость. Вонючий мох называется. Архип тебе объяснит, что это вовсе не мох, но дело в другом. Дело в том, что эту дрянь лучше обходить стороной.

– Опасный? – я, на всякий случай, попятился от моста.

– Ещё какой, – усмехнулся Леший, – и не сомневайся.

– Смотри, – Антон протянул руку к ближайшему пучку, а тот ему навстречу подался. Из него сопли рекой потекли.

– Чо, поздороваться решил со старым дружком? – ехидно спросил Леший. – Давай, обнимись, да в засос поцелуйся. Чтобы вышло, как в прошлый раз. Понравилось, небось?

– А то? – засмеялся Антон, а Савелий радостно захихикал.

– А что было в прошлый раз? – поинтересовался я.

– Поскользнулся удачно! Точно в заросли «вонючки» угодил, – объяснил Леший. Перемазался соплями, да так и не отстирался. Одёжку выкинул, а кожу-то не сдерёшь! Даже за стол с ним не садились. Так разило – что свекольный самогон, и тот своим духом вонищу не перебивал.

– И всё? – разочаровался я. Мне почему-то вообразилось, будто с Антоном приключилось что-то совсем уж страшное.

– Не всё, – сказал Леший, – ещё прыщами сверху донизу покрылся, красными такими, блестящими. Но это фигня, почесался, облез, и как новенький. А насчёт вонищи – врагу не пожелаю такое нюхать! Задушить хотели, чтобы сам не мучился и других не мучил.

Мы перебрались через речушку вброд, а Савке пришлось ехать по мосту. Сам механик замотался в целлофановый дождевик – и вперёд. Ничего, нормально получилось. А трактор и бочку мы потом отмыли. Но дальше шли пешком: Партизан дорогу разведывает, мы с Антоном за ним, а сзади тарахтит на тракторе Савелий. Шагать по трухлявым шпалам – та ещё маета, но ехать на провонявшей слизью машине – вообще никакого удовольствия.

Вонючий мох, это цветочки, ягодки ждали за ближайшим поворотом. Рассказывать не хочется, и даже вспоминать тошно!

Есть одно место; железка там дугой загибается, а что впереди – за деревьями не разглядеть. До этого места мы совсем чуть-чуть и не дошли.

Я рассказывал про ледышку, ту, что внутри время от времени шебаршится. Конечно, то не настоящая льдинка, просто странные ощущения в организме, но сейчас мне показалось – всё по правде! Я, буквально, ощутил, как шершавые грани царапают и разрывают внутренности, только вместо боли чувствуется жгучий холод. Наполняла, наполняла меня тревога, и наполнила по самую макушку – ещё немного, и наружу хлынет. Сбилось дыхание, а сердце затрепыхалось бабочкой; натурально, сейчас грохнусь в обморок. Всё, не могу ступить ни шагу! Страшно! До липкого пота, до дрожи в коленях – страшно! Замер я, уставился в спину Лешему, а тот, не оборачиваясь, уходит.

Сзади остановился трактор, Савелий выбрался из кабины, чтобы полюбопытствовать, зачем это я столбом прикинулся. Антон засуетился. То в глаза посмотрит, то пальцами перед моим носом защёлкает. А я – ни с места, прирос, и шага ступить не могу. Забеспокоился Антон, бросился за Лешим. Вскоре лесники вернулись: один сердитый, второй взволнованный.

– Чего стоим, кого ждём? – ехидно поинтересовался Леший.

– Прихватило парня. Видишь, бледный, как поганка, – объяснил Антон.

– Вижу, что взбледнул! – Леший замахал перед моими глазами ладонью, – Эй, друг, ты чего удумал? А ну, шевели мослами!

– Мужики, как хотите, а дальше не пойду, – чуть не плача, сказал я.

Жёлтые глазки Лешего прищурились, ухмылочка под бородой обозначилась.

– Кажись, испужался, – процедил он, и тягуче сплюнул мне под ноги. – Все они крутые, пока в лесу не окажутся. Непонятно, куда крутизна и девается. Это тебе не людей вешать. Здесь по-другому… а ну, вперёд! Шагай! Шагай!! Шевелись, я сказал!!!

Честное слово, я попытался! Вопящий и брызжущий слюной в лицо Леший на любого страх нагонит. Но что тот страх рядом с

холодом, выморозившим внутренности? И всё же я попробовал. Ноги будто корни пустили: никто не держит, а шагнуть не могу. Дрожь побежала волнами от пяток до затылка, и ясно – если хоть шаг сделаю, конец мне придёт. Такой от беспомощности ужас одолел, что захотелось скулить, как побитому щенку. Нелепо это, и перед людьми неудобно, только ничего не могу я с собой поделать.

– А ну, в трактор, живо! – заорал Леший.

Да я бы с удовольствием, но… назад тоже не могу, завяз, как муха в патоке. Тут меня злость разобрала; на себя, на Лешего, и, вообще, на всё. Эта злость пересилила страх, и сделал я разнесчастный шажок. Показалось, мир разлетелся вдребезги! Рухнул я на землю, голову руками обхватил. Как хотите ребята, но дальше идите без меня.

– Эх, как тебя переклинило, – сказал Антон.

– Кажись, да, – ответил Леший. – Вот беда! Всякое видывал, а такое впервые. Морока с новичками, ох, морока! Зарекался же!

– И что? Теперь возвращаться?

– Погодь, это всегда успеем. Видишь, он и назад не хочет. А если связать?

– А не окочурится? Вон позеленел весь.

– Ну, тогда не знаю. Может, дубиной по башке? А как вырубится – унесём. Что, Олежек, хочешь получить дубиной по башке? – Леший опять ухмыльнулся. – Ты не стесняйся. Только скажи, уж я расстараюсь!

Идея показалась дурацкой – не люблю, когда меня бьют, но ничего другого я предложить не мог, а потому молчал – делайте, что хотите.

– Ты, Леший, притормози, – сказал Антон. – Надо бы разобраться. Неспроста он… Может, почуял чего? Слышишь, и птички не щебечут. Сам-то ты как, не чуешь?

– Чую, терпение моё кончилось, – подумав, ответил Леший, он прислушался к чему-то, и добавил: – А больше ничего.

– Вот и я ничего, – сказал Антон.

– Я чую, – подал голос Савелий.

– Да? – поинтересовался Леший, как ни странно, без ехидства, и даже без желчного раздражения, – Говори, чего там?

– Не надо впелёд ходить. Нехолошо, – гордо изрёк Савелий.

– Савке в таких делах верить можно, да Леший? – сказал Антон. – Значит, что, назад поворачиваем?

– Нет. Впеледи плохо, и взади плохо, а там холошо, – Савелий ткнул пальцем в сторону деревьев. И тут, будто молния сверкнула, такая наступила ясность: да, туда можно, там хорошо и спокойно! Как же я сам-то не догадался? Ф-фух, легко-то как! Вскочил я и метнулся в лес. Убежал бы, и, наверное, сгинул. Спасибо Антону, сшиб с ног. Савелий, медведь здоровенный, так прижал к земле, что я и думать о побеге забыл – не до глупостей, если даже вздохнуть с трудом получается. Поскрипел я зубами в бессильной злобе, и успокоился.

– И куда ж ты, дурачок, собрался? – заботливо поинтересовался Леший, подняв с земли оброненный мной автомат. – Помереть торопишься? Ох, маета! Одна морока с тобой. Ладно, Савка, отпусти, он всё понял. Ты же понял? Я пока немножко пройдусь, а вы за ним последите. Надумает чудить, в ногу ему стрельните, что ли. А то, не ровен час… этого охламона беречь надо. За него Хозяин нам головы поотрывает.

Вскоре Леший скрылся за поворотом железной дороги, а вернулся растрёпанный, и какой-то взбаламученный.

– Точняк, – почти довольно сказал он, – засада. Это нас муравьиный лев подманивает. Я тоже учуял.

– Откуда здесь лев? – спросил Антон. – На юге львы отродясь не встречались.

– Может, и не лев это. Может, зверь, похожий на льва, и делающий такие же ловушки. Здесь тебе не зоопарк, чтобы каждую уродину разглядывать! Я, как увидел – бегом оттуда. Решил с вами посоветоваться.

Вышло так: отсчитав сотню шагов от поворота, лесник почуял, что произошли с ним непонятные перемены – неожиданно захотелось по травке прогуляться, букетик нарвать. Нестерпимо захотелось, очень-очень…

Если разобраться, странное желание, но, почему-то Лешему оно показалось вполне естественным. Устояв от соблазна, он внимательно осмотрелся и увидел: лев построил логово на полянке, аккурат между железкой и деревьями. Глубокая воронка сверху прикрыта ветвями, на которых ещё сохранилась пожухлая листва. Ловушку намётанный глаз заметит издалека, но от этого не легче. Если тварь подцепит тебя на свой невидимый поводок, сам придёшь к ней, заметил ты ловушку, или

нет. Леший не захотел становиться обедом, развернулся, и поминай, как звали. Повезло леснику, он был настороже, и не дал себя поймать.

А дальше-то что? Либо вперёд, и будь, что будет, либо домой. И в том и в другом варианте есть одна загвоздка. Эта загвоздка – я, потому что не могу сойти с места. Доступно мне одно направление – через лес, прямиком в ловушку. Так что, ребята, идите, куда хотите, а уж я как-нибудь… Только верю, что не бросите вы меня. Вы своих не бросаете, правда? Я для вас не то, чтобы свой, но всё же…

Закинуть в логово твари гранату предложил Антон. Лешему план не понравился; риск большой, а что получится – неизвестно. Граната должна точно в львиную воронку попасть, иначе толка не будет: и тварюке ничего не сделается, и самих осколками посечёт. Чтобы наверняка бросить, нужно близко подобраться, и при этом ясную голову сохранить. Вопрос: как это сделать?

Обрисовав недостатки, Леший решил, что можно попробовать, потому что ничего другого не придумывается. Если подойти к логову со стороны леса, деревья уберегут от осколков. И от меня польза будет – верное направление укажу, раз туда тянет.

Савка остался возле трактора, а мы пошли. В голове будто компас включился, держу нужный курс: ни влево, ни вправо, только вперёд! Если на пути кусты – пру насквозь, как матёрый лось, но с курса не сворачиваю. Ветки хлещут по лицу, вода с листьев течёт за ворот, паутина, липкая и плотная, в нос забивается. А на душе праздник, потому что верной дорогой иду. За спиной треск, сопение и ругань – чтобы от меня не отстать, лесники тоже через кусты лезут. Вот и опушка показалась. Яркое небо меж деревьями замаячило. Сейчас, скоро…

Ноги потеряли опору, жирная земля с размаха влепила по лицу. Лежу я, щека онемела от удара, в носу запах прелой травы, а кто-то на спину взгромоздился, шевельнуться не даёт.

– Ишь, разогнался, – Леший приготовил гранаты. – Оба здесь будьте. И чтобы тихо мне.

Оставаться не хочется. Мне вперёд надо, за Лешим. Так не честно – сам ушёл, а как же я? Антон, отпусти, будь человеком! Нет, по-хорошему не понимает. Сверху навалился, дышит в затылок, и убить грозится.

Леший замер на опушке и бросил гранату. Чёрный шар, прочертив дугу в воздухе, упал на прикрывающие ловушку ветки. Лесник юркнул за ствол дерева.

С нашими самоделками всегда так: не угадаешь, когда рванёт, и как сильно бабахнет. Вот и сейчас…

Антон заткнул уши в ожидании взрыва, только граната не сработала. Я выскользнул из ослабевших объятий лесника, и будто змея, пополз через кусты к ловушке. Понимаю, нельзя, но зовёт муравьиный лев. Все, что могу – не вскочить, не броситься сломя голову.

– Леший, кидай вторую, чего ждёшь! – завопил я.

Но Лешему теперь не до гранат. На карачках, высоко отклячив зад, он по-рачьи, бочком, выдвигается из-за дерева. Лицо пунцовое, будто у того же рака, только варёного. Кажется, и этот попался.

Антон, хоть ты… и этому до меня дела нет, он с берёзой обнимается, по щекам слёзы текут. Эх, видно, пропал я!

Сквозь редкие кусты я увидел гиблое место. Граната лежит на ветках, прикрывающих ловушку, от неровного чугунного шара дымок поднимается, искорки летят. Показалось, слышно тихое шипение. Потом граната провалилась в логово.

И – бабахнуло!

Я успел заметить вставшую на дыбы землю, взметнувшиеся ветки, расслышал, как шуршат по листьям песчинки, а меж деревьев гуляет эхо взрыва. Голова чуть не разорвалась, внутри неё кто-то завопил. Это длилось меньше мига. Когда почудилось, что череп разлетается на осколки, наступила тишина. Земля во второй раз ударила меня по лицу.

«Да ладно, перестаньте, ишь, разошлись…», я замычал и попробовал уклониться от очередной пощёчины.

– Очухался, – долетел издалека голос Антона. – Контузило, что ли?

Я разлепил глаза, и увидел свалявшуюся от грязи рыжую бороду, в ней запутались мелкие щепки и травинки. Я замотал головой. Леший отстранился, и стало видно, что его тоже потрепало, на лбу кровоточит неглубокая ссадина.

– По жизни он контуженный, – сплюнул Леший. – Сам пойдёшь, или нести придётся?

– За меня не переживай, ты себя донеси, – огрызнулся я, потом встал и прислушался к ощущениям: ноги держат, хотя колени трясутся. А ещё звон в ушах, и холод в ладонях. Остальное, кажется, в норме.

– Полюбуйся, какого урода завалили! – сказал Антон. Я посмотрел. Не знаю, как оно выглядело при жизни, но сейчас это набор ошмётков, комочков слизи, обломков хитина. Всю эту гадость, вперемешку с кусками гниющей плоти, костями, рогами – останками львиных жертв – разбросало подле большой, двухметровой, ямы. Даже через густой запах взрывчатки пробилась вонь гнилого мяса. Перехватило дыхание, к горлу подступил комок.

– Ну, парни, думал, кранты! – сказал Леший. – Думал, не бабахнет! Умельцы, блин! Сварганили, блин! Засунуть её тому искуснику, и гайку выдернуть. Чтобы побегал!

– Ладно, не ворчи, – Антон пытался снять с ветки огромные, метровой длины, жвала. – Бывает, сам знаешь. Не дольше пятнадцати секунд, почти норма. Зато как рванула!

– Тебе пятнадцать секунд, а у меня вся жизнь перед глазами… – Леший опять сплюнул.

Я подумал, что эти пятнадцать секунд и мне показались вечностью. Антон, между тем, рассматривал упавшие с дерева жвала разорванного в клочья насекомого.

– Зачем тебе эта гадость? – поинтересовался Леший.

– Трофей, – объяснил Антон. – Архипу в коллекцию. Сменяю на табачок.

– Ну-ну. Сам тащи. Я даже не притронусь, – Леший сплюнул в третий раз.

– Трактор повезёт. Он железный, ему всё равно, какую дрянь возить.

– А и хитрая же скотина. Прямо у дороги окопался, – заговорил о другом Леший. – Запросто могли попасть. Точно, парни?

– Ага, запросто, – пропыхтел Антон. Чтобы не перепачкать одежду в обволокшей жвала слизи, он старался держать трофей на вытянутых руках. – Олегу скажи спасибо, вовремя почуял.

– Надо ещё разобраться, чего он там почуял, – пробубнил Леший. – Вона как его вставило. Чой-то у него с башкой, точно, не в порядке.

* * *

Жирная грязь цепляла сапоги, под ногами хлюпало. Появились лужи чёрной воды. Корявые, с чахлой больной листвой, деревья обметал жёлтый лишайник. Землю вместо травы укрыл ковёр из разноцветных мхов, а подлесок исчез. Больше не мелькали ящерки, зато кишмя кишели жирные бородавчатые лягушки. Неподвижный воздух звенел; в нём клубились тучи злющей мошкары. От неё одно спасение – настой комарника. Воняет, конечно, мерзко, и кожа потом зудит, зато болотные насекомые, от которых можно подцепить всякую заразу, не кусают.

Миновав небольшой, ничем не примечательный полустанок – обветшалый, с отвалившейся штукатуркой, домишко и устеленный подушкой белёсого мха перрон – мы вышли к железнодорожной стрелке, и повернули на восток.

Лес поредел, стали попадаться заросшие камышом несвежие озёрца. Потом камыш уступил место подёрнутой ряской водной глади, а деревья остались за спиной. Болото почти затопило насыпь, по которой мы шли.

Пустота! Я в жизни не видел столько не занятого ничем пространства. Лес чернеет где-то сзади, а вокруг ни деревца, ни кустика завалящего – лишь зелёная гладь болота, да приземистые кирпичные строения впереди. Солнце жарит, и никакой тени. Чувствуешь себя куском свинины на сковородке. Озираешься по сторонам, а взгляду не за что уцепиться – голова идёт кругом.

Небольшой тупичок. Забор давно сгнил и рухнул, только столбы, накренившись, торчат из воды. Ворота настежь. За ними – несколько домиков из белого кирпича. Рядом четыре цистерны подставили солнцу покрытые ржавчиной и облупившейся краской бока. Под тяжестью вагонов рельсы просели в болото; колёса по самые оси ушли в воду.

– Ещё глубже провалились, – забубнил Леший. – Ежели дожди не перестанут, в будущем году будем на лодках за соляркой плавать.

– А можно вагоны отсюда вытащить? – поинтересовался я.

– Вытащим, если знаешь, где найти паровоз! А не знаешь, так не болтай зря, – сказал Леший, и я заткнулся.

У цистерны внизу имеется специальный кран. Я по наивности думал, если его открыть, само и потечёт, успевай вёдра подставлять. Оказалось – не всё так просто. Грязь, вода и разные ненужные примеси

после долгого хранения на дне цистерны скопились. Эта гадость из крана и польётся, никакая фильтрация такой солярке не поможет. Нужно аккуратно, через горловину, чтобы не взбаламутить.

Леший сверху, ведром, привязанным к верёвке, горючее зачерпывает. Я другое, полное ведро Савелию опускаю, и при этом думаю, как бы не грохнуться с лестницы, на которой приходится балансировать. Савка тащит солярку к трактору, а там Антон принимает, и в бочку опрокидывает. И так – раз, второй, третий. Много-много раз.

Час поработали – отдых. Духота, я мокрую от пота куртку разложил на цистерне, пусть на солнышке прожарится. Самому бы не испечься; кожа, непривычная к загару, моментально покраснела на плечах. От запаха солярки и тухлой болотной водицы мутит. И покурить нельзя. Одно радует – перестал терзать внутренний холод, сделалось хорошо и спокойно.

– Ты в небо иногда поглядывай, – сказал Леший. – Место голое, от летунов негде прятаться.

Я послушно глянул вверх, а там синева – дна не видно! Показалось, затянет меня бездна, и пальцы непроизвольно в горловину люка вцепились. Тварей наверху я не увидел, но в глазах замелькали цветные пятна, когда я нечаянно скользнул по Солнцу взглядом.

– Видишь островок? – Леший махнул рукой вправо.

Я всмотрелся в болотную гладь. Из-за мелькающих пятен ничего рассмотреть не получилось, но, показалось, что-то в сотне шагов от цистерны, действительно, чернеет.

– Ну, – ответил я, – вижу.

– Вот тебе и ну! – передразнил Леший. – Раньше это холмик был, пешком до него ходили, а теперь, разве что, вплавь. Место там примечательное. Черно там, будто землю выжгли, даже мох не растёт. Смотри лучше: видишь, посерёдке, где кочка, скомканное тряпьё пестреет. Видишь, что ли? Так это Бармалей. Может, помнишь? Был такой лесник, здесь и гробанулся. Вообще, он нормальный был, но шибко любопытный – совался, куда не просят. И в тот раз понесла его нелёгкая глянуть, что за чудо посреди болота виднеется. И посмотрел, да никому рассказать не успел. Там человека и скрутило. Лежит, ничего ему не делается. Если в бинокль разглядывать – как новенький. Глаза открыты, а не моргают. Сквозь него и травка чудная проросла,

будто зелёные верёвочки опутали тело. Автомат рядом валяется. Бери да стреляй. Только дураков нету, за ним лезть.

– А что приключилось-то? – я присмотрелся внимательнее; то, что я принял за травянистую кочку, оказалось человеком. Тот будто задремал на солнцепёке, руки разметались, ноги вытянуты.

– Кто знает? Выбрался на островок, и свалился. Может, сердце встало, или кондрашка хватила, и нету здесь никакой тайны. Только до сих пор – как в мавзолее. Говорили дураку, не лезь, куда не просят, а ему интересно! Хотели вытащить, да никто и близко не подобрался: в ушах звенит, ноги слабнут. Бармалей на остров зашёл, а другие после него не смогли. Мы потом собак привели, и те не идут, поджали хвосты и скулят. Ты знаешь, наши псы не из трусливых, особо, если сворой, а тут – испугались. Стало быть, и нам там делать нечего! Подумали, Бармалей никого не трогает – и мы его трогать не будем. Я к чему говорю? В лесу не зверей бояться надо. Зверь, он, понятное дело, жрать хочет. Покажи ему, что ты круче, он и уйдёт искать добычу попроще. А бывают ещё непонятные места – лучше их обойти стороной, целее будешь! В лесу мне такие холмики не попадались, там чудеса другие, а мораль такая же: если не понимаешь – не лезь.

– Угу, – ответил я, – уяснил.

– А раз уяснил, нечего сидеть, горючка сама не перельётся.

Теперь Антон спускает вёдра с цистерны, а я на тракторной бочке сижу. Эта работёнка проще, пока Савелий туда-сюда ходит, можно отдохнуть. А то, что вонючим мхом от бочки попахивает, так от болота и от солярки запах не слабее.

Савелий, как и раньше, мотается по воде с ведром. Вот он под цистерной, а вот уже и нет его, лишь брызги взметнулись, да ил взбаламутился.

Я почти не испугался! Неожиданно всё произошло, потому и растерялся, не сразу бросился на помощь. Но автомат сам собой в руках оказался, а ещё через миг всё пришло в движение. Савка вынырнул из воды, рот раззявлен, глазища, что блюдца, руки, будто крылья мельницы, месят воздух. Тужится Савелий, напрягается, а его всё глубже в болото тянет. Леший сверху, от избытка чувств, матом кроет, Антон кричит что-то непонятное.

Когда Савка завизжал по-бабьи, я опомнился, прыгнул в воду. Около цистерн мелко, потом дно резко уходит вниз. Я бухнулся по

пояс в болотную жижу. Ещё несколько шагов – и вода намочила грудь. Протянул я Савке руку, тот клещом вцепился. Тащить тяжело, ноги увязли, но дело потихоньку движется. Пять шагов до цистерны, четыре…

Я разглядел тварюку, которая захотела утянуть Савку в болото. Прозрачное, студенистое туловище с веером нитевидных щупалец. Кажется, существо медлительное и неуклюжее, но оно уже обвило механика, и почти дотянулось до меня. Тонкий отросток прикоснулся к руке. Нежно тронул, будто котёнок лапкой погладил, но осталось гадливое чувство липкого, мокрого и склизкого.

Наконец, подоспел на помощь Антон. Ведро, которое он отшвырнул, плюхнулось в воду, по взбаламученной поверхности поползла масляная клякса. Свободной рукой Савка вцепился в протянутую ему руку.

Мы почти дотащили механика до цистерны, осталось сделать маленький шажок. «Давайте, парни», – орёт Леший сверху, и я даю. Ноги скользят по дну. Рядом спасительная лестница, уцепиться бы.

В этот миг Савкина ладонь выскальзывает из моей. Механик, вереща, и увлекая за собой Антона, валится спиной в воду. Я лечу к цистерне, лестница больно бьёт по лбу. На секунду темнеет в глазах, я с головой ухожу под воду, но тут же выскакиваю на поверхность. Руки сами ищут автомат. Не потерял? Нет.

Савка, Антон, напавшая на нас гадина – всё перемешалось, и не понятно, кто где. Туловище существа оказалось на мелководье. Ну, держись, тварь! Ствол «калаша» – в мерзкую, желеобразную гадость.

Тра-та-та-та-та.

Оружие пляшет в руках, эхо трещит над водой, разлетаются похожие на куски холодца ошмётки. Пули дырявят студенистое тело, а гадине хоть бы что!

Антон цепляет Савелия под мышки, я тоже спешу на помощь. Мы боремся, и вдруг существо начинает судорожно извиваться. Ага, не нравится! Тебе даже автоматные пули нипочём, что же тебя взбесило?

Понял, тварь пришла в бешенство от растёкшейся по болоту солярки. Эх, как корёжит, приятно смотреть! Экологию, значит, любишь? Ну, сейчас покажу тебе экологию!

Кидаюсь я обратно к цистерне, за спиной крик: «Куда! Вернись, гад!» Антон ещё держит, не даёт твари утащить Савку на глубину, а

тот хрипит, глаза из орбит вывалились. Нашёл я сливной кран. Вентиль не крутится, приржавел. Стволом автомата, как рычагом. Р-р-раз, два, поднатужились! Заскрежетало, провернулось, булькнуло, и – потекло.

Гадина словно взорвалась: рвёт, дёргает, тащит. Потом щупальца расплетаются, и тварь удирает.

Антон ведёт Савку к цистерне, тот еле ковыляет. А меня будто переклинило – ругаюсь, и вслед твари неприличные жесты показываю.

– Ты кран закрой, нечего добро разбазаривать, – спокойно говорит Антон. Савелий с трудом забирается на цистерну.

Наверху безопасно, и почти уютно. Металлический корпус весь день впитывал солнечные лучи, а теперь охотно делится с нами теплом. Одежда сохнет, мы загораем. Есть один приятный момент в этой ситуации – мы живы.

– Я бы тяпнул сто грамм, – угрюмо сказал Антон.

– А я бы двести, – поддержал идею Леший. – Слетай по молодецки, если не боишься.

– Запросто, – у Антона получилось нарочито бодро. – Не век теперь на бочке сидеть!

По воде расползлась большая клякса, любители чистой болотной воды едва ли сунутся. Проще простого – сбегать до трактора и обратно.

Пока Леший доставал еду из принесённого рюкзака, Антон присосался к фляжке. Он замер, вслушиваясь в ощущения, и на его физиономии зажглась довольная улыбка.

– Кажется, полегчало, – Антон сунул выпивку Лешему. Тот сделал несколько глотков, и передал самогон мне.

– Хлебнёшь? Для душевного равновесия полезно.

– Не откажусь, дядя Лёша, – сказал я.

– Дядя Лёша я для всяких сопляков. А свои Лешим кличут. Понял?

– Понял, – кивнул я. Пара глотков ядрёного пойла обожгла внутренности, тепло рассеялось по организму, хорошо стало! Один вопрос не давал покоя – как же я босиком домой пойду? Я же, как сидел на бочке в штанах и обуви, так и бросился на помощь – не было времени разуваться. Вот и остался правый сапог в болоте, теперь не

найдёшь в толще ила, да и боязно в воду лезть! Жаль, обувка-то почти новая.

Я протянул фляжку притихшему Савке.

– Как думаете, парни? Что за зверь к нам приходил? – спросил Леший. – Я о таких и не слыхал.

– Да кто же знает? Какая-то болотная амёба, – ответил Антон.

– Ты амёбов-то видел? Они во-о-от такие, – Леший показал, какие, по его мнению, бывают амёбы. – Их в очках не разглядишь, а эта вон какая. Ещё скажи – фузория туфелька.

– Тогда не знаю, – пожал плечами Антон, – может, не амёба. Может, гидра. Мало ли, какая дрянь здесь водится?

– Не гидла, а гнида, – промямлил Савелий, – у-у, сволочь!

– Гидра, гнида, без разницы! – Леший пристально уставился на меня. – Ты, Олег, лучше вот чего скажи; откуда узнал, что она солярку не любит?

– Просто показалось… – как ещё объяснить то, чего сам не понимаю. – Почувствовал.

– Просто, просто, – передразнил Леший, – Просто знаешь, что бывает? А тут не просто. Я, вот, не почувствовал. И муравьиного льва не учуял. Всё, парни, кончилась хорошая жизнь. В южном лесу никогда такой мерзости не встречалось. Значит, и нам надо усиливаться. Да и то…

Без солярки Посёлку нелегко придётся. Ходить сюда всё равно будут, и всякие львы да гниды лесников не остановят. Конечно, лёгкие, курортные прогулки на юг закончились, но… что же вместо сапога приспособить? Куртку на лоскуты разорвать? Жалко! Хорошая, ещё крепкая. Только босиком по лесу недалеко уйдёшь.

– А как думаете, – сказал я, – трактор может эти вагоны утянуть?

– Ишь, чего спросил, – усмехнулся Леший. – Это тебе не паровоз. Танк, наверное, утянет, а трактор – вряд ли. Не осилит.

– А если осилит? Давайте проверим? Только надо посмотреть, не на тормозах ли они? Не знаете, есть у них тормоза? – поинтересовался я. – Должны же быть? Без них технику на стоянке не оставляют.

– Ты бы что попроще спросил, парень! – немного подумав, ответил Леший. – Не инженер я, чтобы о таком судить. Вот если про зверьё разное… Савка, у вагонов тормоза бывают?

– Как у машины? – уточнил тот. – Стояночный толмоз?

– Да, наверное, – неуверенно согласился Леший. – Что-то вроде.

– Не знаю. Надо посмотлеть, как там устлоено.

Вскоре из-под цистерны донеслось бормотание механика. Потом внизу плескалось, скрежетало и постукивало. У Савки выветрились из головы прошлые неприятности, он думал о новом деле, а одновременно две мысли его мозги не вмещали, но мы, сидя наверху, сильно беспокоились. Мы высматривали, не всколыхнёт ли воду рябь, не заволнуются ли островки ряски. Глаза слезились от солнечных бликов, но мы всё равно следили за болотом. Через десять минут Савка забрался наверх, улыбка во всю физиономию, с голого тела вода вперемешку с тиной капает.

– Есть что-то, – он сковырнул с бедра пиявку. – Такая штучка, на баланку похожа. Леший, дай солялку, отмачивать надо, лжавое всё, не поедет. И под колёсами какие-то железки, к лельсам плилжавели, лом надо.

Солнце давно перевалило за полдень. Мы спорили, как лучше подцепить вагон, выдержит ли трос, а если лопнет, не хлестнёт ли по трактористу? Леший нудел для порядка: фигня, мол, это, вы все дураки, и затея ваша дурацкая. Ничего путного не выйдет, а время потеряли – будь здоров! Уже полпути до дома прошли бы! А если что-то с трактором случится, так Леший прямо здесь, без суда, всех троих расстреляет! Потом-то его Хозяин укокошит, но сперва он нас.

Заревел двигатель, заскребли, баламутя воду, гусеницы, тросы натянулись, будто струны. Трактор задрал нос. И… вагон не шелохнулся. Савелий подал назад. И снова вперёд. И опять назад. Леший ехидно ухмылялся, мол, а вы, наивные, чего ждали?

Ржавый скрип оцарапал уши, я вздрогнул от неожиданности. Что-то где-то сдвинулось, что-то прокрутилось, рельсы отпустили пристывшие, казалось, навечно колёса, и вагон, лязгая и скрежеща, тронулся с места. Леший подпрыгнул.

– Получилось, получилось же, чтоб вас разорвало! – закричал он, и полез обниматься.

Прицепили мы к цистерне бочку. Долгим, очень долгим оказался путь домой. Савелий часто останавливался и что-то проверял. Слышался надрывный скрежет. Механик извёл весь драгоценный запас масла, но всё равно вагон скрипел и громыхал, что-то постоянно перегревалось. И всё же мы двигались, хоть и со скоростью больной

жабы. Дома в этот день нас так и не дождались: трактор заглох, чуть-чуть не доехав до Нерлея.

День третий

Жизнь – стерва полосатая. Кажется, прикормил удачу – вот она, милая, клюёт из ладоней, и никуда улетать не собирается. Вдруг: «бац!» – клювом по лбу. Искры из глаз, да в голове сумбур; сразу и не сообразишь, во что вляпался, и как из этого выпутываться!

С утра масть попёрла, хотя вечером всё пошло наперекосяк. Починить заглохший трактор не удалось – лишь зря проваландались до темна. Леший изнервничался, Антон повздорил с Савкой, тот на всех обиделся и сказал, что шибко умные пусть сами ремонтируют дурацкую машину, а он без нужных запчастей чинить трактора не умеет. Когда стало понятно, что засветло мы в Посёлок не успеваем, пришлось думать, где переночевать. Искать приключения в ночном лесу желающих не оказалось – лесники вовсе не безбашенные, как о них думают. Предусмотрительные, это да – на всякий случай в каждом окрестном селении заимки устроили. Можно день в убежище пересидеть, а можно и дольше, если нужда заставит. Еда, тёплые вещи, кое-что по мелочи про запас приготовлено.

Схоронились мы в избушке; окна закрыты крепкими ставнями, дверь заперта на засов, а всё равно жутко; ни Ограды, ни дружинников на вышках – лес, буквально, за порогом. Железная печка вмиг нагрела затхлый воздух, и сделалось уютно, почти как дома. Только всё равно не дома, от каждого ночного звука мурашки по телу и уснуть не получается. Ночь коротали под разговоры ни о чём, а утром – ещё роса не просохла – вернулись в Посёлок. Когда мы подошли к Южным воротам, Савелий от избытка чувств загорланил песню. Тут я и понял – отпустило. Физиономии дружинников до того родными показались – облобызал бы каждого в колючие щёчки! Люди о нас уже беспокоиться начали, тут мы и явились: грязные, потрёпанные и без трактора – зато живые.

Хотели мы с дружинниками тяпнуть по законной чарке за возвращение, да Клыков прибежал; кто-то успел про нас доложить! Не до пьянства, надо быстрее к Хозяину, с вечера ждёт, ни есть, ни спать не может. Мы даже в порядок себя не привели, я завалился к Терентьеву, как был: в одном сапоге, босая ступня рукавом от куртки

перемотана, а сама куртка, теперь в виде безрукавки грязным лоскутом на плечах болтается.

Хозяйский кабинет намертво впитал запах махорочного дыма. Убранство – стол, три стула и скамья. На окне посеревшая от бесконечных стирок, занавеска. Пузырящиеся, выцветшие – рисунка не разобрать – обои. На стене фотография мужичка с пышными усами, рядом полка, а на ней приютилось несколько растрёпанных книг.

И Хозяин под стать кабинету – не очень. Угрюмый, ссутуленный, на веки легли тени, а глаза слезой подёрнулись. Поднялся Терентьев из-за стола, со всеми поздоровался. Рукопожатие невнятное – вялое и влажное, показалось, будто я снулую рыбу подержал.

– И где же вас черти носили? – тихо поинтересовался Хозяин.

Леший коротко рассказал о наших геройствах, особо подчеркнув, что трактор цел, хоть и сломан. Так это ерунда – Савелий починит, раз обещал. Зато цистерну с горючим почти домой привезли. Скоро всю солярку прямо в Посёлок доставим. Рисковать, ездить за тридевять земель, больше не придётся.

Хозяина эти новости взбодрили, лоб разгладился, на щеках робкий румянец проявился. Антон в подробностях наши приключения описал, где нужно, Леший сочными деталями разукрасил. В целом, недурно получилось – интереснее, чем на самом деле. Забавнее – это точно! Терентьев приосанился, улыбка появилась – любо-дорого смотреть.

– Эх, молодцы, – сказал он. – Очень кстати нам солярка, скоро может пригодиться. Порадовали вы меня! Ну, и я вас порадую.

И началась раздача наград. Щедрый человек Хозяин, с этим не поспоришь. Тысяча рублей – как с куста. Каж-до-му! Я сразу и не сообразил, что это богатство – мне. А когда понял, задумался, как его лучше использовать. Ни одной путной мысли с ходу не пришло. Бумажка, как бумажка: рисунок нехитрый, печать синяя, да подпись неразборчивая. Но с такой бумажкой можно припеваючи месяц прожить, а можно и два, если не очень шиковать. Хорошо лесники устроились! День поработал – и не о чем беспокоиться. Кто в лес не ходит, так и думает. И я так думал, но теперь кое-что повидал, а был всего лишь на юге. Тут, прежде, чем завидовать, разобраться бы надо.

Хозяин деньгами не ограничился – что деньги, он их, сколько нужно, нарисует. А премия – это душевно. Понимаешь, что хорошо

поработал, хочется и дальше продолжать в том же духе! Меня Терентьев наградил талоном на получение новой одежды. Видно, растрогал начальника мой вид. Хозяин собственноручно что нужно на бумажке начеркал, печатью по листку бахнул и расписался – всё, как полагается.

Потом мы сдавали оружие – та ещё канитель! Пока я втолковывал Якову, куда делись недостающие патроны, при каких обстоятельствах я их использовал, и в каком болоте затерялись стреляные гильзы, подумалось: проще дать себя сожрать, чем извиняться за каждый выстрел. Раз остался живым, слушай недовольное бормотание, и виновато разводи руками. Ладно бы, на словах оправдывался! Пришлось и объяснительную писать! Хорошо, свидетели, что нужно, подтвердили. Мой черёд радоваться настал, когда Яков узнал, что гранаты, взятой во временное пользование, увы, нет! Обхватив плешивую голову руками, он издал жалобный стон. Только я тут не при чём. Какая граната? Я гранату в глаза не видел… и, надо же, какая неприятность, никто не видел.

Почему-то совесть молчала, как рыба, и не высовывалась из-за того, что десяток патронов невзначай затерялся в моём кармане. Кто считал-то, сколько раз я пальнул в гидру? Когда вышли на улицу, я отдал заначку Лешему – ему нужнее.

Разобравшись с Яковом, на радостях заскочили мы в продуктовую лавку. Эх, ребятки, погуляем! Я из леса вернулся, да ещё и при деньгах!

Стучались долго, наконец, заскрипела входная дверь, и на белый свет высунулась заспанная физиономия Тоньки-продавщицы. Посмотрел я на неё, и мной овладело дремучее чувство вины, потому что на толстощёком, неухоженном лице женщины ясно читалось, что она думает о посетителях, которым с утра не терпится, и куда она всех нас собирается послать. Но Леший никуда идти не захотел.

– Что-то ты, девонька, не торопишься! – сказал он. – Видишь, мы из лесу вышли. Злые мы и голодные, и выпить хотим, а ты не открываешь. Плохо!

И Тонька, разглядев, кто пришёл, передумала скандалить, а вместо этого всплеснула руками, да заохала, как курица-наседка:

– Ох, вернулись, мальчишки! Да заходите уже, чего на пороге торчите?

Лесники сразу прошли в заднюю комнату, а оттуда – в погребок. Многие про это место слышали, да не каждый видел. Продукты там хранятся самые свежие, да такие, что не всем по карману, потому что за карточки не выдаются. А если не можешь купить, незачем и пялиться – слюной захлебнёшься, отвечай за тебя потом. Лесники тратили деньги, не стесняясь. Я, глядя на них, тоже решил не скромничать: взял кулек вяленых карасей, ведёрко с солёными груздями, палку твёрдой, как деревяшка, колбасы, и – сам бы не поверил, что смогу позволить себе это лакомство – варенье из лесной земляники. Обошлась такая роскошь недёшево. Ну и пусть, я даже тысчонку не разменял, хватило того, что осталось в кошельке с зарплаты. Благо, экономить пока не надо; бумажка, выданная Хозяином, вот она, бережно упакована в целлофановый мешочек до будущих времён.

Тонька присоветовала настойку – особую, на специальных травках и ягодках. Дома такого добра – хоть упейся, и всё же я поддался на уговоры.

Мы сидели на лавочке, солнышко припекало, настойка грела желудок. Хорошо!

– Что-то щедр нынче Хозяин, – проворчал Леший, вытирая губы. – Не к добру это. Мы ж не с севера пришли.

– Да ладно, всё нормально, – успокоил друга Антон. – Солярку, вон, привезли.

– Тут не в солярке дело. Помяни, Антоха, скоро пошлют нас, куда Макар телят не гонял. Как думаешь, пошлют?

– А ты не трусь, Лешак. Пошлют – сходим, – бодро сказал Антон, а Савка промолчал. Ему без разницы, что будет потом, главное – здесь и сейчас хорошо. Солнце светит, рядом друзья, бутылка ходит по кругу – зачем печалиться о завтрашнем дне? Улыбаясь, Савелий чистил карася, чешуя летела на землю, и механик запихивал её сапогом под лавку.

– Куда пошлют-то? – не понял я.

– Тебе что за печаль?– успокоил меня Антон. – Не бери в голову.Ты лучше вечерком заходи. Посидим, поболтаем. Придёшь?

– А что, приду, – пожелав удачи парням, я побежал домой. По пути я снова заглянул к Тоньке – очень понравилась её настойка, такой не стыдно друзей угостить, особо, если под приличную закуску.

Символически, за давешний день рождения и сегодняшнее возвращение.

* * *

После хорошего отдыха голова ясная, самочувствие бодрое, а настроение боевое – можно и с Мухомором поработать. Как он там поживает? А ну, подать его сюда, будем разговоры разговаривать! Благо, народ по делам разошёлся, никто нам не помешает.

В подвале промозгло и пахнет плесенью. Мокрицы, каждая со сливу, а некоторые – побольше, забились в щели; не успевшие спрятаться громко захрустели под сапогами.

– Дядя Миша, ты ещё здесь? – я ударил кулаком в дверь.

– Здесь, здесь. Куда от вас денешься? – голос у Мухомора что-то унылый.

– Чуток потерпи, – сказал я, – сейчас выпущу. Только ключ найду.

– Чё искать? – дверь отворилась. – Заходи, не заперто.

Вот те на! Я озадачился: какой болван оставил камеру открытой? Арестованному положено сидеть под замком. Конечно, дальше Ограды не убежит, но всё ж непорядок!

– Почему такой мрачный, дядя Миша? – я постарался скрыть растерянность. – Может, покормить забыли? Так мы это дело исправим.

– Кормили, – грустно сказал Мухомор, – кажись, вчера и поужинал.

– Ладно. Сообразим, что пожевать. Идём наверх, что ли?

От утренних деликатесов ничего не осталось, но еда попроще имелась, вдобавок Ольга наварила щей. Потчевал я Мухомора, как родного; ешь, дядя Миша, не серчай, если что не по нраву! Тот поел: от щей не отказался, ни салом, ни малосольными огурчиками не побрезговал. Вижу, расслабился мужик, подобрел. Стало быть, можно начинать душевную беседу.

– Что, – посочувствовал я, – так и сидишь?

– Так и сижу. Ольга сказала, мол, хочешь, оставайся, а хочешь, ступай себе домой, никто не держит. Завтра на суд явишься, там и решим, что с тобой делать.

– Понятно, – закивал я, – у нас, конечно, лучше. Накормят и напоят. Ладно, живи, если понравилось. Пусть хотя бы тебе хорошо будет. А я, понимаешь, второй день мучаюсь разными мыслями, всё

сообразить пытаюсь, зачем тебе столько ножей? Не хочу знать, ни где взял, ни кому отдать хотел. Просто разъясни – зачем?

Мухомор сильно удивился, взгляд участливым сделался, таким взглядом на безнадёжно сбрендившего смотрят.

– Дело-то ясное, гражданин начальник, – сказал барачник. – В хозяйстве любая железяка сгодится.

– Рыбку, почистить, деревяшку построгать, – согласился я. – Слышал. В эти сказки даже такой наивный мент, как я, не поверит. Признался бы, что побарыжить захотел, на водочку с табачком заработать, я бы понял.

Дядя Миша сыто рыгнул, на лбу испарина заблестела. Барачник лениво утёрся рукавом, и попытался объяснить непонятливому гражданину начальнику, что да, именно так, продать хотел! На этом барахле много не наваришь, но в нашей жизни любая мелочь – подмога. Щами Мухомора попотчевали – вкуснятина! За то гражданину начальнику благодарность, уважил! А в бараках щей-борщей не варят: мужичкам не до щей, любому кусочку рады. Думали, потерпим немного, а там облегчение наступит. Получается наоборот – с каждым днём хуже!

Я согласился, что жизнь тяжела – не в раю живём. Но в целом дядя Миша не прав. Кому сейчас легко? Всем трудно! Сознательные граждане терпят, потому что понимают…

Дядя Миша заявил, что граждане, может, и понимают, а ты, Олег, нет. Откуда тебе понять, коли живёшь ты у Хозяина за пазухой, оттуда и смотришь на мир. А ежели оттуда смотреть, мир другим, чем на самом деле, кажется! Мужики пашут с утра до вечера, что бы с голоду не помереть. Если б поселковые так жили, давно бы забузили, а барачники терпят.

Я ему сказал о том, что поселяне вкалывают не меньше – каждый на своём месте и все для общего блага. Незачем одних с другими сравнивать! Тем более, что у нас и так все равны.

Мухомор в ответ: все равны, но гражданин барачнику не ровня. У гражданина жильё, огород, и хорошая работа. У барачника голый зад, а вместо избы ячейка со шконкой.

Я спросил, что мешает в бараках огороды разбить? Земли навалом, было бы желание. Да мало ли возможностей? Если пруд вырыть, в нём рыба заведётся – ловить будете.

В ответ я услышал: земля, конечно, есть, с этим не проблема. Беда в том, что не остаётся ни сил, ни времени. В свинарниках от зари до зари. А знаешь, сколько хрюшки грибов съедают? Так для них эти грибы ещё вырастить нужно! И работы на пилораме никто не отменял. Попробуй, напили ручной пилой доски – семь потов сойдёт. Но это никому не интересно! Зато все интересуются, почему мяса не хватает, и почему план-норма не выполняется!

Я принялся доказывать, что завидовать гражданам не следует. Недовольные могут из бараков уйти, а если кто по-прежнему там живёт, значит, ему нравится! А если нравится, чего жаловаться? Кто хотел – давно в Посёлок переселился. Ежели принципы не позволяют с властями якшаться, и не надо. Живи, как человек, а большего никто и не требует. Рената, к примеру, возьми: когда-то вашим был, а сейчас – всеми уважаемый человек. Он смог, а вам что мешает?

Мухомор заныл, что некуда бедным барачникам податься! Со всех сторон доносится: «проваливай к хрюшкам, барачная крыса». И Рената в пример не надо ставить. Он когда ушёл? Давно, в самом начале. В те времена по-другому было, барачников за людей считали. А что сейчас? Руки не подадут. Мимо пройдут – отвернутся, а то и плюнут вдогонку, если думают, что не видим! В открытую хамить боятся, а нагадить по-тихому – могут! Поселковые как нас зовут? Пасюками да крысами. Понятно, большинство наших – из лесных ватаг. Было время, покуролесили, досталось от нас людям. Так ведь когда это было? Давно бы простили, да забыли! Дела в Посёлке вести приходится, у кого-то там дружки-приятели имеются – а как без этого? – за одной оградой живём. Только мы видим людское к себе отношение, и понимаем, что ежели и захочет кто уйти, в Посёлке его не примут… а, пожалуй, и свои не отпустят.

Я сказал дяде Мише, что есть в этих словах доля правды. Где-то он преувеличил, но в целом верно подметил – люди косо смотрят на барачников. А кто виноват? Сами виноваты! Вы к ним тоже без дружелюбия относитесь лошарами да быдлм считаете, при каждом удобном случае наколоть пытаетесь. А задираете их зачем?

Да, согласился Мухомор, от нас одно беспокойство. Разное случается, чего греха таить? Люди в бараках собрались норовистые, кто умеет жить по-тихому – переселились в Посёлок. Но вам-то что за дело, как мы промеж собой ладим? Конечно, могут, и в Посёлке

набезобразить, а милиция на что? Ловите хулиганов – тогда и порядок будет. Есть и у нас отмороженные, жаль, что по ним об остальных судят. Если разобраться, и среди поселян хватает пришибленных на всю голову. Мы же не кричим, что вы все такие!

Я согласился: у нас люди разные, с этим не поспоришь. Ангелов нет, за каждым глаз да глаз нужен. Но есть же границы.

Дядя Миша припомнил, что на днях один из поселковых двоих братишек порубил! Это, что ли, границы? И не в том беда, что душегуба отпустили, а ещё и в том, что вокруг полно другой несправедливости. Раньше люди хотя бы видели, что Хозяин жизнь организовывает. Думали – всё наладится, потому и терпели. Время идёт, чудища докучать перестали, можно бы порадоваться, да не радостно почему-то. Несправедливо устроилось: барачников теперь, вообще, за людей не считают, терпят, потому что работать кому-то надо – кто ж еще задёшево согласится в свинячьем дерьме копаться? Заступиться некому, человек в управлении Посёлка нужен, да такой, чтобы другим понятно объяснил, что барачники –тоже люди.

Этот человек – Пасюков? – попробовал угадать я.

Мухомор ответил: пусть бы и Пасюков – чем плохо? У одних одна правда, у других – другая. А что уважаем мы разных людей – это нормально, к этому надо с пониманием относиться.

Выбрав кусок сала потолще, Мухомор сунул его в рот. Пока жевал, я слова барачника в голове так и эдак повертел. Что получается? Пасюку надоело быть царём в бараках? Выше метит? Хочет порулить наравне со Стёпой Беловым, а, может, и вместо него? А там, глядишь, и на самый верх закарабкается – почему нет? Если за ним больше ста человек, если эти люди недовольны, если осмелеют настолько, что…

А если у них ещё и оружие будет?!

– Значит, ножи вам для того, чтобы жизнь по справедливости переустроить? Неужели против Клыкова пойдёте? – поинтересовался я.

Мухомор одолжился табачком, и объяснил, что понял я правильно, да не совсем:

– Против автоматов, конечно, не пойдём, дураков у нас нет. Дураки все померли, остались умные. Драться неохота никому, потому что это дело может выйти боком. Мы с вами пятнадцать лет за одним забором, и что? Вы граждане, а мы как были пасюками, так и остались.

Вот ежели покажем Хозяину, что мы сила – и без драки обойдётся. А если молчать – так и подохнем крысами. Нас мало, и вся сила у Клыкова. Если б он захотел, взял бы под себя Посёлок. И кто бы пикнул? Никто! Попробуй на такого дёрнуться – в капусту искрошит, и скажет, что так и было. Но, сам подумай – придёт время, и автоматы Клыкову не помогут. Патроны закончатся, а ножи останутся – такой интересный расклад выпадает.

Я задумался. Да, с патронами туго – пока есть, а завтра может и не быть! А что потом: самострелы, ножи? Барачники, значит, к этому и готовятся? Ну-ну, посмотрим. Если что, уж вас-то Клыков и без автоматов… этот церемониться не станет.

– Что-то не пойму, – спросил я, глядя в глаза откровенно ухмыляющемуся барачнику, – для чего ты мне это говоришь? Доложу Белову, он из тебя душу вытрясет, а про всё дознается.

– А не надо из меня душу вытрясать. Я и так, что спросите, расскажу. А куму непременно доложи, – Мухомор затянулся самосадом, – вдруг похвалит? Только я так думаю, что в этих делах кум лучше нас с тобой разбирается. Если бы ты что-то конкретное знал, тогда другое дело, а так… решать, конечно, тебе, стоит ли беспокоить человека из-за врак, да пьяных разговоров? Он сплетен больше нас с тобою слышал. А ты что подумал? В бараках и не такое по пьяни сболтнут, нельзя же всему верить! А для того, чтобы ты понял, про что мы думаем, я и рассказал. Ты меня в стука… э-э, предлагал сотрудничать. Я в камере отдохнул, и докумекал – в покое не оставите! Лучше с тобой иметь дело, потому что ты нормальный мент. У тебя к каждому свой подход, всех под одну гребёнку не стрижёшь и в грязь мордой только за то, что мы барачники, не макаешь. Или, к примеру, баба ваша, Олька: она, конечно, злая, но правильная. Справедливая! Мы таких уважаем. А то всякие бывают: к некоторым доверия ни на копейку – и с вашего стола жрут, и с нашего крошки подбирают.

– Зря не болтай, – сказал я резко. – Ты, вообще, о ком говоришь? Среди ментов крыс отродясь не водилось! Да с вас и взять-то нечего!

– Это как посмотреть! Немножко здесь, немножко там – и наберётся. Кто из ваших крысячит – не скажу, слишком я мелкая сошка, чтобы знать, но советом поделюсь – не со всяким откровенничай. Друзьям, и тем лишнего не сболтни. А то по

молодости да неопытности влетишь сам, и подставишь других. Я в жизни много чего повидал, и до сих пор живой. Значит, плохого не посоветую. Просёк?

Я кивнул, мол, понял тебя, дядя Миша. Наверное, врёт барачник, но, такое дело: несмотря на дружбу нашу крепкую, Ольга, если сую нос в её служебные дела, посылает далеко-далеко. Значит, даже мне до конца не верит. Не раз я над этим фактом задумывался.

– Если просёк, слушай дальше, – сказал Мухомор. – Кто знает, как повернётся? Если буча случится, может кровь пролиться, а мне пачкаться резона нет. Раньше удавалось мокрые дела обходить стороной, и сейчас не собираюсь в них залезать. Хороший ты парень, душевный, Хозяин тебя не зря выделяет. Не пропадёшь ты, если умных людей будешь слушать. А там и обо мне вспомнишь, заступишься по старой дружбе.

– Ладно, – сказал я, – посмотрим, как получится. За добрый совет, конечно, спасибо, да не о том сейчас разговор – мы с тобой об оружии говорили. Если действительно решил помочь, скажи, где ещё поискать? Ведь есть же, а?

– Откуда мне знать? Я говорю – мне бы спокойно жизнь дожить. Не лезу я в эти дела. Мне велели сходить, забрать да припрятать, и всё. Ты стукачков поспрашивай, что меня сдали, они ж, наверное, знают! А я не при делах.

Обмяк Мухомор после сытного обеда, лицо расслабилось – хорошо ему. Трубочка дымит, на плите чайник закипает, а молоденький мент, открыв рот, доверчиво слушает наставления тёртого мужика – что ещё для счастья надо? Самое время дожать Мухомора: несколько вопросов, глядишь, и ляпнет, забывшись, что-нибудь интересное. Я почти собрался поднести дяде Мише стаканчик шнапса – фирменного, ментовского, чтобы подумалось барачнику, будто в рай попал. Может, забудет об осторожности, язык и развяжется. Не успел я уважить дядю Мишу, потому что явился нежданный гость. Ох, не простого человека занесло к нам, совсем непростого! Сам Пасюк в гости пожаловал!

Не нравится ему, когда его так называют. Говорят, пытался он себе другое погоняло выдумать, а ещё, поговаривают, любит Пасюков, когда его по имени величают. Только в бараках по имени разве что близкого кореша назовут. Опять же, прозвище позабыть можно, а фамилия-то останется, от неё избавиться не выйдет. Есть такие, кто в глаза

побоится назвать человека прилипшим к нему ещё до Катастрофы прозвищем, а за глаза всё равно скажет, да ещё и ухмыльнётся ехидно.

Встал нежданный гость посреди комнаты, губищи в улыбке растеклись, зубы, как на витрине; каждый рассмотреть можно, и ни одного настоящего – все жёлтым металлом блестят. Сам здоровущий – на голову меня выше, и вдвое шире! Как вошёл – неуютно сделалось, пахнуло свинарником и немытым телом. Я от неожиданности растерялся – надо же, сам пришёл. Мухомор скукожился, хотя гость на него и не глянул.

Следом появился Захар. Щёки в пунцовых пятнах, губы до белизны сжаты, усы встопорщились. Видно – взбешен человек. Накостылял бы кому-нибудь, лишь бы повод нашёлся.

– Здравствуй, Олежка, – сказал, будто кот мурлыкнул, Пасюков. – Наслышан, наслышан о твоих подвигах. Молодец!

– Ага, – ответил я вежливо, – здрасьте. Чайку налить?

Я поднялся за чайником.

– Ты себе налей. А мне чаи гонять некогда, работа, понимаешь. Я на минутку, надо бы уладить одно недоразумение. Давай, Захар Викторович, как договорились.

Захар сел на моё место. Его взгляд пронзил Мухомора, желваки заиграли, а пальцы сжались в мосластые кулаки. Если бы на меня так глянули, я бы, пожалуй, струхнул. И Мухомора проняло. Потух дядя, вся самодовольная уверенность куда-то подевалась! А Захар посмотрел-посмотрел, и зарычал:

– Вали отсюда. Собирайся и… пока я не передумал.

– Как это? – не понял Мухомор.

– Так это, – процедил Захар. – Так это! Свободен ты, Михаил. Иди на все четыре стороны. С тебя сняты обвинения, ты опять честный гражда… тьфу, человек. Открылись новые обстоятельства, и в связи с этим… да, чуть не забыл. Я извиняюсь перед тобой за причинённое беспокойство! А сейчас – быстро встал и пошёл. И чтобы духа твоего здесь не было!

Мухомор понял, что ситуация чудесным образом переменилась, но ещё не понял, хорошо это для него, или не очень. На всякий случай он вежливо заулыбался. Я застыл с горячим чайником в руке. А Пасюков опять замурлыкал:

– Давай, Миша. Пойдём домой. Я всё уладил. Нечего тебе здесь околачиваться, чужие харчи лопать.

Мухомор наконец-то смекнул, что к чему, и сказал развязно:

– Я же знал, ты приятеля в беде не бросишь. Ты, Беня, человечище! Можно я тебя обниму?

– Ни к чему, Миша, ни к чему. Люди должны помогать друг другу.

Когда они уходили, Мухомор украдкой посмотрел на меня, и еле заметно пожал плечами, мол, а я причём?

Потом, когда Захар, махнув полстакана, немного успокоился, я поинтересовался:

– Объяснишь?

– Чего объяснять? Сам не видишь?! Попросили отпустить, вот и отпустил. Очень сильно попросили, – ответил почти спокойно Захар.

– Кто попросил-то? – ошарашено спросил я. Не так много в Посёлке людей, к чьим такого рода просьбам Захар может прислушаться. Человека три, самое большее – четыре.

– Тебе какое дело? Ну, Асланян, дальше что? Дабы не нагнетать напряжённость. Его слова, не мои. Так и сказал: «дабы не нагнетать напряжённость». Понимаешь?

Я не понял:

– Асланян что, совсем обалдел? Ему, вообще, какое дело?

– Мне плевать на Асланяна. Ты подожди. Немного подожди. Вот где у нас эти пасюки будут! – Захар сжал кулаки, показывая, где у него будут пасюки. – А сейчас не бери в голову. Работай, как работал.

И саданул кулаком по столу:

– Сволочи!

И ещё раз, гораздо сильнее:

– Суки!

* * *

Ржавый мялся; ладони суетливо комкали замызганную тряпочку. Его взгляд постоянно убегал, и я не мог за него зацепиться. Понятно – человечек волнуется. А чего, спрашивается, нервничать, если не виноват? Кое-какие его делишки мне известны – подворовывает немного. А кто безгрешен? Главное, Ржавый меру знает, не зарывается: там ненужную железку прихватит, здесь пару гвоздей в карман положит, а в Посёлке на металл всегда найдётся покупатель. Если кому инструмент нужно сладить, лопату, или нож – тоже к Ржавому

обращаются, сделает качественно, и дёшево. Каждый вертится, как может – понятно, жизнь у нас такая. Подружка у мужика, значит, деньги нужны – и это мне понятно: кому эдакое чучело без денег надобно? Опять же, если нужда возникнет, его всегда можно взять за одно место, и будет человечек весь наш. Но сейчас я пришёл по другому поводу. Так что, Ржавый, напрасно ты беспокоишься. Береги нервы.

– Что, – я в очередной раз попытался заглянуть Ржавому в глаза, – сумеешь такой ножик смастерить?

И показал один из конфискованных у Мухомора тесаков.

– Т-так это, – Ржавый стал заикаться больше обычного, видно, совсем разволновался, бедолага, – с-с-с-с-сумею. С-с-мас-стерю. Т-только разрешение нужно. Если милиция раз-з-зрешит, сделаю. А так не, не-не-нельзя.

– Ты что? – удивился я, – Я, по-твоему, кто? Я и есть милиция!

– Ну да, – заулыбался Ржавый, – Что-то я по-по-попутал.

Он взял нож, близоруко поднёс к глазам, зачем-то даже понюхал. Слюнявые губы брезгливо поджались. Вердикт оказался короток:

– Дрянь! Для чего тебе это?

– Да понимаешь, – я стал придумывать на ходу, – в лес мы вчера ходили. А там без такого ножа тяжко. Кусты рубить, ветки. Слыхал про мачете?

– А, – обрадовался Ржавый, – Так я те-тебе и с-с-сделаю ма-мачете, а не та-такую фигню.

– Договорились. А этот нож тоже делали с разрешения милиции?

– К-как-же, к-как-же, мы же по-понимаем. З-закон. Ты с-с-спроси у Толика. Он д-д-делал.

– Толик? – переспросил я. – Ладно, Ржавый, спасибо, ты мне очень помог. Когда придти за мачете?

– Так завтра ве-вечером и заходи. Будет в лучшем виде.

– Сколько за работу-то возьмёшь?

– Нисколько, подарок, – радостно брызнул слюной Ржавый.

– Ладно, там посмотрим.

Толика я отыскал во дворе под навесом, рядом с кучей металлолома, в которой он выискивал что-то подходящее для своих целей.

– Твоя работа? – я показал нож.

– Точно, моя, начальник, – не стал отпираться Толик, – а что, нельзя?

– Можно, если по закону. Разрешение есть?

– Разрешение-то? Было. Как же без него?

– И предъявить можешь? – не поверил я. Если у Толика есть эта бумажка, зачем бы тогда Мухомору париться в камере? Незачем! Объяснил бы, что всё по правилам, и никаких претензий к человеку не возникло бы. Опять же, стал бы он прятать легальное оружие? И Захар ни сном, ни духом.

– Не, нечего мне тебе предъявлять. Нет у меня. У Пасюка оно. Там всё, как надо. И печать, и подпись.

– Чья подпись? – поинтересовался я.

– Вот уж не знаю! Не разбираюсь я в ваших загогулинах. Печать стоит, подпись стоит, а кто расписался, ты лучше у Пасюка спроси.

– Ладно, – сказал я, – обязательно спрошу. И сколько, говоришь, ножей ты сделал?

– Сколько разрешили, столько и сделал. Пять штук, – соврал Толик.

– Не, – замотал я головой,- здесь не сходится. Больше, гораздо больше. Ты скажи, как есть, а то знаешь, что может случиться? Я ходил вчера за Ограду. Слышал? Конечно, слышал – все слышали! Плохо в лесу, врагу не пожелаю там оказаться. Подумай, стоит ли тебе?

Не хотелось Толику неприятностей. А кому хочется? Сомневаться человек начал. Посомневался минутку и пробурчал:

– Я для Пасюка много чего делал. Ножей – десятка два. Говорит, не волнуйся, это законно, документ есть. А сколько изготовишь, пять или двадцать, никто считать не будет. Нашёлся, говорит, покупатель. В долю, говорит, возьму. Разживёшься деньгой. Не обижу.

– Да, – опечалился я, – плохи твои дела, Толик. Как же тебя угораздило?

– А как откажешься? Он же Пасюк! Жить спокойно все хотят, начальник. Мне и с вами проблем не надо, а против Пасюка переть – ещё хуже.

– Ладно, – я беспечно махнул рукой, – что было, то прошло. Ты вспомни, оружие он сам забирал? Или кто ещё?

– Так это… Пасюк только договаривался. Потом его шестёрки здесь крутились. Корнил, Мухомор ещё, и Суслик бывал. А больше никого я не видел. Чё теперь будет, начальник?

– Чё будет, чё будет? Может, ничё не будет, посмотрим, как дело повернётся, – успокоил я Толика. Зачем хорошего человечка обижать? Глядишь, ещё сгодится на что-нибудь. – А другие работяги тоже Пасюкову… э-э… услуги оказывали?

– Врать не буду, начальник. Чего не знаю, того не знаю. Только барачники без ножа за голенищем на улицу не выходят. А где берут? Кто-то, значит, им делает, верно?

– Верно, – согласился я, – кто-то делает. Помог ты мне. Не болтай о нашем разговоре, и Ржавому скажи, чтобы не трепался. Мне же проще будет вас в это дело не впутывать.

– Вот за это спасибо, начальник. Я добро не забываю.

– Ладно, – сказал я в ответ. – Ещё свидимся.

Видно, придётся с Пасюковым пообщаться. Не лежит душа, а надо. Интересно, что за разрешение у него, и, главное, кем выдано, если милиция ни сном, ни духом? Вечерком к нему и загляну чаи погонять.

Веронику, женщину почти молодую, и вполне симпатичную заветный талон, выданный мне Хозяином, не сильно впечатлил. На бумажку кладовщица едва посмотрела, зато меня её взгляд ощупал с ног до головы. Потом, когда она шла вдоль стеллажей, настал мой черед таращиться на плавно покачивающийся пышный зад. Не прошло и трёх минут, как я примерял обновки. Вера объяснила, что подобрала одёжку из спецхранилища – такую самые большие начальники получают. Рада бы дать лучше, да лучше не бывает. Я заикнулся, что до начальства ещё не дорос, и услышал, что здесь Вера и есть самое высокое начальство. Уж она-то разбирается, кто до чего дорос. Героям положено лучшее, вот и бери, пока дают.

Неплохая одёжка. Куртка удобная, легкая, с капюшоном, и совсем не пахнет кожей. Добротные сапоги тоже сделаны весьма искусно, а новый, не ношеный, камуфляж, сохранившийся с тех ещё времён – вообще роскошь. И, что самое приятное, это богатство досталось мне практически даром.

Вырядился, как жених на свадьбу, сам на себя не могу налюбоваться. Вера одобрительно посмотрела: улыбка, искорки в

глазах, значит, и ей нравится.

– Ты заходи, – пригласила Вера. – Парень ты видный. Посидим, поговорим, чаёк попьём. Сам понимаешь – женщина я не простая, складом заведую. С такой, как я, дружить полезно. Коли подружишься, будешь как сыр в масле. Катька твоя, когда ещё вырастёт. А жизнь-то проходит. Да не красней ты, шучу я.

Может, и шутит, но с намёком. А намёки я понимаю.

– Ладно, Вера. Я очень польщён твоим приглашением.

Вера засмеялась:

– Это хорошо, что польщён…

Расстались мы довольные друг другом и в прекрасном настроении. А на улице к тому времени совсем распогодилось! Всё лето дожди, а тут – второй день солнце сияет, сейчас даже облаков нет! Я пробежался по лужам, куртка нараспашку, тёплый ветерок треплет волосы, улыбка на лице. Встречные улыбаются в ответ. Погожий день каждому в радость.

Вот и больница – Катюшка там работает, несколько дней не видел – соскучился, она же мне, как младшая сестрёнка; росли вместе, вместе играли.

Это здание: серое, хмурое, двухэтажное, построили задолго до Катастрофы. Кирпич потемнел от сырости, местами раскрошился. У основания наросла толстая подушка зелёного мха. Зато внутри тепло и сухо. Больничные палаты на втором этаже, а на первом оборудованы учебные классы. Здесь же библиотека и лаборатории, чтобы умники работали. «Работали», наверное, громко сказано. Непонятно, чем они вообще занимаются. Если честно, порой удивляюсь, за что мы их кормим? Признаю, какая-то польза от них есть. Например, ветряной генератор придумали. Молодцы, вещь нужная. Сделали бы ещё, чтобы ветер постоянно на него дул, цены бы не было такому изобретению.

Нам повезло, что в те давние времена среди заключённых оказалось несколько шибко умных людей, даже учёные были. Кого смог, Терентьев собрал в Посёлке. Я же понимаю, что прока от умников много, а вреда почти нет, и ворчу я не по-настоящему. Пенициллин, к примеру. За то, что учёные придумали, как его в наших условиях делать, можно позволить им оставшуюся жизнь ерундой страдать. Или вытяжка хмель-дурмана – без неё, вообще, никуда.

Однажды Хозяину пришло в голову, что ребятня должна получать лучшее, насколько возможно, образование. Зачем? А затем, что дети – это надежда. Хочется верить – конец человечества ещё не наступил, только ничто не говорит о том, что кроме нас на Земле остались люди. Потому нельзя утратить доставшиеся нам от прежнего мира крохи культуры и знаний. Есть разница, кто станет у истоков нового человечества – вооружённые дубинами дикари, одетые в звериные шкуры, или люди в кожаных куртках и с автоматами Калашникова? Хозяин считает, разница есть.

Вышло так, что языку меня учил настоящий писатель, математике – крупный спец по компьютерам, биологии – бывший заведующий кафедрой, химии – заслуженный учитель, а истории – просто забавный дядька, который почему-то называет себя философом. Получается - не такой уж я и тёмный! Честно-честно, могу и про гуморальную регуляцию рассказать, и модульное линейное неравенство решить. Жаль, никому это не интересно. Кстати, меня это тоже мало занимает.

Я шёл по длинному и почти не освещённому коридору. Еле слышно поскрипывали новые сапоги, пронзительно визжали под ними рассохшиеся половицы. И, надо же, навстречу Архип Петрович. В одной старой книжке про животных я видел на картинке журавля. Зоолог точно такой. Высокий и худющий, он шёл, забавно вскидывая голенастые ноги. На длинном носу болтались перемотанные бечёвкой, с трещиной на правом стекле, очки.

Я, бочком, бочком, хотел юркнуть в открытую дверь учебной комнаты, да куда там. Профессор меня увидел.

– А, Олег! Ты-то мне и нужен! – закричал он, глядя поверх очков близоруко сощуренными глазами. – Почему сразу не зашёл? Я, как узнал, что ваша группа вернулась, так и жду. Чай заварил. Фирменный. Знаю же – ты обязательно заглянешь, побалуешь рассказами. Жду, жду, а тебя нет и нет! Пойдём, буду слушать о вашем героическом походе!

Чёрта с два профессору наш поход интересен. Профессора всякая живность и растительность занимает. О том и будет спрашивать, а заодно мозги прокомпостирует умными разговорами. Но теперь от Архипа не отделаешься. Остаётся расслабиться и получить удовольствие.

– Здрасте, Архип Петрович! – радостно сказал я. – Ты же понимаешь – работа. Дел накопилось – уйма! Очень мне сейчас

некогда. Про то, как мы сходили, Лешего расспроси. Или Антона. Этот ещё лучше расскажет! А я пойду, ладно?

– Нет-нет-нет-нет-нет! – замахал руками Архип, и я понял, что улизнуть от профессора не получится. – Конечно, и с этими я при случае пообщаюсь. Но мне важнее, что скажешь ты. У тебя научный склад ума. Ты не забудешь деталей, и не переврёшь.

Делать нечего, раз профессор мне доверяет, нужно это доверие оправдывать. Я-то знаю, что никакой у меня не научный ум, а самый обыкновенный – как у всех. Когда я был мальчишкой, Архип попытался привить мне любовь к обожаемой им науке вообще, и к биологии в частности. Не его вина, что занятия казались мне скучнейшим делом – учёный старался. И я старался – изо всех сил делал вид, что мне ужасно интересно. Вот и выдумал Архип всякое, мол, научный ум у мальчика, и прочие аналитические способности. Иногда казалось, что, общаясь со мной, вспоминает он о чём-то другом. Бывало, назовёт студентом, а взгляд его при этом делается, как у пса, в которого запустили сапогом – грустным и растерянным. Когда я подался в милиционеры, Архип сильно расстроился. Видно, до последнего не оставляла его надежда, что я буду млеть от восторга, изучая богатый внутренний мир очередной убитой дружинниками твари.

Хоть диван у профессора ободранный и скрипучий, зато удобный; я развалился на нём, задрав ноги на подлокотник. В руке стакан с чаем: напиток остыл и пахнет банным веником. По уверениям учёного, этот чай бодрит лучше, чем настоящий, а по мне, пусть бы профессор заваривал смородиновые листья, или, хотя бы, мяту. Может, бодрости от них никакой, только и от этого отвара не много толка. Ну, как говорится, дело вкуса. Архип уселся на табурет; непритворное любопытство на лице. Что ж, если интересно – слушай…

Я рассказывал, почти не сочиняя и не приукрашивая. Профессор внимал, очки время от времени норовили соскользнуть с кончика носа, и Архип машинально возвращал их обратно. Перо скрипело по мятому клочку бумаги, губы профессора шевелились, будто он что-то диктовал сам себе.

Когда я закончил, учёный протянул мне бумажку. Там оказался рисунок. Чернила расплылись, но всё равно вышло красиво – натуральное чудо-юдо! Я бы ни за что не смог изобразить эдакое

страшилище. Кажется, Архип нарисовал то самое существо, которое Савелий обозвал гнидой. Правда, картинка совсем не походила на оригинал, но я уверил, что гнида именно такая – точь-в-точь. Профессор положил рисунок в стопку других, выполненных с чужих слов, изображений диковинных созданий, и поинтересовался:

– Ты знаешь, Олег, что я думаю по этому поводу?

– Что? – спросил я, хотя прекрасно знал, что думает Архип, он сам не раз мне об этом рассказывал.

– Это выдумка, – профессор вызывающее задрал подбородок, очки тут же шлёпнулись ему на колени. – Выдумка, и ничто иное. От начала, и до конца – выдумка.

– Знаешь, Петрович, – я стал прикидывать, как бы мне половчее улизнуть, понятно, что дальше начнётся совсем уж неинтересное. Сейчас я услышу, что нашего мира нет, потому что его не может быть. Вообще-то, я не прочь о всяких заумных философиях поговорить, только эта конкретная тема заезжена, и ничего, кроме скуки давно не вызывает. Я встал с дивана, и сделал вид, что слова профессора меня обидели. Я сказал: – Думаешь, мне больше заняться нечем? Сижу и вру тебе.

– Подожди, Олег, не обижайся, – Архип неловко водрузил очки на нос. – Дело не в том, что ты э-э-э, сочиняешь. Просто всего этого не бывает! Не бывает таких мутаций – не бывает, и всё тут! Мы – обитатели невозможного мира.

– Ага, – поддакнул я, – значит, всё вокруг нам снится! И здоровущего медведя не бывает? Того самого, у которого ты на днях потроха разглядывал?

– А что медведь? – отмахнулся профессор. – Медведь, как раз, в порядке. Ярко выраженный случай гигантизма. И даже эта, как её, гнида. По твоим описаниям нельзя точно классифицировать тварь. Возможно, действительно, мутация пресноводного полипа. Гидра, только большая и свободно перемещающаяся. В существование такого примитивного организма я готов поверить. Но муравьиный лев, прости, ни в какие ворота не лезет. Я правильно тебя понял? Ты имел в виду личинку насекомого, похожего на стрекозу, устраивающую ловушки в песке? Маленькая такая, сидит в ямке, и добычу поджидает.

– Ага, – я опять согласился с профессором. – Не знаю, личинка или нет, а ловушку она, действительно, построила. Только не в песке, а

в земле. И замаскировала ветками. А насчёт размеров точно не скажу, а врать не буду. Всё, что осталось после взрыва, поместилось бы в котелке. А жвала у личинки небольшие. Метр, всего-навсего. Их тебе Антон привезёт, когда Савка трактор починит. И не ждёт эта тварь добычу, а сама приманивает. Да так ловко, что и не захочешь – пойдёшь. А в остальном – верно.

– Вот, – обрадовался учёный. – Жвала около метра, говоришь? Значит, туловище ещё больше. Не могло у нас появиться насекомое таких размеров, у него трахеи вместо лёгких! Ты же знаешь, трахеи, не могут обеспечить крупное тело кислородом! Я всякое передумал, только, как ни поверни, а картинка не складывается. Может, в нашем воздухе кислорода стало больше? Так нет же, не похоже! Огонь-то так же, как и раньше горит. А излучение, которым лев тебя зацепил? Этот самый невидимый ментальный поводок? Не представляю, какой орган это излучение генерирует. У них даже мозга нет – вместо него ганглиевые узлы. Так что, сам видишь, не сходится.

– Тебе виднее, ты учёный, – не стал возражать я. – Не бывает, и ладно. Значит, нам показалось – всем одно и то же. А в прошлом году нашествие гигантских тараканов тоже показалось? Всему Посёлку, да?

– В том-то и дело, что не показалось. Были тараканы, сам видел, и про муравьиного льва не от тебя первого слышу. Я говорю, что существование таких монстров противоречит законам природы, а потому, невозможно. Внешние факторы, типа радиации, могут стать причиной мутаций. Ультрафиолет, опять же. Кстати. насчёт ультрафиолета: после ядерных взрывов озоновый слой должно было разнести в клочья. По идее, мы сейчас купаемся в этом самом ультрафиолете, только, вместо того, чтобы почернеть, как негры, ходим бледные, как поганки. Опять же, всякие оптические чудеса в атмосфере. Так вот, мутации… в подавляющем большинстве, эти мутации должны быть регрессивные. Я бы понял, если бы возникали стерильные, нежизнеспособные особи. А мы, вместо этого, наблюдаем лавинообразную эволюцию. То, на что нужны миллионы лет, происходит у нас на глазах. Появляются невероятные, но вполне успешные создания, появляются сразу и в большом количестве, будто приходят из какого-то чуждого для нас мира. А потом так же быстро уступают место другим. Я этого не понимаю, значит, лучше считать, что это – галлюцинация.

– Да, – съехидничал я, – твари нам мерещатся, а на самом деле вокруг тишь да гладь. Куда ни посмотришь, везде идиллия. Сходил бы ты, профессор, за Ограду, там галлюцинации стадами бегают.

Профессор из тех, кому необходимо, чтобы настоящий мир в точности совпадал с его представлениями об этом самом мире, он не успокоится, пока не придумает для всего научное объяснение. Но если уж придумал, начинает он сиять – будто денежку нашёл! Пусть, у каждого свои радости. Мне, например, по барабану, откуда берутся твари, и какой в них смысл. Кто-то говорит, что кроме атомных бомб здесь взорвали, биологическую, и мутации вызывает специальный вирус. Другие предполагают, что в Серове занимались чем-то подобным, отсюда приходим к тому же самому вирусу, только нашему, родному, вырвавшемуся на свободу из секретных лабораторий. Каждый верит, во что хочет верить, и лишь немногим интересна правда.

Лично мне достаточно и версии с радиацией. Если Архип считает это ненаучной ерундой, пусть сам ищет устраивающие его объяснения, а мне хватает того, что я вижу этих тварей собственными глазами.

– И Терентьев говорит, что, как философская концепция, мои умствования представляют некоторый интерес, но к реальности отношения не имеют, в чём легко убедиться, посмотрев в окно, – грустно сказал профессор. – А насчёт похода за Ограду – обязательно схожу. Скоро уже. Тут большая экспедиция намечается. Не знаешь, что ли?

Я помотал головой, в первый раз, мол, слышу.

– И ладно, кому надо, те знают. Я давно за Терентьевым ходил, уговаривал. Сначала он ругался, предлагал идти лесом и говорил, что нет у него желания каждому кретину объяснять, что он кретин. Если кому-то хочется без пользы сгинуть, так это и в Посёлке можно, зачем в такую даль переться? Ладно бы, недалеко просился, хотя бы, в Нерлей! Я ему объяснял, что в Нерлее я ничего не забыл, не интересно мне в Нерлее, мне бы куда подальше, и вообще – интеллигентным людям негоже так ругаться; интеллигентные люди всегда находили общий язык, давай и мы попробуем. Так бы и препирались, но тут стали экспедицию собирать. Наконец, сообразили, что там, куда они пойдут нужно не только уметь стрелять, там не плохо бы ещё и думать. Может, ценные записи попадутся. Они сами ко мне пришли, и

попросили, чтобы я вызвался добровольцем. Поняли, что без науки никуда. И что же, что я не лесник? Кое-кто другой тоже в лесу ни разу не бывал, и ничего, идёт, хотя неизвестно, кто из нас полезнее будет! Я знаю про лес побольше других-некоторых! Где нужно работать кулаками, я, конечно, слабоват. А если голова понадобится, тогда и пригожусь. Может, и за тебя похлопотать? С нами пойдёшь!

– Знаешь, не стоит.

– Как хочешь, – сказал Архип. – Было бы неплохо вместе в лесу побывать.

– Ага, – обрадовался я, – Было бы просто здорово!

А сам подумал: не нужно мне такого счастья. И без умников там не сахар, а с ними, так вообще. Да как может взбрести в голову: самому, добровольно, туда… сиди в тепле да сухости, изучай пришлых тварей, да картиночки рисуй. Чего тебе ещё-то надо?

* * *

В бараки даже менты без особой нужды не суются, там чужая территория. Тем более – дело к вечеру, значит, «макаров» лишним не будет. Нож – подарок Степана – за голенище, и вперёд.

Раньше зону огораживал забор, поверху – колючая проволока, на вышках – вооружённая охрана. Сейчас вышки перенесли на Ограду, колючкой опутали северную границу, а забор использовали для разных поселковых нужд. Одинокие ворота там же, где и прежде, но теперь они распахнуты настежь, а вокруг разросся кустарник.

Около ворот я заметил подозрительного типчика: стоит, опершись плечом на створку, дымит сигареткой, лицо капюшоном от начавшего накрапывать дождика закрыл.

– Здорово, Олег! – помахал типчик рукой, оказалось, и вовсе он не подозрительный, а свой, прожжённый ментяра Сашка Зуб.

– И тебе здорово! – ответил я.

– Каким ветром занесло?

– Дело у меня к Пасюкову.

– Ого, – Сашка присвистнул. – Если нужен – вызови к нам. Захочет – придёт. А не придёт – ещё раз вызови. Не дело это, самому в крысятник ходить – много им чести.

– Да мне задать пару вопросов.

– Ну, как хочешь. А может, вместе пойдём? Оно спокойнее будет.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, – справлюсь. Дельце-то пустяшное.

– Ну, как знаешь.

Серые бараки угрюмо выстроились в шеренгу. На них посмотришь – уныло становится, а жить здесь – вообще тоска. Даже пахнет это место гадко: гнилью, безнадёгой и нечистотами. На лавочке сгорбилась женщина – неопрятная и потухшая. Дуська – личность в Посёлке известная.

– Хочешь? – угрюмо спросила она, распахнув ватник. Наружу вывалились обвисшие сморщенные груди. Ощутимо повеяло крепким перегаром.

– Отвали, Дуська, – брезгливо сказал я. – Чё к людям клеишься? Местных не хватает?

– Козлы эти местные. Что с них толку? Измучают почём зря. Хорошо, если за выпивку. А могут и по-простому – в глаз двинуть. Козлы и голодранцы. А ты – парень другого сорта.

– Вроде не совсем глупая баба, – сказал я. – Выпороть бы тебя, может, за ум бы взялась?

– Вот и выпори. А хочешь – отпори. Тебе как больше нравится?

– Дура, – плюнул я, и нырнул в подъезд. А вслед услышал равнодушное:

– Тоже козёл… как жить? Одни козлы вокруг!

В бараке запах крепкой махорки перешибает все прочие ароматы. Деревянные щиты разделили помещение на ячейки. Везде, где осталось свободное пространство, развешена сушиться одежда – от неё разит сопрелым тряпьём. Полумрак – на весь коридор два маленьких окошка, а в большинстве ячеек окон вообще нет. В одной из таких нор и обитает Пасюков.

В ответ на вежливый стук из-за двери проворчали: «Кого черти принесли! Заходи!» Я зашёл. Комнатка небольшая, зато через окошко в неё проникает бледный вечерний свет. В углу самодельная буржуйка – тоже, по местным понятиям роскошь. Стол, деревянная кровать, полка на стене.

Сам Пасюков разлёгся, отдыхает после трудного дня. На нём – только штаны. В одежде он казался здоровяком, сейчас видно – жирный пузан. Под седым курчавым волосом, покрывшим тело, просматривается картинная галерея – множество нехитрых синих

наколок. Днём Пасюков лучился добродушием – сейчас на физиономии недовольство пополам с удивлением. Дескать, не ожидал я тебя здесь увидеть, парень, да вот увидел, и не очень обрадовался.

– Ого, кто пожаловал! Наш герой! – Пасюков удивительно проворно для грузного человека сел на кровати. – Чем обязан?

– Да вот, – ответил я, – шёл мимо, решил заглянуть. Уважить.

– Ну, заглянул, – проворчал Пасюков, – ну, уважил. Дальше что?

– Ничего, – я поискал глазами, куда бы присесть, и увидел в углу трёхногий табурет.

– Возьми с печки чайник, – попросил Пасюков, а сам достал с полки две кружки. – Сейчас мы с тобой по чайку вдарим. У меня крепкий, зараза. Люблю, понимаешь, чтобы покрепче. Только сахара нет, уж извиняй.

Алюминиевые кружки вызвали некоторое сомнение: снаружи почернели от времени, а изнутри к стенкам прилип густой коричневый налёт. Я подумал, что в гостях не привередничают, и стал разливать из чайника пахучую жидкость. Пасюков следил за мной тяжёлым взглядом.

– Ты по поводу Мухомора, что ли? – спросил он. – Я думал, мы это дело закрыли!

– Чёрт с ним, с Мухомором, – махнул я рукой. – Мне другое интересно. В мастерской говорят, что у тебя имеется документик, разрешающий делать ножи. Посмотреть бы.

Пасюков даже глаза вытаращил.

– Ты, Олежка, меня в эту ерунду не впутывай! – с угрозой в голосе отчеканил он. – Тебе же спокойнее будет! А разрешение, да, есть. На пять разделочных ножей – мы на свиноферме работаем, хрюшек режем! Поручил я это дело Мухомору, а он, понимаешь, жадный и глупый, вот и попал в историю. Как со слесарями договаривался – не знаю. Наделали они лишних инструментов, пусть и отвечают. А с Мухомора будет особо спрошено, по-нашему. Мы ему мозги-то вправим!

– Ладно, понял, – я деликатно отставил в сторону кружку с чаем. После глотка этого напитка язык онемел, будто я объелся лесной черёмухи. Уж не знаю, из чего здесь изготавливают это ядрёное пойло, но без привычки много употребить не получится. – Извини, что

побеспокоил. Кстати, насчёт разрешения – можно глянуть? Так, для порядка.

– Отчего ж нельзя? – Пасюков насмешливо сощурил глазки. – Где-то лежит. Здесь я, понятно, бумажек не держу. А ты, ежели такой любопытный, завтра приходи ко мне на ферму, там увидишь. Да не переживай, документ в порядке: и печать имеется, и подпись Асланяна. Всё, как положено.

Опять Асланян каким-то боком к этому делу притёрся! Хотя, кому ещё подписывать такой документ, как не завхозу?

Ничего нового я не узнал, да не очень-то и рассчитывал. Пасюков – большая рыба. По местным, барачным, меркам – акула, да и в посёлке величина заметная. Не по мне она. И ладно, на мальках отыграюсь. Уж с ними-то другой разговор выйдет, с ними обойдёмся без церемоний. Корнил, и, этот… которого Сусликом кличут. Раз я здесь, надо с ними пообщаться – чтобы второй раз не ходить!

Вышел я из барака. На лавочке у крыльца, там, где прежде Дуська сидела, теперь мелкий и востроносый дед расположился. Я вспомнил, что старичка зовут Митрием.

– Слышь, батя, – позвал я, – Корнил и Суслик, знаешь таких? Дело у меня важное, покажи дорогу, а я тебя за это куревом отблагодарю.

– Да я с удовольствием, погоди минутку, – старичок, почуяв возможность разжиться махоркой, обрадовано юркнул в барак. Конечно, за минуту дед не обернулся, но воротился достаточно быстро – он нацепил ватник, и дырявую вязаную шапочку.

До нужного барака всего-то сто шагов. Только сперва дорогу нам перешла развесёлая баба с пустым ведром, и деду захотелось общения со слабым полом, затем провожатый, авансом за будущую работу, одолжился табаком, а когда закончился перекур, деду приспичило помыть в луже сапоги. И всё же, мы дошли. Старичок проводил меня до нужной ячейки. Я постучал, в ответ – тишина. Я поднял щеколду, дверь отворилась, за ней темнота, пустота и ещё не развеявшийся запах недавно затушенной лучины.

– Ну, батя, – сказал я, – хороший из тебя проводник. И где теперь искать?

– Не знаю, – сокрушённо вздохнул дед. – Ежели к бабе своей побёг, тогда у неё.

– Ага, – съехидничал я, зажигая лучинку, – сильно ему приспичило. Сидел, и вдруг захотел бабу! Даже недокушал, бедняга.

– Оно ведь такое дело – по-разному бывает!

Я осмотрелся. Разостланная постель. На тумбочке миска, в ней покусанная картофельная лепёшка, которую, воспользовавшись отсутствием хозяина, грызёт наглый рыжий таракан. Ничего подозрительного. Скорее всего, на самом деле, по делам ушёл человек.

– А может, и не к бабе, – начал рассуждать дед. – Может, покурить вышел, или до ветра. Ты подожди немного, раз у тебя важное дело, а я на воздух пойду, мне полезно перед сном свежим воздухом дышать.

Пока я раздумывал, ждать, или зайти в другой раз, дедушки и след простыл – и обещанного табака ему не надо. Ладно, у самого быстрее выйдет, чем с таким помощником.

На улице посерело, ветер плеснул брызгами дождя. Едва добежал я до нужного барака, мне навстречу вышел Суслик. За плечами у него рюкзак – увесистый и подозрительный. Может, не узнал бы я барачника: сумерки сгустились, а Суслик, вдобавок, капюшон до носа нахлобучил, только нервишки у человека сдали, меня увидел и к стене прижался. Тут я и понял, кто передо мной. Суслик поборол оторопь, но мимо проскочить у него не получилось, ухватил я беглеца за ворот, и снова к стенке прижал, теперь носом.

– Далеко ли собрался? – спросил я, – Покурить, наверное, или в туалет?

– Ага, это… в сортир я, – промямлил Суслик.

– Ладно, бедняжка, пошли, – я легонько подтолкнул барачника к открытому подъезду. – Потерпишь чуток, не обгадишься. А рюкзак лучше мне отдай. Тяжёлый, небось?

Сопроводил я Суслика в его же ячейку, он покорно сел на кровать. Я запалил лучину.

– Ну, – я посветил Суслику в лицо, – признаваться будешь?

– Я же ничего не сделал, начальник! – Суслик часто-часто заморгал красными глазками.

– Что-то, наверняка, сделал, – ответил я, осматривая комнату. – Сделал, раз убежать хотел. Кто предупредил-то? Дед Митрий или кто другой?

Я огляделся – убогое и грязное жилище. В углу, на истоптанных и заплёванных половицах аккуратно, будто коврик, лежит ватник –

наверное, неспроста. Отодвинул его ногой, и точно – показалась щель. Кусок половой доски выпилен, и получилось место, подходящее для небольшого тайника.

– Там, что ли прятал? – я начал распутывать рюкзачные завязки.

Тут нервы у Суслика не выдержали, на колени он бухнулся и куртку на груди рванул – аж пуговицы в разные стороны брызнули. Заголосил барачник:

– Не моё, клянусь, не моё!

Не ожидал я такого, на миг остолбенел. Дурак ты, Суслик, ох, дурак! С тобой надо ухо держать востро, потому что дураки непредсказуемы.

– Разберёмся! После расскажешь, чьё, – я вытряхнул содержимое рюкзака на пол. Металл глухо зазвенел по доскам, у меня рот сам собой от удивления распахнулся. То, что там будут ножи, предполагалось. Но пистолет Макарова – круто! Двуствольный обрез – тоже сильно! А это, случайно, не граната закатилась под лавку? А вот ещё мешочек. Патроны? Нет, слишком лёгкий. Шишки дурмана – вот что это! Удивил ты меня, Суслик, очень удивил! А я-то каков! Ай да я! Ай да молодец! Тоже, выходит, не зря ментовский хлеб ем! В Посёлке стволы наперечёт. Да что стволы! Мне патроны выдают под роспись, а здесь – мешок оружия. Дела…

– Не твоё? – спросил я. – Чьё же?

Тут барачник и понял: пришла пора отчаянных поступков! Трясся человечек, сидя на полу; голова виновато поникла, лицо перекривилось в страдальческой гримасе. А в следующий миг Суслик, завизжав, как баба, изо всех сил дёрнул меня за ноги. Хорошо, что комнатёнка крохотная, иначе рухнул бы я на пол, а так лишь спиной навалился на стену. Дальше и вовсе удачно получилось: брыкнул ногой, сапог впечатался в физиономию. Потом я ещё пару раз, от избытка чувств, двинул Суслика – по рёбрам да по уху. К тому времени барачник лежал на спине, прижав руки к носу, а из-под ладоней хлестала кровь. Суслик выглядел жалко и беспомощно, такого и бить не в радость. Но пистолет лучше держать наготове – ну его к чёрту, непонятно, что на уме у этого психа!

Плохо, что я один. Знал бы, чем обернётся…

С этим хлюпиком я легко справлюсь, не в том проблема. Проблемы начнутся, когда на шум прибегут барачники. Ладно,

понадеемся на то, что здесь не принято соваться в чужие дела.

Собрал я рассыпанное железо обратно в рюкзак, мешочек с хмелем положил в карман. Эх, даже наручников с собой нет; я и помыслить не мог, что пригодятся. Мне, хотя бы верёвку.

– Ну, – я закинул рюкзак на плечи, – вставай, руки за спину, и чтоб никаких больше глупостей.

– Ты же бде дос сдомал, – захлюпал Суслик.

– Не плачь, – успокоил я, – не долго тебе мучиться, виселица вылечит. Вставай и топай.

Ливень припустил нешуточный, ветер срывает капюшон, а вокруг темень – за десять шагов ни черта не видно! Суслик идёт впереди, руки за спиной, я в двух шагах сзади. А чтобы у барачника даже мысли дурной не возникло, я время от времени подталкиваю его стволом пистолета в спину. Напоминаю: не глупи, мол, я на стороже. А голова одним занята – не оступиться бы, не грянуться в слякоть.

Безлюдье: кому придёт в голову гулять ночью под дождём? И всё ж не перевелись любители прогулок на свежем воздухе – около ворот я разглядел едва заметные в темноте силуэты. Кажется, двое. Мне-то что за дело? Ждут кого-то, и пусть ждут.

– Братишка, табачком не богат? – прозвучал гундосый голос.

И оба, вразвалочку, ко мне – один справа заходит, второй слева. Не дурак, понимаю, что попал на крысюковский гоп-стоп! Но в Посёлке, где мента Олега Первова каждая собака знает? Вы, наверное, перепутали, кого-то другого ждали? На всякий случай, стараясь, чтобы получилось вежливо, говорю:

– Мужики, освободи дорогу. Милиция!

– Нет, так нет. Чего ругаешься? Мы нормальные слова понимаем! – а сами ещё на шажок приблизились. Точно, будут бить!

– Суслик, замри, – говорю, а сам затвор пистолета передёргиваю, чтобы показать: не лезьте, себе дороже выйдет.

Остановились крысюки. Хотите приключений? Сейчас…

Ох, ё… ошибочка вышла! Бить меня не собирались. Они хотели меня убить. Эти двое отвлекли, а третий сзади подобрался – в кустах сидел, что ли?

За спиной послышался звук чавкающих по грязи сапог, я дёрнулся, но обернуться не успел. Точно, везунчик я! Убийца всадил нож в набитый железом рюкзак: то ли моё движение сбило его с толка,

то ли в темноте не разглядел, куда бьёт. Лезвие бандитского ножа сломалось, но толчок получился чувствительный. Я развернулся, ноги заскользили по раскисшей земле, и мне помогли рухнуть плашмя в грязь. Фонтан брызг, лицо ткнулось в мокрую траву, и пронеслась дурацкая мысль: «чёрт, куртка-то новая, на куски порву гадов!»

Приподняв голову, я увидел, что Суслик норовит удрать. Куда? Всё равно найдём! Но бежать от меня – наглость! Я кричу: «Стой, гад, стрелять буду!» Выстрел, а следом – сухой щелчок. Осечка! Так бывает – патроны старые – но почему сейчас, чёрт возьми? Ведь уйдёт!

Передёрнуть затвор я не успеваю, что-то падает мне на спину. Гундосый барачник пытается вырывать пистолет – пальцы хрустят, я рычу сквозь стиснутые зубы, но оружие не выпускаю. Капюшон сорван, горячее дыхание в затылок, чесночный перегар, тихая сдавленная брань. Кто-то хватает за волосы, тянет. Прижимаю голову к земле. Трава щекочет лицо. Вода и грязь во рту.

– Чего копаешься, кончай его! – командуют из темноты.

– Давай сам, у меня перо сломалось, – хрипят над ухом.

Сгибаю в колене левую ногу, рука тянется к сапогу.

– Вертится, гад! Чего уставился, режь!

Дотягиваюсь. Нож на месте.

Крепкий удар по затылку. Искры из глаз, лицо вжалось в землю. Не могу вздохнуть – ноздри забила слякоть.

– Чего стоите? Помогайте! – сипят над ухом.

Сжимаю рукоятку ножа.

– На, сука, получи! – гундосят рядом.

Удар по рёбрам. Воздух со свистом вылетает из груди. Судорожный вдох!

Нож в руке. Бью наотмашь за спину. И ещё раз. И ещё. Лезвие без труда входит в мягкое. Хрип. Булькающий звук. На затылок льётся густое и тёплое.

Скинуть со спины тяжесть. Вскочить на ноги – чёрт, в голове стучит, колени подгибаются. Передёрнуть затвор пистолета, чтобы вылетел негодный патрон.

– Ментяра, сука, Ваську зареза-а-ал!!!

Барачник, что напал сзади, теперь лежит на боку, ноги поджаты, а руки размётаны. Двое поодаль, и патронов у меня два. Значит, промахиваться нельзя. А если снова осечка?

– Кто следующий, – выплёвываю сквозь частое дыхание, – а ну, подходи.

Стрелять не пришлось. Из бараков на улицу высыпали люди. Зажёгся один фонарь, за ним второй, донеслись голоса. Барачники переглянулись, отступили. Гундосый сказал:

– Живи пока. Недолго тебе осталось. За Ваську ответишь!

И оба ушли в темноту.

– Эй, стоять, – неуверенно проговорил я. Почему-то не остановились.

За барачниками я не побежал, в любом случае найду, куда они денутся? Но это потом. Сейчас для подвигов не осталось ни сил, ни желания. Зато растерянности – хоть отбавляй. Как они могли? Меня? Свои же, поселковые. Ну, хорошо, это барачники, но всё равно. Сказали бы мне час назад, что такое возможно – как бы я посмеялся!

Спрятал я нож за голенище, потрогал затылок – там набухала здоровенная шишка. Волосы слиплись от крови – то ли моей, то ли Васькиной.

Подоспели люди. Близко пока не подходят, но скоро решатся. Они ещё не сообразили, что произошло, и как на это реагировать. Лежит окровавленный труп, рядом грязный и такой же окровавленный человек размахивает пистолетом – ничего себе картинка!

– Разойдись, – закричал я отчаянно, – покинуть место преступления, живо! Работает милиция!

Сначала – тишина, потом из толпы донёсся голос Пасюкова:

– Братцы, что же делается?! Долго будем терпеть беспредел?! Сыч наших положил, теперь этот ментяра Ваську порезал! Извести нас решили, сучары!

– Пасть закрой! – сказал я зло, но предчувствие беды хлестнуло жгучей болью по колотящему в рёбра сердцу. – Смелый за чужими спинами прятаться? А ты сюда выйди. Один.

– Люди, – продолжал орать Пасюк из толпы. – Сколько терпеть будем? Дождёмся, когда всех порешат? Нас же много, проучим падлу!

Неуверенный ропот. Они ещё не решились, но достаточно искры, и толпа учинит самосуд. Ощущаю, как вокруг сгущается тупая злоба. Ещё немного, и…

…наконец-то! Появился патруль, значит, жить будем! Вовремя вы, парни!

Сквозь толпу, раздвигая плечами оторопевших барачников, протиснулись Захар, Игорь и Витька.

– Не с места. Оружие на землю. Руки за голову!

Я бросил пистолет, а рот в улыбке расплылся. Пронесло…

– Ребята, это я.

Тусклый свет масляного фонаря плеснул в лицо. Глаза у Захара сделались большими-пребольшими.

– Ты? – удивился он. – Ну, у тебя и рожа, Первов! Красавчик! Что, вообще, происходит? Зуб доложил, ты в бараки подался, мы и забеспокоились, решили проверить. Потом выстрел услышали.

Я опустил руки. Может, на этом бы и закончились мои неприятности, но влез Пасюков:

– Товарищи начальники, что же вы творите? Этот ирод зарезал двоих, и стоит, лыбится! Всё ему нипочём. Его не защищать надо, а повесить!

– Молчать! – заорал во всю глотку Захар. – Олег, рассказывай!

– Вы обалдеете, ребята, – начал я. – Такое дело… сразу и не соображу. Пойдёмте лучше в отделение.

– Не сообразит он! Чего там соображать? – вновь заскулил Пасюк. – Люди огонька у него спросили, хотели покурить, а он их ножом… покурили, бедолаги.

– Свидетели есть?

– Люди видели! – зачастил Пасюк. – Я видел! Как на духу! Стояли, значит, мужики, разговаривали. Тут этот идёт. Дай, говорят ему, прикурить, он и дал. Два жмура в итоге.

– Одного вижу, – сказал Захар, – а где второй?

– В кустах лежит, – показал рукой Пасюк

– Захар, – растерялся я, – врёт он.

– Помолчи, – оборвал меня Захар. – И, это… руки подними.

Я покорно дал себя обыскать. Ох, нашли мешочек с дурманом – про него я в суете позабыл.

– Тебе многое придётся объяснить. Сумеешь? – потухшим голосом спросил Захар. И бросил Виктору с Игорем: – Уведите. Пока в камеру, а там посмотрим.

– Захар, – прошептал я, – ты что, Захар?!

Но тот уже отвернулся. Лежащий в грязи труп ему оказался важнее, чем я.

– Захар, – позвал я. – Вот рюкзак, а в нём – оружие. Ты проследи…

Я, сцепив руки за спиной, направился в Посёлок. Люди расступились. Кто-то сказал:

– Отмажется, гад.

Кто-то подхватил:

– Ничего ему не будет. Они своих не сдают.

* * *

Темно, лишь из-под двери пробивается зыбкий свет лампы. Он почти ничего не освещает, и пусть: какая радость смотреть на белёные стены и забранное решёткой окно? От щелястой оконной рамы под потолком веет влажным холодом, но даже постоянный сквозняк не выветрил доносящийся от стен запах сырости и плесени. В камере две кровати; я сел на ту, что дальше от окна – меньше дует. Какое-то время я смотрел на оранжевую щель под дверью, потом меня начала колотить дрожь. Прилечь бы.

Я стянул сапоги. Звякнул, упав на пол, нож – под матрас его…

Раздевшись, я повесил мокрую и грязную одежду на спинки кроватей – хотя в таком холоде едва ли просохнет. Что-то мне поплохело: знобит, трещит голова, в затылке – там, где налилась шишка, пульсирует. Я замотался в одеяло.

Вскоре Ольга принесла тазик с тёплой водой. Сестричка зажгла свечу, и, уходя, забрала грязную одежду. Я умылся.

Поздно ночью усталый Захар принёс немного еды. Мы вдвоём пили чай, и я отвечал на бесчисленные вопросы. Следом навестил кум. Этот ни о чём не спрашивал, лишь сказал: «ничего не бойся», и ушёл. Когда, наконец, меня оставили в покое, я, свернулся калачиком под одеялом, навалилась тревожная полудрёма. От резкого скрипа двери я встрепенулся.

– Собирайся, – Ренат положил на кровать выстиранную и высушенную одежду.

На миг подумалось – худшее позади, они во всём разобрались. Сейчас Захар для порядка взгреет, может, пару раз, для воспитания, двинет в зубы. Хотя, за что? Я за собой вины не чувствую. Но если ему хочется, то пусть… а потом – спать!

– Гражданин Первов, на выход, – голос монотонный, а сам Ренат потерянный: глаза спрятал, нахохлился.

Ольга нас дожидается у лестницы, в руках «калаш», а взгляд убежал в сторону. Понятно – ничего не кончилось, скорее всего – ещё и не началось как следует!

– Не дури, рыжий, ладно? – голос у Ольги зазвенел.

– Ладно, – покладисто сказал я, – куда идти-то?

– В правление. Трибунал собрался. Большой трибунал, в полном составе.

– Ничего себе!

– Иди, иди…

Я зашаркал по лестнице, с трудом передвигая ватные ноги. Что за нелепость? В голове не укладывается: я – преступник. Да, кого-то убил – и что теперь? Они сами хотели меня убить! Видно, прав Степан: ко всякому делу нужна привычка. К убийству – тоже! Вот и привыкаю потихоньку – переживаний особых нет, и совесть не гложет. Меня сейчас больше волнует предстоящий суд. Надо же, трибунал – вон как дело повернулось!

На улицу вышли – мне совсем подурнело. Возле участка народ столпился, человек пятьдесят или шестьдесят: мокнут под дождём, а в руках у некоторых горят масляные фонари. Когда я появился, загалдели. Раздались угрозы, нехорошие слова послышались. Из темноты прилетел ком грязи – шлёп! – по груди расползлась жирная клякса. Я отшатнулся, а ноги совсем ослабли… барачники, дай им волю, порвут на кусочки – так сильна их ненависть: я эту ненависть всем телом ощутил. Спасибо клыковским автоматчикам, выстроили шеренгу между мной и пасюками; если обстоятельства заставят, эти и стрелять начнут, у них не заржавеет.

– Посторонись! Дорогу, дорогу, – гаркнул Ренат.

Обошлось. Мы прошли сквозь толпу. Но я пообещал себе припомнить Пасюкову тот страх, что пережил в эти минуты.

Опять я в кабинете Хозяина. Духота и свечной чад. Запах курева и, почему-то, самогона. Терентьев за столом. Рядом – Асланян: уткнулся грушевидным носом в какую-то бумагу, глаза близоруко сощурились, пальцы густую бороду теребят. Кум, Захар и Клыков на лавке у стены. Народных судей сюда и не позвали – понятно, трибунал! Посторонним здесь не место.

Присесть никто не предложил. Я встал посреди комнаты, руки за спину, глаза в пол, и лицо виноватое сделал.

– Ну, говори, – тихо произнес Степан.

– Что говорить-то? – буркнул я. – Всё уже рассказано.

Асланян посмотрел на меня, тонкие губы брезгливо поджались. Что, не нравлюсь? Я и себе-то противен: мокрый, грязный и побитый.

– Не выпендривайся, Олег. Не к месту, – Захар неодобрительно покачал головой, и я стал рассказывать. Они слушали, уставив на меня пустые, пожалуй, даже равнодушные взгляды.

– Всё понятно? – спросил кум, когда я закончил. – У кого есть вопросы?

– Хочу кое-что уточнить. Можно? – Асланян, часто моргая, посмотрел на меня. – Ты, Первов, утверждаешь, будто нашёл у Суслика оружие. Пасюков говорит, что у Суслика оружия не было, что рюкзак с оружием ему подбросил ты.

– Я?!

– Ну, не я же! Конечно, ты. Свидетели есть!

– Какие свидетели? – опешил я.

– Такие свидетели! Пасюк… э-э-э, Пасюков видел у тебя рюкзак. Ты к нему заходил, не будешь отрицать? Он и увидел.

– Врёт, – растерянно сказал я.

– И дед Митрий врёт? Говорит, был у тебя какой-то мешок. Хотя и не уверен…

– Вот гад! Подожди, Артур Анастасович, как так – не уверен? Мы с ним долго бродили, и не уверен!

– Чего ты от дедушки хочешь? – хмыкнул Асланян. – Он по нужде сходить забывает… Пасюков видел, этого достаточно.

– Я ещё Сашку Зуба повстречал, – вспомнил я. – У него спрашивали?

– У него в первую очередь, – ответил Захар. – Говорит, кажется, не было рюкзака, но ручаться не может.

– Это Сашка-то не может ручаться? – совсем поник я, а потом сказал, будто за соломинку ухватился. – Ладно. Меня ещё Дуська видела. Может, она…

– Искали мы эту… – Захар усмехнулся, – как сквозь землю провалилась. Теперь, пока не проспится, не объявится. Когда ты её встретил, она была пьяной?

– В хлам, – сказал я.

– Значит, и незачем искать.

– Гундосый, и этот, второй, – подсказал я. – Из них столько всего можно вытрясти, если правильно поспрашивать!

– Это кто же тебе даст их трясти? – усмехнулся Захар. – Да нас сейчас и близко к баракам не подпустят, если только с клыковскими ребятами. Но тогда уж война! С них обязательно будет спрошено, но потом, когда немного успокоится. А с тобой уже сейчас надо решать.

– Идём дальше, – усмехнулся Асланян. – По твоим словам, ты задержал Суслика… то есть Суслопарова. За вами шёл Пасюков. Ты его видел?

– Никто за мной не шёл! – буркнул я.

– Это ты говоришь! А Пасюков утверждает, будто шёл, хотел выяснить, за что ты к Суслику прицепился, жаль, догнать не успел; может, и сумел бы тебе помешать. Пасюков видел, что Корнилов попросил у тебя прикурить, а ты его зарезал, потом убил и Суслика. Так?

– Не так. Я защищался!

– Допустим! А хмель-дурман у тебя откуда? Снова будешь валить на Суслика? Если мёртвый, значит, можно все грехи повесить? Так?

Тут я пуще прежнего струхнул – в лесу так не боялся! Сумел Асланян всё наизнанку вывернуть, свидетели у него, то да сё, а я доказать ничего не могу. Всем известно – любое дело можно и так, и эдак представить, но сейчас этот фокус проделывают со мной… Непонятно – зачем? Что-то в отношении ко мне поменялось? Ещё не знаю, что, но предчувствие паршивое. Почему-то, буквально, увидел, как петля на ветру покачивается.

– Не хотел Корнил прикурить, – вмешался Захар. – У него в кармане огниво лежало. И обломанный нож рядом с телом нашли. А лезвие в рюкзаке с оружием застряло, как и говорит Олег.

– Это ничего не доказывает. Может, забыл Корнилов, что у него есть зажигалка, а может, и вовсе табачком угоститься хотел? А нож, что нож? Корнилов защищался, когда Олег напал!

– Так защищался, что в спину засадил? – ехидно поинтересовался Степан. Асланян возражать Белову не решился, и тот продолжил: – Знаешь что, Артурчик? Я прямо сейчас найду в словах Пасюка тысячу неувязок. А если вы мне его приведёте, через час он будет говорить совсем по-другому. Всё расскажет, и про всех! Тебе интересно знать,

где Суслик раздобыл пистолет и обрез? Я обязательно дознаюсь. Ты же здесь ни при чём, да, Артур?

– Ну, хорошо, – заговорил Асланян, ни на кого не глядя. – Давайте забудем про здравый смысл, и поверим Олегу. Он говорит одно, Пасюков – другое. Слова Пасюкова подтверждают очевидцы, у Первова очевидцев нет. И почему мы должны верить Первову?

– А потому! Пасюк найдёт в бараках сотню свидетелей. Не очевидцев, Артур – свидетелей. И цена им будет рубль за пучок, – ответил Степан.

– Ты сейчас что говоришь? Ты говоришь, если человек живёт в бараках, значит лжец? Зачем так плохо про людей думаешь?

– Брось, Артур. Ты сам прекрасно знаешь – в бараках действует неписанный кодекс. За нарушение продумана жёсткая система наказаний. Но это для внутреннего пользования, а если дело касается поселян, то и солгать не грешно, даже, наоборот – нельзя говорить правду, если это повредит кому-то из барачников.

– Пусть так. Пусть. Я сам не доверяю Пасюкову, – тихо проговорил Асланян. – Но как сказать это барачникам? «Не верю я вам, потому что вы плохие, недостойные люди», – так? Им-то всё ясно, они защищают свою правду! Пасюков сказал, что видел, как Первов зарезал Корнилова. Так почему барачники должны поверить нам? Докажи им, что Пасюков лжёт! Сумеешь? Ведь Первов, действительно, зарезал Корнилова!

– Если бы не я, он бы меня, – пробурчал я. – Было бы лучше?

– Да, лучше! – сорвался на крик Асланян. – Лучше, раз такой идиот! Зачем пошёл к барачникам?! Тебе разрешали?! Сидел бы дома, жизни радовался, герой! Так нет же! Из-за тебя у всех теперь проблемы!

– Получается что? – я постарался говорить спокойно, а голос задрожал. – Пусть они делают, что хотят, а наше дело – сторона?! Зачем тогда милиция?! Пьяных унимать? Дожили! Барачники на ментов с ножами кидаются! Страх потеряли!

– Вы, оба, не очень-то кипятитесь, – хлопнул по столу ладонью Терентьев, – это не от смелости тебя валили, это с перепуга. Залез, куда не следовало, ткнул наугад, и попал. Пасюков и струхнул. Если бы Суслик начал колоться, много бы занятного всплыло. Пистолеты – не ножи; с ним бы не церемонились. Жаль, не вышло… а так-то мы

тебе верим. И Артур верит, просто он тоже напугался. Заставить поверить барачников – вот проблема!

– Да уж! – Захар сделал вид, что приглаживает усы, а на самом деле спрятал под ладонью ухмылку. – Разное видывал, но такое… я, когда тебя увидел, сам обалдел! С ног до головы кровью перемазался, глаза выпучил, и матом всех кроешь! Да ещё пистолетом размахиваешь. Натурально – крышу сорвало. Ещё и хмель в кармане. Как доказать, что ты не придурок под наркотой? Люди, они тоже видели.

– Ладно, – сбавил я тон, – Корнил на моей совести. А насчёт Суслика – не уверен. Да, стрелял. Но, кажется, не попал.

– Конечно, не попал, – сказал Захар, – Нет у него дырок от пуль. Зато есть дырка от ножа. Хорошо ткнули, мастерски. Под левую лопатку. Думаю, Суслика они сами, чтобы не сболтнул чего.

Зашёл Ренат.

– Ну, что там? – поинтересовался Хозяин.

– Плохо там, – Ренат махнул рукой. – Много их, бузят. Хотят к вам парламентёра отправить. Требуют, чтобы в заседании участвовал их человек.

– Больше ничего им не надо? – ехидно спросил Белов.

Ренат пожал плечами.

– А граждане что? – поинтересовался Клыков.

– Граждане… – Ренат презрительно сплюнул на пол, потом, смутившись, затёр плевок сапогом. – Что граждане… попрятались. Носа не высунут, пока шум не уляжется. Привыкли граждане, что пасюкам всё можно, менты им не указ, вот и сидят по домам!

– Успокойся, – Терентьев поморщился, – Иди. Скажи дружинникам, пусть не церемонятся, если кры… э… барачники, сюда полезут. Так и скажи, что Терентьев, мол, велел остановить беспорядки. Скажи ещё… пусть не очень-то… дай им волю – всех положат. Что я, не знаю твоих головорезов, Клыков?

– Я прослежу, – Клыков поднялся с лавки.

– Не ты, Клык. Захар проследит, – сказал Хозяин, – Только, если… Ладно, что с Олегом-то делать?

– С Олегом? А что с Олегом? – небрежно сказал Асланян. – Повесить, однозначно.

– Повесить? – переспросил Белов, – Серьёзно? Взять, и повесить?

– Да, если хотите успокоить барачников. Или у вас есть способ убедить их в невиновности Первова? Если есть – предлагайте, а нет, так и говорить не о чем. Надо показать – у нас один закон для всех. Ничего, потерпит, это недолго. Повисит, да к Партизану в лес уйдёт, зато барачники успокоятся.

– Артурчик, – сказал Белов. – Тут ведь дело такое… если вешать, то до конца. Второй раз, как с Партизаном, не прокатит, они только сильнее разозлятся. А ты, Артур, опять меня удивил. Сначала последнюю сволочь защищал, а теперь…

– Думаете, мне нравится?! – вновь завёлся Асланян. – Получается – вы хорошие, Асланян плохой! Поймите – без разницы, виноват Первов, или нет. Нужно думать, как выбраться из дерьма. Почему никто не говорит, как выбраться?

– Да, выбираться надо, – сказал Белов. – Доигрались. Ты постоянно твердишь: «Они тоже люди. Надо уважать их права! Надо уважать их традиции!». Надо, кто спорит. Только пусть и они уважают, вот и не будет проблем. Поставить их на место, и все дела! Теперь они почуяли слабину. Видите ли, нас мало, и каждая пара рук на счету, каждый, кто может работать, на вес золота, каждый здоровый сперматозоид на учёте. Докатились, ты готов казнить человека, лишь бы утихомирить пасюков! Отребье бузит, а нормальные люди, которых вдесятеро больше, нос из дома боятся высунуть. Вот это и есть проблема!

– Не ворчи, Стёпа, – сказал Хозяин. – Это, конечно, проблема, но это не самая большая проблема.

– А может, хоть её решим? – подал голос Клыков. – Случай очень удобный. Попытка бунта, или, там, переворота. Вы умные, потом сообразите, как дело повернуть. Их всего-то сотня, может, чуть больше. А хоть на что-то способных бойцов – едва ли половина. Спровоцируем на беспорядки, да шлёпнем десяток, а зачинщиков расстреляем, ну, как тогда! Остальных выселим из бараков. Недовольных – валить деревья; в лесу поумнеют, другие пусть живут, как все. И никаких больше граждан и неграждан. Хорошо я придумал?

– Ты что несёшь?! – Асланян сжал толстые пальцы в кулаки. – Клык, ты понимаешь, что несёшь?! Ты про людей говоришь!

– Вот именно, – сказал ехидно Клыков, – они люди, а граждане тогда кто?

– А ты тогда кто?! – взвился Асланян. – Если барачники живут по своим законам – расстрелять? Самого тебя надо… экстремист!

– А мне идея нравится, – сказал кум. – Я бы поддержал. Не сейчас, позже. Клыков, потерпи ещё немного, а там…

– Что вы оба говорите! – Асланян обхватил голову руками. – Вы хоть понимаете, что несёте?

– Стоп! – Хозяин грохнул кулаком по столу. – Разорались! Потом будете друг другу морды бить! Казнить не станем – это не обсуждается! И, Степан, что у тебя с северной экспедицией?

– У меня-то готово. Можно хоть сейчас отправлять.

– Я и не сомневался, другим бы у тебя поучиться дела делать. Может, и его туда? – Хозяин украдкой подмигнул мне. – С глаз долой – проблемой меньше. Зря, что ли, мы его проверяли? Лешему он приглянулся. Клыков, иди, сообщи людям, что приговор вынесен. Сейчас буду оглашать.

Клыков ушёл, а Хозяин достал перо, чернильницу, и что-то быстро нацарапал на клочке бумаги. Глухо стукнула печать, и записка перешла в руки Асланяна. Тот поднёс её к глазам. Я думал, не подпишет, так его скривило. Нет, черкнул пером, и, проворчав: «как бы не пожалеть», швырнул бумагу Белову. Степан удовлетворённо кивнул, и, не читая, расписался.

Небо слегка посерело, тьма разжижилась, сквозь завесу дождя проявились чёрные силуэты домов, деревьев, и виселицы – её так и не успели разобрать. Когда меня вывели на крыльцо, толпа загудела. Ненависть ударила посильнее кулака! Дыхание перехватило, ноги ослабли, в затылок вернулась тупая боль. Терентьев поднял руку, и медленно, неохотно установилась тишина.

– Поселяне, – голос Хозяина тихо потёк над притихшей толпой, – трибуналом рассмотрено дело бывшего сотрудника милиции, гражданина Первова. Трибунал постановил: убийство жителя Посёлка Василия Корнилова гражданином Первовым считать доказанным. Обстоятельства убийства подлежат дополнительному расследованию. Убийство жителя Посёлка Алика Суслопарова также подлежит дополнительному расследованию. Трибунал признаёт гражданина Первова виновным в совершении убийства Корнилова. В качестве меры пресечения выбрана исключительная мера социальной защиты. Учитывая прежние заслуги приговорённого, трибунал считает

возможным заменить смертную казнь бессрочной высылкой. В зависимости от результатов дальнейшего расследования, приговор может быть изменён как в сторону ужесточения, так и в сторону смягчения.

– Шагай, пока не опомнились, – толкнул в спину Захар. – Как выйдешь за ворота, подожди.

И я пошёл. Дружинники сомкнули вокруг меня кольцо: то ли стерегут, то ли охраняют. Барачники молча потянулись за нами; они ещё не поняли, как реагировать на происходящее, но скоро им подскажут. А пока они лишь хотят убедиться, что всё без обмана; убийца наказан.

Ограда. Южные ворота. С утра я зашёл в них героем, сейчас бреду в другую сторону, и, сгорбившись, уношу незаслуженный позор. Вот как всё перекувырнулось!

Одна створка заскрипела, открываясь. Дружинники расступились. Ну, не поминайте лихом!

Подбежала Ольга – опустила голову и молчит. Холодный нос ткнулся мне в щеку. Не надо бы этого… и так тоскливо…

Горячий шёпот:

– Береги себя, братишка. Я всё сделаю. Крысятник разнесу, Пасюка урою… и гундосого твоего урою. Веришь, нет? Я докопаюсь… всё, иди! Не оглядывайся, ладно?

Тёплое дыхание на щеке, потом быстрый – словно бабочка крылышком задела – поцелуй.

– Верю, – я криво улыбнулся. И, конечно, не выдержав, проводил сестрёнку взглядом. Барачники расступались, и она шла сквозь толпу, будто сквозь пустоту. Потом ворота захлопнулись.

Я же говорил: жизнь – стерва полосатая!

День четвёртый

И – тишина. А я не хочу, тишину! Я хочу поскандалить, ещё лучше – помахать кулаками, а то захлебнусь злостью! Если б я начистил кому-нибудь физиономию, или, наоборот, получил бы по своей, стало бы легче. А может, и не стало бы. Пока не попробуешь, не узнаешь!

Я снова заорал:

– Сыч! Эй, Сыч! Иди сюда!

И он явился: испуганный и пытающийся сделаться похожим на маленькое и незаметное привидение. «Эх, как тебя корёжит-то без дурмана», позлорадствовал я, наблюдая из-под прикрытых век за его заторможенными и неточными движениями.

– Слушай, проголодался я, сваргань чего-нибудь пожевать, – раздражённо сказал я, и кивнул на рюкзак. Сыч молча уволок его на кухню. Тоже мне маньяк-убийца! Хоть бы огрызнулся для вида. Тогда бы я ответил. Ух, как бы я ответил! И жизнь бы стала хоть немного, но веселее.

Ладно, продолжим изучать муравьиные дорожки на стенах, мохнатые кляксы плесени, густо облепившие потолок, и сухие трупики угодивших в паучьи сети насекомых. Какая разница, что делать, если от меня больше ничего не зависит? Разглядывать подгнившую и растрескавшуюся потолочную балку – занятие не хуже прочих.

Иногда получается задремать, но это до первого шороха; тогда я вздрагиваю, и какое-то время тупо смотрю в потолок; нужно несколько мгновений, чтобы осознать, кто я и где нахожусь.

Открыв в очередной раз глаза, я вспоминаю о заказанном в постель завтраке. Ни Сыча, ни еды.

– Эй, где тебя черти носят?! – позвал я, и, не дождавшись ответа, вновь стал разглядывать муравьёв, шныряющих по маршрутам, проложенным между островками плесени. Лишь бы снова не сорваться в истерику.

Скверно, когда однажды, скверным утром, ты вдруг оказываешься в скверном месте. Ещё хуже, что нет ни одной дельной мысли, как всё поправить. Я же хотел, как лучше, а вы… и, кстати, меня самого чуть

не убили – это что, не считается? Как нагадившего котёнка, ткнули мордой, а потом – за шкирку и под зад. Ну, и ладно! Ну и… спасибо, что не повесили… а могли… могли же?

Когда за спиной, взвизгнув, закрылись ворота, я понял: в это мгновение у меня не стало ни дома, ни друзей, и даже завтрашний день у меня забрали, потому что одному в лесу уцелеть невозможно.

Лил дождь, за воротами шумели, долетала брань – Клыков орал и требовал, чтобы люди разошлись. Это их проблемы, отныне они меня не касаются, у меня куча своих. Смысла оставаться здесь никакого, первое, что приходит в голову, надо идти в Нерлей, да что-то ноги приросли к земле.

Сверкнула молния, а через секунду в небе громыхнуло, обрушился ливень. Голоса за воротами стихли. Вокруг чёрная муть, голубые блики высветили могильные кресты и стену леса за кладбищем.

Неожиданно из темноты появился Захар; похоже, не врут про секретные выходы из Посёлка. Захар молчал, во вспышках молний я видел его длинные и мокрые, прилипшие к лицу волосы, обвисшие усы, а вместо глаз – чёрные провалы.

– Вот… – Захар подал мне туго набитый рюкзак. – Еда, одежда, пистолет. На первое время хватит. И вот…

Автомат! Мне бы порадоваться такому подарку, да что-то нерадостно.

– Пойду я, ладно? – я побрёл во тьму.

– Только не дури! – бросил вдогонку Захар. – Дождись рассвета! Обойди Посёлок, и на север, по железке до Ударника. В третьей слева избе найдёшь Партизана и Сыча. Побудешь с ними, а там решим.

– Угу, – ответил я. В Ударник, так в Ударник, мне без разницы. Если разобраться, теперь недоповешенные бандюки – самая подходящая для меня компания.

– Не бойся, – Захар пошёл следом за мной. – Сиди в там, и жди новостей.

Я прибавил шаг.

– Дождись рассвета, чудило, – крикнул вдогонку Захар. Верно, некуда мне спешить. Но я почувствовал, что накатывает волна горькой истерики. Не хотелось, чтобы Захар видел. Лучше бы мне побыть одному. Авось как-нибудь перебешусь.

– Ты ещё спасибо Хозяину скажешь, – прилетело вдогонку. Я так и не понял, меня Захар пытается убедить, или себя. – Ты ещё… ладно, иди, удачи… жди новостей!

* * *

– На, лопай! А после займись чем-нибудь, – Партизан грохнул на табурет, стоящий перед кроватью, сковороду, в которой шкварчала тушёнка пополам с жареным картофелем, – хватит безвинного изображать! То Сыч нытьём донимал, то ты на мою голову свалился. Я не подписывался смотреть на ваши кислые рожи! Зачем мне такое кино?

Объяснил я Партизану, что не его дело, какая у меня рожа, кислая, или, может, сладкая. Не нравится – не ешь! И, вообще, валил бы ты, дядя, ко всем чертям!

Не повёлся лесник на дерзость, не порадовал скандалом, лишь рассмеялся в ответ:

– Куда ж ты меня гонишь? Я, между прочим, дома, это ты ко мне притащился, а не я к тебе. Приютили, так будь человеком, понял? В общем-то, у тебя другого выхода, кроме как за меня держаться, и нет. Если что-то не по нраву – проваливай, скатертью дорога! Порадуй Пасюка – сгинь в лесу! А ежели собрался доказать свою правду, так для начала, хотя бы, живым останься. Рядом со мной тебе, всяко, проще будет. Обиделся он, видите ли! Хреново с ним обошлись! Могли бы и вздёрнуть! Тогда бы и узнал, каково это, когда по настоящему хреново! ты не представляешь, каково это, болтаться в петле. Словами не описать…

Лесник потёр ладонью горло. Чуть ниже бороды ещё виднелся лиловый след от верёвки.

– А тебя, вон, пожалели, – продолжил задумчиво Партизан. – Болтался бы в мокрых штанах, народ смешил. Другому виселица и за меньшие художества полагается, а ты отделался лёгким испугом. Если бы начальство не подставил, барачникам повод для бузы не дал, так и вовсе ходил бы в героях. Да тебя и не наказали. Ты что, не понял? Тебя спрятали! В Посёлке Пасюков достанет, а сюда не дотянется – руки коротки!

Наверное, в чём-то лесник прав, по крайней мере, зла мне, точно, не желает.

– Присоединишься? – я показал на сковороду.

– А как же! – Партизан достал из кармана ложку. – Это мы с удовольствием. Вообще, я тебя поблагодарить должен.

– За что? – не понял я.

Лесник помрачнел, его пальцы непроизвольно коснулись шеи.

– Да за это… там, на площади… ты ж, наверное, полминуты время тянул. Я почти и не мучился.

– А-а… – мне, почему-то, сделалось неловко. Когда я шёл к Партизану, немного побаивался, что лесник припомнит, кто затянул петельку на его шее. Но, услышав мою историю, тот лишь кивнул на дверь: заходи, мол, располагайся. И сокрушённо пробурчал вслед: «эх, тупая башка, наворочал дел».

– Сыч-то где? Тоже, видать, есть хочет? – я попытался уйти с неприятной темы.

– Ты б его не трогал, – махнул рукой Партизан. – У Сыча своя обида. Похлеще твоей будет.

– Ему-то на что обижаться? Людей угробил, а сам-то живой.

– В точности, как ты, – усмехнулся Партизан.

– У меня другой случай, – сказал я.

– Как у тебя, так сразу другой? – Партизан хитро прищурился, из-под бровей сверкнули зелёные глазки. – А как у Сыча, значит, не другой? Да за то, что пасюки с его сеструхой сотворили, убить мало. Я бы конечно, убивать не стал, потому что добрый. Я бы оторвал у этих гадов то, что между ног выросло, и сожрать бы заставил. А Сыч – злой. Взял топор, и по-мужски разобрался!

– Подожди, – удивился я. – У Сыча из-за наркоты крыша поехала. Причём тут Надька?

– А почему, ты думаешь, его не повесили?

– Этого я не понимаю, – признал я. – Ну, хорошо. Допустим, что-то у Сыча, или, как ты говоришь, у его сестры, произошло. Зачем же махать топором? Есть милиция, в конце концов! А если каждый начнёт самосуд устраивать, что будет?

– Порядок будет! – резко сказал Партизан. – Потому что на ментов, когда дело касается барачников, сейчас надежды мало. Умный мент скажет: «Успокойся, Сыч. Жива твоя сестрёнка, и хорошо! Пошалили ребята, лишнего себе позволили – дело хоть и досадное, но понятное. Заживёт и забудется. И, кстати, что вообще случилось? Надька молчит, а ты чего разволновался?» А Надька, она ж не дура,

она и будет молчать, иначе пасюки ей такую жизнь устроят, что легче самой удавиться. Конечно, делом может заняться мент поглупее, хотя бы и ты. Он тут же побежит арестовывать негодяев. А назавтра их отпустят, потому что, с одной стороны, попросит, кто надо, чтобы барачников не раздражать, а с другой – ты им ничего не предъявишь, Надька же молчит. Я Сыча понимаю – довели человека! Что кругом виноватым остался – судьба такая. Без виноватого нельзя. А самый хороший виноватый – тот, за которого заступиться некому. Сказали, наркоты нажрался – люди верят. Ты же поверил?

– У него хмель нашли, – попробовал возразить я. – Или, скажешь, опять враньё?

– В лесу этого добра полно, надо только места знать. Я тебе больше скажу, есть в лесу кое-что посильнее. Закон, чтобы люди самовольно дурманом не пользовались, конечно, правильный. Но не на каждую болячку доктора будут целебную вытяжку тратить, а людям болеть не хочется, вот и суют они лесникам денежки, ещё и умоляют, чтобы мы взяли, не побрезговали. Ты удивишься, если узнаешь, какие уважаемые люди у нас в клиентах. Есть у них ещё одна причина раскошелиться, может, самая главная: больного всё равно лечить будут, хмелем, или как-то по-другому – не важно. А если, к примеру, ослабла от возраста или от плохих жизненных условий мужская сила, ни один врач её не вернёт, даже время на это тратить не станет. А хмель поможет – гарантированно и надолго! Потому он и есть самый ходовой в Посёлке товар. То, что нашли у Сыча три шишечки, это вообще ни о чём, всего лишь повод заявить, что человек был в наркотическом угаре. Сказали так, и всем всё ясно, глубже копать не надо.

Вот и полдень. Сон не освежил, но злость и обида утихли. Тут же образовавшуюся пустоту занял беспокойный холодок, почти такой же, какой морозил мне внутренности во время героического похода за соляркой.

Сидя на ступеньке крыльца, я созерцал унылый пейзаж: деревья верхушками царапают животы пузатых, обременённых влагой серых облаков; жирно лоснится рыжая грязь; из белёсой дымки проступают тёмные пятна полуразвалившихся изб; редкие крупные капли выбивают пузыри на поверхности мутных луж, стучат по крыше. Конечно, хорошо в деревне летом, только слишком тоскливо!

Партизан строго-настрого приказал, чтобы я в одиночку не уходил далеко от крыльца. Не очень-то и хочется; здесь так же зябко, мокро и неудобно, как и в других местах – зачем же куда-то переться?

Пока я лениво соображал, чем бы себя занять, они и появились. Людей я заприметил издали – пять силуэтов в почти растаявшем тумане шагают по железке. Понятно, не случайные путники – случайно в Ударник не забредают. Даже сквозь дымку видно, что к нам пожаловали люди солидные: на всех мокрые плащи, лица капюшонами закрыты, объёмные рюкзаки за плечами, и у каждого автомат, а у того, кто идёт впереди, ещё и ружьё на плече. Спустились эти ребята с насыпи и, по раскисшей земле да по лужам напрямик к партизановой избушке пошлёпали. Ну, думаю, неспроста они здесь, надо тревогу поднимать. Если явились по наши души – не отобьёмся.

– Партизан! К нам гости! – закричал я, нырнув в избу. Как автомат в руках оказался, наглости у меня прибавилось: хотел скандал и драку? Получи, и распишись! Нет уж, просто так не возьмёте!

А пришельцы уже близко, их теперь в окошко хорошо видно. Кажется, погорячился я – скандала-драки пока не будет, потому что не барачники это и не клыковские головорезы, а остальным до меня, вроде бы, не должно быть дела. Однако же, удивился я изрядно: Леший, да Савка с Антоном – ладно, на то они и лесники, чтобы где попало шляться. Но чего, спрашивается, забыли в этой компании Сашка Зуб и профессор?

Люди остановились возле нашего дома, и Леший заорал:

– Эй, вы здесь?! Есть тут живые?! Накрывай на стол! Гости пожаловали!

– Чего припёрлись-то? – услышал я голос Партизана.

– За должком пришли, – ответил Зуб. – Про должок не забыл?

– Когда это я у тебя одалживался? Не припоминаю.

– Не у меня, ты Посёлку должен. Или запамятовал, чего Хозяину наобещал?

– То Посёлку, а ты причём? Ладно, не боись, я от своих слов не отказываюсь. Просто спрашиваю – зачем сейчас пришли? В чью башку взбрело по болотам в дождь шастать? Договорились же – будем ждать погоды.

– Кое-что поменялось, Пётр, – сказал Антон. – Надо бы сегодня.

– А лучше бы – уже вчера, – добавил Сашка.

– Вчера, говоришь? Ну, заходите. Только, это, автоматы в сенях положьте. С оружием не пущу.

Обед, какой смогли, мы собрали; приветить гостей – святое. И вот сидим за одним столом, не чужие они мне. Но чудится, теперь между нами стена. Это такая хитрая стена, что её ни увидеть, ни потрогать не получается. И всё же она есть. Эти все вместе, а мне теперь Сыч – подходящая компания. Только Сыч забился в сарай, и носа не высовывает. Партизан, Леший и Сашка на улице о чём-то препираются, в комнате слышны их голоса. И чуется – вопросы решаются трудно: разговор делается громче.

– О чём, интересно, спорят? – спросил я, чтобы разбить стену.

– О тебе, – отвлёкся на миг от поедания печёной картофелины Антон.

– В смысле? – опешил я.

– В смысле: брать тебя, или не брать.

Казалось бы, достаточно сюрпризов на мою несчастную головушку, а тут ещё нежданчик! Вроде бы вспомнилось, что Хозяин, перед тем, как выгнал меня из Посёлка, на что-то такое намекал, только смутно это было, как бы между прочим и за другими переживаниями напрочь вылетело из головы. Я осторожно поинтересовался:

– Куда это вы хотите меня взять?

– В одно место, – уклончиво сказал Антон. – На север. Да ты не бойся, дело это рискованное, но оно того стоит. Помнишь, как Терентьев за солярку наградил? Так это, считай, мелочь. Если получится, благодарность посерьёзнее будет. А у нас обязательно получится, потому как Партизан и Леший оба идут. С этими не пропадём! А после вам с Партизаном все грехи простятся – как минимум! Вот и думай, надо тебе, или нет?

– На север, говоришь? – я кивнул на Архипа. – И он?

– Так и вышло, что вместе мы в лес пойдём! – заулыбался учёный. – Правда, Терентьев под конец засомневался, только и без меня у него забот хватало, потому что барачники как начали с вечера бузить, так до утра и не успокоились. Махнул Хозяин рукой, мол, не до тебя. Может, сейчас таким старым идиотам, как мы с тобой, в лесу безопаснее, чем в этом крысятнике будет. В общем, иди ты, говорит, лесом, и я пошёл.

– Терентьев, понятно. У него и без тебя сейчас полон рот проблем. А Партизана уболтать сумеешь? – спросил Антон. – Останешься здесь, будете вдвоём с Сычом куковать, нас дожидаться.

– Не останусь, – уверенно сказал Архип. – У меня есть, что ему предложить. А потом, я же пропаду без присмотра, я один в Посёлок вернуться не смогу!

Тут меня позвал Леший. Вышел я на свежий воздух и облокотился на хлипкие перильца. Ветер утих вместе с дождём, стало тихо, слышно, как редкие капельки с листьев в лужи срываются. Лесники трубками дымят, и над головами клубится сизое облачко.

– С нами пойдёшь? – как бы между прочим, поинтересовался Леший.

– Пойду, – не задумываясь ответил я, тоже раскуривая трубку.

Партизан, услыхав это, поперхнулся табачным дымом, видно, ждал, что я хотя бы спрошу, куда меня зовут и зачем. А выбирать-то не из чего: хоть и плохо мне в лесу, но там рядом со мной будут люди, а здесь я останусь один, это если не считать Сыча. А с ним-то, пожалуй, хуже, чем одному.

– Ты бы хоть спросил, куда мы собираемся, – сказал Партизан. – Может, и идти бы передумал! Если честно, хотел я тебя оставить, кому-то же надо за Сычом присматривать. И его с собой, что ли, брать? Мне прохвессора хватает, ещё и вы на мою голову! Леший говорит, что Степан за тебя сильно просил. Мне теперь плевать на Степана, мне на Лешего не плевать, а он, почему-то, очень твою кандидатуру одобряет. Как, не подведёшь?

Я пожал плечами – откуда мне знать, подведу или нет? – и поинтересовался:

– Может, уже расскажете, что затеяли?

– Узнаешь, – ответил Партизан, – всё узнаешь. Только решим самый последний вопрос. Кум назначил командиром тебя, Саша. Не знаю, как ему взбрело такое в голову, не мне с ним спорить. Но хочу уточнить, чтобы, значит, всем понятно стало, и потом глупых вопросов не было: ты будешь главным, когда придём на место! А в лесу ты никто. И все – никто! Пока мы в лесу, слушаетесь меня, или, вот, Лешего, если меня рядом нет. Сказал, значит, так надо. Сделаете, что велю, а после уж будете спрашивать, понятно?

– Угу, – ответил Сашка покладисто.

– Раз «угу», давайте собираться!

* * *

Это давнишняя история.

Прошло несколько месяцев после Катастрофы, наступила первая, и, как оказалось, самая лютая зима. Тогда-то через Посёлок, не остановившись, прошёл поезд. Не ахти, какое событие – ещё не забыли, как в здешние лагеря исправно прибывали осуждённые в столыпинских вагонах, а товарняки вывозили отсюда лес. Но то раньше, а сейчас особый случай: этот состав – первый за долгое время. Уже полгода не было вестей из других мест. Иногда думалось, что никого больше не осталось, а выходит, где-то там, вдалеке, люди занимаются своими, абсолютно не касающимися Посёлка, делами.

Когда из-за леса послышался звук приближающегося поезда, все, кто был рядом с железной дорогой, сбежались посмотреть на это чудо. Состав, не замедлив хода, пропыхтел мимо; длинный гудок вместо приветствия, и второй на прощание. Поселяне видели платформы, на которых везли диковинную, задрапированную брезентовыми чехлами, технику. Автоматчики в зимнем камуфляже равнодушно посматривали из открытых дверей двух пассажирских вагонов на толпу; плевать им на суетящихся людей. Несколько минут, и будто не было ничего.

Поезд не вернулся. Известно – в двадцати пяти километрах к северу железнодорожная колея, связавшая лагеря, заканчивается тупиком. Дальше, в сторону Серова идёт лишь автомобильное шоссе. Поезд исчезнуть не мог, значит стоит где-то в лесу и ждёт, когда его найдут. Меж собой люди говорили, что в эшелоне наверняка осталось много хороших и нужных вещей. Если даже хозяева поезда ушли, забрав с собой всё, локомотив же они не унесли! Эх, можно было бы укатить отсюда, найти местечко получше! Другие возражали, что, мол, везде одно и то же. Где-то, может, ещё хуже, а здесь-то прижились.

Да, разговорчики под рюмочку… все про эшелон знали, для многих это было чем-то вроде далёкого маячка. Вдруг, когда-нибудь… а нет, так не сильно и хотелось. Понятно, идти за болота ради старой легенды – дураков нет! Кто ж в здравом уме туда сунется? Однако нашёлся герой – нужда заставила! Потому что три лета назад в Посёлок пришла большая беда. Неурожай…

* * *

На подоконнике горит единственная свеча, но от неё мало проку. Трепещет огонёк, а на стенах пляшут серые тени. Стоны. Запах болезни.

– Куда? – спрашивает Ренат.

– В четвёртую, – не оборачиваясь, говорит Валентин. У него странная деревянная походка, тяжёлое, одышливое дыхание. Валентин отворяет дверь палаты, заходит. Мы, взяв носилки, протискиваемся следом. В нос бьёт резкая вонь: испражнения, дрянной спирт, кровь, лекарства. Ещё – пахнет безнадёжностью и страхом. В палате душно, коптят свечи. На койках, и на кучах тряпья, которыми устланы проходы между кроватями – люди. Кто-то без сознания, кто-то мечется и стонет. Осунувшийся, заросший пегой щетиной человек уставил на меня равнодушный взор. Лицо сморщенное, как печёное яблоко, а потрескавшиеся губы беззвучно шевелятся. Я вспомнил: неделю тому этот человек, Лёнька-лесоруб, напившись, азартно гонял по улицам Посёлка жену. Лёгкая профилактическая трёпка и ночь в камере привели его в чувство, и наутро, после обещания, что больше такого не случится, менты, опохмелив нарушителя, вернули его в лоно семьи. Трудно узнать в полувысохшем доходяге красномордого крепыша.

Страшно!

Люди догорают.

– Доктор, ну доктор. Воды. Что тебе, жалко? – скулит кто-то.

Доктор Власов сидит на подоконнике, взгляд его блуждает в пустоте. Грязный халат, растрёпанные волосы, а щёки порезаны глубокими морщинами. Власов не реагирует на мольбы умирающего.

– Слышь, врач, напои человека, тебе что, трудно? – говорит Ренат.

Власов медленно оборачивается.

– Шибко умный! – неожиданно вскипает он, – Будешь меня учить! Берите, за чем пришли, и проваливайте! Вон тот, у двери.

Я беру покойника за ноги, Ренат – за плечи, кладём на носилки. Я стараюсь не смотреть на умершего. Страшно… не хочу видеть, кто на этот раз. Выходим, а вслед несутся слова немного успокоившегося доктора:

– Нельзя ему пить. Понимаете – нельзя! Вместе с желудком выблюет. Да там и желудка не осталось!

На улице кладём тело рядом с десятком других. Батюшка Алексей крестится:

– Отмучался. Прими, Господи душу…

Друзья и родственники больных молча смотрят, кого мы вынесли на этот раз. Я неуклюже пытаюсь свернуть первую в своей жизни сигарету, а руки трясутся.

– Одиннадцатый за ночь, тяжёлая выпала смена… – Ренат тоже закуривает. Я смотрю на тёмные больничные окна, и думаю, что, наверное, жестоко – так мучить людей. Если врачи не в силах спасти, пусть хотя бы помогут умереть. Ведь понятно же: больные обречены – хмель-дурмана нет. Совсем нет. Закончился. Что поделать – год выдался неурожайным. Кому-то пришло время принять очередную дозу лекарства, а его-то и нет. Люди болеют, и быстро угасают. А у кого-то есть несколько дней в запасе, кто-то надеется, что хмель найдут. Лесники уходят на поиски – результат почти нулевой. Воробей и вовсе не вернулся. И у Партизана все сроки вышли.

Валентин машет нам с крыльца; опять нужны носильщики. Я выбрасываю недокуренную сигаретку. Меня мутит.

Из темноты долетают крики. Во двор, держа в одной руке фонарь, а в другой – потрёпанный мешок, врывается Клыков. Сквозь тяжёлое, хриплое дыхание он выкрикивает:

– Партизан! Партизан вернулся! Хмель-дурман! Вот!

Валентин вырывает у Клыкова мешок, и быстро уходит. А меня снова начинает бить нервная дрожь. Я хочу побежать за Валентином, но Ренат останавливает:

– Куда? Теперь без нас обойдутся!

Я сажусь на лавочку. Через десять минут дружинники приводят Партизана. Живой свет факелов освещает дорогу, лесника бережно придерживают под руки, он сильно хромает, изодран, грязен, а правая нога обмотана измызганной, окровавленной тряпицей.

– Где нашёл-то? – интересуется Клыков.

– Где, где, в Караганде! – отвечает Партизан. – Его там навалом… за болотом навалом, а не в Караганде.

– Ты ходил за болото? – в голосе Клыкова слышится недоверие.

– Нет, блин! К тёще на блины!

* * *

Оказалось, за болотами не страшно. Попасть туда нелегко, но если путь разведан, почему бы и не сходить? Вот и повадился Партизан. По натуре он – одиночка, да никто ему в напарники и не набивался,

потому как считали, что нет за болотами ничего, за что стоило бы рисковать жизнью.

А Партизан бывал там регулярно. И однажды его разобрало любопытство: что же будет, если дойти до северной опушки? Он и так забрёл дальше обычного, лишние несколько километров – незначительная цена за возможный приз. Про эшелон Партизан и не думал, он хотел попасть в большой посёлок, почти город, что когда-то располагался рядом с лесом. Люди там, положим, вряд ли выжили, но должно же после них остаться хоть что-то интересное!

И городок сыскался, и кое-что интересное: в железнодорожном тупике ржавел эшелон, предположительно – тот самый. Вагоны оказались набиты полезными вещами, в том числе и оружием. Набрав добра, сколько смог унести, Партизан, несмотря на тяжёлую ношу, летел домой, как на крыльях. Эх, замечательная жизнь начнётся – и лично у него, и вообще! Представлялись поздравления и награды, но у северного поста его повязали клыковские дружинники. А потом Хозяин отводил виноватый взгляд, и объяснял, что так уж дело повернулось: неожиданно грехи Партизана перевесили его добрые дела. Нет-нет, о заслугах лесника все помнят, но и провинностей за ним числится предостаточно. Если бы не Сыч со своей вендеттой, и говорить было бы не о чем, но получилось так, что надо реагировать. Пасюки начали звереть, того и гляди, бузу поднимут – не до церемоний. Если, чтобы загасить искру недовольства, нужно примерно наказать кого-то – так тому и быть.

Много в общем-то справедливых, но всё же обидных слов услышал Терентьев от Партизана. Сгоряча было сказано то, о чём лучше было вообще смолчать. Но как смолчишь, когда тебя грозятся повесить за то, за что недавно лишь слегка журили? Терентьев смущённо говорил, что постарается повлиять на решение суда, но обещать ничего не может, потому что суд у нас независимый!

Так и осудили человека. Не скажешь, что совсем несправедливо: всё же, преступление имело место быть, и не одно. Понятно, что, барачники давно на Партизана зуб точили, потому что он им спуску не давал, вёл себя так, будто за его спиной стоял Клыков, а, может, и сам Белов. Ерунда, лесник был сам по себе. А теперь даже кум, которому Партизан оказывал небольшие услуги, в надежде, что когда-нибудь тот отплатит добром за добро, решил в это дело не влезать. Заступник

пригодился бы, да оказалось, что некому заступиться, придётся за независимость расплачиваться. Понятно, но, по-человечески, обидно! Если разобраться – каждого второго можно тащить на виселицу – хорошенько копни, найдёшь за что.

Долго молчал Партизан, хотел, в отместку, вообще не говорить о находке: мол, отыскался небольшой бандитский схрон двадцатилетней давности, оттуда и вещички! Если не верите – проверьте! Но умирать – тоже никудышный вариант. Намекнул Терентьев, что отменит приговор, да после всего случившегося не очень Партизан ему поверил и начал торговаться – путь к эшелону в обмен на жизнь. Хорошее предложение, не так ли?

Понял Хозяин, что ему вдруг заулыбалась удача. Разжиться бы патронами и оружием, тогда и с барачниками по-другому можно поговорить. А может, чем чёрт не шутит, и локомотив в исправном состоянии? Эх, укатить бы отсюда… решено, срочно собираем экспедицию. Для начала небольшую. Главная цель – патроны. А ещё не худо бы осмотреть поезд, может, найдутся интересные документы? Всё же, военные должны были хоть что-то знать про то, что случилось.

* * *

– А ну, дом престарелых, становись. В одну шеренгу, я сказал! – и Партизан с тяжким вздохом закинул ружьё на плечо.

Никто и не спешил становиться в эту самую шеренгу, потому что команда, если разобраться, дурацкая – строем по лесу не ходят. И вообще непонятно, к чему такая спешка? Дело-то к вечеру. Переночевали бы здесь, отдохнули бы, а утром – в добрый путь! Только неизвестно, что завтра будет с погодой, может так закрутить, что и нос за порог не высунешь, а значит, пока нет дождя, надо идти. Так сказал Партизан, и свой резон в этом есть. А ещё лесник сказал, что до темноты запросто полпути до болот одолеем, а заночевать найдётся где, знает он одно весёлое местечко. На заграничный отель с рестораном, конечно, не тянет, но нам не привыкать, лишь бы сверху не капало.

Всё же выстроились мы неровной линией. Одеты все, если не считать меня и самого Партизана, с иголочки. Наверное, лучшее, что оставалось из старых запасов для ребят не пожалели. Ботинки с высоким голенищем, до верха прошнурованы; подошва толстая, рубчатая – чтобы ноги в грязи не разъезжались. А ещё плащи до самых

пяток; влага ни с неба, ни с листьев одежду не намочит. Рюкзаки под завязку добром набиты, и боеприпасов – по четыре магазина у каждого! Такая вот экипировочка! Я человек не завидущий, но как тут не позавидовать?

– Подтянитесь хоть, что ли, – заворчал Партизан. – Эх, без вас бы я за день добежал, а с вами живым добраться – хороший результат. Ладно, полетели, орлы.

«Орлы» довольно загоготали.

– Сыч! Точно остаёшься?! – заорал Партизан. – В доме пока запрись, мы скоро.

Сыч не отозвался, но когда мы тронулись в путь, вышел на крыльцо. Мы уходили, а он потерянно так смотрел нам вслед.

Иногда случается странное наваждение: кажется, будто жизнь перекрутилась петлёй, и ты начинаешь с уже прожитого когда-то момента. Ведь было же недавно; и съедающая рельсы ржа, и деревья, облепленные мхами, и буйный подлесок, выползающий к железной дороге! Только идём мы сейчас в другую сторону, и солнышка нет, вместо него серая муть, ветер и лужи. Вонючий мох, который, по словам Архипа, и не мох вовсе, свисает с каждой ветки каждого дерева. Оттого ко всем лесным ароматам примешивается еле слышный гнилостный душок, пополам с запахами грибов и сырости. А по животу, как и в первую мою вылазку за Ограду, вовсю прогуливается холод. Но теперь к нему прибавилось новое ощущение – показалось, будто кто-то нахальный и любопытный вытаращился мне в затылок, скоро назойливым взглядом пробуравит дырку в черепе, рассмотрит мои нехитрые мысли. Пару раз я, не выдержав, оборачивался, но за мной шёл лишь рассеянно глазеющий по сторонам Савка.

Партизан обещал, что под вечер мы выйдем к речке Большая Берёзовка; так и получилось. Мы остановились возле моста, заросшего вонючим мхом. И снова, будто повторение пройденного: несколько дней назад я стоял точно перед таким же сооружением. Так же, словно занавески на сквозняке, колыхались похожие на щупальца отростки, обильно сочилась тягучая слизь – сопли до воды растянулись. А в речке нетерпеливое бурление – стайки мелюзги пожирают капающее сверху лакомство.

От вони дух перехватило, и глаза слезятся: кто рукавом нос прикрыл, кто ладонями, а всё равно тошно.

Профессор поднял с земли сухую ветку и подошёл к мосту. Сопливые мочала лениво зашевелились, Архипу от этого сделалось ещё интереснее, ткнул он веткой в ближайший отросток, и началось форменное безобразие: обметавшая мост растительность заколыхалась, потекла слизь, вонь пуще прежнего изгадила воздух. Принялся Архип это дело рассматривать, ветку к лицу поднёс, хорошо, на вкус не попробовал. У меня желудок рвотным спазмом прихватило, едва удалось перебороть стыдный позыв.

– Что, умник, – усмехнулся Партизан, – изучаешь помаленьку? Сообразил, что это?

– Раньше про такое слышал, а теперь и увидел – радостно сообщил Архип. Видно, пробудился у него нешуточный интерес к окружающей действительности. – Как я и думал, похоже на колонию каких-то простейших, возможно, в симбиозе с зелёными водорослями. Образцы бы взять.

– Конечно, возьми, если для науки, – великодушно разрешил Партизан, – бери, сколько хочешь, не стесняйся, здесь этой дряни навалом. И домой проваливай, там изучать будешь. Потому что я с такими олухами в лесу нянчиться не собираюсь. И запомни наперёд: ещё раз без спроса куда-то залезешь, хоть рукой, хоть палкой, да хоть ещё чем-нибудь – в зубы получишь, если живым останешься. Бить буду без предупреждения, и чтобы потом не обижался, дговорились? Кстати, это всех новичков касается.

Я, в самом деле, не подумал, – сделал вид, что засмущался, профессор. – Ведь интересно же получается…

– Интересно, ещё как интересно! – перебил его Партизан. – Вроде, умным кажешься! Уговорили взять тебя, да видно зря – хлопот не оберёшься. Ладно, для умных объясняю – в эту речку не лезем, дурная она. Живут в ней особые червячки. Умные их паразитами называют, а мы по-простому – яйцегрызами. А за рекой ещё интереснее: там всё вонючкой убито, а поляны борщевиком поросли. Но ты, Архип, сильно не радуйся, мы в это интересное место не пойдём. Здесь недалеко есть другая переправа.

Под деревьями сыро и мрачно. За три сотни шагов, что мы прошли вдоль берега, я основательно вымок, а заодно ещё раз позавидовал одёжке товарищей. Мокрая трава, мокрые кусты, мокрые листья – и сам я через минуту сделался таким же мокрым. Кожаная

куртка, хоть и с капюшоном – плохая защита от сырости, особенно, если эта сырость со всех сторон. Холодные струйки просочились за воротник, и по телу побежали мурашки, началась мелкая дрожь.

Проломившись сквозь кусты шипастой акации, мы выбрались на шоссе. Когда-то здесь ездили машины, сейчас не проползёт и трактор – от дороги осталось лишь название, да кривая линия на картах лесников. Местами асфальта нет, а кое-где он ещё сохранился, но весь растрескался и встал дыбом. Из щелей выперла трава, пробилась наглая молодая поросль, некоторые выбравшиеся из-под асфальта деревца вдвое, втрое выше меня вымахали.

Когда-то, специально для автомобилей, через реку перекинули деревянный мост. Вид этого сооружения доверия не внушает: брёвна почернели, на них лоснится что-то скользкое; одна из шести опор подломилась, и вся конструкция скособочилась, того и гляди, рухнет; перила не уцелели, а поверх щелястого деревянного настила лежат две ржавые металлические колеи. Как представил, что придётся идти по этому мосту, стало мне тоскливо.

– Для новичков объясняю, – подбодрил нас Партизан. – Когда окажетесь над рекой, шустрее двигайте ногами. Кто может не дышать – тот не дышит, кто не может – дышит через раз. Потому что здесь река настолько дурная, что от неё и воздух дурным сделался. Помереть – не помрёте, а голова будет звенеть, как бубен. Это ежели чуть-чуть подышать. А если кто к воде спустится, да постоит немного, тому совсем плохо станет. Мелкого зверя сюда на водопой тянет, а потом с ним вон что делается.

Глянул я, куда указал Партизан, и увидел шелковистую травку. На вид она нежная и ласковая, усыпанная пушистыми цветами, похожими на радужные одуванчики. Притягивает к себе лужайка, будто мохнатый ковёр, хочется на нём бока понежить, и плевать, что вокруг мелкие косточки белеют, и даже чья-то, ещё не до конца разложившаяся, тушка виднеется. Похоже – прямо из этой тушки вверх тянутся стрелки молодой травы.

Архип, конечно, заинтересовался. Он быстро сочинил гипотезу, которая всё ему объяснила, и решил и нас осчастливить этим знанием:

– А что, если это не река виновата, вдруг, это трава такая? Может, она вместе с ядовитой пыльцой семена вокруг распыляет? Вдыхает зверь такую смесь, от пыльцы гибнет, а семена внутри него

прорастают. Тут им сразу и защита, и питательная среда. Ловко приспособились, правда?

– Угу, – сказал я, судорожно сглатывая, чтобы подавить ещё один спазм, а самому вспомнилось, как Бармалей на островке упал, а из него трава выросла. Там, конечно, всё по-другому, но что-то схожее имеется.

– Растения, они бывают опаснее любого зверья, – поддакнул Леший. – Потому, как их нельзя учуять.

А я подумал, что же это за место такое! Здесь не только животные поедают траву, но и трава охотится на зверей. Попробуй-ка расслабиться!

Мне совсем расхотелось испытывать надёжность моста, но идти-то надо. Я промчался по шатающейся конструкции быстрее пули. Когда все собрались на том берегу, Партизан сказал:

– Тут недалече осталось, похоже, до темноты успеваем.

Обрадовался я близкому отдыху, да не сильно обрадовался, потому что возникло чувство: вновь со мной плохое творится. Ледышка из живота в пах опустилась, и теперь всё там раздирает, сердце трепещет и норовит с ритма сбиться, а затылок почти пробуравили, уже в голову залезли, тайные мысли разглядывают. Дальше – хуже; ноги стали ватными, тошнотный ком подступил к горлу. Вспомнилось, как меня поймал муравьиный лев. В сущности, похожее ощущение, хотя руки-ноги пока работают. Лишь бы, как тогда, не переклинило.

Партизан ускорял шаг. Чем быстрее он шёл, тем сильнее прихрамывал, а всё равно угнаться за ним оказалось непросто. И хорошо, что пришлось напрячься, быстрая ходьба немного отвлекла.

Лесник неожиданно остановился, мы столпились вокруг. Партизана что-то насторожило, и он велел нам заткнуться и не пыхтеть; ружьё уже в руках, а сам он в чащу всматривается. Леший указал куда-то в лес, где среди деревьев начала сгущаться темень.

– Там? – едва слышно спросил он.

– И ещё вон там, – Партизан кивнул на кусты, что росли по другую сторону дороги.

Я тоже всмотрелся, и уши навострил – по листьям шуршит вновь начавший накрапывать дождь, журчит невдалеке ручеёк, ветер шелестит кронами. Вот и всё, что я увидел и услышал.

– Что-то рановато они повылезали, – прошептал Партизан, – хоть и тучи, а всё равно для них светло. Давайте поспешать. Успеем до темноты – переночуем по-людски, а не успеем – придётся, как птичкам, на деревьях ночь пережидать. Понятно?

– Понятно, начальник, – ответил Сашка.

– Если понятно, вперёд.

И мы рванули. Не то чтобы побежали – попробуй-ка, побегай с тяжёлым рюкзаком и автоматом за спиной! Я бы, может, и смог, а каково, например, профессору? Для него и прогулка из одного конца посёлка в другой – путешествие. Но пошли мы очень быстро. Я на ходу в чащу поглядывал. Иногда казалось, что меж деревьями мелькают силуэты – неясные и серые. Пристальнее всмотришься – никого там нет; всё – игра воображения. Вслушаешься – ни лист не зашуршит, ни сучок под лапой не треснет. Тишину нарушают лишь наше сопение да топанье. Скоро даже я выдохся, а Партизан и не думал сбавлять ход.

Сначала я увидел справа от себя ржавую табличку, на которой уже невозможно было разобрать надпись, а потом, неожиданно, и как-то сразу мы оказались в придушенном лесом селении. Кривые дома, дырявые крыши, пустые окна, улицы поросли кустарником и деревьями. Посреди этой разрухи крепостью высится маленькая железобетонная двухэтажка: наверное, в прошлом это был магазин, или, скорее всего, какая-то контора. Окна закрыты ржавыми ставнями, на двери огромный засов. Партизан повозился с замком, и дверь нехотя поддалась, окрест разлетелся железный скрежет.

Мы зашли в большую тёмную комнату. Проём в дальней стене, за ним лестница. Полки, на которых, кроме лоскутьев паутины и толстого слоя пыли, ничего нет; у шкафов выломаны дверцы; окна с выбитыми стёклами забраны железными решетками, и прикрыты ставнями; половицы под ними прогнили от дождевой влаги.

Партизан тщательно подпер дверь, и мы, бросив рюкзаки, повалились на пол. Лесники, те быстро оклемались, видать, привычны наперегонки с неприятностями бегать! Партизан через минуту, взяв ружьё, поднялся.

– Хватит валять дурака, Лёха, – сказал он. – Пошли дом проверим. А вы, что ли, ужин организуйте.

Лесники ушли на второй этаж. Антон запалил свечу. Пристроил я мокрую от дождя снаружи, и от пота с изнанки, куртку на торчащий из стены гвоздь – может, за ночь высохнет. Я смотрел на трепещущее от сквозняка пламя, из окон тянуло сыростью и холодком, меня начало знобить. Я придвинулся вплотную к огоньку, да разве от свечки согреешься?

– Чисто в доме, отдыхайте, – успокоил нас Леший, спустившись в комнату. – Ты чо смурной, Олежка?

Я махнул рукой, а Леший велел:

– А ну, сходи к Партизану. Поговорить с тобой хочет.

Я темноты не боюсь, по крайней мере, раньше думал, что не боюсь. А тут, едва поднялся на второй этаж, едва ударили в нос запахи сырости, тления и пустоты, страх, что весь день сидел внутри, как гной из прыща, выдавился наружу. Какой холод – теперь в жар бросило! На лбу испарина; капелька пота прочертила дорожку на щеке. Но Партизан разжёг свечку, и стало легче. А потом я разглядел в углу три скелета. Два человеческих – на одном ещё сохранились лоскуты одежды – и один собачий.

– Ты их не бойся, – сказал Партизан, – они к тебе ничего не имеют.

– Ага, – я вытер испарину со лба. – Кто это?

– Здесь покойники в каждом доме, – Партизан раскурил от свечи трубку. – Может, ватага обитала, а может, местные. Какая нам разница? Лучше расскажи, что с тобой творится?

– А что со мной? Всё нормально, – я тоже стал прикуривать, стараясь, чтобы Партизан не заметил, как трясутся руки.

– Ты не виляй. Думаешь, не видно? – сказал лесник. – Ты боишься! Делаешь вид, будто всё хорошо, а от самого страхом воняет. Я эти вещи чую, только про тебя не до конца понимаю. Кое-что Леший рассказал: когда тебя муравьиный лев поймал, ты на весь лес вонял страхом. Зато когда Савку спасал, куда и страх подевался! Значит, не в трусости дело, или не только в ней. Я вот почему интересуюсь: если боишься – это твои проблемы, а мне хватает и моих. А если случится чего, справишься? Не подставишь людей?

А я и сам не рад, что в лесу оказался. Но, когда меня из Посёлка прогоняли, забыли спросить о том, чего мне хочется, а чего – нет! Теперь бы вернуться домой, но, похоже, дорога туда через этот самый

лес и проходит. Леснику я рассказал всё: про жуть непонятную, когда от каждого шороха сердце пытается из груди выскочить, про комочек ледяной, и про то, что кто-то в душу лезет, и в мозгах копается. Объяснил, как сумел, что весь измотался, а поделать ничего не могу, потому и не знаю… рад бы думать, что не подведу, а как оно сложится?

– В лесу всякое бывает, – равнодушно сказал Партизан, – особо поначалу. Лес каждого по-своему ломает. Значит, чутьё у тебя есть. Был бы ты глухой, не слышал бы леса, тогда б и не мучался. Глухому лесником быть нельзя – пропадёт. А тебе что могу посоветовать – не поддавайся! Со временем поймёшь, как с этим справиться. Будет время, поработаю с тобой, может, и выйдет толк.

Спустились мы вниз. От того, что Партизан не рассердился, даже и не упрекнул, а, наоборот, попытался что-то по-свойски объяснить, неожиданно сделалось легче. Вон оно что, граждане – это не со мной проблемы, это лес меня мучает. Совсем другое дело, получается. Другое-то оно другое, а только, всё равно, тяжко.

Хорошо бы выспаться – какую ночь без нормального сна. Тем более – самочувствие после того, как перекусил, исправилось, осталась лишь тупая боль в затылке, ровно там, где надулась шишка, полученная во вчерашней потасовке. Я прикрыл глаза, начала одолевать дрёма, и тут прозвучало это. Не вой, и не скрежет – что-то среднее. Сна как не бывало! Я взметнулся на ноги, сердце заколотилось, а внутренности застыли, будто меня нашпиговало ледяными осколками.

– Савка, глянь, кто орёт? – высунув нос из-под плаща, попросил Леший.

Приоткрыв ставень, механик долго таращился в темноту.

– Там, у делева, стоит, – сказал он.

– Волколак, что-ли? – спросил Партизан.

Савелий кивнул.

– Один? – уточнил Партизан.

Савелий опять кивнул.

– Раз один, – усмехнулся Леший, – нечего было и просыпаться. И вы ложитесь. Завтра пожалеете, что не спали.

– Темно, – сказал Партизан, выглянув в окно. Он долго целился из ружья. – И далеко.

Выстрел так и не прозвучал. Партизан убрал оружие, и, для тех, кто не в курсе, объяснил:

– Хитрые, сволочи. Эти поодиночке не нападают. Разведчики выслеживают добычу, а потом созывают стаю. Когда десяток-другой соберётся, пойдёт веселье. Ну, здесь нам бояться нечего – до утра продержимся.

Издалека, сквозь шуршание ветра в кронах деревьев, донёсся ответный вой. Я посмотрел в окно. Чернильная тьма, ничего разглядеть невозможно. Но, странно: чем больше я пялился во мрак, тем отчётливее виделось, что лес заполнен призрачным зыбким сиянием. Оно на грани восприятия, но именно оно позволяет различить неясные очертания домов и деревьев.

А потом я увидел человеческий силуэт: скособоченное туловище, маленькая головка, руки свисают до колен, а глаза, словно два уголька, светятся багровым. Опустилась тварь на четвереньки, морду в небо задрала, и снова донёсся вой-скрежет.

Проняло меня это зрелище, я отпрянул от окна. Ну его, нет сил смотреть на всякую нечисть. А волколаки начали кричать, не смолкая! Я свернулся клубочком на полу, под голову сунул влажную куртку, да разве уснёшь? У Лешего, однако, получилось – завернувшись в плащ, он спокойно похрапывал в уголке. Показалось, что сквозняк сделался особенно холодным. Я встал и раскурил от свечи трубку, тут ко мне подсел Архип.

– Тоже не спится, – вздохнул он, зябко кутаясь в плащ. – Видал я волколака, только, дохлого. Похож на большую собаку… будь другом, угости табачком.

– Ты, вроде, не куришь, – удивился я.

– Вроде нет, а сейчас, пожалуй, закурю.

Я дал профессору раскуренную трубку, для хорошего человека не жалко. Обтерев мундштук о рукав, Архип осторожно втянул горький дым. После первой затяжки у профессора выпучились глаза, после второй потекли слёзы.

– Спасибо, – сказал он, возвращая трубку, – но это не табак!

– Почему не табак? – удивился я. – Самый настоящий!

– Ты бы не затягивался, профессор, – посоветовал Антон. – Не смотри на нас, мы-то привычные, и то вдыхаем осторожненько и через

раз, а ты просто в рот набери, чтобы вкус распробовать, тогда нормально.

– Всё равно гадость. Вот раньше, помню…

– Раньше много чего было, – сказал я сердито. Вообще-то мне всё равно, я не видел этого «раньше», значит, и переживать не о чем. Другие любят вспоминать о «той» жизни, а ещё они любят делиться воспоминаниями со мной. Когда нет настроения, это сильно раздражает.

– Да, много чего было, – Архип зажмурился, – и в один миг – ничего и никого.

– Мы же остались, – перебил я профессора. Знаю, раз начал человек в таком духе прошлое вспоминать, либо дело закончится истерикой, либо впадёт мужик в жуткую меланхолию – лучше сразу пресечь. Я сказал, попытавшись, чтобы прозвучало грубо: – Живи, и радуйся! Чего тебе ещё!

– Мы остались, – согласился профессор, – но мы не в счёт, мы случайность. Повезло! Что бы там ни произошло, а нас лишь краешком зацепило. Если война, то пожалели на это захолустье боеголовку; рядом ни одного приличного городка. А ежели что другое – опять же, городов близко не было, а та гадость, от которой мир чуть не рассыпался в труху, понятно, не в деревне случилась. Раз уж выпало нам уцелеть, надо было жизнь налаживать, а люди вместо этого стали резать друг друга почём зря, выясняли, кто главнее. На Терентьева охотились, а потом переключились на Степана. Да и сам Стёпка… вспоминать про то, а тем более рассказывать вам, молодым, не рекомендуют, но так уж оно было. В других посёлках изначально ситуация не хуже была, и чем там дело кончилось? Кому-то посчастливилось к нам прибиться, но больше таких, кто косточки по лесу разбросал.

– Архип, думаешь, вообще никого не осталось? Совсем-совсем? На всём белом свете? Наверняка же, кому-то ещё свезло! – спросил Антон, а мне почему-то вспомнился плакат над кроватью Рената. Если честно, мысль о том, что те, кто не пожалел бы для нас пары тысяч ядерных боеголовок, сейчас купаются в море, пьют вино и пялятся на красивых женщин, сильно не нравилась. Всё же надеюсь, им тоже досталось – это справедливо! Если уж в дерьмо, так всем миром, чтобы никому не было обидно!

– Не думаю, – ответил, поразмыслив, учёный. – Говорят, в московской подземке кто-то выжил. Хоть убей, не понимаю, откуда пошёл этот слух. Шансов у тех товарищей, по правде сказать, маловато; под землёй долго не протянешь. Может, где-то ещё? Только какая нам разница? Мы о других выживших ничего не знаем, и, скорее всего, никогда не узнаем, а это всё равно, что их нет.

Волколаки неожиданно заткнулись, наступила жуткая тишина.

– Всё, ребятки, подъём, – скомандовал Партизан. – Леший, вставай, говорю. Веселье проспишь!

– Сейчас и нападут? – поинтересовался Архип.

– А как же, непременно нападут! – Антон подхватился на ноги, бодрый и готовый воевать. – Потому что тупые они, думают, в ловушку нас загнали. А нам только и надо, утра дождаться. Ночью волколак – лесной царь, а дневного света не переносит. Днём он смирный, как ягнёнок, его можно палкой забить. Приспособились, твари, по логовищам хорониться, а мы их и там находим…

– Твари приспосабливаются, – сказал Архип. – У них выбор небольшой: либо жить, соответственно своей природе, либо сдохнуть. А мы норовим, как раньше, мир под себя переделать. Только силёнок у нас нынче маловато, да и мир другой, он больше не желает переделываться.

– Эх ты, умник, – сказал Партизан, осматривая ружьё. – Стало быть, это в нашей природе и есть – мир под себя переделывать. Потому и живы, что пытаемся соответствовать. А если опустим руки, тут нам и конец. Вымрем, точно говорю.

– На самом деле, уже практически вымерли, – грустно сказал учёный. – Нас больше нет. Пока ещё двигаемся, едим, даже кое-как размножаемся. А время наше ушло. Мы – последние динозавры.

– Ну, здесь ты загнул, – подал голос Антон. – Лично я вымирать не собираюсь. Мне пока нравится двигаться, есть и размножаться.

– Всем нравится. Да не у всех получится, – неожиданно поддержал учёного Сашка. – С лесом мы справляемся, а как быть с голодом? Сейчас каждый, кто ещё кое-как работает, кормит двух стариков или больных. А будет хуже, гораздо хуже, потому что Хозяин даже неизлечимых приказал выхаживать! Прошлые грешки замаливает! Лесники, рискуя жизнью, хмель собирают, а им лечат тех, от кого и пользы никакой. Помирать они не торопятся, а кушать им

подавай! Зато работяги живут впроголодь, а скоро узнают, что такое голод. Тогда самое страшное и начнётся.

– Да-а, – Партизан, сощурившись, посмотрел на Сашку. – Я и не знал, что ты шибко умный. Ладно, прохвессор, у него мозги набекрень. А ты, Зуб, чего предлагаешь? Выгнать дармоедов из Посёлка, чтобы всю еду случайно не сожрали? Может, сделаем ещё лучше – на мясо их пустим? Тогда и польза выйдет! Архип, ты хочешь, чтобы мы тебя скушали? Сам-то не молодой уж.

Хотел было и я словечко вставить, за Сашку, приятеля моего, заступиться, да ничего не сказал – не придумалось хорошего ответа. Вроде бы, всё правильно, только почудилась мне в Сашкиных словах какая-то неправильность. А профессор заоправдывался:

– Я просто говорю, как обстоят дела. У животных, если всем выжить нельзя, остаются сильные особи. Но мы-то не звери. Мы – люди. Потому и вымираем.

– Ладно, – успокоил профессора Антон, – авось как-нибудь выдюжим. Ты, Архип, главное, не бойся. Тебя не съедят пока. Чего там есть? Кожа да кости, подавиться можно. Опять же, и пользу приносишь – детишек учишь. Глядишь, умными, как ты, станут.

– Петрович, я давно хотел спросить, – соскочил с неприятной темы Партизан, – как тебя угораздило в Посёлке оказаться? Умники больше по городам жили.

– Так вышло, – неохотно проговорил Архип. – Видно, у кого-то на дороге встал. Не повезло… Чего лыбитесь? Тогда многие брали, а они ко мне прицепились!

– Значит, за взятку, – подытожил Сашка. – Что-то такое я предполагал. И много брал?

– Не так, чтобы очень. С дурака одна сумма, с умного – другая. Ежели ты не способный к обучению балбес, так, хотя бы, плати за то, что я трачу на тебя своё время. Что тут не правильно?

– Да нет, всё правильно, – сказал Сашка. – Значит, с умных денег не брал?

– А где ты там умных видел? Кого надо, я научил, хорошо научил, а про остальных и говорить не хочу.

– Интересно вы там жили, – сказал я.

– Ничего-то ты, Олежка, про ту жизнь не понимаешь, – ухмыльнулся Леший. – На самом деле она была не столько интересная,

сколько дурная. Может, и правильно, что нас бомбанули…

– Всё, захлопните рты, – прошипел Партизан, – Кажется, пошло дело.

Не надо трепаться о не имеющих сейчас никакого значения вещах, чтобы хоть чем-то законопатить паузы, в которые иначе заползёт страх. И шорохи за окном больше не пугают, потому что началась охота. Стёрлось из памяти, как я подскочил к окошку. Только что разговаривали, неспешно выпуская облачка табачного дыма, и вот я вглядываюсь в контуры деревьев, чернеющие на фоне чуть посветлевшего неба, в силуэты домов, и в потустороннее сияние, которое сделалось значительно ярче.

Закричал волколак, ему ответил другой, и грянула какофония. Чёрный силуэт заслонил оконный проём. Я отпрянул – сквозь решётку протиснулась грязная, поросшая рыжим свалявшимся волосом, лапа; когтистые скрюченные пальчики почти коснулись моей груди. Пахнуло мокрой псиной и падалью. К решётке приникла слюнявая оскаленная пасть, клацнули жёлтые клыки, на меня уставился пылающий красный глаз.

На секунду вернулся страх, но только на секунду. Волколак там, я здесь – лапы коротки, меня достать. А ещё у меня автомат. Это веский аргумент, если у противника нет автомата. Стреляю – тварь опрокидывается в темноту.

На дверь и на окна сыплются удары.

– Эх, началось! – довольно восклицает Леший. – Повеселимся!

– Со смеху не лопни, – отвечает Партизан.

Это не бой, а бойня. Архип у двери, остальные защищают окна. Иногда, если неосторожная тварь подставляется, гремят выстрелы. На место страха пришёл не менее пугающий наэлектризованный азарт. Услышав скулёж и визг подранков, я смеюсь, лесники подбадривают меня и друг друга, а сами считают, у кого больше трофеев.

Это странно и непонятно, но я и представить себе не мог, что охота – это так весело!

Неожиданно обрушивается тишина, такая, от которой звенит в ушах. Потом я начинаю слышать шорох листьев, и редкую дробь дождя по металлическому карнизу. О недавнем бое напоминают нетерпеливая дрожь в руках, частое дыхание, и едкая пороховая гарь.

Словно кто-то щёлкнул выключателем; вместо бесшабашного пугающего азарта – равнодушная усталость.

– Перекур, парни, – говорит Леший. – Ушли, тварюги!

– Не ушли, – скалится Партизан, доставая из ружья стрелянные гильзы. – Затаились. Ничего, нам бы дождаться света, тогда и поохотимся. Антон и Олег, лезьте по-молодецки, на крышу. Оттуда гляньте, что делается за домом.

Трухлявая лестница привела на чердак, а потом, через дыру, мы пролезли на карниз.

Небо стало сереть. Мелкий дождик барабанит по обмётанному пятнами зелёных и жёлтых лишайников, шиферу. Мы лежим, боясь пошевелиться, потому что крыша от каждого движения потрескивает, хрупкий настил крошится и прогибается.

Волколаки решились. Я видел, что они больше не хотят охотиться – но они пошли! Мне показалось, твари знают – ничего хорошего их не ждёт! Осторожно, крадучись звери вылезали из кустов. Один, самый крупный и облезлый, задрал морду, его глаза прищурились. Откуда-то я понял – тварь раздражает свет предутреннего неба, ещё я почувствовал – зверь ненавидит меня за то, что я заставил его бояться. Я смотрел на волколака, он – на меня. Он то вставал на задние лапы, то опускался на четвереньки и не мог отвести взгляд. Раздался вой, похожий на плач. Зверь рванул к дому. Это был чемпионский прыжок: тварь почти дотянулась! Передние лапы скользнули по краю, шифер треснул, и волколак тяжело шлёпнулся на землю!

Остальные медленно приближались, ползли на брюхах. Теперь их не так уж и много – пятеро. Ещё двое чуть поодаль. С ними какое-то розовое страшилище. И ещё одно.

Вожак после неудачного прыжка сумел подняться на задние лапы. Наши взгляды вновь встретились.

«Хочешь жить, проваливай, урод!» – мысленно посоветовал я и прицелился. Вожак, а за ним и остальные твари пустились наутёк.

День пятый

Над трупом суетились полчища мух. Смотреть на эту падаль мерзко, но живой волколак стократно гаже. Показалось, есть в нём что-то неуловимое, намекающее. Вроде бы зверь, но встал этот зверь на задние лапы, и перед тобой смешное и гадкое подобие человека.

Спина поросла реденькой шёрсткой, через которую просвечивает розовая, в коричневых пятнах и бородавках, кожа, зато живот голый. Морда плоская, больше похожая на кошачью, а из раззявленной пасти наружу вылезли торчащие вкривь клыки. Но интереснее всего передние лапы. Непропорционально длинные, они заканчиваются корявыми, покрытыми редкой щетиной, пальцами. На них тускло сверкают острые, как ножи, чёрные когти. Урод, он и есть урод!

Лесники, если выпадает случай, пользуются дневной беспомощностью этих существ, бьют их без малейшей жалости, уничтожают логовища, а, если получится, и весь поганый выводок. Теперь волколак пошёл битый жизнью да осторожный, нечасто встретишь его рядом с Посёлком. Но эти пришли, да не одни. За компанию с ними нас пытались сожрать и другие уродцы.

У берёзы распласталось приземистое тело, напоминающее огромную, поросшую белёсой шерстью крысу. А одна некрупная зверушка замешкалась, когда остальные твари бросились наутёк, и я, недолго думая, подстрелил её. Из малинника, куда заполз умирать подранок, слышался жалобный плач. Достав нож, Леший полез в кусты. Раздался отчаянный визг, и зверёк утих.

– Охота тебе пачкаться? – спросил Партизан. – Само бы подохло.

– А если бы не подохло? – Леший обтёр нож о траву. – Они знаешь, какие живучие?

– Тогда ладно, – сказал Партизан, и крикнул Архипу: – Эй, прохвессор, что про это думает наука?

Учёный потерянно слонялся возле дома. Бессонная ночь оставила у него под глазами синие тени, на впалых щеках отросла седая щетина.

– Что я думаю? – пробормотал он. – А ничего не думаю! Очередная небывальщина, вот и всё.

– Понятно, что небывальщина, – прицепился Партизан. – А конкретнее? Сейчас-то тебе что не нравится?

– Тут был целый зверинец! – влез я в разговор. – Вон сколько валяется, один краше другого! Нормально, что твари всей кучей навалились?

– Нет, – еле слышно сказал Архип, – Не нормально. Всё здесь ненормально. Животные разных видов обычно не сбиваются в одну стаю. А чтобы они ещё и охотились вместе – про такое я сразу и не вспомню. Допустим, волколаки подчинялись вожаку. А что здесь делали остальные?

– Ладно, прохвессор, не ломай голову, – беспечно сказал Леший. – Фигня это. Здесь и не такое случается, потому что так уж этот лес устроен.

– Как устроен? Каким образом? Просвети старого дурака! – огрызнулся Архип.

– А так! Устроен, и всё тут. Допрёшь, что лес, это не просто куча деревьев, выросших в одном месте – молодец, а нет – значит, и не судьба тебе.

– И что же, по-твоему, этот лес такое?

– А я почём знаю? Знал бы, заместо тебя заделался бы прохвессором.

В воздухе слышалось гудение мушиных полчищ, отчётливо попахивало мокрой собачьей шерстью и падалью: видно, при жизни твари не брезговали поживиться несвежей мертвечинкой.

– Пора улетать, орлы, – прервал научную дискуссию Партизан, – И как можно быстрее! Сдаётся мне, скоро на запашок соберутся падальщики, ещё мне кажется, кое-кто из них не побрезгует и свежатинкой. Шибко умные пусть остаются, и умничают дальше, а если кому интересно ещё немного пожить, тому лучше поторопиться.

Возвращаться на железку мы не стали – там, по словам лесников, всё загадил вонючий мох. Шли через чащу. Случилось попетлять, обходя буреломы и поросший молодой осиной валежник. После часа блужданий в зеленоватом сумраке, я смутно представлял, в каком направлении мы движемся. Густые кроны сомкнулись над головой. Капать перестало, но из низин потянулся мокрый туман. Солнце, когда оно случайно выглядывало из-за облаков, заслоняла листва. Вскоре я окончательно запутался, в каком направлении движется наш отряд;

возникло стойкое ощущение, что мы нарезаем круги. Ещё через час я почувствовал, что неторопливое блуждание вымотало меня больше, чем вчерашняя суматошная пробежка.

После ночной бойни в крови кипел адреналин, потом возбуждение схлынуло, а усталость никуда не делась. В таком состоянии любая мелочь раздражает: ветка, хлестнувшая по лицу; ямка, в которую неожиданно провалилась нога; щекочущая лицо мошкара.

Потянуло сыростью, плесенью и чем-то давно умершим, а сейчас активно разлагающимся. Деревья обросли толстыми шубами мха – хорошо, что нормального, не источающего вонючую слизь. Мох везде: на стволах, на ветвях, на земле. Вокруг полно грибов; куда ни глянь, осклизлые разноцветные шляпки. Большие лужи, почти озёрца; гладкая поверхность одних затянута радужной плёнкой, в других монотонно булькают всплывающие со дна пузыри. Капли пота на лбу и на висках. Ноги тяжёлые: под сапогами хлюпает, их облепила жидкая грязь. Но хуже всего проклятые комары.

Незаметно лес сделался совсем непохожим на тот, что растёт вокруг Посёлка: буйная зелень, мясистые листья, густой, наполненный мощными ароматами застоявшийся воздух, и духота.

Партизан сноровисто пробирался сквозь валежник, но сделавшаяся заметной хромота выдавала, что и он подустал. Лесник привычный, а нам и вовсе не до шуток. Архип, тяжело, с одышкой, заглатывая воздух, неожиданно привалился к дереву.

– Всё, – выдавил он, сбросив рюкзак и плащ на землю, ветровка на нём промокла от пота. – Больше не могу, извините.

Мы остановились; грех не воспользоваться моментом, чтобы перевести дух.

– Ладно, что-то я разбежался,забыл, что не один, – сказал Партизан. – От леса не убежишь. Терпи, Петрович, выйдем на болото, там и отдохнём.

Савелий молча забрал у профессора рюкзак. Тот лишь бросил в сторону механика благодарный взгляд, и мы, теперь совсем неспешно, зашагали дальше.

Много в лесу полян и полянок. Та, на которую мы неожиданно вышли, не самая большая, и не самая маленькая – шагов тридцать поперёк себя – но Партизан вдруг замер.

– Твою же… – выдохнул он, и, скинув рюкзак, повёл плечами.

Сначала я не увидел поводов для восторга. Здесь можно устроить привал; очень кстати лежит замшелое бревно. С другой стороны, костёр не разведёшь, потому что сыро – под ногами слой воды толщиной в палец. А Леший быстро понял, что к чему. Он, подняв кучу брызг, метнулся через поляну, даже рюкзак забыл снять. Теперь и я заметил, что деревья на той стороне обмотаны светло-зелёными плетями какого-то вьюнка, да так густо их закутало, что породу самих этих деревьев и не разглядишь.

– Ну, парни, это мы удачно зашли! – закричал Леший. Он примчался к нам, и теперь показывал сложенные лодочкой ладони, в которых лежали светло-зелёные, с красными и жёлтыми крапинками на чешуйках, шишечки – Тут хмеля, как клопов в бараках! И почти весь дозревший! Надо брать!

– Привал, – довольно сказал Партизан, – думать будем.

– Чё думать-то? – затараторил Леший. – У прохвессора голова большая, пусть и думает. А мы рюкзаки хмелем набьём, и домой воротимся. Это ж богатство! Ты этим богатством заработал себе амнистию – даже не сомневайся. И Олежке тоже заработал! Все грехи вам спишут, ещё и по-новому разрешат грешить! А если нет, я не знаю! Я тогда весь Посёлок по брёвнышкам разнесу, а справедливости добьюсь! Надо брать, и домой возвращаться, потому что ежели сейчас от удачи отмахнёмся – добра больше не будет!

Так-то оно так, верно Леший растолковал, только не все с его мнением согласились. А какие у меня по этому поводу соображения, никому здесь не интересно, потому незачем встревать в разговор. Если хочется, пусть спорят, пусть хоть передерутся, а я, пока есть возможность, дух переведу. Присел я на поваленный ствол и разулся, чтобы проветрить сопревшие ступни, рядом притулился умаявшийся профессор, на кочке Савка плащ расстелил – отдыхаем. Я трубку раскурил, хорошо стало, ядрёный дымок разогнал мошкару.

– Слушай, Архип, – спросил я, – этого хмеля надолго хватит?

– Года на два, думаю.

Двухлетний запас – действительно, удача! А могли бы и мимо пройти. А что, запросто могли бы! Я размечтался, как мы возвращаемся с рюкзаками, набитыми драгоценным грузом. Нас восторженно встречают, Хозяин поздравляет с удачным завершением

похода, всем персональные благодарности раздаёт. До того приятно это представлять, что губы сами собой в улыбке расползаются.

Я ещё и не намечтался всласть, когда Партизан созвал всех на совет.

– Дело такое, – объяснил он. – Крепко мы с Зубом поспорили, да так и не договорились. Посему будем решать сообща. Я так думаю: хмель Посёлку нужен, сейчас не возьмём, во второй раз можем сюда не вернуться. А поезд, он железный, что с ним сделается? Ржавел двадцать лет, ещё недельку потерпит. Как считаете?

Мне предложение понравилось, а Сашке – не очень.

– Партизан, – сказал он. – Я никому не навязываю своё мнение, потому что случай особый, каждый должен решать сам. А наш с тобой путь – на север!

– Ты чего это раскомандовался? – завёлся Леший. – Если забыл, кто в лесу хозяин, так мы напомним. Партизан, ты скажи, а мы ему по-свойски разъясним!

– Партизан, конечно, главный, не спорю, – сквозь зубы процедил Сашка. – Только пусть помнит, чем за жизнь расплатился!

– Если считаешь, что так лучше… – равнодушно сказал Партизан. – Мужики, набирайте хмеля, сколько унесёте. Лёша выведет вас к дому. А мы с Зубом пойдём дальше.

– Слушай, не дури, – заерепенился Леший. – Он даже в Посёлке не бугор, а так, маленькая кочка. А здесь, вообще, никто, плюнуть и растереть.

– Нет, Лёша, всё правильно – отрезал Партизан. – Обещал им эшелон, будет им эшелон. А Олегу, например, хороший повод возвратиться.

Повод, конечно, хороший, железобетонный повод, не поспоришь. Только что-то мне в этом раскладе не понравилось. Вместе пошли, значит, и вернуться должны вместе, тогда и в Посёлке никто рожу не скривит, не скажет, что оставил товарищей на полдороге. Высказался я в том духе, что друзей не бросаю, Сашка на это просто кивнул, а Леший проворчал:

– Если так, то конечно. Лично я тоже Партизана не оставлю. А вы, парни?

Поговорили мы, чуток попрепирались, и дальше пошли. Немного хмеля рассовано по карманам. Чтобы ещё чуть-чуть поместилось в

переполненные рюкзаки, пришлось выложить кое-что из не самых нужных вещей. Партизан отметил на карте чудесную полянку, только карта эта примерная, и отметка получилась приблизительная. Вернёмся сюда, нет ли – кто знает?

Лес, в наказание за то, что мы не прельстились щедрым подарком, обернулся непролазной чащобой. Нам перестал мешать колючий кустарник, больше не громоздились завалы и буреломы, но легче не стало. Деревья скрутили нижние ветви в упругий плетень, через который пришлось пробиваться, прорубаться, прогрызаться. Партизан и Савелий взялись за топоры. Окрест разлетался глухой стук. Партизан шумно дышал, Савелий пыхтел, и оба вполголоса матерились.

Мы брели следом, по уже проложенной тропке, но всё равно приходилось тяжело. Окутала вязкая духота, воздух сделался густым и липким, пот и вода пропитали одежду. Когда настала моя очередь поработать топором, я пожалел, что так и не успел забрать у Ржавого мачете.

Земля раскиселилась. «Хлюп», грязь с чавканьем отпускает сапог, ещё шаг, и ещё. «Хлюп, хлюп, хлюп…» Следы моментально заполняются мутной водой. Зашуршал в прошлогодних сопревших листьях серый зверёк, вроде бы, ёжик. Из папоротников выметнулась змейка; пёстрая ленточка мелькнула во мху, спеша затаиться в древесных корнях. Прошло ещё немного времени, я почти перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг – утомился. Страх, и тот куда-то подевался – оказывается, усталость легко побеждает любой страх.

Было за полдень, когда перед нами открылась зелёная, покрытая ряской гладь, как кривыми зубами, утыканная обломанными стволами берёз. Ещё полчаса мы брели за Партизаном вдоль берега по илистой, хлюпающей жиже. Лесник, по одному ему известным приметам, выискивал место для переправы.

– Здесь, – наконец решил Партизан. Он остановился и скинул рюкзак.

Я тоже сбросил осточертевшую ношу, и повёл затёкшими плечами. В пахнущую тиной и гнилью воду лезть не хотелось. Нет у меня доверия к болотам, а заодно и прочим водоёмам; когда ходили за соляркой, увидел, какие тварюги в них обитают.

Пока живности, если не считать лягушек, не видно. Зато их, как раз, навалом. Уселись они на берегу, то ли песенки на своём, лягушачьем, языке горланят, то ли над нами потешаются.

Партизан обтесал молодое деревце – получился длинный посох. Так лесник и полез в воду: палка в одной руке, узел с одеждой – в другой. Идёт, дно щупает, а за спиной рюкзак и ружьё болтаются. Оказалось, болото мелкое, вода едва живота касается. Шаг за шагом лесник, оставляя за собой полосу чёрной, свободной от ряски, воды, добрался то ли до небольшого островка, то ли до большой кочки, на которой всё же можно слегка отдышаться. И снова в болото – до следующей кочки. Антон, стягивая штаны, усмехнулся:

– Ну что, наш черёд смешить лягух. Полезли?

Водица на удивление тёплая, ступни увязли в мягком и скользком иле. Вокруг забулькало – со дна поднимались и лопались, оставляя после себя тухлый запах, пузырьки. Мы шли за Партизаном, стараясь держаться дорожки, которую лесник проложил в ряске. Когда, одолев заросли рогоза, мы выбрались на топкий берег, подумалось – всё, переправились, но Партизан объяснил, что сейчас мы в самом сердце болота, то ли на большом острове, то ли на длинной полосе земли, переметнувшейся через топь с востока на запад, и рассёкшей её на две части. Шириной этот остров шагов сто, а длину его никто не измерял. Одно известно наверняка: пройдя пару километров на восток, мы вновь окажемся на железке, по ней и переправимся на нужную нам сторону. А прямо здесь перебраться на тот берег не получится, потому что впереди и не болото вовсе, а, можно сказать, озеро. Вода в нём чистая, даже ила на дне почти нет, одна беда – глубоко, а у нас ни лодки, ни, хотя бы, плота завалящего.

Хорошо вокруг, покойно. Справа зеленеет лужок. И слева зеленеет лужок. И впереди тоже зеленеет. Только не травка это, а мох. Из него редкие берёзки тонкие веточки к небу тянут. Какие-то непонятные, приземистые, с бледными желтоватыми листиками эти деревца. Несладко им посреди болота живётся, оттого стволы изогнутые, а крона реденькая.

Мох, словно ворсистое покрывало – иду, а под ногами расползается и пружинит, будто ступаю по матрасу, набитому холодцом. Страшновато. Вдруг, сейчас подо мной разверзнется, и ухну в самую топь! Умом понимаю: если растут деревья, опасаться нечего –

грунт внизу. Плохонькая, жиденькая, но земля. Только всё равно неуютно.

Шагов через пятьдесят Партизан разрешил отдохнуть. Мы обтёрли от ила перепачканные ступни. Подул прохладный ветерок, и от духоты, изнурявшей в лесу, остались лишь воспоминания. Я надел штаны, а куртку, наоборот, снял – пусть ветер просушит мокрое от пота тело.

Молча – разговаривать было лень – перекусили. Савка замычал незнакомый или не узнанный мной мотивчик – ему для счастья, много не надо.

Я лениво дожевал холодный кусок мяса, и вновь ощутил неладное: началась мелкая внутренняя дрожь, опять заскреблась льдинка. Чуть отдохнул, расслабился – она тут как тут! Я прилёг, закинув руки за голову. В бездонном небе сереют облака, на чахлых деревцах шуршат листочки, а на душе вновь мутно. Эх, жизнь горемычная…

– Что-то замёрз я, – Партизан потянулся так, что захрустели суставы. – Хочется нутро прогреть. Кто-нибудь, сходите до тех деревьев, может, наберёте сушняка. Чаёк организуем.

И то верно, неплохо бы горяченького попить. Но топать за дровами не хочется, лучше отдохнуть. Антон с Савкой взяли топоры. Идите, если силы девать некуда, опять же, Савкино мычание порядком раздражает. Пусть он где-нибудь там поёт…

Букашка уселась на лоб, ползёт-щекочет. Я смахнул её. Как же, оказывается, уютно лежать во мху. Не вставал бы!

– Партизан, – лениво поинтересовался Леший. – А что, если, там, за болотом тоже люди живут, а мы про них не знаем. Скажи, может быть, или не может? Вдруг, они – как мы? Глядишь, повстречаемся.

– Не приведи господь! – ответил Сашка. – От своих не знаешь, чего ждать.

– И то верно, – согласился Партизан. – Что-то ты, Лёха, размечтался. Где там жить? Посёлков нету! А чужаков уж лет десять никто не видел.

И вовсе не десять, а семь. Точно семь. Уж я-то не забыл! Это потом начались дожди, а в то лето солнечные дни были не в диковинку.

* * *

На траве, на листьях шиповника и на плоских белых камешках, разбросанных вокруг, искрится роса. Жужжат насекомые. Пахнет цветами и травами.

Я за Оградой. Рядом лес, и там копошатся люди: штрафники валят деревья, обтёсывают стволы и волокут брёвна. Частокол зияет щелями. Столбы повалены и переломлены, торчат враскорячку. Плотники заделывают бреши. Ночью приходили твари, днём Посёлок зализывает раны.

Мне тринадцать, и меня иногда берут в охранение, а сегодня доверили настоящее оружие – самострел. Таким не повоюешь, но воевать я и не собираюсь. Война для взрослых, а моя задача – смотреть. Если возникнет угроза, предупрежу людей и вместе с ними уйду за Ограду. У опушки – десяток дружинников. За деревьями притаились лесники. Я меж Посёлком и лесом – стою на холмике и добросовестно верчу головой. Главное, не забывать следить за небом.

Я понимаю: пользы от меня немного, и место, где я стою, не считается опасным. Смущает неглубокий овражек, заросший колючими, в нежно-розовых цветах, кустами шиповника. За этим овражком и надо смотреть. Крупная тварь по нему не проберётся, а всё же…

Откуда ни возьмись – большая стрекоза, ей вздумалось передохнуть на кончике стрелы, торчащей из заряженного самострела – посиди, не жалко. Затрещал кузнечик. На камешек забралась ящерка. В клевере гудят шмели.

Показалось, или на самом деле куст шиповника подозрительно колыхнулся? Наверное, это ветерок потрепал листву … опять… нужно проверить.

Осторожно, выставив перед собой самострел, я приближаюсь к привлекшему внимание кусту. Вот и овражек; опустившись на корточки, я сверху осматриваю заросли. Ничего подозрительного, лишь басовитое гудение шмелей и пчёл. Я продираюсь сквозь шиповник, и оказываюсь на дне. Конечно, и здесь никого, А жаль. Вот бы…

Выпрямившись, я ощущаю – острое и твёрдое царапнуло спину. Сначала я даже не испугался, мало ли? Ветка зацепила. Показалось, я уловил сдерживаемое дыхание, тогда и понял – сзади кто-то есть. Это

не наши, значит… что значит? Я в овражке; меня не видно, никто не поможет. Что же делать?

Я медленно, очень медленно поворачиваюсь. Передо мной… человек? Какой-то неправильный человек – невысокий, ниже меня, и жутко худой. Тощие ноги в бугорках мускулов, костлявые руки перевиты мышцами, словно верёвками. А тело прикрыто накидкой, сплетённой из грубых растительных волокон. Пришла догадка: это – чужак. У него длинные, спутанные волосы, на теле – будто слой жирной грязи. Стоит создание в странной неудобной позе. Одна нога согнута в колене, вторая отведена вбок. Сутулая спина, тело скособочено, в руке у чужака копьё. Большой и ржавый кусок заострённого металла примотан к сучковатой палке, наконечник упирается мне в живот. И почему-то нет сомнений – если чужак захочет, ему понадобится доля секунды, чтобы намотать мои кишки на своё нелепое оружие. Странный человек сверкает белками глаз, рот превращается в оскал. Меня удивляют зубы – белые и ровные. Сделав неуверенное движение губами, чужак выдавливает слова:

– Е-да давай.

И угрожающие тычет копьём. Ух, больно же! Куртка распорота, на животе появилась неглубокая царапинка.

– Одеж-да давай.

Ещё один тычок.

– Оружи-е давай.

Обошлось без тычков. Я киваю и говорю:

– Нет еды. Сейчас принесу.

Оскал, тихое рычание.

– Не ходи, давай еду.

На глаза наворачиваются слёзы, я понимаю – это всерьёз, если не послушаюсь, меня убьют. Я готов отдать одежду и даже оружие, но у меня нет еды. Я говорю:

– Возьми, вот.

Медленно, очень медленно, я подаю чужаку самострел. Дикарь растерянно косится на оружие, потом на меня, рука нерешительно тянется к самострелу. Теперь некогда бояться. Слегка довернув запястье, я жму на спуск. Одновременно – разворот, свободная рука перехватывает копьё, отводит его в сторону. В упор трудно промахнуться, но этот выстрел получился отменным – точно в левый

глаз! Копьё остаётся у меня в руке, а чужак валится на спину. Его пальцы скребут по лицу, хватают оперение стрелы, пятки колотят по земле. Как просто – даже не верится!

Выскочив из овражка, я машу руками. Дружинники заметили мои сигналы, трое спешат на помощь. Тогда ещё живой Ермоленко спрашивает:

– Чего звал-то?

– Вон там, – говорю, – посмотри.

Дружинник лезет в овражек. Из кустов раздаётся удивлённый возглас. Подтягиваются любопытные.

Щуплое тельце за волосы выволокли из зарослей, ну краю овражка собрались люди. Смотрят, обсуждают.

– Молодец, Олежка, такого чёрта завалил!

– Боец вырос!

– Загнал точно в глаз! Меток, хлопчик!

Лесники шуршат по кустам, Ермоленко заявляет:

– Ночью прокрался, устроил засаду. Пришил бы кого-нибудь, и по оврагу в лес. Ищи потом ветра в поле.

– Я думал, они все передохли, – говорит кто-то из штрафников, он за моей спиной, и я не вижу, кто это.

– Видать, не все. Человек такая скотина, что хуже таракана, ко всему привыкает. Этот, вон, молодой ещё. Кроме леса ничего в жизни не знал.

Дружинник склоняется над телом, внимательно осматривает. Нож разрезает необычную накидку чужака. Волокна режутся тяжело и при этом неприятно потрескивают. Выпрямившись, дружинник громко сплёвывает.

– Кажись, баба, – состроив брезгливую гримасу, говорит он.

На секунду люди замолкают, переваривая новость. Потом кто-то восклицает:

– Жуть! Глаза б не смотрели на такую бабу.

– Как дело было? – интересуется дружинник.

– Да как, – объясняю. – Тычет копьём. Есть, говорит, давай.

– Так накормил бы, – шутит кто-то. Все хохочут. Это смешная шутка.

– Он и накормил. Так обожралась, что встать не может, – эта шутка ещё смешнее. Все просто умирают…

Тело чужачки отволокут в Посёлок, и народ будет дивиться на очередную лесную невидаль. Ольга загрустит. «Не всем повезло выбраться из леса, кому-то пришлось научиться в нём жить» – скажет она. Потом заставит мужичков похоронить чужачку. Через неделю вырубят шиповник, и засыплют овражек землёй, а меня перестанут выпускать за Ограду: не случилось бы чего с «сыном полка». Но пока я чувствую непонятную гордость. Это мой первый бой, и первый убитый мной противник. Он даже немного похож на человека. Если бы я не справился с ним, он бы меня не пожалел. А что не ткнул копьём в спину, когда была такая возможность – его проблемы. Разве нет?

* * *

Долетел отчаянный вскрик, и следом застучала автоматная очередь. Я вскочил; в паху разлетелся на осколки ледяной ком, а сердце привычно заколотило в рёбра. Руки сами схватили оружие. В рощице, куда ушли Антон и Савелий, опять закричали, снова послышалась стрельба, и наступила тишина.

– За мной, – Партизан поспешил туда, откуда донеслись выстрелы. – Да не лезьте вперёд, олухи. За мной, значит, сзади!

Савелия мы нашли посреди большой, окружённой густыми вётлами лужайки. Он замер, руки в стороны, как у пугала, и, как у того же самого пугала, взъерошенный вид.

– Где Антон? – закричал Партизан. – Что случилось?

Савелий замычал, словно и те немногие слова, какие он знал, от волнения застряли в глотке. Механик шипел и давился, а его руки двигались сами по себе, будто Савка хотел предупредить, чтобы мы не приближались.

– Где стоите, там и замрите! – велел Партизан, а сам опустился на четвереньки, да так и пополз – корма оттопырена, нос пашет землю, натурально – вынюхивающая след псина. Лесник обнаружил то, что искал, и окликнул нас:

– А ну, двигайте сюда. Только идите по моему следу.

Мы осторожно подошли. Партизан указал на стебель пластающегося по земле растения. Оно ловко замаскировалось во мху, и прикрылось папоротниками – если специально не искать, и не заметишь. Толщиной эта штука не больше пальца, и вся, будто ёж, утыкана иголками, и усыпана мелкими продолговатыми листочками, между которыми, как вены, лиловеют прожилочки.

– Вот он, – сказал Партизан. – Всю поляну обмотал!

– Кровопивец, блин, – подтвердил Леший, – Плохо!

– Кровопивец? – переспросил Сашка. – Кто это?

– Про травку росянку слыхал? – объяснил Партизан.– Эта такая же. Антоха, стало быть, вместо мухи.

– Что-то такое мне рассказывали, – подтвердил Сашка. – Я думал, это враки.

– Полюбуйся на враки, – загорячился Леший, а потом неуклюже, как уж мог, попытался успокоить механика: – А ты, Савелий, того, не переживай. Чего теперь переживать… Покажи, где эта сволочь спряталась… я ж её… на клочки… покрошу на винегрет!

– Развоевались! Мстители, блин! Идите вон! – прогнал нас Партизан, а когда мы отошли, хлестнул кровопивца длинным берёзовым прутом, который здесь же, на поляне и подобрал. Ничего не случилось. Лесник продолжал неистово сечь растение. И тогда стебель затрясся, и, зацепив колючками прут, поволок его по мху. Через несколько мгновений спазмы, охватившие кровопивца, утихли, стебель, прежде, чем угомониться, ещё немного подёргался, и всё успокоилось.

– Видели? – спросил Леший. – И Антоху так же… обмотал, как верёвками, его и обездвижило. Топоры-то у парней были, надо было рубить. Тогда бы спасся. А он запсиховал, или, может, испужался. Если сразу не освободишься, потом можно и не пытаться – всё одно, умрёшь. Только перед тем обязательно помучаешься. Сначала тебя обездвижит, а потом умрёшь. Эта дрянь сейчас ленивая, потому что Антоху сожрала. А ежели будет голодная – всего замотает, да иголками утыкает, ты и глазом моргнуть не успеешь.

– Надо же, – заинтересовался Архип. – Хотелось бы понять, как оно усваивает органику? А как двигается?

– Ты, умник, нам головы не морочь, – ответил Леший. – Нет сейчас настроения, твои задачки разгадывать. Объяснили же: как росянка. Чего ещё-то?

– А сам Антон где? – спросил я. – Не целиком же его? Что-то же осталось? Или нет?

– Что-то где-то, наверняка, осталось. В кустах надо пошарить. Сам кровопивец в них и прячется, а руки вокруг разметал, дураков ловит. Одного, вот, поймал.

Сначала мы очистили поляну. Ловчие стебли прятались во мху, а мы их искали. Растение сопротивлялось, а мы рубили, рубили, рубили… Стебли извивались, как щупальца, из них брызгал оранжевый сок. Мачете бы сюда, я бы эту тварь нашинковал… она бы у меня…

Там, где Антона схватил кровопивец, слой мха оказался содран, и жирно блестела грязь. Через поляну, к зарослям высокой травы протянулась хорошо заметная, кое-где сбрызнутая кровью, борозда; человек упирался до последнего.

В густой осоке, меж двух кривых берёз, он и спрятался. Кровопивец оказался похож на огромный подорожник. Каждым его мясистым, с прожилками, листком, будто простынёй, можно обернуть половину свиной туши, а тварь поменьше и целиком. Листья, как и щупальца, густо усыпаны иглами, а на каждой иголочке блестит янтарная капелька. От короткого и толстого стебля во все стороны разбежались отростки. А поблизости разбросаны остатки былых охот кровопивца – кости животных.

Ноги Антона запеленал и утянул под землю побагровевший от высосанной крови лист, отросток, плениший человека, обмотался вокруг тела. Толстая зелёная кишка пролезла в рот. Изредка она вздрагивала, и, чудилось, живот Антона вздувается и опадает в одном ритме с этой дрожью, будто там копошится, устраивая гнездо, неведомая тварь. На белом, с просинью вокруг пронзивших кожу игл, лице застыла последняя гримаса.

Тут я и почувствовал – кончился человек. Умом и раньше понимал – это и дурак поймёт! – только было это не по-настоящему, будто не в жизни, а в книжке прочитано. Теперь же – щёлк! – что-то включилось. И нахлынуло…

– У него автомат, – сказал присевший на корточки возле обёрнутого листьями трупа Сашка. – Думаете, можно достать?

– Рискни. Держать не буду, – резко и зло бросил Леший.

К горлу подкатил ком, отойдя в сторонку, я закурил. Мир расплылся, стал непрочным, и возникло полузнакомое чувство, что если ветер дунет посильнее, всё разлетится тающими клочьями. Повезло же мне оказаться там, где даже растения жрут людей! По-настоящему, а не в хмельных байках лесников.

Леший обещал порвать кровопивца на клочки, он сдержал обещание, а мы ему помогли. Сначала рубили отростки, а те, даже отсечённые, лениво шевелились, окропляя мох оранжевыми выделениями. Я резал ножом неподатливые щупальца, и распалял в себе ненависть к мерзкому растению, к лесу, и ко всему миру, но ощущение несуразности происходящего не ушло, лишь немного притупилось. Время от времени кто-нибудь срывался, и, матерясь, отходил покурить. Сашка бросив нож встал поодаль, наблюдая за нашей вознёй. На его лице то появлялась, то исчезала кривая ухмылка. И тогда я подумал: мы, словно дети, карающие покусавший нас куст крапивы. Усилия бесполезны, и ничего, по большому счёту, не изменится. Но я продолжал казнить провинившееся растение.

Кровопивец, лишённый отростков, раскрыл упеленавшие труп листья. Партизан ухватил мёртвое тело под мышки, и потащил. Иглы стали обламываться, изо рта потянулся блестящий, в комках слизи, стебель. Грязь чавкнула, и отпустила ноги Антона. Его уложили на мох. Леший взял автомат, и кинул Сашке:

– Держи!

Тот поймал оружие и повесил на плечо.

Партизан осмотрел тело. Одежда превратилась в кровавое рваньё, но ботинки ещё можно было использовать. Лесник примерил обувь к своей ноге и покачал головой.

– Похоже, тебе подойдут, – Партизан швырнул ботинки мне под ноги. – Удобнее, чем в сапогах-то.

Я не стал отказываться. Мёртвым вещи ни к чему, вещи для живых. А обувь хорошая, отмыть от грязи, и порядок…

Здесь же, на поляне, Антона и похоронили. Неглубокая могила в хлипкой земле быстро наполнялась водой, и мы поспешно забросали тело болотной грязью и укрыли пластами мха. Ни креста, ни, даже, таблички. Почему-то никто ничего не произнёс, курили, и неловко молчали. Через какое-то время, чтобы закончить с этим, Леший сказал:

– Всё, парни. Хороший был мужик. Земля пухом, как говорится. Пойдём.

Савелий заплакал.

– Прекрати, Савка, – мягко сказал Партизан. – Мы знаем – что мог, ты сделал. Антон тебе благодарен. Пошли.

– Скажите, – Сашка с ухмылкой перетянул автомат со спины на грудь – Что сделал? Застрелил Антона? Вы что, слепые? Не кровопивец его убил – он от пуль умер!

Тут Леший сорвался.

– Закрой пасть, умник! – заорал он, и тоже схватил автомат. – Думаешь, один такой глазастый? Никто не заметил, а он заметил! Что бы ты делал на месте Савки? Смотрел бы, как человек мучается? У тебя хватило бы духа помочь другу умереть без мучений?! Хрена с два!

– Успокойся, – дал задний ход Сашка, – не здесь, и не сейчас. Дома будем разбираться.

– Ты сначала домой попади, умник! – не унимался Леший.

– А ну, заткнулись быстро, оба! – рявкнул Партизан.

От могилки Антона до железки шли молча. Под ногами то раскиселивалось, и тогда мы прощупывали дорогу шестами, то вдруг почва становилась твёрдой и каменистой. Слева, за озёрной гладью, виднелся лес: не чахлый и больной, как на острове, а настоящий – густой и зелёный. По правую руку – покрытая ряской топь, и, за ней, растопырившие голые ветви скелеты деревьев. Если присмотреться, можно увидеть истекающий слизью вонючий мох, которым эти мёртвые деревья обросли. Мы подошли к вынырнувшему из болота, перебежавшему через остров и ушедшему в озеро разбитому шоссе, и увидели вкривь и вкось торчащие вдоль железки столбы. Мы оказались у переправы.

– Не хочу я больше купаться, – пробурчал Леший, взбаламутив воду ладонью. Потом он осмотрел, даже зачем-то понюхал, мокрые пальцы. – А по-другому никак?

– Не боись, – подбодрил Партизан, – здесь мелко. Надо идти по рельсам, и, главное, не сворачивать. Ты по столбам ориентируйся. А на том берегу тебе понравится больше, чем в санатории, даю гарантию!

До обещанного санатория рукой подать, причём идти вброд шагов сто, не больше. Потом железнодорожная насыпь поднимается над поверхностью озера.

Когда Партизан залез в воду, гладь, в которой отражались жёлтые кувшинки, островки камыша, и перекосившиеся столбы, заколыхалась. Лесник бодро удалялся от берега. Савелий начал беспокоиться. До меня не сразу дошло, что пытается сообщить механик, но я тоже

немного заволновался – на всякий случай. А когда сообразил, в чём дело, испугался по-настоящему – не за себя, за Партизана. В сотне шагов от берега вода заволновалась. Над поверхностью мелькнул пятнистый плавник, блеснула чёрная с зелёным отливом, лоснящаяся спина. Нечто большое, похожее на притопленное бревно, и, наверняка, хищное, вроде, неторопливо, а на самом деле быстро и неотвратимо, приближалось к леснику. Чуть в стороне появилось ещё одно чудище; размерами меньше первого, зато шустрее.

– Назад! – завопил Леший. – Партизан, вертайся назад!

Тот и сам увидел рыбин, он бросился к нам, да, кажется, опоздал. Вскинул я автомат, но стрелять не стал. Вряд ли попаду – цель ещё далеко, и движется быстро; мелькнёт спина, и снова лишь рябь разбегается по воде. А в Партизана случайную пулю засадить – это запросто. С «везением», которое обрушилось на меня в последнее время, так, скорее всего, и получится.

Партизану, в отличие от Антона, повезло. Та рыбина, что покрупнее, заинтересовалась меньшим собратом, меньшая решила не связываться с крупным экземпляром, и, плеснув хвостом по воде, пустилась наутёк. Победитель вновь переключил внимание на Партизана, но тот уже шлёпал по мелководью.

– Что за хрень? – тяжело дыша, выдавил из себя лесник.

– Щуки, – впервые за долгое время открыл рот Архип. – Сильно подозреваю, что щуки. По крайней мере, та, которая больше, очень похожа.

– Ладно врать-то, – не поверил Леший, – вылитая акула! Уху бы из таких сварганить, весь Посёлок бы накормили!

– Интересно, откуда взялись? Раньше здесь ходил, как по бульвару. Ещё и эта дрянь прицепилась! – Партизан ощерился, и сковырнул жирную, насосавшуюся пиявку с голени. Ещё одну отклеил от его бедра и шваркнул об землю Савелий. – Вся мерзость повылезала!

– Рыбы, я думаю, не местные, – предположил профессор. – Мелковато здесь для этих рыб.

– Я и спрашиваю: «откуда?»

– Не знаю. Может, где-то есть омуты?

– Конечно, есть, – озлился Партизан, – Озеро большое. Где-то есть. Ты объясни, какого чёрта они здесь забыли?

– Чё пристал к человеку? – заступился за учёного Леший. – Ты не смотри, что у него физиономия умная, на самом деле он меньше тебя понимает! Лучше скажи, что дальше делать?

– А я почём знаю? Если пошла непруха, ничем ты её не перешибёшь! Можно только перетерпеть, – ответил Партизан. – Я других дорог через болото не знаю, а Сашка вернуться домой с пустыми руками не согласится. Прогуляемся мы с ним по бережку, глянем, что да как, может, чего и придумается.

– Ладно, – одобрил этот план Зуб, – Незачем всем рисковать. Мы разведаем, что впереди, а вы ждите. Если не вернёмся – идите домой.

Устал я, объелся лесной романтики – аж тошнит. Кажется, привык, и почти не замечаю, что холод и пустота стискивают внутренности, что кто-то наглый, не прекращая, сверлит взглядом затылок, что сердце иногда заходится в бешеной скачке. Тогда переводишь дух, и загоняешь это вглубь. Плюнуть бы, да возвратиться в Посёлок. Только вряд ли мне там обрадуются, если заявлюсь с пустыми руками! Меня и с полными-то не все будут рады видеть! Получается, что путь домой теперь лежит через эшелон. Такая закавыка.

– Я с вами, – сказал я. – Пошли вместе, и сейчас не стоит разделяться!

– Уверен? – спросил Партизан и, едва заметно, краешками губ улыбнулся. – Чую же, не хочется тебе.

Я замотал головой, мол, что за глупости? У меня всё в порядке. Только подумалось: да провалился бы ты со своим чутьём! Мои страхи, это мои страхи, а что я хочу на самом деле, никого, кроме меня, не касается!

– Правильно, Олег, – одобрил мой выбор Сашка. – Вместе дело сделаем, вместе и вернёмся. А другие как хотят.

– Я тоже здесь не останусь, – обиженно сказал профессор. – Пользы от меня пока что мало, но и вреда особого нет. Как хотите, но так я решил.

– Ну, чо. Ну, хорошо, что так, – заулыбался Леший. – А то уж я испугался, что придётся этих чудиков до дома провожать. Ты не гони нас, Партизан. Оно и понятно – тебе одному проще, но так уж вышло, что мы к тебе приставлены, а потому оденься, нечего задницей сверкать. Никому из нас не интересна твоя задница.

– Если так решили, давайте соображать, как быть дальше, – сказал Партизан, натягивая штаны. – Вы немного передохните, а мы с Олегом поблизости пройдёмся, глянем, что к чему.

Лесник, застегнувшись, похромал вдоль берега, я поплёлся за ним. Выбрал Партизан крохотную полянку. По краям её обступили поникшие ивы, а в серёдке взгорбились мягкие кочки. Он сразу на одну из этих кочек плюхнулся, а я поблизости, с ноги на ногу переминаюсь, и жду, что лесник скажет.

– Ты давай-ка, присядь. Когда рядом стоят и мне плохо сидится. Лучше покури, – сказал Партизан. Я послушно стал набивать трубку, тут и Леший подошёл.

– Эх, настырный у тебя дружок, Олежка, эх, настырный, – проворчал он. – Ещё и липучий, как репей. Прицепился, куда, мол, уходите, да зачем. Тебе что за дело, говорю! Ты, Зуб, делай, что велят, и не высовывайся. Когда можно будет высунуться, тебе скажут.

– Осторожней с ним, Лёш, – покачал головой Партизан. – Зачем на рожон лезешь? Мне только мордобоя здесь не хватало!

– А если сам нарывается!? Ладно… – Леший махнул рукой и достал из-за пазухи фляжку. – Не о том сейчас. Нормальный парень Антон. Был. Поди ж ты, глупо так… ну, хорошего человека и помянуть не грешно.

Леший слегка пригубил, довольно крякнул, и фляжка перешла к Партизану.

– Да, – сморщился тот, понюхав горлышко. – Мужик был нормальный, не поспоришь. А лесник, честно говоря, средненький. Лес не понимал. Через это и влетел. Глупо…

Лес он как раз хорошо понимал, – возразил Леший. – Это ты напраслину гонишь. Чутья ему не хватило, это да.

– Как это, чутья не хватило? Кровопивец, он же растение, как его учуешь? Ты зря-то не говори! Тут как раз понимание нужно, – сделав изрядный глоток, возразил Партизан, и передал мне фляжку. – На, Олег, помяни. Сильно-то не налегай. Хлебни чуток, и хорош. Так мы к чему клоним? Место Антона теперь свободно. Если хочешь, тебя лесником попробуем.

Я промолчал. Вроде бы, лестно, когда доверяют. Понятно, далеко не каждому Партизан такое предлагает, только плохо мне в лесу, не нравится мне лес, и, похоже, это взаимно. После того, что я успел

здесь увидеть, чего доброго, поселковый пруд буду обходить стороной, заросшего сада пугаться.

Я приложился к фляжке: дрянное пойло – в другой раз такое и пить не станешь – но крепкое, этого не отнять. Нутро вмиг прогрелось, и, странное дело, на сердце полегчало, а душа немного успокоилась. Глотнуть бы ещё, да Партизан не велел. Вернул я фляжку Лешему, чтобы соблазна не было, и сказал:

– У меня другая работа. Я – мент.

– Какой ты, нафиг, мент? – ухмыльнулся Леший. – Вон чё наворотил! Получается, хреновый ты мент! А лесник из тебя, глядишь, выйдет. Мы же видим – лес чуешь, нам бы так уметь! Зажался ты, потому тебя и корёжит. Это не трусость, а, на самом деле, непонимание твоё. Ты нас держись, мы всему научим. Сразу-то не отказывайся, думай, а вернёмся, тогда до конца и порешаем.

– Имей в виду, – Партизан ещё раз хлебнул из фляжки, а вместо закуски сунул в рот шишечку хмеля. Челюсти равномерно задвигались, Партизан тяжело глотнул, и продолжил: – Так вот, имей в виду, мне без разницы, что ты решишь. Не захочешь, и ладно, уговаривать не стану. Это Леший затеял – он тебе верит, я верю ему, такая порука. Но учти, с нами многие в лес хотят. Не так, как смертники, не под приглядом и защитой, а по-настоящему, чтобы самому понимать. Только мы не всякого к себе позовём, а, тем более, учить станем. Ладно, не мешайте мне.

Взгляд лесника остановился, глаза начали стекленеть, рот приоткрылся, и на бороду вытекла струйка зелёной от разжёванного хмеля слюны. А потом, как-то вдруг, Партизан напружинился и легко вскочил на ноги.

– На, оботрись, – Леший протянул ему тряпицу, тот взял, и потопал к берегу, на ходу вытирая слюни с бороды.

– Леший, – спросил я, – Что это было?

– Чё надо, то и было! Лес прослушивал, понятно?

– И что, услышал?

– Услыхал, чего надо было, – Леший пошёл вслед за Партизаном.

– А хмель есть обязательно? – спросил я вдогонку. Сильное у меня против этого дела имелось предубеждение. – За такое на пару месяцев отправят валить деревья, если не похуже.

– Деревья валить, говоришь? – Леший обернулся, под рыжей бородой спряталась ехидная усмешка. – Ты меньше болтай, тогда не узнают. А если не узнают, и не отправят. А хоть и отправят, нам-то что? Нам это вроде отпуска! Думаешь, ради удовольствия хмельком балуемся? Вишь, как его вставило? Скачет, будто молодой козлина. Завтра ему ещё захочется, да нельзя его часто жрать. Ты не переживай, в этом деле хмель не обязателен. У кого нет способностей, тому он не поможет, а иному и глотка водки достаточно. У некоторых без всего получается, но с дурманом проще… гораздо проще.

Вернулись мы к переправе.

– Значит, дело такое, – быстро и невнятно выплёвывая слова, сказал Партизан.- Дальше не пройти. На север нас не пропускают.

– Кто не пропускает? – раздражённо спросил Сашка.

– Кто, кто! Конь в пальто! Откуда я знаю, кто?! Мелководье тварями кишит! И в лесу нас ждут! – Партизан махнул рукой в сторону противоположного берега. – Лень было проверить, дураку, полез на авось. Гробанулся бы, как Антоха, и поделом. В обход попробуем, на восток. Там пока тихо. Заодно и места разведаем.

Раньше Партизан лишь изредка посматривал на дозиметр: щёлкает себе, и ладно. Местность изучена, опасные районы на картах обозначены. Когда лесник взял прибор в руку, стало ясно – мы первые из Посёлка, кого занесло в эти края. Легко можно влезть, куда не надо. Плохое место не сразу распознаешь – это потом, когда будешь не просто, и не быстро помирать, тысячу раз пожалеешь о своей невезучести. Дело может обернуться таким образом, что даже хмель-дурман не спасёт.

Что и говорить: дозиметр – штука драгоценная, только слишком уж назойливо щёлкает. Однажды приборчик заверещал слишком часто и, по-особенному, тревожно. Партизан заявил: мол, пустяки, не смертельно, но нехорошую проплешину мы обошли стороной.

Позади осталась торчащая над поверхностью озера крыша одинокой затопленной избушки. Мох больше не пружинил под ногами, мы ступали по настоящей траве, растущей из твёрдой земли. Берёзки выпрямились; белые стволы засияли в косых лучах предвечернего солнца. Уже и болото по правую руку обернулось тростниковыми зарослями, и деревья в том лесу вполне здоровые, их не душат пряди вонючего мха. Озеро затянулось камышом: сначала попадались

отдельные маленькие островки, а потом началась сплошная – от берега до берега – стена высокой, выше моего роста, озёрной травы.

На той стороне, за камышом – деревья. Непонятные они: чёрные, растопыренные, и закутанные в белёсое покрывало. Нехороший лес, это и без всякого лесниковского чутья видно.

– Здесь попробуем, – сказал Партизан. – Крупной рыбе в камыше тесно, а мы пролезем.

Упругие стебли ломались и приминались неохотно, кое-где сквозь упрямую траву можно было только прорубиться. И всё же мы оказались на берегу, рядом с чёрным лесом. Издали он выглядел странно, а вблизи вовсе пугал – отвратительный, как иссохший труп, и такой же мёртвый. Голые стволы торчат из обнажённой, укрытой лишь перегнившей прошлогодней листвой, земли. Кажется, деревья облизал огонь. Только не горел этот лес, с ним приключилась иная беда. То, что издали смотрелось покрывалом, оказалось густой паутиной. Белёсый саван укутал голые стволы. Он, будто живой, от едва заметного ветерка колыхался волнами, натягивался и опадал. Белые клочья плавали в воздухе и улетали прочь. Хозяев паутины пока не видно. И хорошо, не хочется выяснять, что за пауки облюбовали рощицу. То есть, может, Архип и хотел бы их изучить, так он профессор, у него мозги устроены по-особенному. А мы – обычные люди. Мы пошли в обход, краешком, по бережку, и дальше на восток. Пошли быстро! Потому что дозиметр на попытки приблизиться к деревьям среагировал очень нервно.

Когда Паучий лес остался позади, а вместо стены камыша вновь заблестела водная гладь, мы решили устраиваться на ночлег; дело-то к вечеру. На бережку развели костёр. Пока готовился ужин, мы изо мха, веток, да листьев устроили ложа. Уснуть, несмотря на усталость, не получилось; я ворочался, думки разные в голове крутились, сначала про Антона, а потом про Пасюка. Сон не шёл.

– Партизан, – я пододвинулся к костру, – Не спится мне. Давай, я подежурю?

– Нет уж. Если не спится, посиди у огня, бока погрей, – ответил Партизан, скармливая огню очередную порцию веток. – А я смену отсижу, и на боковую. Утомился что-то.

Костёр шипел и плевался; сырые дрова горели неохотно, густой дым разостлался над водой. За деревьями сгустилась тьма, иногда в

озере кто-то плескался и булькал, горланили лягушки. День выдался нелёгкий, но парням не спалось; лишь Савелий тяжело похрапывал и всхлипывал во сне.

Профессор в очередной раз одолжился куревом.

– Хорошо, – засипел Архип, когда прокашлялся. – Вечерок-то, как раньше. Бывало, приедешь на Волгу, сядешь на берегу, костерок горит, уха булькает. Разложишь снасти, рыбку ловишь. Красота!

– Да, – подхватил Сашка, – рыбачишь себе. Палатка. Шашлык. Все дела. Девочки салатики режут, друзья водку разливают.

– Бабы, водка… – передразнил профессор, – и без них неплохо…

– Неплохо, – вздохнув, согласился Сашка, – а с ними и вовсе хорошо. О чём это мы? Может, и Волги никакой давно нет. Хотя, с другой стороны, что ей сделается, река, она и в Африке река… А скажи, профессор, какие в Волге рыбки плавают? Не знаешь, можно там сейчас рыбачить?

– Что хорошего в этой рыбалке? Натаскал карасиков, да кошке скормил, забава для пацанов, – сказал Партизан. – Мне больше футбол нравился. Футбол, я вам скажу… это футбол! Сам я лесничил в этих краях, но, бывало, в город на матчи ездил. Так наорёшься – три дня хрипишь.

– Футбол и я смотрел, – вздохнул профессор, – конечно, по телевизору.

– А я в него играл, – ответил Сашка. – Чего уж хорошего? И командочка была так себе, но по заграницам я тогда наездился. А ещё на юга. Знаете, какая «тачка» у меня была? Стоило бибикнуть, девки табунами сбегались. Падкие они на это дело, скажу я вам.

– Да я ваши крутые «бибики» на одном месте вертел, – заявил Леший. – Я их на своей «Ниве», как стоячих, делал.

– Ага, делал! – засмеялся Сашка. – Попался бы ты мне на долбаной «Ниве», посмотрел бы я, кто, кого и на чём повертел бы.

– А у меня «Лэнд Крузер» был, – сказал Архип. – Почти новый

– Не свисти. Студентики, что ли, набашляли? Темнишь темнила! Признавайся, откуда у тебя «Крузак»?

– Был, и всё.

– Ага, был, пока не конфисковали, – Леший ехидно засмеялся, – за него, верно, и срок мотал?

– И за него тоже. Какая разница? Я в тюрьме посидел, зато живой, а те, кто меня сажали – где сейчас? Вон как жизнь порешала…

Тягучий, переполненный тоской и отчаянием, вой разодрал тишину. Льдинка в очередной раз, лениво, будто задумавшись, стоит ли из-за такой ерунды, как чей-то душераздирающий крик шевелиться, царапнула по внутренностям. Я невольно втянул голову в плечи, руки зашарили по земле, пытаясь найти автомат – он, зараза, почему-то не находился. Вой донесся с другой стороны. Сашка вскочил, заозирался. Крикнули где-то вдали, еле слышно. И всё успокоилось, опять тишина, жужжание комаров да плеск воды.

– Не дёргайтесь, парни – ехидно сказал Леший. Он даже не обернулся. – Это птичка такая. Вроде куры, но поменьше. Крылья у неё прозрачные, как у нетопыря, и зубы во рту. Самец для своей бабы песни распевает. Тварь опасная, если ты лягуха или ящерка, а людям её бояться не стоит, потому как летун она хреновый, больше по деревьям лазает. Жаль, темно, а то бы выследили. Если на углях пожарить, получается вкуснятина. Вроде змеюки.

Ладно, если тварь не опасная, пусть себе кричит. Я пригрелся у огня, и вскоре меня одолел сон. Этой ночью, для разнообразия, снилось кое-что приятное, и немного личное. Поэтому, когда Савелий меня растормошил, я недовольно заворчал. Костёр еле теплился. Небо начало светлеть.

– Уже твоя очеледь, – виновато проговорил Савка.

Я подкинул в огонь немного веток. Ожило, взметнулось жадными язычками пламя. Красные блики заплясали на стволах деревьев, а тьма в гуще леса стала плотной, почти осязаемой. За болотами кто-то кричал. Там едва заметно полыхало призрачное зеленоватое зарево.

– Тебе всего-то час остался, – объяснил Савелий. – Потом будет светло. Тогда всех лазбуди, да?

– Да, – я сел спиной к огню, автомат на коленях, руки чувствуют успокаивающий холодок металла. Во тьме, за кругом света, который отбрасывает пламя, ничего не видно.

– Ты, главное, слушай, а если услышишь – Палтизана буди. Он лазбелётся. А хочешь, я с тобой посижу?

– Нет, – отказался я, – отдыхай.

Вскоре небо засветлело. Пора будить ребят. Я поднялся, чтобы размять затёкшие ноги. Немного дровишек в огонь, и…

Шорох за спиной. Твёрдая, словно высеченная из камня, ладонь запечатала рот, крепкие пальцы зажали нос. Тонкие и сильные руки, будто железный ошейник, обвили шею. Невозможно вдохнуть, не то, что закричать. Я за автомат, его выкручивают из рук. Я мотаю головой, кусаю наглую ладонь, судорожно проталкиваю в лёгкие воздух – терпкий, острый запах сжимает спазмом горло. Я лягаюсь, бью затылком назад – кажется, удачно – объятие слабеет. Я вырываю оружие и колочу с разворота, наотмашь, прикладом в лицо. Кто-то вскрикнул, что-то хрустнуло, чьё-то тело повалилось на землю. Но мои ослабшие руки не могут удержать автомат. Закричать бы, разбудить, не то ребят перережут спящими! Но из сжавшегося горла не выдавливается ни звука.

Ноги больше не держат, я валюсь на землю. Роса на лице. Горечь во рту. Всё плывёт и кружится. Я проваливаюсь в тёмную бездну. Чтобы удержаться, не сгинуть, цепляюсь за траву.

По поляне ходят люди. Нет, не люди, чужие! У них в руках копья и дубины. Они больше не таятся, а мои товарищи обездвижены. Содержимое рюкзаков вытряхнуто на землю. Чужаки рассматривают вещи.

Ох, как мне плохо! И тоскливо. Терентьев не дождётся ни нас, ни, даже известий о нас. Возможно, к эшелону пойдут другие люди. Может быть, у них получится. А наш поход завершён…

Из желудка в рот исторгается едкая жижа. «Захлебнусь», – вяло думаю я. Меня берут под мышки и куда-то волокут.

День шестой

Трясло немилосердно, иногда я будто падал в яму, а потом взлетал. Горло сжималось в очередном спазме, а голову разрывал новый приступ боли. Я слышал хриплое дыхание, чувствовал неестественный и резкий запах: тошнотворную смесь пота, плохо обработанной шкуры и ещё чего-то незнакомого и вызывающего мучительные рвотные позывы. Я приоткрыл глаза, и, как в тумане, увидел мокрую и грязную спину чужака, а потом сообразил, что меня куда-то тащат на носилках. Ногами вперёд, чёрт возьми!

Я вспомнил бесславно завершившуюся драку с чужаками, и, то ли от этих воспоминаний, то ли от прогремевшего в голове взрыва боли, застонал. Меня опустили на землю. Один из носильщиков, наклонившись, уставился мне в глаза. Я сфокусировал взгляд сначала на его лице, а потом глянул на небо, только неба не увидел, не увидел и зелёных крон – лишь полог белёсой, колышущейся на ветру паутины, натянутый на чёрные, будто обуглившиеся, ветви! Услужливая память ехидно напомнила, как на границе мёртвого леса заверещал дозиметр.

Раздался приказ:

– Встань!

Я встал, вернее, попытался. В голову стрельнул новый приступ боли, перед глазами завертелось. Пришлось, опустившись на четвереньки, пережидать эту круговерть.

Меня обступили чужаки: все как один, худющие, жилистые и длинные. Среди них есть и женщины. Что интересно: не очень-то они отличаются от мужчин. И фигурами похожи, и одежда одинаковая – если можно назвать одеждой короткие штанишки из линялых шкур. На ком-то меховые тапочки, а на ком-то лапти. Длинные волосы не подстрижены: или распущены, или собраны в пучок на затылке. Угадать возраст чужаков невозможно, ясно только, что едва ли кто-то из них видел, каким был мир до Катастрофы.

Всего дикарей шестеро, ещё один, вернее одна, лежит на самодельных носилках – нехитрая конструкция: четыре палки, две шкуры. На таком же точно приспособлении только что несли меня. Раненная чужачка, как раз-таки не похожа на остальных, кажется, она

старше других, возможно, даже старше меня. Хотя дикарка высока и крепка, в ней нет отталкивающей худобы. Тело женщины неподвижно, лицо застыло, волосы слиплись от крови, красная струйка запеклась на виске. Худо чужачке. Судя по всему – очень худо! Вспомнился живой хруст после удара прикладом. М-да, нехорошо вышло. Чего уж теперь? Сама виновата. Зачем сзади-то нападать?

Отдохнул я на четвереньках, и снова попробовал встать. Мир опять завертелся, но гораздо медленнее, чем в первый раз; временами он делался чётким, а потом опять расплывался. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться рукой за ветку. Ладонь облепила мягкая паутина. Я брезгливо вытерся о куртку.

– Пойдёшь, не отстанешь? – спросил один из чужаков. – Осталось недолго.

Я кивнул, а сам подумал, что слова эти прозвучали немного угрожающе. Рука привычно потянулась к карману, за пистолетом, но память подсказала, что я, когда мы переправлялись через болото, положил его в рюкзак. Верно, там он до сих пор и лежит. Незадача!

Кстати, о рюкзаках: они сейчас, как и автоматы, за плечами у чужаков, а в руках у дикарей совсем уж неказистые приспособления – копья, если можно так назвать заострённые палки, да сучковатые жердины. В лесу с таким оружием не выжить, но эти ребята как-то ухитряются, и, похоже, имеют неплохие шансы пережить меня.

Эх! Тысячи лет люди выкарабкивались из каменного века, строили цивилизацию. А чтобы вновь одеться в шкуры и взять в руки палки хватило пары десятилетий. Вот безнадёга-то! Я так думаю, что за себя нужно бороться, как мы, в Посёлке. Будет толк или нет – посмотрим! А сделать копья – дело нехитрое, всегда успеем.

Мы плелись среди мёртвых деревьев. Навязчиво думалось о том, что если бы я добрался до «калаша», был бы шанс объяснить дикарям преимущества цивилизации. Колыхались белые занавеси, липли к одежде и волосам летающие в воздухе обрывки паутины, а потом, как-то сразу, мы оказались в нормальном, таком же, какой растёт возле Посёлка, лесу: солнечные лучики, пробившиеся сквозь кроны, ягодки-грибочки, цветочки-пчёлки-бабочки и прочая красота.

Шли мы не быстро, и я без труда успевал за чужаками. Никто не торопил, лишь изредка оборачивались, проверяли, не отстал ли? Думалось: нырну в кусты, только меня и видели, но думалось вскользь

и не серьёзно. Какой смысл? Уйти не дадут. Им лес – дом родной, поймают, обязательно поймают. И хорошо, если так! А вдруг и ловить не станут? Сам я дорогу к Посёлку едва ли отыщу, значит: либо свихнусь в лесу от страха, либо мной пообедает голодная тварь, причём, одно не исключает другого…

Дикари не останавливались, я плёлся следом. Вдруг раненая закричала и забилась. Женщину бережно уложили на траву, один человек прижал её плечи к земле, второй навалился на ноги. У чужаков нашлась шишка дурмана, один из них её разжевал. Через минуту страдалице разжали челюсть, парень, припав к открытому рту, выцедил туда струйку вязкой зелёной слюны. Женщина сглотнула и расслабилась, веки закрылись. Прошло ещё немного времени, чужаки взяли носилки, и мы пошли дальше.

Вскоре я почувствовал себя настолько сносно, что в голове вновь появились мысли о побеге. Теперь это дело не казалось таким уж безнадёжным. Хуже, чем у чужаков, не будет! Или будет? Я так и этак прикидывал, почти решился, но опоздал.

За диким малинником открылась большая солнечная поляна. Я понял, что здесь и обитают дикари. Это место не похоже ни на Посёлок, ни на деревни, что я видел – уж очень неказистые строения вокруг: укрытые пожелтевшим сосновым лапником шалаши, малоприметные землянки, несколько кривобоких избушек, и всё это построено вразброс, нет ничего, похожего на улицы. А, главное, никакого, хотя бы дохленького, подобия Ограды! Плетень бы поставили, что ли! От зверья не спасёт, но хоть что-то будет. Не всерьёз же они надеются, что заросли малины и шиповника защитят от лесных тварей.

Вокруг нас образовалась небольшая толпа. Все смотрели на раненую женщину, а меня будто не замечали! Я бы понял, если бы они возмущались, бранились, угрожали, нет, молчат; вместо слов – непонятные жесты.

Чужаки расступились, и к нам подошёл седобородый дед. Он выделялся среди местных доходяг: молодое здоровое тело без выпирающих наружу рёбер и вздувшихся суставов, и старое, коричневое, порезанное глубокими морщинами лицо. Похоже, это и есть самый главный здешний авторитет, по крайней мере, смотрит на соплеменников так, будто перед ним не люди, а деревья, только

деревья приходится обходить, а эти сами освобождают дорогу. Одет он, как и остальные, в меховые штанишки, к которым, в этом случае, прилагается такая же меховая душегрейка.

– Привели? – спросил седобородый.

– Да дядим, – протараторил один.

– С Настёной что, жива? – взгляд дядима остановился на покалеченной женщине.

– Да.

– Поторопитесь. Несли, что ли, зря?

Дядим ушёл, за ним, взяв Настёну, потянулись чужаки, рядом со мной не осталось ни души. Получается, я здесь не очень и нужен? Так я пошёл?

Они спохватились.

– Ты идёшь за мной, – пробубнил вернувшийся чужак. Мы пересекли деревню, вокруг снова сомкнулся лес, но вскоре я увидел другую поляну. Здесь все и собрались. Настёну к чему-то готовили: её раздели, украсили весёленькими и неуместными цветочками, натёрли чем-то приятно пахнущим и маслянисто блестящим. Я ещё раз убедился, что она куда симпатичнее тех, кто суетится вокруг неё. Худощава, но что же поделать? От лесной жизни не зажируешь.

На дальнем краю поляны я увидел странное сооружение. И чем больше я его разглядывал, тем более непотребным оно казалось. На первый взгляд постройка напоминает то ли часовенку батюшки нашего Алексея, то ли увитую дурманом веранду. Строение чуть выше человеческого роста. Есть купол, есть и крест, но какие-то они не такие. Вместо красоты – уродство, аж мурашки по спине! Плетёная из ветвей ивы крыша опирается на четыре бурых, словно вымазанных запёкшейся кровью, столба. А крест, такой же кровавый, кособоко приспособлен сверху. Земляной пол, три стены увиты хмелем, а четвёртой и вовсе нет. Чужаки собрались поодаль, близко к зловещему сооружению не подходят. Понятное дело; кому охота приближаться к преспокойно растущему внутри «часовенки» кровопивцу.

Может, это какой-то другой сорт растения, а, может, дикари его окультурили, только ловчие отростки совсем короткие, будто подрезанные. Скоро я понял, что длинные этой травке и ни к чему, потому что ей не надо беспокоиться о добыче пропитания.

Настёну закончили обмывать, натирать, запихали ей в рот светло-зелёную кашицу, тогда и пришёл дядим. Он принёс странную животину: то ли собачонку, похожую на лесную тварь, то ли тварь, напоминающую собачку – глядя на уродца, сразу и не поймёшь. Размерами зверёныш чуть больше кошки. Шубка облезла, местами шерсти совсем не осталось – лишь чёрная сморщенная кожа. Уродец еле слышно скулит, звериное чутьё нашёптывает ему: люди затеяли недоброе. Дядим держит крепко, ладонь зажала пасть – ни укусить, ни вырваться, ни завыть на собачью судьбу. Остаётся лишь трусливо поджимать хвостик.

Дядим отпустил зверька на землю, псинка, освободив морду, хрипло тявкнула, потом, заглянув деду в глаза, отчаянно заскулила. Тот, опустившись на корточки, потрепал ладонью загривок животинки. Псина немного успокоилась, хвост неуверенно завилял. Дядим ласкал, нашёптывал…

Короткий взвизг, пёс хотел убежать, но лапы подкосились, из перерезанного горла плеснула кровь. Дядим обтёр кусок острого камня о слабо сучащее лапами тельце, затем ногой подвинул тушку к коротенькому ловчему отростку травянистого монстра. Кровопивец жадно схватил зверька, листья свернулись, запеленав трупик, образовался плотоядно шевелящийся кочан.

Меня бросило в дрожь. Смотри, и запоминай, велел я себе. Дикари, они и есть дикари, по этому поводу не должно быть никаких иллюзий. И я смотрел, будто заворожённый. Противно, страшно, а глаз не отвести.

Когда монстр утолил голод, бурые от крови листья лениво раскрылись. От зверька осталась лишь высосанная тушка.

Чужаки опустились на колени: теперь их лица напряжены, глаза прикрыты. На ногах только я и дядим; не хочу я ползать перед их травчатым божком, а дядиму, наверное, по должности не положено. Смотрю я на творящиеся безобразия, и чудится, будто воздух над поляной густеет. Он сделался липким, как патока, и больше не пролезает в лёгкие, его приходится заглатывать. Стало жутко – до дрожи и слабости в ногах. Послышалось тягучее, и вязкое, такое же густое как воздух, то ли пение, то ли мычание. Сначала я не сообразил, откуда исходит звук, а потом дошло – странный напев издают дикари. Сперва мелодия была чуть слышна, но сделалась громче, в ней стал

угадываться непривычный ритм. Воздух, завибрировал; сердце часто-часто застучало; меня сотрясла сладкая дрожь. Заворожив себя своим же мычанием, чужаки стали раскачиваться, сначала едва заметно, затем сильнее и сильнее.

Дядим прошёл меж сидящими дикарями к Настёне, и легко поднял обездвиженное тело. Женщина тоже достанется кровопивцу? Ему собачки мало? Вспыхнул безумный порыв: броситься, прекратить ужасный ритуал, длилось это недолгий миг – рассудок победил: кто мне Настёна? И, вообще: это их покойник, что мне за дело, как они его похоронят? Всё равно женщина долго не протянет, она почти мертва, благодаря мне, между прочим. Об этом и надо думать! Может, сейчас не меня несут к кровопивцу лишь потому, что для него нашлась другая пища. Тогда, выходит, я следующий?

От этих мыслей я оцепенел. Встряхнул меня порвавший уши истошный визг; в объятиях кровопивца Настёна очнулась. Худенькое тело сначала задёргалось, а потом бездвижно закаменело, но долго ещё слышались глухие стоны. Зелёный отросток пролез в рот, а листья спеленали конечности. Я увидел, от какой жути избавил Антона Савелий.

Казнь нескоро, но закончилась: Настёна затихла, сумасшедшая молитва оборвалась. Я несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь унять скачущее галопом сердце и понял, что ощущение тягучести воздуха исчезло. Чужаки разошлись, до меня им, по-прежнему, не было дела. Стало быть, надо бежать, и скорее. После того, что увидел, оставаться здесь показалось ещё страшнее, чем пропадать в лесу.

Несколько робких шагов, и я застыл рядом с деревьями. Выбор перестал казаться очевидным: я, даже приблизительно, не знаю, в какую сторону идти.

Пока я решался, обо мне вспомнил дядим.

– Здравствуй… давай, это, уже знакомиться Дима так меня зовут… Дядя Дима называют, я здесь самый главный начальник… а ты кто? – голос дядима звучал чудно, и говорил чужак необычно, без пауз и интонаций, будто сначала проговаривал фразу про себя, а потом слова стремились быстрее, пока их не забыли, выскочить наружу.

– Олег, – я даже почувствовал непонятное облегчение. Выбирать, что делать, бежать или оставаться, не приходится. Выберут за меня.

– Хорошо, что Олег. Мой сын тоже Олег… который пятый или шестой, – дядя Дима гордо посмотрел на меня. – Они мне все тут дети… много, это, на самом деле, моих. Это про которых точно знаю, что мои… про других догадываюсь, что мои. Уже и внуки есть – они совсем мальцы.

Я с опасливым интересом посмотрел на чужака – во, даёт! А дядя Дима, продолжил:

– Извини, что негостеприимно повстречали… сам видел, срочные дела неожиданно.

– И ты извини, – на всякий случай покаялся я, хотя виноватым себя не чувствовал. – Эта ваша Настёна, она ведь сама! Сзади напала, вот и пришлось… если честно, даже не видел, кого бью.

Дядя Дима поджал губы, лицо сморщилось – печёное яблоко, а не лицо. Взгляд тускло-серых глаз кольнул, и уплыл в сторону. Потом вождь махнул рукой:

– Вышло как вышло, что было не поправишь… а другим урок будет – надо с тобой, это, не шутить.

– Меня-то вы зачем сюда привели? – задал я самый главный для себя вопрос. – Тоже для кровпивца?

– Кто есть кровопивец?

Я показал рукой на пожирающее Настёну растение.

– Странно ты его назвал: «кровопивец»… нет, тебе рано. Зачем спешить? Очень больно это, – сказал дядя Дима. – Поговорю с тобой немного, и решу… или отпущу, или не отпущу… Мне, это, здесь поговорить не с кем, здесь не любят говорить, они друг друга молча понимают… а мне, старому, как, значит, раньше, хочется языком помолоть. Идём, говорить будем.

Издали жильё дяди Димы показалось симпатичным; аккуратная избушка, сам бы в такой пожил. Но когда мы подошли ближе, она мне разонравилась. Щелястые стены, дыры между потемневшими брёвнами кое-как законопачены мхом, окошко не застеклено, а сено на крыше сопрело. Не хоромы, но, по сравнению с шалашами, которых в деревне множество – нормально. Внутри дом оказался ещё беднее, чем выглядел снаружи. Земляной пол, кое-где из него вылезла травка, в углу – крытая пятнистой шкурой неведомого зверя кучка сена; это, стало быть, ложе. А вместо табуреток два чурбака.

– Значит, дела такие, – сказал дядя Дима. – Значит, сейчас тебя накормим-напоим, а потом уж поразговариваем… Ты, это, имей в виду, бояться не надо, тебя не обидят. Поговорим, и домой уйдёшь. Понятно?

– Понятно, – кивнул я, а сам понадеялся: «вдруг не врёт, вдруг отпустит? Кто их, дикарей, знает?» Я, на всякий случай, поинтересовался: – Как же я дорогу-то найду?

– Ну, сюда как-то пришёл, и обратно как-то сумеешь… разве трудно? – съехидничал вождь.

Появился парень с большой, выдолбленной из дерева, миской в руках. Еда! Жареные на углях ломти сочного мяса исходят паром, а запах – сумасшедший! Переживания переживаниями, а желудок протяжно заурчал. Оказалось, и не тошнит меня, и голова уже почти не болит, зато есть хочется неимоверно; с ужина маковой росинки во рту не было. Выбрал я не слишком подгорелый кусок – сочно и мягко. Я не понял, какого зверя мы едим, а спросить не решился; вдруг, ответ окажется несовместимым с аппетитом?

– Ты, это, ешь не стесняйся, – проглотив мясо, сказал дядя Дима. Он кидал в рот кусок за куском, губы и подбородок лоснились от жира, горячие капли текли по ладоням. – Летом еды много, всем хватает. Вот зимой, это, зимой не хватает.

Какое мне дело до их зимы? Зимой и у нас жизнь не сахарная! Хотя им в их убогих жилищах, должно быть, совсем тоскливо, но мне-то что? Меня другое беспокоит, разные вопросы в голове крутятся-вертятся, покоя не дают. А спросить я не решаюсь, боюсь, что ответы не понравятся.

– Дядя Дима, а что вы сделали с моими друзьями? – собравшись с духом, поинтересовался я.

– С ними, это, ничего плохого, – ответил дядя Дима, а я подумал, что, скорее всего, он врёт. Ну, в самом деле, не полные же дикари идиоты, чтобы позволить нам вернуться в Посёлок? Искать нас не станут, о ком-то погрустят, а кого-то и вовсе не вспомнят. И никто не узнает о большой, живущей, буквально, под боком, дикарской общине. Дядя Дима продолжил: – Головы у них сейчас болят, это да. Если пыльцу вдохнуть, потом голова обязательно болит, тут ничего не поделать… а как же? У тебя болела и живой… а, может, зверь какой на них наткнулся, пока спали. Тогда плохо… но, скорее, никому они не

нужны, проснулись, и домой повернули. Куда им без оружия? Вы без оружия не умеете… Ты подумал, что мы их убили? Звери зря не убивают, думаешь мы хуже?

– Честно говоря, есть у меня сомнения, – признался я. – Это насчёт того, что зря не убиваете. Мы вас не трогали, а вы пришли, схватили, потащили. Оружие отняли. Что мне думать?

– Ты напутал! Не мы пришли – вы пришли… да… сначала поубивать вас хотел, пока вы не убили нас! Когда бы мы пришли к вам с оружием, что бы вы сделали? Поубивали бы…

– Может быть. Но сначала бы узнали, зачем вы явились, – сказал я, а самому вспомнилось: «еда давай, оружие давай». У той чужачки я ничего спросить не успел.

– Поэтому ты и здесь! – почти радостно заявил дядя Дима, в его словах впервые послышались хоть какие-то оттенки чувств. – Для того и пригласил тебя… любопытно мне стало… Вот я и спрашиваю: «что вам нужно?» Двадцать лет нас не знали, а теперь явились. Что надо-то? Зачем пришли в наш лес с оружием?

Смехота! «Наш лес»! Не видел я табличек с надписью: «цивилизованным людям вход воспрещён!» Лес ничей – где хотим, там и ходим! Если на то пошло, мы об этих ребятах вообще не знали. Прошли бы мимо, и не заметили.

– А по-хорошему спросить нельзя? – сказал я. – Обязательно побоище устраивать?

– Побоище? – в голосе дяди Димы промелькнуло едва уловимое раздражение. – Забыл, что означает слово «побоище». Чую, нехорошее оно. Так мы, это, никого не побили, вы живы и здоровы, а Настёна…

Дядя Дима сокрушённо махнул рукой.

– Сама и виновата твоя Настёна, – заоправдывался я. – А зачем сзади набросилась? Там не до церемоний было. Как получилось, так и ударил! Извини, конечно, только нехорошо, сзади-то.

– Сунули ему пыльцу в нос, нет бы, заснул, как положено! – вздохнул дядя Дима. – Шустрый ты. Ни роста в тебе, ни веса, нести легко, а с Настёной справился! Она вместе со мной с тех пор, как я попал в лес. Ребёнком помню. Бывалая, нет равных на охоте, любого зверя подманит. Выходит, супротив человека по-другому нужно. Где же им опыта набираться? Они же дети, какой с них спрос? А беды из-за ребячьей глупости и случаются.

В голосе дяди Димы послышалась грусть, и я решил ему посочувствовать:

– Так получилось, – сказал я виновато, – мне жаль.

– Тебе-то чего жалеть? Для тебя она никто! А я, это, я Пульку щенком помню, сам выхаживал, а после растил. Эх, знал бы, заранее жертву приготовил… А тут всё в спешке, некогда было, – дядя Дима опять махнул рукой. И я надолго замолчал, потому что сначала не понял, о ком он, а когда сообразил, что дядя Дима переживает за ту облезлую собачонку, и вовсе оторопел. О Пульке он, видите ли, печалится, а Настёна… раз дяде Диме плевать на неё, мне тем более не стоит заморачиваться по этому поводу, других проблем куча.

– Давай это дело разъясним, – сказал я. – Хочешь верь, хочешь нет, а мы про вас ничего не знали. Думали, людей в лесу и вовсе не осталось. К вам наши дела отношения не имеют. И вообще, мы случайно забрели сюда, прошли бы мимо, вас бы и не заметили.

– По этой дороге мимо не прошли бы. По ней, это, идти некуда. Ничего тут больше нет.

– Как же тебе объяснить-то? Из леса мы шли. Не я вам нужен. Вам бы Партизана послушать. Он бы грамотно разложил.

– Что ещё за Партизан такой?

– На тебя похож. Бородатый и главный. А ещё он всё про лес знает.

– Про лес, говоришь, знает? – переспросил дядя Дима. – Интересно! Ты, это, не врёшь? Нет, враньё я чую… Мои ребятки за край леса ходили, разведывали, что там. Плохо там, деревьев нет, а под небом сейчас опасно… солнце злое, от него искры в глазах. Бывает такая штука, называется, это, радиация. Слышал? По-моему, там она самая и есть, потому что после неё у ребят тело зудит.

Ишь ты, тело у них от радиации зудит. Я спросил:

– Если знаете про радиацию, зачем тогда в Паучий лес меня затащили?

– Паучий лес это что?

– Ну, это… где чёрные деревья и паутина.

А-а-а, это не пауки, а бабочки. Вернее, гусеницы. Беда для леса… нет, там с края плохо, а если знаешь, где ходить, то можно… Пока лес думал, как с этой напастью справиться, радиация не пускала тех бабочек дальше – тоже, видишь, польза от неё вышла.

Ну, и ладно, пауки, бабочки, какая разница? Важно, что не схватил я лишнюю дозу, с детства этого боюсь. А потом я решил, что, пока дядя Дима нормально со мной разговаривает, нужно наглеть до конца. Настроение у вождя может и поменяться. Я сказал:

– Ну, отпустишь меня? Пожалуй, мне пора домой.

– Ты, это, не торопись, – осадил меня дядя Дима. – Я же говорю, думать буду. Пока отдыхай, а мясо ешь, не стесняйся. Летом еды много, всем хватает.

Есть мне, что-то, расхотелось: блюду не помешало бы немного соли, можно, на худой конец, добавить лук или чеснок, опять же, перчик не был бы лишним. Но, похоже, приправы здесь не в чести. Съев несколько кусков, я понял – больше не хочу. Голод может сделать вкусным и пресное мясо, но стоит немного набить живот, и такая пища перестаёт радовать, тем более – ситуация и не располагает к особой радости.

Никто не запрещал бродить по деревне, и я бродил: присматривался, изучал и думал о том, как быть дальше. Ничего стоящего не придумывалось. Я подивился на чужаков; сюда бы Архипа, он бы рассказал, что за выверт учинила с людьми природа. Все, будто с одного образца списаны, поджары и узкобёдры, зато крепкоруки и длинноноги. Со спины и не разберёшь, мужчина перед тобой или женщина: у всех мальчишечьи фигуры и длинные волосы, на всех похожая одежда. Если глянуть спереди, различия более заметны: у девушек что-то похожее на груди, у парней жиденькая, неровно подрезанная растительность на лице.

Пялиться на местных дам – удовольствие ниже среднего, но чем-то нужно себя занять, от унылых мыслей отвлечься, вот я и пялился. А потом придумал более полезное дело – стал прикидывать, какова численность племени. Получилось, что взрослых наберётся больше сотни. Меня это впечатлило, но разнокалиберные стайки малышни, снующие по деревне, и занимающиеся своими ребячьими делами, ошарашили ещё сильнее. Первое, что вдалбливают ребёнку: «лес – это опасность!», но дети чужаков, увлечённые непонятными играми, спокойно резвилась меж деревьями. Ладно, не понимающая жизни ребятня, но взрослые должны бы проследить, а здесь даже они беспечны. С другой стороны, какие это взрослые? Никого старше себя я пока не встретил; вождь дядя Дима, понятно, не в счёт.

Аборигены делали вид, что я им неинтересен. Младшие откровенно таращились, а те, кто постарше, метнув быстрый взгляд, отворачивались. Ладно, если я вам не нужен, уйду! Что мне за это будет?

А ничего! Хоть бы спросили, куда я собрался! Отсчитав сотню шагов от деревни, я остановился – углубляться в чащу расхотелось! Что-то чересчур я осмелел, а ледышка, словно того и ждала, сразу же о себе и напомнила. Никакой цепи не надо, чтобы меня удержать, страх – он приковывает надёжнее железа.

Обратный путь занял немного времени, потому что я ломился напрямик. Густой подлесок цеплял за одежду; это мелочь, некогда выбирать дорогу – скорее к людям. Деревья расступились, малинник выпустил меня из колючих объятий, в глаза ударил солнечный свет. Я сделал вид, что всё в порядке, что это не я пёр сквозь кустарник, не я сминал сочный папоротник и давил ботинками грибы. Захотелось прогуляться, и прогулялся, а потом захотелось вернуться, и вернулся. Что такого? Но сделалось мне тоскливей, чем прежде – когда рядом люди, я как-то справляюсь, а одному в лесу мне, стало быть, делать нечего.

Потом я увидел старейшин, или как там называются в этой общине люди, каждому из которых на вид, пожалуй, лет по тридцать будет? Эти на ходячих скелетин не очень-то похожи, хотя и жирком обрасти у них не получилось. Их всего-то с десяток, развели костёр у опушки и сидят неподвижные, молчаливые, и все из себя задумчивые. Вид у них такой, что любому, кто проходит мимо, становится ясно: пялиться на пламя – самое важное на свете дело.

Жарится мясо, по кругу передают сделанный из чего-то, похожего на сухую тыкву, кувшин. Люди культурно отдыхают.

Я не решился бы подойти, если бы не увидел сваленные в кучу рюкзаки, автоматы и прочие отобранные у нас трофеи. Набравшись смелости, я присел у огня, люди подвинулись, никто ни о чём не спросил. Интересно, а что будет, если?.. Я взял «калаш», вернее, попытался это сделать. На запястье, будто наручники, сомкнулись цепкие пальцы. Такие дела – далеко не всё мне дозволено. И ладно, смешно было бы надеяться.

Широко улыбаясь, мол, это же шутка, больше такого не повторится, я попытался освободить руку. Мне в ответ неумело

улыбнулись, и даже отпустили запястье. Одна из женщин предложила мясо, я деликатно прожевал кусочек, и закивал, показывая, что угощение пришлось по вкусу.

Неожиданно – шум и гам; к костру вывалилась ребячья ватага. Дети ещё не научились, а может, не посчитали нужным скрывать любопытство. Видно же, что я им интересен, но гораздо больше их привлекает разбросанное вокруг оружие. Пацанчик, что пошустрее, схватил «калаш», ему, в отличие от меня, это не возбранялось. Великоват для него автомат, хлопец упёр приклад в землю, пальчик в отверстие ствола запихал, глазёнки горят, а язык от усердия высунулся. Остальная братва сгрудилась вокруг, ожидает, чем дело кончится.

Везде они одинаковы: поиграть с автоматом – заветная мечта каждого пацана. А если раньше не видел такую штуку, и не представляешь, как она работает – ещё интереснее! Наши ребятишки приучены оружие не трогать: во-первых, вещь слишком ценная, а во-вторых – опасная. Хоть «калаш» на предохранителе, но всё же…

Если даже взрослые не понимают, какое богатство попало им в руки, придётся мне прививать ребятне уважение к истинным ценностям.

– Положи, как бы беды не случилось, – сказал я мальчику.

– Положи, – велел сидящий рядом со мной мужчина, и ребёнок послушно бросил автомат. Чужак повернулся ко мне:

– Оно убивает?

– Убивает, – ответил я.

– А лося?

–Можно и лося, если удачно стрельнуть

– А человека? – не унимался любопытный чужак.

– Попадёшь в человека, убьёт и человека, – вздохнул я. – Оружию без разницы. В кого попадёшь, того оно и убьёт.

Люди заинтересовались.

– Покажи, как им охотиться!

– И покажу, – у меня аж дыхание перехватило. Чувствую, хочется людям узреть чудо, засверкали глаза, и взгляды теперь на меня устремились. Шанс? Отдадут автомат, я и покажу. Вы у меня такие чудеса узреете! Если, конечно, рядом не будет детишек. Пожалуй, не смогу я стрелять в детишек, ещё не до конца озверел, а с вами как-

нибудь справлюсь. Только нужно решиться. С оружием в лесу не так страшно, с оружием у меня получится …

– Надо дядь Диму спросить, – чужак поспешно отстранился, будто почувствовал недобрые мысли. И ладно, дело-то, скорее всего, мне же и вышло бы боком.

А неугомонный сорванец ловко распотрошил рюкзак Партизана. Детвора восторженно пищала, когда на белый свет извлекалась очередная диковина. Вещи, которые никому не понравились, отброшены в сторону, остальное разошлось по рукам: один карту разглядывает, другой компасом играет, третий пытается грязную портянку на голову намотать.

Ёлки зелёные! Один шустрик до гранаты добрался! Мальчишку заинтересовал кособокий чугунный шар, насаженный на деревянную рукоятку. Не успел я это дело предотвратить – граната вывалилась из ребячьих ладошек, а блестящая гаечка осталась в руках у мальца. Еле слышно зашипело, показался сизый дымок. Сорванец нагнулся за упавшей игрушкой…

Надо же, как неудачно! Сейчас будет «бабах!», если, конечно, изделие наших умельцев сработает. У меня в запасе пять секунд, если повезёт – десять. Хватит, чтобы спастись; до деревьев добежать, всяко, успею! А что случится с этими? Они даже не поняли, что надо спасаться! Почему я должен о них переживать? В конце концов, я не виноват! Само получилось! За детишками присматривать нужно – вот!

Эти мысли звенели в мозгах, а тело работало, не спрашивая голову. Оно взметнулось, плечом я сшиб мальчика с ног; тот полетел в одну сторону, граната покатилась в другую. Дальше – как во сне, когда время замирает, а воздух делается вязким. Вытянувшиеся лица сидящих у костра, распахнутые глаза, раззявленные рты. То ли испуганный, то ли обиженный вскрик упавшего на спину мальчишки. Я подхватываю с земли гранату, и бегу, почти лечу, а рука готова швырнуть дымящийся шар в лес. Я проламываю кусты шиповника, граната летит за деревья, и одновременно с этим я бросаюсь наземь. А в голове мелькает: смешно получится, если чугунный шар, отскочив от некстати подвернувшейся ветки, возвратится ко мне…

Рвануло не так, чтобы сильно, видали мы взрывы посильнее. Просвистело возле уха, не больно ударило в плечо, сверху посыпалась земля, а следом – веточки, листочки и травинки. Поднялся на ноги я не

очень уверенно, прислушался к себе: горит разодранное шиповником лицо, остальное, кажется, в норме.

Отряхиваясь на ходу, я вернулся к костру. На меня уставились изумленные детские, и напуганные взрослые глаза. Виновник переполоха громко заревел; это мне показалось, что прошла вечность, а мальчишка лишь сейчас сообразил, что его, непонятно за что, обидел незнакомец.

– Мы чуть не погибли, – очень спокойно сказал я, и, для наглядности – «ба-бах!» – изобразил руками взрыв. Когда я в куче сваленных вещей нашёл свой рюкзак, никто не произнёс ни слова. Интересно, сейчас разрешат взять автомат? Впрочем, не то настроение, чтобы экспериментировать, и не оружие мне сейчас нужно, дайте трубку и кисет!

Раскурил я от горящего прутика. Когда рот наполнился терпким дымом, я почувствовал – пришёл запоздалый испуг.

Всхлипнул пацанёнок, и оцепенение, в котором пребывал мир после взрыва, кончилось. Женщина, что сидела ближе к мальчугану, отвесила ему крепкий подзатыльник, и тот вновь шлёпнулся на четвереньки. Мне сунули в руки кувшин. Я сделал несколько глотков – то, что надо. Кисло-сладкое, забродившее, а главное – слегка хмельное.

Я сказал расстроенному пацану, так, как когда-то говорил мне Захар:

– В другой раз думай! И, это, сопли не распускай, парень!

Привлечённые громким «ба-бахом!», к костру подтягивались чужаки, пришёл дядя Дима. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле; внимание вождя приковала дымящаяся трубка.

– Дай, а? – спросил он.

Я протянул старику сокровище – дыми на здоровье. После первой затяжки лицо дяди Димы сделалось красным, но довольным. Потом вождь закашлялся.

– Отвык, – просипел он, возвращая мне трубку. – Что тут случилось?

Ему растолковали, лицо вождя из красного стало белым.

– Это всё, – он показал на кучу вещей, – ко мне в дом. И, Олег, это, тоже со мной.

На лесную деревню опустилась духота, а в избушке дяди Димы каким-то чудом сохранилось подобие прохлады. После того, как я распробовал вкус напитка из пузатого кувшина, а в одном из рюкзаков нашлась соль, сделавшая холодное мясо не только нежным, но и вкусным, а дядю Диму добрым и разговорчивым, сырые запахи ветхого жилища перестали раздражать. Мы сидели на чурбачках, и дядя Дима в очередной раз порывался меня отблагодарить.

– Пацанят пожалел, – поскромничал я. Не говорить же, о чём я на самом деле в тот момент думал.

– Ладно, – дядя Дима пыхнул трубкой, язык у него уже слегка заплетался. Руки вождя потянулись к кувшину. Хлебнул дядя Дима и сказал: – Теперь мы должны тебе. Как расплатиться, решим. А сейчас послушай…

И я выслушал долгий, сначала торопливый, а потом сделавшийся плавным и монотонным, рассказ, в котором изредка, когда дядя Дима брал кувшин, чтобы промочить горло, возникали паузы. Вот какую историю я узнал:

* * *

Давно, ещё до Катастрофы, жил в одной расположенной близ леса деревеньке мужичок по имени Дмитрий. Называли его Пупком, иногда Димком, и совсем редко – Диманом. Как ни крути, величать Дмитрием алкаша и местного придурка – много чести. Жил мужичок, поживал, никому не мешал. Жена лет пять, как померла, дочка за красивой жизнью в город подалась, там и выскочила замуж. Может, из-за того и не просыхал Димок, что остался один. Работы на селе для него не было, но пособить соседям – дело святое. Кому огород поможет вскопать, кому дрова нарубит или ещё чем по хозяйству поможет. За это его накормят, иногда деньжат на хлебушек подбросят, опять же, непременно самогоночкой попотчуют. От дочки время от времени материальная помощь приходила, настало время – государство стало выплачивать небольшую пенсию. Лес под боком: грибы, ягоды, травки целебные. Можно жить, если знаешь и понимаешь лес. Одному много не надо – на поллитру хватает, а закуска в огороде растёт. Хотя, если разобраться, и не в закуске счастье.

Спился бы Димок окончательно, и помер бы по-тихому. Мало ли их было, загнувшихся от вина, околевших в сугробах, да нарвавшихся по пьяной лавочке на нож? Но случилась Катастрофа, и Димок

пережил её, хотя поначалу это казалось сомнительным достижением. По шоссе перестали ездить машины. Радио замолчало, мобильные телефоны сделались бесполезным хламом, а по проводному в первые дни можно было дозвониться до ближайших деревень, а потом связь полностью прервалась. Телевизор и до того показывал две программы, а теперь и вовсе ослеп. Те, у кого были спутниковые тарелки, с утра до вечера могли любоваться надписью: «нет сигнала». Любовались недолго; вскоре отключилось электричество.

Из тех, кто уезжал, чтобы разузнать, что же случилось, вернулся только агроном Серёга. Был он сильно возбуждён, твердил что-то про ужасы, творящиеся на севере, и про то, что на юг путь вообще закрыт. Поверить его рассказам было невозможно. Никто и не верил, сочли, что человек повредился умом. А тот всё причитал: «разбомбили, разбомбили нас в хлам». Уезжал Серега молодым и полным сил, вернулся седым и как-то очень быстро постаревшим, а через неделю загадочно и скоропостижно скончался. Абсолютная неизвестность, но жить как-то надо. Как-то и жили. Кормились запасами, да тем, что на земле выросло, и, худо-бедно, перезимовали.

Вскоре начался непонятный мор. Люди умирали, а перед смертью долго и страшно болели. Что толку от деревенского фельдшера? Вычитал он в умной книжке, а может, сам решил, что случается такая хворь от радиации, а как её лечить – неизвестно. Где-то кто-то услыхал, что лучшая профилактика от этой болезни – водка. И стал Димок лечиться пуще прежнего. Может, и не соврал фельдшер; многие не дождались весны, а этому – хоть бы хны. Некоторые убежали из деревни; наверное, место здесь плохое, а Димок решил, что идти ему некуда – везде то же самое!

Вышла как-то из леса группа людей. Все злые, голодные, да сильно потрёпанные – видно, по дороге довелось им хлебнуть лиха. Деревенские приютили бедолаг; оставайтесь, если болезнь вас не страшит. Этих уже ничто не могло испугать.

Вскоре выяснилось, что за господа пожаловали в гости – оставшиеся без присмотра зэки. В этих краях к заключённым относились нормально – все люди – да пришлые сильно и не безобразничали, хоть и задирали местных мужичков. Не по злобе, а чтобы показать, кто теперь в деревне хозяин. Чтобы, значит, делились едой, да баб не прятали. А Димок чем-то бандюкам не приглянулся.

Неосторожен он был на язык, особенно, если под хмельком, может, и брякнул что-то не то. Осерчали дорогие гости, так обидели Димка, что безвредный, в общем-то, человечек решил, что прощать такое нельзя. Едва лишь оклемался, махнул для храбрости стакан почти не разведённого из тех запасов, что припрятал на чёрный день, а недопитое, вместе со снедью, уложил в рюкзак. Вот и пригодилось старенькое, оставшееся от батьки, ружьишко. Выбрал Димок момент, подкараулил обидчиков и наглядно объяснил, что негоже издеваться над людьми, которым нечего терять, люди осерчать могут! От мысли о том, что с ним сделают кореша оставшихся лежать на околице с развороченными картечью животами бандитов, Димка охватывал дикий ужас. Он шёл, и шёл, и шёл, пока хватало сил. Потом – короткая передышка, и снова в путь. Может, зэки решили не связываться с вооружённым психом, а может, хотели словить, да не сумели – лес большой, пойди-ка, сыщи беглеца.

Сначала Димок был один, а потом встретил людей. Выжившие бежали из деревень, собирались в кучки, эти кучки объединялись в группы побольше. К одной из таких групп Димок и прибился. Из разговоров с новыми товарищами, он узнал, что в той деревне, где до недавнего времени жил, дела обстояли не так и плохо. Оказалось, что дальше на север – значительно хуже. Кто успел, бежали оттуда без оглядки, людей там вовсе не осталось.

Жили дружно – иначе нельзя. У каждого своя беда, и свои проблемы, а выжить хочется всем. Поодиночке не получалось, только вместе. Помогали друг другу, о стариках и детях заботились. Но первую, невероятно тяжёлую зиму в лесу многие не сдюжили. Остались те, кто покрепче. Так уж вышло, что Димок сделался в общине самым старшим – пока ещё не по положению, а по возрасту.

Иногда к общине присоединялись новые люди. Никого не гнали, были рады и беженцу с севера, и бывшим заключённым – вместе проще. От новичков узнавали хоть какие-то новости. Слух о дивной деревне принёс израненный, чудом вырвавшийся из лап лесной братвы, странник. Кажется, он был немного не в себе, но его жадно слушали. Он говорил охотно, и начинал рассказывать заново, если кто-то желал послушать ещё раз: «есть на свете деревня, где безопасно и сытно, где добрые и справедливые начальники, где каждый, кто приходит с миром, получает приют. Но путь к раю нелёгок – вокруг

рыщут шайки бандитов, и мало кому удаётся проскочить». Тому, кто это рассказывал, не удалось.

«Где этот рай?»

«Да на юге, где же ещё… Оклемаюсь, сил наберусь, и снова туда пойду. Кто со мной?»

На юге есть много чего, попробуй, отыщи! Некоторые ушли – никто не вернулся. Что они там повстречали – мечту или смерть – теперь уж не узнать.

Кто был попрактичнее, те и не думали покидать насиженное место. Быт как-то устроен, землянки вырыты, одним словом, прижились люди, глупо от добра добро искать. И Димок тоже решил, что ему на юге делать нечего. Есть там рай, или нет его - неизвестно, а только в прежние времена в тех местах располагались лагеря, потому даже гадать не надо, кто живёт в деревне, и какие там порядки. Не молодой уже, по лесу шастать в поисках приключений на свою, гм-м… голову.

Хоть и не молодой, а обузой для общины Димок не был, наоборот, немалую пользу стал приносить. На удивление другим, он умел находить грибные места, ловко добывал рыбу в лесных озёрах, а главное – чуял, где прячется зверь. То ли от радиации, то ли от постоянных переживаний у Димка вдруг открылся удивительный дар – стал он чуять нехорошие места. Замрёт неподвижно, будто прислушиваясь к чему-то, и приходит к нему знание: плохой лес, заражённый, туда идти нельзя. Или наоборот: родник чистый, воду из него пить можно.

Таким способностям не сильно удивлялись; и без того вокруг творились разные странности – всему не переудивляешься. Дан человеку необычный талант – надо этим пользоваться. Если ты, старый, не можешь наравне с другими валить лес и копать землянки, так скажи, где растут грибы, или ходит лось, тем и будешь полезен. И Димок говорил.

Минуло ещё какое-то время. Одни ушли на юг, к общине прибились другие. Болтали, что за лесом никого не осталось. Мёртвые города, мёртвые деревни, где угасают последние, почти мёртвые люди. Всякие страсти рассказывали, да такие, в какие поверить совсем немыслимо. Но это было где-то там и с кем-то другим. А в лесу жизнь хоть и не сахар, но всё-же…

А потом Димок решил, что повредился рассудком; как ещё объяснить это тяжёлое, накрепко засевшее чувство; казалось Димку, будто кто-то лезет ему в голову, чьи-то пальчики копошатся в его мыслях. Чудилось, что этот кто-то – лес. Не зверь, и не дерево, а весь лес, целиком. Навидался Димок и спятивших святых, вещающих о конце света и проповедующих разные методы спасения как отдельных личностей, так и всех людей оптом. Видел слюнявых, лепечущих абракадабру, тихих помешанных, и буйных, с азартными воплями скачущих по лесу психов. Значит, настал его черёд сойти с ума, только и всего!

Потом Димок сообразил – это лес так говорит с ним. И неважно, фантазии это больного мозга, или непонятное явление природы, важно, что в результате таких разговоров у Димка в голове сами собой появляются нужные знания. То, что ему стали ведомы полезные свойства трав и грибов, это мелочь. В конце концов, Димок и раньше в этом деле кое-что понимал, просто теперь он стал исцелять новые болезни откуда-то вдруг появившимися незнакомыми прежде травами. Это спасло общину, когда начался мор. Было бы ещё хуже, когда б Димок не смог приготовить целебное зелье.

Хворали все, но по-разному. Дети, те легко, словно насморк подцепили. Женщины почти все перенесли болезнь, она лишь сделала их краше и здоровее. А мужики… мужиков и так не хватало, за то время, что прожили в лесу, одни, в поисках лучшей доли, ушли на юг, другие погибли… так вот, мужчины болели тяжело, многие померли, а кто выжил, сделался вялым да слабым. Какой с такого мужчинки прок? В-общем, переболели все, лишь Дмитрия беда обошла стороной.

Что случилось, то случилось. Когда мор закончился, немного погоревали, но надо было налаживать жизнь. Наладили. А вскоре Димок понял, что оказался если не в раю, то где-то поблизости. У женщин обострился, и набрал немыслимую силу инстинкт продолжения рода. Димок, хоть не от мира сего, да и не первой свежести мужичок, но если других взять негде, то вовсе даже ничего! Столько внимания к своей особе Димок не видел за всю предыдущую не короткую жизнь. Прежде об этом грезилось под бутылочку самогона, и вот – случилось. Потом он понял – такой рай больше похож на ад. Не в том дело, что ему не хватало физических сил. Если знаешь нужные травы, а, надо сказать, некоторые травы приобрели в

лесу невероятную целительную силу, никаких проблем со здоровьем не будет. Просто Дмитрий обнаружил, что судьба забросила его в самый эпицентр бабьих интрижек и свар.

Когда в лесу объявились невиданные раньше звери, стало понятно – это не Димок спятил, это мир окончательно сошёл с ума. Община, в который раз, оказалась на грани гибели, потому что когтистые и клыкастые уроды не хотели признавать человека вершиной пищевой пирамиды. Опять пригодились таланты Дмитрия; надо сказать, он учился управлять новыми способностями, и теперь стал кем-то вроде шамана. Поговорить с лесом? Можно! Почувствовать лесную тварь, приманить, или, наоборот, отпугнуть? Легко! Надо лишь поставить вокруг общины мысленный барьер, и зверь не сунется. Однако, тяжело без помощников. Шаманское дело трудное – много сил расходуется. Опять же, и поспать иногда нужно. Решил Димок по простоте душевной научить общению с лесом, который он к тому времени стал уважительно величать Миром, соплеменников. Но, как ни старался, толка не было. Димок понимал, что Мир говорит со всеми, да не все хотят услышать. Дети – те хотели. Нужно лишь объяснить и немного направить, дальше – само выходит. А со старшими – никак. Видно, не дадено им… наверное, сам Димок получил дар потому, что, как говорила покойная жена, у него мозги набекрень. Другим не свезло, у них проблем с головой не было.

Димок, а теперь его чаще называли дядей Димой, стал учителем; пусть хотя бы у детей появится шанс приспособиться к этой жизни. А людей становилось всё меньше. Соседние общины вымирали. Кто успел, перебрались под крыло дяди Димы, кто не успел, или не захотел, что ж, такая судьба. Оставалась ещё деревня на юге. Как там сложилось? Похоже, не очень хорошо!

Теперь дядя Дима много чего ведал про ту деревню. Когда он в первый раз, слившись сознанием с Миром, наткнулся на это, его чуть не вывернуло наизнанку от ужаса и отвращения. Нарыв, язва, сочащаяся гноем страха и ненависти – так увиделось дяде Диме. Он отпрянул, убежал без оглядки, и лишь потом сообразил – это и есть та самая, легендарная, деревня. Там очень много людей, и каждый убеждён, что Мир собирается его убить. Этого дядя Дима не понял. Как можно бояться дома, в котором живёшь?

Прошло немного времени, и, кажется, дядя Дима сумел разгадать эту загадку. Похоже, виной всему недоразумение: не Мира боялись те люди, а других людей, тех, что жили в лесу. С ними приходилось биться за место под солнцем: скорее всего, это были бандиты, что изловили странника, от которого в общине узнали о волшебной деревне. Соответственно, и бандиты испытывали к деревенским какие угодно чувства, но не любовь. Для Мира не было разницы, кому предназначалась людская ненависть, она ему не нравилась и заставляла его болеть. Деревня ощущалась, как заноза, инородное тело. Мир хотел растворить это тело в себе, как он сделал это с общиной дяди Димы. Но панцирь страха и ненависти охранял людей, оказалось, такую защиту невозможно пробить. Зато, привлечённые запахом страха, к деревне потянулись лесные создания. Они прогнали бандитов, но сама деревня отчаянно защищалась.

Мир теперь хотел одного – избавиться от этой напасти. Но чужаки выстояли, и на агрессию ответили агрессией, выплеснув на Мир ещё больше страха и ненависти. Тогда Мир оградил чужаков барьерами. Пусть себе живут, они сами утонут в своей злобе, надо только подождать – Миру некуда торопиться. Главное, не допустить, чтобы зараза расползлась за отведённые ей границы.

Дядя Дима ощущал себя частью Мира, и желал того же, чего желает Мир. Он наблюдал за деревней. Иногда кто-то решался выбраться оттуда, тогда нужно было сделать так, чтобы он не приближался к тем местам, где живёт община. В этот раз блокаду прорвала большая группа, никогда прежде такие группы не ходили на север – в сердце Мира. Чужаков следовало прогнать. Кое-что дядя Дима предпринял, но людей остановить не удалось. Можно было бы устроить так, чтобы вся живность в округе набросилась на смельчаков: в конце концов, не дядя Дима пришёл к ним – это они вломились в Мир дяди Димы! Но не любил дядя Дима ненужной крови, её должно быть ровно столько, сколько необходимо для выживания общины – это естественный порядок вещей. Опять же, что делать с любопытством? Хочется узнать, зачем эти люди сюда явились…

* * *

– Парень, а ты мне нравишься, – пробубнил дядя Дима, а я подумал, что собачонка ему тоже нравилась. Вроде бы, даже любил он ту облезлую зверушку. Сильно ей это помогло? Приходится

напоминать себе, о том, что я не гость, а пленник, и обычаи здесь, скажем так, странные, надо держать ухо востро. Ну и что же, что, хлебнув вина, дядя Дима принялся говорить о себе и своём племени? Может, и болтает оттого, что знает – никому и ничего мне рассказать не удастся. Ишь, разошёлся, не остановишь! А винцо, точно, заковыристое! Чем больше во мне этой жидкости, тем меньше страха. И даже что-то вроде симпатии к дяде Диме просыпается. А тот ещё и подначивает:

– Ты пей! Оно для пользы. И мозги прочищает, и организм. Если до войны знал бы рецепт, купался бы в деньгах. От него, это, похмелья нет, а только бодрость… до войны-то всякую дрянь пили. Но тогда нужные травки не росли. И, это, растолкуй мне: вы там, в своём Посёлке совсем не умеете говорить с Миром? Тогда понятно мне, откуда в вас столько злобы. Плохо вам и тяжело… у нас такие не выжили, они стали для Мира чужими. И вы чужие. Но гляжу я на тебя, и думаю, что ты после войны родился.

– Да, – ответил я, – после. А какая разница?

– Разница такая, что все, кто родился потом, слышат Мир. И ты должен. Даже если был в те дни ребёнком – тоже должен, а ты говоришь, что не умеешь. У взрослых, это, мозги другие, их новому не научишь, а тебя ещё можно. Совсем ничего не слышишь?

– Ничего. Хотя… дай-ка ещё вина! – сейчас мне хорошо и спокойно, с тех пор, как оказался в лесу, не было мне так хорошо и так спокойно. А, может, вообще никогда не было. Оттого, наверное, и поделился я наболевшим, излил душу. Про льдинку, которая внутри скребёт и про взгляд, что сверлит затылок; про муравьиного льва и его невидимый поводок рассказал.

– Ну, и вот! – заулыбался вождь. – Мир говорит тебе, а ты не слушаешь. Почему?

– Откуда я знаю? Само так получается! – ответил я и подумал, что примерно то же, только по-другому пытался мне втолковать Партизан.

– Мир каждому говорит. Кто-то слышит, кто-то не слышит. Кто слышит – тому хорошо, а кто не хочет слушать – тому плохо… сейчас тебе плохо, а может стать хорошо.

– А как? Я бы попробовал…

– Это, вообще, не трудно. Этому я детей и учу. И тебя могу.

Если честно, про говорящий лес я понял не до конца и не очень сильно в это чудо поверил. На то и дикари, чтобы молиться растениям и болтать с деревьями. Пусть Архип думает, откуда у них взялся такой причудливый выверт сознания, а мне это зачем? Но профессор далеко, а дядя Дима – рядом, вино хлещет. Пока он благодушный, но кто знает, что взбредёт в его вывернутую голову? Захочет, и к кровопивцу отправит – с них, дикарей, станется! Хотя собачку дяде Диме жалко: видно, глубоко внутри он добрый. А раз добрый, может, и мне зла не желает? Что ж, рискнём. Что там нужно? Помолиться особенным образом? У костра попрыгать? Ох, это вино! Испив такого вина, согласишься на любые эксперименты.

Оказалось, ритуалы вовсе не обязательны. Если ты в этом деле новичок, сильно упростит дело шишечка хмель-дурмана. Можно открыть сознание и каким-нибудь другим способом, только это ж уметь надо. Значит, хмель-дурман. Вот и пришлось его попробовать. На вкус – кислятина с горчинкой, разлился по языку холодок, да рот стал переполняться слюной; успевай глотать. Я ждал, когда это начнётся, но ничего не происходило.

– Расслабься, – сказал дядя Дима, – думай ни о чём.

Думать «ни о чём» тяжело, но я постарался. По-первости, совсем не получилось. Но вскоре начались ощущения. Мне как бы стало хорошо, а вроде и не очень. Кто-то деликатно постучал в черепушку, и, не дождавшись приглашения, попробовал в неё залезть. Я захотел прогнать гостя, но долетел голос дяди Димы:

– Не суетись. Я это пришёл, плохо не будет.

Тяжело представить, что дядя Дима теперь внутри меня, ещё труднее в это поверить. Но я представил и поверил. Тогда запруда, кое-как перекрывавшая разум, обрушилась. Она и раньше была хлипкой; тонкими ручейками сквозь неё просачивался страх. Теперь же меня захлестнуло, накрыло с головой и понесло. Я барахтался, подхваченный необоримым ужасом. Ледяной ком вырос, затвердел. Оказалось, не он внутри меня, это я вморожен в него. Я оцепенел, замёрз – ни шевельнуться, ни закричать. «Пропал!» – вертелось в голове. «Помогите!» – бросал я в пустоту отчаянную мысль. «Помогите же!!!» И мне помогли. Одним ударом разбили сковавший меня лёд. Он рассыпался на тысячу мгновенно растаявших осколков. Мне велели: «смотри!».

Я посмотрел, и – нет, не увидел, а почувствовал. Это трудно объяснить – Лес, (не лес, не куча деревьев, выросших в одном месте, как сказал однажды Леший, а Лес!) будто сжался, теперь он внутри меня. А в следующий миг оказалось – это я внутри, а Лес снаружи. А потом мы снова поменялись местами…

От этой круговерти я перестал различать детали. Всё слилось: ни деревьев, ни животных, есть нечто большое, цельное. Не враждебное, не дружелюбное. Не злое, не доброе. Не красивое и не уродливое – сразу не скажешь, какое. Другое! Стоит пожелать, и я сольюсь с этим. Тогда Лес перестанет быть врагом. А кем сделаюсь я? Сумею ли влиться в этот хор, не сфальшивлю ли?

Да, Лес звучит, как хор, всё слаженно, всё друг к другу подогнано, лишь один звук, будто скрип ржавых петель, убивает песню. Можно попытаться не обращать на этот скрежет внимания, но лучше заглушить, стереть и забыть. Серая размазанная клякса – это Посёлок, догадался я. Такими мы видимся Лесу!

Я отпрянул, и вдруг понял. Не соврал дядя Дима – мои друзья живы! Они рядом, и они очень злы!

Вождь резко выдернул меня в реальность. Я трясся, лёжа на земляном полу.

Ай да хмель! Так вот зачем он… Не знаю, что я только что пережил – наркотический глюк, или нечто большее, но я почувствовал, что в теле закипает невиданная мной ранее энергия. Мне необходимо движение, иначе сгорю!

– Сильный ты, – сказал дядя Дима, – Поработать с тобой, много сумеешь. Ты понял, что в Мире все привязаны друг к другу?

– Ага, – кивнул я, – понял. Понял! Кстати, мои друзья скоро будут здесь. Не знаю, откуда я это знаю, но знаю!

Дядя Дима вздохнул:

– Не понимаю, как нашли. Надо было проследить. Не думал, что пойдут без оружия. Лучше бы воротились домой. Зачем им проблемы? Не люблю я, когда у людей проблемы…

– Знаешь, – попросил я, – отпусти меня. Я уговорю их уйти.

И дядя Дима, подумав, отпустил.

Двое идут впереди, кусты им – не кусты, и буреломы – не буреломы. Дорога, которой меня ведут, не сложна, шагается легко. Это не похоже на то, как я ломился за Партизаном сквозь чащобу, сегодня и

веточки не царапаются, и колючий куст за штанину не хватает. А в придачу живость в теле необычайная: то ли хмель-дурман так работает, то ли вино бодрит – не забыть узнать рецепт, за одно это мне в Посёлке будет обеспечена всенародная любовь. Привычный страх попытался забраться под черепную коробку, но теперь меня такой ерундой не проймёшь; я откуда-то знаю, что с этим делать. Достаточно помыслить особым образом, мол, не до тебя сейчас, не лезь. Я попробовал – сразу отпустило. Прав дядя Дима: это легко, если знаешь, как.

Минут через тридцать дикари остановились, один сказал:

– Впереди твои люди, – и словно никогда и не было моих попутчиков, примерещились.

Я услышал хруст ветки неподалёку, и пошёл на звук.

– Эй, – неуверенно позвал я. – Вы там? Привет.

Ответом – настороженная тишина. Затем, откуда-то слева прошелестел тихий голос Лешего:

– Ты что ль, Олег?

– А вот сейчас проверим, какой такой Олег, – донеслось из кустов, что росли по правую от меня руку, ворчание Партизана. – А ну, стой, где стоишь, и не балуй. Не то пуль в живот напихаю.

– Да он это, кто же ещё? – проговорил Леший.

– Мало ли? Вы пока затаитесь, если что.

Я застыл, подняв руки, только улыбка сама собой нарисовалась. Оказывается, соскучился я по этим людям: хоть, и злые они, как сказал дядя Дима, зато свои, привычные.

– Молодец, так и стой, и не вздумай дёргаться, – послышался голос Партизана. – Дай я тебя получше разгляжу.

Лесник вышел из кустов, сам недовольный, лицо хмурое, «макаров» нацелен мне в живот. Обошёл Партизан вокруг, осмотрел с головы до ног; хоть брови насуплены, а под бородой ухмылка спряталась.

– Кажись, и вправду ты, – сделал вывод лесник, но пистолет не опустил.

– А кто ж ещё? – спросил я.

– Да мало ли… ходют тут всякие, а потом вещи пропадают! Что живой – хорошо… – ответил Партизан, и обнял меня. Крепко облапил, аж дух перехватило. Для остальных это послужило сигналом, тоже

выбрались из кустов. У Савки даже слеза навернулась – лишь бы, вслед за Партизаном, обниматься не полез. Ну, ладно, обними разочек, бугай здоровущий, только лобызаться не вздумай! Не надо, говорю!

– Дык, я ж знал: этот везунчик вывернется, – заявил Леший. – Ничего таким не делается.

– Хватит, – сказал Сашка. – Пусть объяснит, что за ерунда здесь творится.

Я коротко, но, вроде бы, не опустив важных подробностей, рассказал, что со мной приключилось. Ребята и задумались.

– Ты что, удрал от них? – недоверчиво спросил Партизан.

– Нет, – ответил я, – то есть, не совсем. Вернее, совсем нет. Двое неподалёку прячутся.

Все напряглись, глаза подозрительно вглядываются в лесную зелень, пытаясь увидеть, что скрывают кусты и деревья. Оружие, у кого какое есть, готово к бою. Лишь у Партизана Сашкин пистолет, другие вооружились, кто ножом, а кто и дубинкой – чем не дикари?

– Ребята, – сказал я, – вы только первыми не начинайте, ладно? Тогда вас не тронут. Дядя Дима всех зовёт в гости. Поговорить ему с вами хочется.

– Ага, – сказал Сашка, – мы похожи на идиотов?

– Хотели бы нас прибить, всех бы давно прибили. Там, на ночлеге, – возразил Архип.

– Ты хоть и профессор, а дурак, – обозлился Сашка. – Тогда им тащить бы нас пришлось, а может, и вовсе их кровопивец лежалую мертвечинку не любит? Хочешь своими ногами к нему придти? Свеженький и готовый к употреблению! То-то они обрадуются!

– А если мы не пойдём? – поинтересовался Партизан.

– Не сильно дядя Дима и рассчитывает. А всё же я их детишек спас, не хочет вождь за добро платить злом. Он сказал, что если мы повернём домой, или даже к эшелону, мешать нам не станут. Только проследят, чтобы мы к ним с оружием не заходили. А если хотим забрать свои вещи, тогда зайти придётся.

– Что, и автоматы вернут? – не поверил Партизан.

– Не знаю, – честно сказал я. – Они, вообще-то, странные. Как будто, не злые, только иногда жуть нагоняют почище лесных тварей. Доверять я бы не стал, а ссориться с ними ещё хуже, потому что навредить у них способы найдутся. Это же неспроста щуки проход

закрыли. Это дядя Дима нас к себе не пускал. И волколаки напали не сами по себе.

– Эх, дошло до него, – захихикал Леший. – И так все знают, что здесь ничего само по себе не происходит. Может, прохвессор не знает, но и он скоро догадается.

– Ладно, эти индейцы, они хоть покормят? – спросил Партизан. – Что-то я от переживаний проголодался.

– Ага, – успокоил я лесников, – скорее всего, накормят. А ещё напоят. У них такое вино! вам, ребята, и не снилось.

– А чо ты раньше-то молчал? – обрадовался Леший.

– Эй, – заупрямился Сашка, – Бросайте дурить. Это они не нас накормят, это они нами кровопивца накормят. Пошли к эшелону, а напьёмся после.

– Опять ты за своё, – ответил Партизан, – успокойся. Всё тебе будет. Олежка сам вернулся, теперь надо бы оружие вернуть. Мы так и так за ним шли.

– Ладно, не переживай. Всё будет хорошо, – успокоил я Сашку, хотя у самого уверенность в добром к нам отношении чужаков улетучивалась вместе с винными парами. И чем дальше, тем больше я сомневался. Но тут из-за деревьев появились мои проводники. Я-то привык, а остальные с непривычки слегка опешили.

– Натурально, чингачгуки, – присвистнул Леший. Похоже, худые тела, немытые длинные волосы и почти одинаковые мальчишеские лица немного развеяли сомнения. Сучковатые жерди, которые у чужаков считаются оружием, тоже не вызвали больших опасений.

Сашка расслабился, лицо у него ещё пасмурное, а морщинки на лбу разгладились. От кого ждать неприятностей? От этих доходяг, что ли?

– Слушай, а они все такие? – спросил он.

– Нет, – ответил я, – не все. У некоторых ещё и сиськи есть.

– Да? – удивился Леший, – что-то не пойму, к чему они могут крепиться? Прямо к рёбрам?

Вскоре мы шли за проводниками, те не оглядывались, но и вперёд не убегали.

– Слушай, – спросил я у Архипа, – как же вы здесь оказались?

– По следам, – объяснил тот. – Когда очухались, немного психанули, не без того. Ни тебя, ни вещей, ни оружия, вообще

непонятно, что случилось. Кто-то смутно помнил, что нас обокрали чужие люди, но никто не мог объяснить, почему мы не смогли дать им отпор. Покричали мы друг на друга, виноватых поискали, но после успокоились и думать стали. Сообразили, что не сам ты ушёл, потому, как отыскал Партизан следы борьбы. Там даже немного крови обнаружилось. Мы и пошли выяснять, живым, или мёртвым тебя прихватили, и кто это сделал. Рассудили, что ежели тебя не спасём, так, может, оружие сумеем вернуть, потому что без оружия нам конец. Правда, кое-кто рвался к эшелону, а кое-кто другой хотел домой возвратиться, да Партизан растолковал и тому и другому, что нам теперь без разницы, в какую сторону. Потому, что нет ни карты, ни дозиметра, ни оружия и один пистолет на пятерых.

Вскоре потянуло дымком и жареным на углях мясом. Нас ждали. От вида еды, кувшинов, пучков ароматных травок и корешков у меня потекли слюни. А парни, они же с утра голодные.

– Я тут баньку затопить велел, – смущённо сказал встретивший нас у околицы дядя Дима. – Попаримся сначала, погуляем потом? Или наоборот?

– Ух ты! – изумился Леший. – У чингачгуков и баня есть?

Ночью запылали костры, оградив нас тёплым светом от стены подступивших вплотную деревьев. Полешки трещат, искры врассыпную, небо сверкает от звёзд – красота. И, чудо: нет частокола, нет вышки с пулемётом, за кругами света от костров темень кажется густой – хоть ложкой ешь, а не страшно. Давно не страшно, с тех пор, как дядя Дима разбил мучивший меня ледяной комок.

А может, дело в здешнем вине: сначала оно пьянит, но потом делается весело и спокойно, а плохие мысли сами собой чахнут и разлетаются, как туман на ветру. Зря Сашка не пьёт – опасается. А кого бояться? Чужаков, что не выпускают из рук палок-копий? Так это понятно, для них мы – чужаки. Если захотят убить – убьют. Хоть пьяных, хоть трезвых. Для них никакой разницы, а что касается меня – выпивши и умирать не так страшно.

Может быть, моё спокойствие напрямую зависит от количества выпитого вина. Пусть так, но кажется мне, что ничего плохого с нами не случится. Конечно, ребята они странные, и обычаи у них жуткие, но какое мне дело до их обычаев? Нас не трогают, а промеж собой пусть что угодно вытворяют.

У нашего, самого большого, костра и народа собралось больше. Партизан и Архип, те к дяде Диме пристали. Расспрашивают, как, по его мнению, лес устроен, да как жить возможно, если ни забора вокруг, ни, даже, пулемёта завалящего. А мы с Лешим да Савелием нашли занятие поинтереснее – один пузатый кувшин уже опустел. Жаль, собутыльники из местных плохонькие. Выпить с ними можно, а задушевно поговорить не получается – молчуны.

А девушки здесь, в общем-то, ничего. На первый взгляд, конечно, не красавицы, потому что слишком худые, но это дело вкуса. Собрались они у соседнего костерка, глазки в нашу сторону так и постреливают. Есть такие, кто с малышами нянчатся, есть и те, кто только готовится стать мамашей, у них заметны животики. Суют мамочки груди младенцам – идиллия! Что нехорошего здесь может случиться?

Одна девчушка до того осмелела, что перебралась к нашему костру. На вид, как и все – подросток лет шестнадцати, а сколько ей годков на самом деле, сказать трудно.

– Валя, – назвалась она, и мы тоже представились. Девушка внимательно рассмотрела каждого, её взгляд будто погладил меня по щекам, я ощутил растёкшийся по ним жар. Ладно, в темноте не заметно, зато в сполохах костра прекрасно видны блестящие Валины глаза! Глазищи! Тёмные, бездонные, во влажной глубине трепещет отражённое пламя. Как говорится, потонул я в этих глазах. Валя коснулась моей куртки, и спросила:

– Зачем много одежды? Разве холодно? – голос чуть хрипловат, и прикосновение едва ощутимо, но я вздрогнул, и немного отпрянул. Теперь запылали не только щёки, тепло разлилось по всему телу. Днём смотрел на этих дохляков, и содрогался: ходячая анатомия, рёбра можно пересчитать, через живот до позвоночника дотронуться. Сейчас всё по-новому увиделось. Грудки маленькие, плечики остренькие, а животик плоский да мускулистый, и что? Даже интересно!

Пока я об этом думал, пока прикидывал, как бы половчее разговор завязать, опоздал – Валю заинтересовал Савка. И хорошо! А то уж я… осторожнее надо с этим вином. Точно, непростое оно. Вон, сколько детворы вокруг бегает!

– Ты сильный и добрый, – Валя провела пальчиками по колючей Савкиной щеке, и пропал непривычный к женскому вниманию мужик;

глаза распахнулись, да челюсть отвисла. Дядя Дима ухмыльнулся.

– Валюша покажи Савелию деревню.

Механик беспомощно посмотрел на Лешего.

– Давай-давай, – подбодрил тот. – Не посрами Посёлок.

Увела девчонка нашего товарища, мне осталось лишь проводить их грустным взглядом. Сашка дёрнулся, хотел пойти следом. Леший язвительно бросил:

– Ты, случаем, не свечку держать собрался?

– Куда надо, туда и собрался, – огрызнулся Сашка, но идти за парочкой передумал.

– Валюше бугай понравился, – сказал дядя Дима. – Значит, пусть. Он сильный, сильные дети, это хорошо…

Из темноты вышла ещё одна девица. Эта высокая, гораздо выше меня, почти не костлявая и крепкотелая, будто и не женщина вовсе. Только сразу видно, что баба, потому что одежды на ней вообще нет. Даже короткие штанишки, какие носят все прочие чужаки, она не надела. Походка у неё деревянная, а движения резкие, неуверенные. И пахнет от чужачки странно – будто искупалась в отваре из пряных трав.

– Настёна! Что-то ты долго. Заждались мы, – дядя Дима снял душегрейку и расстелил подле себя. – Садись, раз вернулась.

Девушка, поджав ноги, села.

– Кто это? – спросила она, имея в виду нас, чужаков.

– Что, не узнала? Знакомься, – дядя Дима ткнул в меня пальцем, – вот этот и проломил тебе голову, ты прости его, ладно? Хороший он. Он, это, твоих друзей спас. И твоего мальчишку спас…

– Не помню, – прервала дядю Диму Настя. – Не помню, нет…

Я вытаращил глаза. Точно! Сначала в неверном свете костра не признал, и не ожидал, как-то. А теперь вижу – она! От той, что видел утром, отличается чистым, не запачканным кровью, лицом, да свежим, почти незаметным шрамиком, перечеркнувшим скулу. И, конечно, та Настёна выглядела почти мёртвой. А эта, наоборот, слишком живая. А как же кровопивец? Покойники не должны воскресать! Или я где-то чего-то сильно не понял? Ох, налейте мне, вина! И побольше.

Я присосался к кувшину. А Настя грустно сказала:

– Что-то нехорошо мне.

– Это сначала нехорошо, зато потом станет хорошо, – успокоил её дядя Дима. – После исцеления всегда так, я-то знаю. Поешь, отдохнёшь и не вспомнишь.

– У вас что, кровопи… ну, этот, который на той полянке растёт, людей лечит? – обалдело спросил я.

– А у вас разве нет?

– Нет. У нас нет, – ответил Архип.

– Тяжело вам, – ехидно сказал дядя Дима, – Да что с вас, с дикарей, взять?

– Пошли вы все, – выпалил я, хватаясь за кувшин. – Лучше спать пойду.

– Ничего себе, поворот, да, Олег? – хмыкнул Партизан, а Леший громко заржал.

– Не уходи, – попросила Настя. Слова звучали невнятно, потому что девушка энергично пережёвывала большой ломоть мяса. Жирный сок блестел на губах и подбородке. Настя забрала у меня кувшин, сделала несколько жадных глотков. – Не уходи. Я же ничего не помню. Ты мне расскажешь. Ладно?

– Ладно… – покорно согласился я.

Мы разговаривали до утра. Сначала возле костра. А потом, напившись так, что вино стало бултыхаться где-то рядом с горлом, ушли в лес, и продолжили беседу там, среди мерцающих призрачным светом грибов и летающих светлячков. Я точно выяснил: совсем то вино не простое.

День седьмой

– Считай, пришли! Я своему слову хозяин: обещал вам эшелон, получите и распишитесь, – заявил Партизан когда мы, выйдя из леса, остановились на опушке.

– Что-то я ничего интересного не наблюдаю, - сказал Леший.

– Во-о-он на тот увал заберёмся, увидишь, - Партизан указал на взгорбившийся посреди луга длинный холм. Не так уж много холмов я повидал, мне сравнивать не с чем, но этот выглядит впечатляюще: не какой-то затрапезный пригорок – холмище! Даже рельсы, не решившись карабкаться на крутогор, обегают вокруг, а там, вдалеке, ныряют в ложбину.

– О-хо-хо, нам что, в эдакую высотень лезть? Умный в гору не пойдёт, – рассудил Леший. – Значит, и нам лучше обойти. По железке оно проще выйдет. Как считаете, парни?

Немного отдышавшийся Архип тяжело вздохнул, но промолчал, а я подумал, что в словах Лешего есть резон. С другой стороны, если по рельсам, получится немалый крюк. Напрямик, всё одно, быстрее. Примерно так я и высказался. Леший для приличия поворчал и пообзывался, только никто не обратил на это внимания. Всем давно не терпелось: одно дело слышать про эшелон, другое – увидеть его, да потрогать руками.

– Тогда, идём. Чего топчетесь? – сказал Партизан, и мы зашагали к холму.

Вокруг – обнажённое пространство. Гигантская поляна, заросшая высокой – где по колено, а где и выше – травой. Идти легко, земля не киселится, ошмётки не липнут к подошвам. Травинки оплетают ноги – не сильно, а будто играючи. Порхают бабочки, да не мохнатые и серые, а разукрашенные, похожие на ожившие цветы. Гудят пчёлы и шмели, козявки веером из-под ног рассыпаются. Хорошо, да что-то не так. Гложет что-то.

Даже в Посёлке растут деревья, а здесь… здесь тоже растут, но как-то неправильно, узкими полосами. Одна такая полоса как раз по гребню холма и проходит. Ароматы чужие; пахнет не сырой гнилью, а горечью и сладостью. Жарит солнце, и куртка давно пропиталась

потом. Вокруг пустота; мы, как тараканы на крышке стола – ни убежать, ни спрятаться. Даже тени приличной нет. Почти как на болоте, но здесь по-другому, здесь эту пустоту – хоть вёдрами черпай.

Шли мы, шли, а у подножия холма сбились в кучку и остановились.

– Жутко, – сказал Архип, – не знаю, почему-то не по себе.

– Тебе что? – ответил Сашка, и мне почудилось, что даже голоса изменились, будто подтаяли в облепившей нас пустоте. – Ты всякое видал, а Олег всю жизнь в лесу! Представь, каково ему.

– Да не, нормально, – изобразил я бодрячка, а на самом деле голова пошла кругом от неясного чувства. Показалось, будто внутри у меня сделалось так же пусто, как и снаружи.

– Если нормально, чего ждём? – заторопил Партизан, и мы полезли на холм. Лесник изредка останавливался, чтобы перевести дух; забраться на крутой склон оказалось неожиданно тяжело – непривычны мы в Посёлке к таким восхождениям. Скоро и я стал подумывать, что умнее было бы в обход.

А лесник украдкой посматривал на дозиметр, мне подумалось, что приборчик пищит чаще обычного. Я забеспокоился; Партизану, может, и всё равно, а меня, хочется верить, ещё ожидает в жизни что-то хорошее.

– Как там? – поинтересовался я.

– Почти нормально, – проворчал Партизан. – Но лучше поспешить. Чужаки этих мест почему-то сторонятся.

– Это они радиацию не любят, – сказал я. – Они потом чешутся.

– Если чешешься – мыться надо, – блеснул умом Савелий.

– Точно, – подтвердил я, – им бы не помешало.

– Это ты напрасно, – возразил Архип, – ты, вообще, предвзято к ним относишься. С гигиеной там нормально, по крайней мере, учитывая обстоятельства.

– Это да, – признал я. – Про женщин плохо не скажу. Но, когда меня по лесу несли, знаете, каких ароматов нанюхался? До сих пор тошнит.

– А ты сейчас как пахнешь? – съязвил Архип. – Уж точно, не одеколоном.

– А ему можно, – подначил Партизан, – он же цивилизованный, не дикарь какой-нибудь!

– Во-во, только пинжака с галстухом не хватает. А так-то да, весь цивильный, – добавил Леший, и довольно заржал.

До утра накачивались вином, от них ещё разит дымом костра пополам с кислым перегаром, под глазами тени, а волосы взъерошены – те же огородные пугала по осени выглядят свежее. Не знаю, что чувствуют остальные, а про себя скажу: ощущение такое, будто всю ночь дрова колол, но, при этом, сил не убавилось, а, как бы, ещё больше стало. Что же они подмешивают-то в это пойло?

Посиделки с чужаками продолжались почти до рассвета. Когда мы с Настёной вернулись к костру, угли, припорошённые золой, дотлевали, но люди не спешили расходиться. Дядя Дима наслаждался беседой с умными людьми. Говорил с вождём, в основном, Архип, остальные больше интересовались вином и девицами; некоторые барышни теперь перебрались к нашему костру, Леший приобнял одну, Партизан разлёгся, пристроив голову на бёдра другой, и оба казались ну очень довольными жизнью. Несколько разбросанных вокруг пустых кувшинов намекали на плодотворность ночных бесед.

Зуб ушёл искать Савелия. Дядя Дима ухмылялся в бороду: приглянулся, мол, Савка девицам. Большой, сильный, добрый, что ещё бабам надо? Детишки от него, это, здоровые получатся. А то люди здесь, прям беда, какие худосочные – ущипнуть девчонку не за что! Пусть Савка и не блещет умом, да разве это недостаток? Это, наоборот, хорошо, потому что девицы наши тоже институтов не кончали. Тут все, как дети малые. И поговорить-то с ними не о чем.

Савка отыскался, когда рассвело, и мы засобирались. Дядя Дима сдержал слово – вернул почти все вещи, лишь с ножами не захотел расставаться. Партизан поворчал-поворчал, но, от широты душевной, добавил к ножам ещё пару топоров и кисет с махоркой – добравшись до эшелона, мы всё это с лихвой компенсируем. А цель близка, кажется, протяни руку, и почувствуешь нагревшийся на солнце, шершавый от ржавчины металл вагонов. Тем более, дядя Дима в долгу не остался – отрядил нам в провожатые двух мальчишек.

– Ты, это, за друзьями приглядывай, – шепнул дядя Дима на прощание. – Жалко мне их. Серые они внутри, что-то там неладно…

Я кивнул, и подумал: мы все такие, и у меня внутри не радуги сверкают, и не бабочки порхают – так уж получилось.

Путь из леса оказался несложным. Партизан и Леший, скорее, по привычке, рыскали глазами по сторонам, но ничего страшного, или, хотя бы, подозрительного нам не повстречалось, будто тварей вежливо попросили убраться с дороги. К железке нас доставили бережно, минуя буреломы, овраги и прочие болота. Чужаки, не попрощавшись, растворились в чащобе. Сашка, задумчиво проводив их взглядом, сказал:

– Шустрые ребята. Как бы с ними проблем не вышло.

– Пошли уж, – прервал его Леший.

* * *

Мы продрались сквозь бегущую по гребню увала, густо заросшую колючими кустами, полосу берёз, и увидели село. Половина строений выгорела, то, что пощадил огонь, убило время. Домишки почернели, краска со стен облезла, оголив трухлявое дерево, крыши просели. Сады превратились в яблонево-вишнёво-сливовые джунгли. На пепелищах буйствует одичавшая малина. Даже беглого взгляда хватило, что бы понять – здесь давно не живут. В смысле, не живут люди, а кое-кто в этих местах вполне уютно обосновался. Рядом с полуразрушенной церковкой торчит почти не повреждённая, и, почему-то, ярко-зелёная, колокольня, а на самой её верхушке, словно несуразно большой флюгер, устроилось на отдых пернатое чудище.

– И где эшелон? – поинтересовался Сашка, переведя дух. – Не вижу.

– И не увидишь, – ответил Партизан. – Нам на станцию нужно. В тот раз я свободно прошёл, а сейчас вон какая дура на колоколенке расселась! Что делать-то будем?

– Пойдём, – сказал Зуб. – Авось, птичка не опасная. Даже если опасная, всё одно, проскочим. Нам бы до посёлка успеть, а под деревьями, наверное, не достанет.

– Да, – неуверенно сказал Партизан, – Пошли, парни! Авось, и проскочим.

Когда идёшь под горку, трава заплетает норовящие пуститься в бег ноги. Передвигаться таким манером нелегко, того и гляди, кувырнёшься, только и осторожничать времени нет, побыстрее бы укрыться. Половину склона мы одолели, уже поверили, что всё закончится хорошо, тут птичка и вспорхнула с насеста; может, заинтересовалась нами, а может, не замышляя ничего плохого, решила

размять крылышки. У профессора сдали нервы – бросив рюкзак и автомат, он смешно зарысил к кажущимся обманчиво близкими домам.

– Куда! – заорал Партизан. – Стой, идиот!

– Ох, дурак! За ним, парни! – Леший ринулся к недалёкой околице, мы понеслись следом. Сады рядом, скорее всего, мы бы успели. Но профессор… надолго его не хватило. Хрипло заглатывая воздух, он споткнулся раз, другой и третий. Мы с Савелием подцепили Архипа под руки. Надо спешить, да не сильно разбежишься, профессор еле переставляет ноги, они волочатся по земле, трава цепляется за ботинки. А птица, суматошно молотя крыльями, карабкается в зенит. Подымается она неуверенно, рывками, но вдруг, уцепившись за восходящий поток, взмывает, и с высоты срывается в пике.

– Ложись! – сквозь сиплое дыхание орёт Партизан. Рюкзак полетел наземь, рядом с ним плюхнулся на спину сам лесник; лишь ствол нацеленного в небо ружья виднеется над травой. Отпустил я профессора, тот мешком осел на землю: дыхание хриплое, ноги к животу подтянуты, руки голову прикрыли – да разве за ладошками схоронишься? Ладно, другие – как хотят, а я не намерен изображать завтрак вороны-переростка! Я опрокинулся на спину: плечи на рюкзаке, грудь ходуном, воздух застревает в зубах, а руки трясутся – прицелиться не получается!

Жуткое создание… лоснящиеся смоляным отблеском крылья, маленькая головка на тонкой и длинной шее. Мощные когтистые лапы вытянуты вперёд, а огромный клюв раскрыт. Чёрное оперение присутствует на хвосте и на крыльях, а туловище почти голое. Тварь близко, растопырилась, а перья от напора воздуха затрепетали. Эта махина будто на меня рушится. Сейчас вонзятся когти, клюв размозжит голову!

Выстрелило ружьё, и, вслед за ним, как по команде, затрещали автоматы. Я надавил на спуск. Ох, ёлки зелёные, приклад, словно молот, вбил плечо в рюкзак! Птичка вильнула: может, её ошарашили неожиданно громкие звуки, а, может, несколько пуль нашли цель! Не нравится? Получи ещё! Глупая тварь, до неё пока не дошло, что она больше не охотник, она – дичь! Лапы вытянулись, птица, картаво вскрикнув, нырнула к земле. Суматошно захлопали крылья, взбаламученный воздух колыхнул траву, и накатила волна зловония.

Тварь накрыла выбранную жертву, а взлететь не смогла; тяжеловатой оказалась для подранка добыча. Шипя и каркая, птица плюхнулась на землю. Не помню, как я очутился рядом с бьющейся грудой перьев и кожи. Надо бы стрелять, да боязно зацепить извивающегося под тушей товарища! Я упал наземь – теперь ствол автомата смотрит снизу вверх. Крыло бьёт по земле где-то рядом, меня обдаёт смрадным воздухом. «калаш», коротко прогрохотав, замолкает – магазин пуст. Но попал я хорошо, только перья полетели. Тех пуль, которыми я нашпиговал монстра, ему оказалось достаточно!

Я присел на корточки рядом с издохшей птицей, и поздравил чудище с неудачным выбором жертвы; никаких шансов поднять грузное тело – тварь лишь сумела немного проволочь Савку по земле, на том её успехи и закончились. Может, птица не собиралась куда-то тащить механика, хотела лишь размозжить клювом голову, а потом, в более располагающей обстановке, насладиться мертвечинкой. Но и тут не срослось: у Савки хватило сил и реакции, чтобы сжать ручищами птичью шею. Он собрал все силы, пытаясь свернуть голову злобной птахе, лицо у него перекосилось и сделалось кирпичным. Механик напирал, скорее всего, не замечая, что противник давно издох.

– Всё, Савка, всё! Отпусти курицу, никуда она не убежит, – Партизан, пытаясь успокоить, теребил друга за плечо. До Савелия начало доходить, что он в этой битве победил! Пальцы неохотно разжались, и механик выбрался из-под туши. Савелий оказался цел, и почти невредим. Только куртка изрядно порвалась, и на обнажённой груди кровоточили глубокие царапины. «Плохо дело» – вяло подумал я. Судя по смраду, исходящему от трупа, падаль – привычная для птицы еда. В раны могла попасть любая дрянь.

Лечить героя взялся Леший. Пойло из фляжки щедро пролилось на порезы, Савка морщился, иногда сквозь сжатые губы вырывалось шипение. Я протянул механику оброненный им автомат.

– Как я её? – Савка налился гордостью, на кирпично-красной от перенапряжения физиономии зажглась улыбка. – Видели?

– Лихо, ничего не скажешь, – похвалил друга Леший. – Не дёргайся. Сильнее пощиплет, быстрее заживёт. Верный способ, у кого хочешь спроси. На, глотни. Это чтобы изнутри убить заразу. И для кишков полезно, и для мозгов, и от волнения первое средство.

Нахлынула тяжёлая усталость. Автомат показался неподъёмным, руки бессильно повисли. Я молча смотрел на суету вокруг птицы. Подумалось, что она вовсе не такая огромная, как мне с перепуга вообразилось. Крылья, если мерить от кончика до кончика, шагов десять будут, а туловище вряд ли больше четырёх, если не считать хвост и голову. Но секира зазубренного клюва – это нечто! Насладившись зрелищем поверженного монстра, я подошёл к Архипу. Профессору сделалось нехорошо: бледный, почти зелёный, он сидел на земле, лоб и щёки лоснились от пота, капелька повисла на кончике носа.

– Эй, профессор, – съязвил Партизан. – И что думает о таких птичках наука? Изучай, пока есть время.

– Да что-то не хочется, ребятки, – Архип махнул рукой. – Ну её к чёрту! Наизучался. Знаете, что-то я растерялся. Пока вы стреляли, я в травке прятался. Лежал и… будто парализовало. Вы уж простите!

– Не бери в голову. Успеешь, настреляешься, – неожиданно участливо сказал Партизан, – Ты сейчас вот что, ты Савелием займись, ладно? Ободрала его птичка. Как бы плохого не вышло. Про лекарства не соврал? У тебя, точно, есть?

– А, это, – Архип махнул рукой в сторону брошенного им рюкзака. – Всё честно. И стрептоцид, и антибиотики, и шприцы. Где пациент?

Спокойнее, когда над головой шуршат ветви, а вокруг виднеются дома, хотя эти дома – лишь жалкие развалюхи, а деревья – уродливые, раскоряченные, непомерно большие яблони. Пусть так, зато горизонт не видно; чувствовать себя выставленным на всеобщее обозрение – не по мне!

Ровное полотно дороги распалось на отдельные глыбы, между которыми выросла густая трава; асфальт весело крошится под ногами. Проулки захватила буйная растительность. Те дома, что пожалел огонь, давно превратились в груды брёвен и кирпича. На корявых ветвях зеленеют мелкие, незрелые, даже на вид невкусные, плоды. Изредка попадаются привычные глазу тополя да берёзки. Однажды из-под обломков рухнувшего дома выметнулась стайка крошечных голотелых крыс.

Нам не встретилось ни одного уцелевшего строения, лишь оплетённая вьющейся травой колокольня гордо высится среди

развалин, оставшихся от местной церквушки. Она усыпана огромными красно-розовыми цветами, вокруг которых вьются тысячи насекомых. Тягучий аромат бьёт в голову не хуже давешнего вина. Лешему захотелось проверить, нет ли на колокольне птичьего гнезда; если уничтожить мерзкий выводок, мир станет хоть немного, да лучше.

– Брось! – одёрнул его Партизан. – Не время ерундой заниматься. Если там кто остался, теперь без тебя подохнет. Кормить гадёнышей больше некому.

По плотине, мимо зловонной илистой лужи, когда-то бывшей деревенским прудом, мы вышли к насыпи, и вскоре железка привела нас к цели. На окраине села мы увидели станцию, там, у перрона, на одном из путей и оборвался маршрут покинутого людьми поезда.

Локомотив почернел от копоти. Вагоны местами остались серыми и красными, а местами покрылись бурыми пятнами ржавчины. Часть платформ, на которых перевозили технику, сейчас пуста: возле них на перроне грудой свалены ящики, замерли непонятные, слегка похожие на тракторы, механизмы; они, как новые, даже тёмно-зелёная краска не облупилась. Другие платформы разгрузить не успели, некоторые прикрывает выцветший, колышущийся на свежем ветерке, брезент.

Здесь кончается железная дорога, на север тянется лишь разбитое шоссе. Поезд дальше не идёт. Тупик.

* * *

Махорочный дым перешиб дух затхлости. Сопревшее бельё, расползшиеся, съеденные плесенью матрасы, битое стекло, пластиковая посуда, слой пыли в палец толщиной и лужи на полу. Видно, что когда-то здесь жили люди, потом они куда-то подевались, сейчас в вагоне хозяйничают мокрицы, пауки, и всякая-разная мелкая ползающая дрянь.

Облюбовав уголок посуше, мы привели его в относительный порядок, смахнули пыль, и теперь она, щекоча нос, танцует в воздухе. Я улёгся на обтянутую чем-то похожим на коричневую кожу лежанку. Таких лежанок в вагоне много, расположены они в два яруса, и называются полками. Между ними небольшие столики. Утомленное тело с готовностью расслабилось, и в голове завертелись приятные мысли. А думается об одном: как возвращаюсь я в Посёлок, а меня встречают друзья. Ольга радуется, Катя тоже радуется. Нехорошие люди арестованы и ждут суда – справедливого, но, непременно,

строгого. А у меня снова всё в ёлочку, не было ничего плохого, а что было – быльём поросло. Мечтаю, значит, я, а одним глазом поглядываю, как Леший достаёт заветную фляжку, раскладывает на столике холодное мясо и жареных на углях мелких птичек – дар лесных друзей.

Перед тем, как устроиться на отдых, мы осмотрели эшелон, подивились на механизмы и приспособления, стоящие на перроне, на вагон, полный диковинных приборов, назначение которых я не смог даже вообразить. Наверное, в Посёлке разберутся, как использовать эту груду недвижного железа, только сначала надо придумать, как его туда доставить.

Но сейчас не время ломать над этим голову, потому что не так уж это и важно. Мы шли за оружием, так вот, его здесь навалом! Мы взламывали ломиками замки на шкафах и ящиках, а потом любовались обретённым богатством. Многие вещи я видел впервые, и не знал, для чего они и как ими пользоваться. Я даже не знал, как они называются. Мне объяснили, что такое противогазы, костюмы химзащиты и подствольные гранатомёты.

Всем нам пришёлся по душе штабель деревянных ящиков – по два зелёных жестяных короба с патронами в каждом. «Живём, парни!» – зарадовался Леший.

Сорок два «калаша»: одни – как новые, на других – рыжие пятна и струпья высохшей смазки. Чёрная гниль сожрала ремни, но пластиковые цевья и приклады, металлические части оружия с виду целы. Один из автоматов Сашка разобрал и, тщательно почистив, вновь собрал. Мы вышли на перрон, грохот выстрелов заставил взметнуться с окрестных деревьев птичью стаю.

Мы нашли два ручных пулемёта, и пару винтовок с оптическими, так их назвал Сашка, прицелами. Партизан схватил одну из них: «как хотите, ребята, но это моё».А ещё пистолеты, гранаты для подствольников и обычные, дозиметры, плащ-палатки, обувь, зимнее обмундирование, лекарства, сухой паёк и тушёнка. Всё хорошо упаковано, жестяные банки лоснятся от смазки, тюки с одеждой завёрнуты в прозрачную плёнку, и почти не попорчены грызунами. Мы осмотрели не всё, но главное увидели – то, за чем шли, здесь имеется, и даже в избытке.

И вот мы собрались в жилом вагоне с полками-лежанками и обсуждаем, что же делать с обрушившимся на нас богатством. Здесь все, кроме Савки. Тот обнаружил инструменты и прочие интересные железки; зачем ему остальное? И ладно – чем меньше нас, тем больше нам достанется, а потому не стоит тормозить. Голова слегка кружится, то ли от глотка из фляжки Лешего, то ли от усталости. Радостно – теперь уж заживём! – а вместе с тем и пусто. Эта пустота звенит в ушах, а, на её фоне крутятся особенно чёткие мысли: теперь не придётся считать каждый патрон! А сколько здесь металла! Мысли пробегают по кругу, и опять: теперь заживём…

По длинному коридору прогремели ботинки, это Савка вернулся с добычей.

– Ну-ка, ну-ка. Посмотрим, что ты раскопал! – радостно потёр ладони Партизан.

Механик раскопал много чего. Вывалив на стол кучку разноцветных, обёрнутых блестящей прозрачной слюдой, коробочек, пакетиков, банок, он гордо подбоченился. Поодаль от пёстрого великолепия, Савка поставил бутылку с выцветшей этикеткой. Выглядело это красиво и ярко. Завораживающе выглядело. Цветные рисунки, незнакомые буквы. Привет вам, ребята, от старого мира, того самого, который вы так успешно про…, гм, упразднили.

Я и не мечтал, что когда-нибудь попробую шоколад, я про него даже не слышал. И, надо же… Лакомство я запивал настоящим чаем; хлебал и удивлялся – что в нём особенного? Хороший травяной отвар уж точно, не хуже жидкости, которая остаётся в кружке после того, как туда обмакнёшь бумажный пакетик! Хотя, с шоколадкой и это совсем неплохо. Только шоколад без чая ещё лучше, непонятно, почему он Партизану не понравился: «Твердый стал. И на вкус как-то не так…» А по мне – очень даже так. Обязательно прихвачу для Катюшки.

Не все надписи на коробках я понял. Даже не все буквы. Я прочитал те, которые разобрал, сначала на красно-коричневой баночке с горьким напитком «кофе», а потом взял бутылку. Я рукавом обтёр пыль и разводы грязи, приклеенная к стеклу бумажка отвалилась, внутри булькнула прозрачная, как слеза, жидкость. Про это я сразу понял: чего там понимать – наливай, да пей!

– Ребята, это богатство! – наконец заулыбался и Сашка. – Много здесь такого добра?

– Во! – Савелий чиркнул рукой по горлу.

Архип медленно, словно испытывал от этого действия физическое наслаждение, сорвал прозрачную обёртку с пачки, в которой оказались скрученные из белой бумаги сигареты.

– Знаете, – сказал он, – мы самые богатые люди в мире. Я даже не представляю, сколько это стоит.

– Поверь, всех денег Посёлка не хватит, – хмыкнул Сашка.

– Хватит, – возразил Партизан. – А не хватит, Терентьев нарисует. Что по этому поводу скажет наука? Можно употреблять?

– Сомневаешься – проверь. Дозиметр у тебя. Но, уверяю, хуже нам вряд ли будет. – Архип важно, словно соблюдая ритуал, раскурил сигарету, и в пропахшем пылью, махоркой и плесенью вагоне появился новый, непривычный и тонкий, запах.

– Ну, коли так, – Партизан свинтил пробку с бутылки. В кружку полилась тоненькая струйка. – Пей, Олег. Ты отродясь такого не пил. Водка! До Катастрофы кто-то считал, будто ей можно спастись от радиации. Брехня, конечно. А может, и не брехня, кто знает? Ты не задерживай. Нечего смаковать, не коньяк.

– Там и коньяк есть, – сказал Савелий.

– Да ты что? – вскинулся Архип, – А почему не принёс?

– Дык, водка вкуснее.

– А…, тогда ладно.

Кружка пробежала по рукам. Мы выпили за успех. Покурили, и снова выпили. Что сказать? Быть может, хороший самогон и лучше, но то хороший, а в Посёлке случалось пробовать разную дрянь. Вот сигареты на вкус отличаются от привычного для меня горлодёра. По сравнению с моим горлодёром они, можно сказать, и вовсе безвкусные.

– А всё же интересно, что здесь произошло? Куда делись люди? – сказал задумчиво Архип. – Даже оружие не взяли.

– Давно это было, теперь уж и не узнать. Да нам и без разницы! – ответил Сашка, – Главное, вещички оставили.

– Тут дело такое, – начал Партизан. – В прошлый раз заглянул я, значит, в купе проводника, а там – два покойничка, костяки целёхоньки, а мясо давно сгнило. Скелеты в остатках военной формы. Подмётки, там, пуговки, да кокарды – остальное плесень сожрала. Не простые солдатики были – офицеры, если судить по звёздочкам. А руки-то у них проволокой скручены, и дырочки во лбу. Расстреляли их,

значит – ба-бах! – и весь разговор. Прикопал я их на улице. Может, были хорошими людьми, так мне для хороших могилку вырыть не трудно. К чему я? В том купе я видел компьютер, должно же в нём быть что-то интересное? Как думаешь, Архип, сумеем разобраться?

Архип загорелся не на шутку. Его сюда отправили, чтобы разузнал, что случилось двадцать лет назад, но, кроме содержимого водочной бутылки да сигаретной пачки, профессор ничего исследовать не успел. Зато теперь в учёном проснулась жажда великих открытий. Конечно, мы осмотрели это самое купе. Партизан дёрнул за ручку, дверь, заскрипев, отъехала в сторону, и я увидел небольшую комнатушку с лежанкой и шкафом. На полу – расплющенная бутылка из прозрачного пластика, рядом – скомканная, в пятнах, клеёнка, и оставленные Партизаном в прошлый заход следы грязных сапог. На столике – два покрывшихся чем-то бурым и давно засохшим стакана в металлических подставках, стены задрапированы старой, изодранной в клочья паутиной, и на всём лежит многолетний слой пыли.

Мы нерешительно встали на пороге, а Сашка, отстранив Партизана, вошёл внутрь.

– Да, стреляли, из пистолета, – сделал он вывод, когда смахнул паутину. На сером пластике стены виднелись следы от пуль.

Открыв шкаф, Сашка вытащил оттуда непонятную штуковину – серую коробку, похожую на сплющенный чемоданчик. Едва слышно щёлкнуло, чемоданчик раскрылся, будто книга – только странная книга, без листов. На одной стороне – чёрное непрозрачное стекло, на второй – множество кнопок с буковками. Сашка протянул устройство мне, и я вспомнил, что это и есть компьютер, ещё припомнилось, что такие небольшие компьютеры назывались как-то по-другому. Показалось, где-то я похожую штуковину видел.

Наверное, знание о том, что это такое выплыло из детских воспоминаний о тех временах, когда люди ещё берегли подобные вещи, в надежде, что они снова понадобятся. В Посёлке ещё остался старый бесполезный хлам, его стаскали на чердак больницы. Пусть лежит – каши не просит. Может, когда-нибудь на что-нибудь и сгодится.

А может, я видел что-то похожее в книге на картинке, или в клубе, в те времена, когда ещё работал проектор, и раз в неделю, по вечерам, собирались люди, чтобы под тарахтение дизель-генератора,

посмотреть диск с уже не раз виденным фильмом. На белой простыне двигались картинки, я таращил глаза; ужасно хотелось залезть в непонятный, хоть плоский, зато красивый, мир, в котором существовало бесчисленное множество странных вещей. Теперь у меня в руках оказалась штуковина, выпавшая прямиком оттуда.

– Как думаете, ноутбук работает? – поинтересовался Архип, и я вспомнил, что так и назывались переносные компьютеры.

– Это я у тебя хотел спросить, – сказал Леший. – Ты прохвессор, ты должон знать…

– К нему, это… надо блок питания соединить. Там нет блока питания? – Архип вопрошающе посмотрел на Сашку.

– Вроде, не видно. Знаете, я бы на вашем месте не сильно рассчитывал. Там, наверное, как их? – Сашка наморщил лоб, пытаясь вспомнить что-то важное, да вот беда, за ненадобностью давно забытое, – конденсаторы высохли. Возьмём в Посёлок, пусть Павлик разбирается. Он в этом деле больше нас, вместе взятых, понимает.

И Сашка вновь открыл шкаф, потому что там осталось много вещей, не менее интересных, чем неработающий ноутбук: яркие пакеты, в которых, когда-то хранилась еда; сигареты; кобура с пистолетом; пустая водочная бутылка; дырявый и почти не повреждённый плесенью берет с приделанным к нему значком-кокардой. Под лежанку завалилась туго набитая сумка из коричневой кожи.

Мы вернулись в обжитой закуток. Савку не заинтересовали дела прошлых лет – «здесь и сейчас» куда важнее, чем «там и тогда» – и он добровольно вызвался принести коньяк и водку, а мы принялись изучать содержимое офицерской сумки. Сначала Сашка всё разложил на столе, потом каждую вещь осмотрел, зачем-то даже обнюхал. Вернулся Савелий, и, махнув сто грамм, вновь ушёл исследовать сокровища, которые прятали в себе грузовые вагоны.

– Смотри, Партизан, карты, – Сашка положил на столик прозрачный пакет. В нём – большие листы бумаги. На листах – непонятные значки, циферки, пометки, линии сделанные разноцветными карандашами. Эти карты мало похожи на рисунки, с которыми лесники ходят в лес. – Ты сильно не увлекайся, взгляни, и спрячь. В Посёлке изучим.

Потом мы рассматривали фотоснимки: молодой офицер улыбается, застыв в немного напряжённой позе, а на заднем плане видна диковинная машина; тот же человек обнимает за талию симпатичную женщину, рядом двое мальчишек-близнецов, смотрят весело, на щеках ямочки; на следующей карточке лицо у офицера серьёзное и торжественное, на груди сверкает награда. Невысокий, лысеющий мужчина жмёт ему руку.

– Смотри-ка, парень-то героический. Знал бы, пальнул над могилкой, – сказал Партизан.

– Пальни, если хочется. Кто тебе мешает? Ага, снова карты, – Сашка бросил на стол колоду. В Посёлке уважают подкидного, дуются и в очко, и в буру, через это у многих случаются неприятности. Поселковые умельцы делают карты из склеенной в несколько слоёв бумаги, а эти совсем другие, будто из тонкой пластмассы.

Журнал с интересными картинками! Что можно рассказать про эти картинки? Посмотришь на такие дела, и обзавидуешься, а всё без пользы! Однако – ценная находка! Даже Архип, перевертывая покоробленные от влаги страницы, загадочно улыбался. Ладно, это дело надо изучать в более располагающей обстановке. Не забыть бы, спросить учёного – там, в ихнем прошлом, жизнь действительно была такой интересной и красочной? Тогда чего же им не хватало-то для счастья? Пустили тот мир в распыл, и что? Стало веселее?

Несколько монет, давно переставшая писать ручка, карандаш, пара сверкающих кругляшей, их называют компакт-дисками, и они как-то вставляются в компьютер. Нитка с иголкой, телефон и бумажник с деньгами.

Книга, листы которой выпадают из переплёта. На обложке рыжая, и почти не одетая девица вдвоём со здоровенным парнем, стреляют из непонятного, выплёвывающего молнии, оружия. Вокруг них лес и стаи мерзких тварей. Книжка называется «Мир смерти». Будто про нашу жизнь, только нам даже в голову не придёт бегать по лесу без одёжки – комары закусают!

Остался блокнот. Сашка осторожно, стараясь не повредить хрупкие, волнистые, видимо, когда-то отсыревшие, а потом высохшие листочки, переворачивал страницы, но посеревшая от грибка бумага ломалась в руках, от неё шёл неприятный запах. Почти ничего прочесть не удалось, а те записи, что можно было кое-как разобрать,

оказались не слишком понятны. Сашка, близоруко прищурившись, вглядывался в потускневшие и расплывшиеся строчки, на его пальцах оставалась бумажная труха, и он то и дело брезгливо вытирал руки о штаны.

– Ничего интересного. Телефоны, заметки на память… что-то типа дневника. Ерунда всякая… – бубнил он, – кстати, его звали Сомов. Так написано на первом листке: «капитан Сомов В. А.»… ага, вот, слушайте, почти целая фраза: «Кондрашкин надёжный мужик, а его солдатам я не доверяю… Как стройбат ни назови, стройбатом он и останется.»

Сашка замолчал. Он, прищурившись, шевелил губами, но, похоже, написанное не складывалось в удобоваримый текст.

– Всё расплылось, – сказал он, – «на пределе…», и, на другой страничке: «они психуют…». А вот ещё три строчки: «…выйдет из-под контроля. Коля пока держит ситуацию …когда вокруг бардак. После того, что мы видели, их даже расстрелом не испугать…»

Сашка осторожно перевернул ещё несколько ломких страничек.

– Тут ещё есть: «…Москвы до Рязани ползли две недели. Железные дороги перегружены. Тепловозы на вес золота. Зато убедился, что мои парни дадут фору любому десантнику. Хорошо, что не поубивали друг друга. Хотели конфисковать эшелон, им, видите ли, нужнее. Им нужен, и всем нужен, а мне нужно выполнять приказ. Тогда остаётся хоть какой-то смысл… Кравец и Потапов дезертировали. Иващенко застрелился. Пуля в рот – лёгкий выбор…»

И, парой страниц дальше:

«…не задумываться, почему… сверхсекретное оборудование. Не могу зайти даже я, только Петров. Даже звания не знаю, просто Петров. Надеюсь, Петров знает, что делать Моя команда, и команда Кондрашкина, натасканная на работы в местах поражения ядерным оружием. Спецтехника, о какой я раньше и не слышал…»

Сашка осторожно листал блокнот, и зачитывал фрагменты того, что сумел разобрать:

«…городок, куда и железная дорога не проложена…. академика Аванесова, его сотрудников, его записи и оборудование…»

«…всё разрушено, местность заражена, приходится искать обходные пути. Если бы не серые облака, затянувшие небо, можно было бы подумать…»

«…встречались места, где живут, будто ничего и не случилось. Или удар был, как говорит Кондрашкин, ограниченный, или хорошо сработала ПВО. Кто знает, тот молчит, мол, не вашего ума дело. Ваше дело исполнять приказы, так мы и исполняем. Надо попасть в Серов любой ценой, значит – попадём. Достать Аванесова хоть из-под земли? Достану. Держись, Аванесов. Даже если ты помер – на том свете разыщу. Что мне ещё остаётся? Приехали. Разгружаемся. Дальше ногами …нет связи с внешним миром, хотя ближняя связь ещё работает. Значит, Аванесов успел повесить «купол». Молодец. Но ему бы раньше. Если бы накрыли «куполом» страну, нам бы не… Мы же не единственные, кто послан за Аванесовым? Вдруг, его уже эвакуировали? Может, успели. Сейчас сюда из внешнего мира никто живой не проникнет. Если я правильно понял слова Петрова, здесь даже время другое. Изменённое. Течёт под каким-то углом. Значит, без специальной защиты, которая занимает целый вагон, сюда не попасть. И отсюда тоже не выйти. Петров разоткровенничался, да только я мало что понял, ясно, что…»

«…Рядовые Васильков и Паршин. Мародёрство, изнасилование. Расстрел перед строем. Кондрашкин зачитал приговор, я впервые стрелял в безоружных людей…»

«…всё же сюда хорошо прилетело. Кондрашкин говорит, что местами фонит похлеще, чем тогда в Чернобыле. На севере, где Серов, что-то странное…»

«…выпал снег. Как в раю. Белый лес. Село не разрушено. Кондрашкин сказал, что его люди не желают отсюда уходить. Предупредил, чтобы я остерегался, его солдаты психуют. Хреновый он офицер. Но, в самом деле, идти в город, от которого, быть может, ничего не осталось, не хочется. Чего ради? Даже я не знаю, зачем, но Петров сказал, что в этом…»

«…стреляли в спину – не попали. Мои, или кондрашкинские? Объяснил Иванихину, если со мной что-то случится, они должны сами взять, что сочтут нужным, и идти на север. Объяснил задачу, и что от этого зависит. И пусть берегут Петрова. Не дай Бог, конечно…»

«…Группа Сафронова ушла на запад, туда, где в лесах расположилась военная биолаборатория. Сходят, возьмут записи, выведут персонал. Ничего сложного, через неделю, максимум, две, они

вернутся, а мы, тем временем разгрузимся и приготовимся к броску в Серов…»

«…На эшелон напали вооружённые люди. Их было много, но что нам эти бандиты? С нашей стороны погибло двое. Кондрашкинские олухи. Задерживаться больше нельзя, но Сафронов ещё не вернулся, связи с ним нет второй день. Ребята не хотят уходить. Говорят, вокруг рыщут банды, местных не оставят в покое. Нас хорошо встретили, они думают, мы их защитим. Они не знают, насколько важно, думаю, им просто не хочется …»

«…придётся оставить…»

Больше не удалось прочесть ни строчки, буквы расплылись по съеденной грибком и влагой бумаге. А через пару листов запись и вовсе оборвалась, до самого конца – пустые страницы. Мы так и не узнали, как закончилась война капитана Сомова. Напрасно командир полагался на своих бойцов – не уберегли от пули. Может, сами в расход и пустили. Давно это было, быльём поросло, и не имеет никакого значения, а всё равно, грустно.

– Что это за «купол» такой? – поинтересовался Сашка. – Слышали что-нибудь?

– Нет, не припоминаю, – задумчиво сказал профессор. – Тогда много нового вооружения появилось, что-то показывали на парадах, а про что-то гражданским знать не полагалось. Готовились к большой войне, а мы не верили.

– Да, – Сашка плеснул из бутылки в стакан и залпом выпил, закусив маленьким кусочком шоколада. – Интересный поворот! Значит, мы под каким-то «куполом»? Накрылись колпаком, снаружи к нам никто попасть не может, и нам отсюда не выбраться. Выходит, могли там остаться люди, а мы не знаем об этом? Вдруг, и жизнь там давно наладилась?

– Всё возможно, – пробормотал Архип. – Что-то я растерялся, подумать надо. Включить бы ноутбук…

– Ладно, Петрович, не бери в голову, – остудил профессора Сашка. – После будем загадки разгадывать, а сейчас лучше выпей. Пётр, где ты их схоронил-то?

– Кому любопытно, пойдёмте, – Партизан захромал к выходу.

В десяти шагах от железной дороги, с другой стороны от перрона, под большой ветвистой берёзой лесник, как одеялом, прикрыл слоем

дёрна, кучку старых костей. На белой коре дерева Сашка нацарапал карандашом две строчки: «Капитан Сомов В.А.. Офицер Николай Кондрашкин». Надпись получилась неровная.

– Как думаете, – спросил Сашка, пририсовав кривую, с лучами разной длины, звёздочку, – может, что-то ещё написать?

– Зачем? – ответил Архип. – И для кого? Ты всё про них понял. А им без разницы.

– Если будет время, ножом вырежу. Чтобы надолго! Ну, светлая память, – Сашка, глотнул из горлышка бутылки, с которой никак не мог расстаться, и, покачнувшись, отошёл от могилки. – И салют им прощальный. Или не надо?

– Отчего же? Стрельни, если тебе от этого полегчает. Патронов теперь навалом, – усмехнулся Леший.

– Да как-то не знаю. Я не военный… – застеснялся Сашка.

– А им и это без разницы, – сказал Архип.

Хотелось всего и побольше, а получалось взять лишь необходимое. Потом из кучи необходимого пришлось выбирать самое необходимое. Сборы закончились перепалкой между Архипом и Сашкой. Профессору требовались ноутбук, записи офицеров, топографические карты. Он предлагал задержаться ещё на денёк, осмотреть каждый вагон, вдруг второпях пропустили что-то важное. Учёный не представлял, как теперь будет жить без сигарет, коньяка, шоколада и кофе, и не понимал – к чему такая спешка? Зуб приказал собрать лишь оружие, лекарства и патроны – сколько унесём, а шоколадок в другой раз наедимся! Архип разобиделся, но спорить не рискнул.

Тут механик, не принимавший участия в общей кутерьме, а занимающийся осмотром сгруженной на перрон техники, нас и обрадовал. Брызгая слюной и запинаясь, Савка доложил, что один из автомобилей можно попробовать завести. Резиновые прокладки и какие-то сальники, вроде бы, в хорошем состоянии, значит, если не накрылся аккумулятор, если найдём солярку и масло…

Зуб отнёсся к этой идее скептически, но Леший ему объяснил, что полдня нам всё равно заниматься нечем. Можно, конечно, и водку жрать, но почему бы тем кому интересно, не повозиться с техникой – вдруг, из этой затеи получится что-нибудь дельное?

Я в этом совсем не разбираюсь, но механизм, на который пал выбор Савелия, мне приглянулся. Угловатый, мощный и агрессивный, как дикая тварь, бронеавтомобиль ждал своего часа среди выгруженных на перрон ящиков. Сразу видно, грязь и лужи этому монстру – не преграда. Пожалуй, и по затопленной железке он проедет, если, конечно, не слишком глубоко. Шли годы, автомобиль засыпали снега, поливали дожди, шлифовали ветра, пачкали вороны, устроившие гнёзда на растущих неподалёку тополях. Он терпеливо сносил эти муки, дожидаясь, когда вернутся люди. Тёмно-зелёный корпус выцвел и потускнел, его запятнали кляксы птичьего помёта и грязные потёки, в щели набилась пыль. Автомобиль дождался – мы пришли.

– Вишь ты, я даже не слыхал про такие, – сказал Леший.

– Были, – ответил Партизан. – То ли «Рысь» назывались, то ли «Тигр». Не помню.

Савелий ласково хлопнул по дверце ладонью. Раздался глухой металлический звук.

– Блоня, – заявил механик, – автомат не плошибёт.

– А ежели, скажем, пулемёт? – заинтересовался Леший.

– А это смотря какой, если такой, – и Партизан показал на оружие, установленное на крыше машины, – то, пожалуй, и прошибёт.

Военные подготовились основательно, везли всё, что могло бы им пригодиться в разрушенном городе. Савелий знал, где искать инструменты и запчасти, не раз обшарил вагоны. Мы вскрыли ящик, на котором чернела сделанная краской надпись: «ЗИП1 Т-Р». Механик стал перебирать завёрнутые в промасленную бумагу непонятные резиновые штучки. Бережно развернёт, осмотрит, положит на место. А рука уже тянется к другой интересной детальке. Савка тихо радовался, и это длилось бы бесконечно, если б ему не напомнили, что нас ждут дела поважнее.

Нашлись бочки с соляркой, отыскались электролит и масло, в одном из вагонов обнаружился дизель-генератор.

Дотемна ковырялись ребята во внутренностях броневика, а мне, как неспособному к работе с железом поручили самое важное: отскоблить до блеска стёкла, проверить корпус и днище; я так думаю – дырок нет, и ладно, чего там ещё проверять? Потом я привёл в порядок установленный на крыше пулемёт.

Но всем этим я занимался между делом; основная работа была мне знакома и привычна – охранять, следить за небом и за разросшимися неподалёку садами. Я же говорю, что в технике-механике не разбираюсь. И никто, кроме Савелия, в железках не силён, а тот, хоть и понимает, да объяснить не может, слова получаются корявые, пополам со слюной, зато руки машут, как крылья той птицы, что мы с утра пристрелили.

Эти объяснения лишь всех запутывали. Тогда нам помогал Леший, он переводил на доступный людям язык. Скажет, например, что эту фигню нужно подкрутить той хренью, и всем становится понятно, все делаются довольными, а, главное, работа спорится.

Дело шло к ночи, когда аккумулятор зарядился. Савелий решил: всё, что нужно – сделано. Он уселся на место водителя. Мотор завёлся, автомобиль выплюнул зловонный белый выхлоп, и страшно заскрежетал.

Ещё полчаса работы, и новая попытка. Теперь мотор урчал, как довольный, обожравшийся кот. Савелий минут пятнадцать изучал педали, кнопки, рычаги. Он разобрался, броневик медленно, с трудом прокладывая путь меж выгруженными на перрон механизмами, прокатился вдоль состава.

– Можно ехать, – сказал, высунувшись из окна, сияющий механик, – только потихоньку. За толмоза боюсь.

– А что, может, сейчас и рванём? – обрадовался Леший. – Пара часов, и мы дома.

– Давайте грузиться, а там посмотрим, – остудил его пыл Сашка.

В машине уместилось гораздо меньше того, что нужно было бы забрать, но значительно больше, чем мы могли бы унести на себе. Хотелось быстрее оказаться в Посёлке, но командир – сейчас всем распоряжался Зуб – рассудил, что на ночь глядя никто никуда не поедет. Во-первых, нужен отдых, потому что все измотаны, во-вторых, неизвестно, как поведёт себя машина в дороге. И вообще, уже темнеет, ничего хорошего не выйдет, если мы застрянем ночью в лесу. Сейчас все идут отдыхать, а завтра, с первым светом – в путь.

Никто и не спорил. Только Савелий сообщил, что будет ночевать в машине – так ему спокойнее. Никто не спорил и с этим. Если хочется, то пусть.

Я лежал на верхней полке. Дымила сигаретка. Ныла спина, а глаза словно запорошило пылью. То самое мерзкое состояние, когда одолела усталость, а сон не идёт. Мечтается, как мы на броневике въезжаем в Посёлок, как нас встречают, Хозяин поздравляет и награждает. Картинка эта по кругу вертится, каждый раз немного по-другому всё представляется, но обязательно красиво, с громкими речами, восторженной толпой и поздравлениями…

– А как думаете, – сказал Сашка, – радиостанция в броневике работает?

– Может, и работает, – ответил Леший, – кто ж её проверял? А зачем тебе?

– В общем-то, ни зачем. Подумалось, здесь до Серова не так далеко, и лес не мешает. Вдруг, что-то интересное услышу?

– Чего гадать? Сходи да посмотри, – подхватил Партизан. – Если услышишь, передавай привет.

– Кому?

– А кого услышишь, тому, значит, и передавай.

– А-а, ладно.

Сашка ушёл, зато вернулся сильно недовольный тем, что его прогнали из полюбившейся машины, Савелий.

– Ну и пусть, без меня у него не получится. Конденсатолы потому что, – заявил механик, и ещё раз повторил недавно услышанное и приглянувшееся ему слово. – Конденсатолы, вот!

– Для войны делали на совесть, – возразил Партизан. – Может, и получится.

Савка расстроился, но через пять минут по вагону раскатился его мощный, похожий на взрыкивания, храп. Уметь бы так! Понятно, не храпеть, а, несмотря ни на что, засыпать. Не умею, поэтому остаётся лишь завидовать и тихо беситься – теперь уснуть тем более не получится. Я достал из пачки новую сигаретку, хотя во рту и без того шершаво и сухо.

– Не спится? – Архип тоже закурил.

– Нет, – от смачного зевка у меня заломило челюсть. Савка раскатисто всхрапнул, и я снова позавидовал его умению выключаться. Вертишься, зажмуриваешь глаза, пока перед ними не начинают плясать разноцветные кляксы, всё впустую.

– И я не сплю. Мысли разные. Про «купол» думаю.

– Может, хватит бубнить, – заворчал Партизан. – Тот храпит, эти наговориться не могут! С ума сойти! Какую ночь выспаться не дают!

За окном сверкнуло, а через некоторое время приглушённо зарокотало.

– Наверное, где-то гроза? – предположил Архип.

– Хорошо, что где-то, – прозвучал раздражённый голос Лешего. – А то здесь и без грозы шумновато. Пойду я тоже в броневик, может, хоть там высплюсь. Разбалаболились всякие умники; житья от них не стало. Убивать пора.

– Не бухти, я, побольше твоего спать хочу, но не ворчу же, – сказал я. – Кто вам вчера-то мешал? Вместо того, чтобы пить с дикарями, да девчонок тискать, выспались бы.

– Олег, неправильно называть их дикарями, – заступился за чужаков профессор. – Если разобраться, так это не они, а мы, и есть эти самые дикари. Дмитрий, тот вообще, интереснейший человек.

– Это я и сам понял. Как его увидел, сразу понял. Говоришь, не дикари они? Ты бы знал, что эти не дикари вытворяли на поляне, как перед кровопивцем выделывались! До сих пор кишки от жути стынут!

– Олег, это всего лишь ритуал. Ты ходишь к отцу Алексею? Нет? А ты зайди. Увидишь и речитативы, и телодвижения разные. Значит, что, значит, всех его прихожан можно обзывать дикарями?

– Ты не путай, – ответил я. – Тут другое, тут религия.

– Вы, мужики, это, – рассердился Партизан, – вы бы, если без понятия, про нашу веру зря языками не чесали.

– Я не про веру, – заоправдывался я. – Мне-то, какое дело, кто во что верит? Ритуалы, они тоже разные. Кровавый крест на крыше – это нормально?

– Да ну вас! – Леший взял со стола недопитую бутылку. – Верьте во что хотите, а я в броневик. Прохвессор, у тебя, случайно, не осталось этих мятных сигареток?

– Зачем тебе? Говорил, что эта дрянь для интеллихентов и баб, никакого от неё толка. А твоя махорочка ядрёней, – изумился Архип, но протянул Лешему мятую пачку. Леший что-то пробурчал, но сигареты взял. Профессор продолжил:

– Красный крест, медицинский символ, ещё с тех времён. Как ты в нём ухитрился плохое увидеть? А что в шкуры одеваются, и копьями пользуются, это не от хорошей жизни. Скоро и мы такими станем. Или

наши дети. А знаешь, у этих, как ты их назвал, дикарей очень любопытные взгляды на мир. Они гораздо лучше моих научных теорий объясняют, что происходит вокруг. Честно говоря, мои теории вообще ни черта не могут объяснить. Хочешь, расскажу?

– Валяй, – разрешил я, и, плюнув на окурок, бросил его на пол.

– Сейчас, пожалуй, и не разобраться, отчего это произошло, Дмитрий полагает, что виной всему стала радиация. Для деревенского мужичка, не заканчивавшего университетов, а из литературы осилившего пару детективов, вполне нормальное объяснение. Это мы с тобой понимаем, что не в радиации дело, или не только в ней. Ещё раз говорю: сейчас это не важно, а важно то, что лес сделался… ну, что-то вроде… как бы это… – Архип долго молчал, решаясь произнести вслух то, что напрочь не совпадало с его мировоззрением. – Разумный лес, вот! Разум этот не такой, как у меня, и не такой, как у тебя, или, скажем, Савки. Он как бы вовне. Вокруг. Везде. Почти, как по писаному: листик без его ведома не упадёт. Ну, ты знаешь. Это Мир и есть, а всё живое – лишь его кусочки. Они, как бы, сами по себе, но и частички целого. Чужаки это поняли, даже, научились говорить с Миром и немного управлять им. Они вписались в новую конструкцию под названием «лес». А мы не вписались. Живём в его теле, и за его счёт. Фактически, мы – паразиты.

– С чего ты взял, что лес мыслит? – сказал я. – Как-то это… наивно, что ли? Нет?

– Не я взял, – ответил Архип, – Это Дмитрий так считает. Как сумел, объяснил, почему вокруг него творятся чудные вещи – что-то понял, остальное додумал. Может, и ошибся в деталях, но краешек сути зацепил, а главное – пусть это и ложные знания, но Дмитрий сам научился их использовать для своей пользы, и других научил. А разумен лес, или нет, это вопрос терминологии. Можешь считать его устойчивой экосистемой, в которой, как и в любой устойчивой экосистеме, происходит саморегуляция. Но здесь этот процесс настолько стремителен, что создаётся ощущение, будто лес реагирует на внешние раздражители. Ты сам рассказывал, что когда «говорил с Миром», чувствовал некую ментальную сеть, которая всё объединила в единый организм. Я бы определил этот организм как псевдосущество. Мы случайно оказались внутри гигантского ментального муравейника, примерно как песчинка в раковине. Мы

раздражаем лес, а он реагирует. Не исключаю, что именно существование такого раздражителя, как Посёлок, и является движущей силой для эволюции этого псевдосущества. Тогда, выходит, мы для него благо! Благо, которое лес рефлекторно пытается уничтожить. Правда, забавно? Одни мутанты исчезают, другие приходят им на смену, и всё для того, чтобы расправиться с нами. Появляются новые биоконструкции, а ставшие ненужными выводятся из оборота… Логично?

– Только если допустить, что лес и вправду что-то вроде животного.

– Псевдоживотного, – поправил меня Архип.

– Пусть псевдо… – не стал спорить я, «псевдо» или нет, какая разница? Вопрос терминологии, как говорит Архип. – Гигантский такой организм. Псевдоорганизм. А мы в нём, как глисты. Псевдоглисты. Или не псевдо? В общем, не важно. Мы – чужеродное тело, а монстры, значит, что-то вроде лейкоцитов?

– Да, примерно. Лес защищается от нас. А посмотри на чужаков… это биологически не вполне люди. Заметил, насколько хорошо приспособлены их тела к местным условиям? Тонкие, гибкие, с необычайно сильной, но эластичной мускулатурой, они малочувствительны к холоду и, даже, к радиации. Двадцать лет – не срок для естественного отбора. Значит, эти изменения навязаны извне. А какое у этих людей будет потомство? Сверхчеловеки? Если бы только мы смогли стать частью этой системы! Как считаешь, стоит в этом направлении подумать? Тут важно понять, какие возможности открываются. Ты пробовал говорить с Миром, значит, это дано не только чужакам. Возможно, и у нас получится.

– Возможно, да, – я протяжно зевнул, – но есть одна закавыка: сам говоришь, что ненужные конструкции выводятся из оборота. Вот лес и пытается нас вывести. А когда поменяются условия, и сделаются ненужными чужаки, их тоже изымут. Сейчас они вписаны в систему, потому и процветают. Но я бы не спешил им завидовать, подождал бы ещё лет двадцать.

– Да, – голос у профессора погрустнел, – если смотреть на вещи под таким углом, тогда конечно. Только в день катастрофы Дмитрию было за шестьдесят. А сейчас у него организм здорового сорокалетнего мужчины. Он до сих пор штампует потомство, как на конвейере. Сам

он думает, это из-за лечебных процедур с кровопивцем. А ты говоришь, нечему завидовать! С чужаками ещё не известно, как обернётся, а мы вписались в окружающую действительность, как заноза в задницу. Нас, в любом случае, выдернут – рано или поздно. Когда-нибудь в дебрях леса появится то самое, что нас уничтожит. Может, оно уже притаилось где-то в чащобе?

– Весёлое дело, – сказал я. – Не грусти, Петрович. Авось, ещё не пришло время. Поживём ещё!

– Поживём, если подойдём ко всему этому с умом. Надо составить план экспериментов. Мы бы с тобой… если бы мы узнали, что из себя в действительности представляет лес… без всяких фантазий. И что явилось причиной его возникновения. И как он сумел заменить неповоротливую эволюцию на биоконструирование.

– Может, «купол»? – предположил я и снова зевнул.

– Чтобы утверждать это, нужно, как минимум, знать, что есть «купол», – ответил профессор. – Тоже загадка. И что это за военная биолаборатория, к которой ушла группа Сафронова? Теперь я готов поверить во что угодно, даже в порталы, соединяющие наш мир с параллельными вселенными, где время течёт под каким-то там углом, как написал Сомов. Что бы эта чушь ни означала, я хочу понять, чего натворили военные, вдруг, тогда разберусь и в остальном.

Оказалось, рассуждения Архипа – неплохое средство от бессонницы. Я ещё услышал, как вернулся Сашка.

– Знаете, – сообщил он, – станция работает, только ничего не слыхать, треск…

– Наверное, где-то гроза… – опять сказал Архип.

– Да, на западе сверкало, – ответил Зуб. – Но прошло стороной.

День восьмой

– Слушай, отвяжись! Савка, будь человеком, дай поспать! – заворчал я, и, повернувшись на бок, уткнулся носом в стенку.

Механик пропустил эти слова мимо ушей и с удвоенным энтузиазмом принялся меня теребить. Спросонья испугавшись, что этот бугай ненароком повредит мне плечо, я подумал, что шансов снова заснуть немного, а плечо ещё пригодится. Ничего не поделаешь, надо вставать. Спускаясь на пол, я бубнил под нос:

– Всё, всё! Уже встаю. Видишь, встал!

Вздыхая и позёвывая, я зашнуровал ботинки, а Савелий взял в оборот Партизана; с ним он тоже не очень церемонился. Не совсем проснувшийся лесник, глядя на бешеную жестикуляцию механика, хлопал сонными глазами. Тот старался что-то вымолвить, но получалось не очень понятно.

– Подожди, подожди, успокойся! – заворчал Партизан, пытаясь в сумраке вагона разжечь свечу; за грязным окном едва-едва забрезжило. – Хочешь сказать, что ходил к броневику?

Савелий закивал.

– И Лешего там нет?

Савелий снова закивал, а я подумал, что, наверное, не стоило тормошить нас из-за этой ерунды. Куда, скажите, этот Леший денется? Может, по нужде отошёл? Хотя, ради этого далеко ходить не надо. Значит, нашлись у человека другие дела. Узнать бы, какие? Если разобраться, где-то Савка прав: странно это – был, и нет, но психовать-то зачем?

Предположим худшее: Лешего утащила тварь. Тогда придётся допустить, что она прихватила его рюкзак, за которым пришлось зайти в вагон, оружие и одежду. И я, вслед за Савелием, начал беспокоиться, потому что, как ни старался, не мог сходу найти случившемуся мало-мальски подходящее объяснение.

Мы собрались около броневика. Савелий потерянно смотрел на нас, будто надеялся – сейчас мы решим проблемку, и всё станет, как прежде. Если б мы знали, как эту проблему решить!

– Надо искать… – набычившись, произнес Савелий. Он смотрел исподлобья, словно укорял: хватит ерундой заниматься, друг попал в беду, а от вас никакого толка, окромя пустой болтовни! Механик зашагал прочь.

– Не дури! Нужно ехать! Тебе понятно, чудик? – сказал Сашка, и неуверенно добавил: – А Лешего мы найдём… после…

– Действительно, сейчас рассветёт, подожди немного, – сделал ещё одну попытку остановить механика Партизан.

Когда взошло солнце, лесник отыскал едва заметную полосу примятой травы. Кажущийся тёмным из-за сбитой росы зигзаг перечеркнул сверкающий в утреннем свете луг. След уходил от эшелона, а там, где на месте подсохшей лужи осталась грязь, мы увидели отпечатки рубчатых подошв. Сделав небольшую петлю, след вновь привёл нас к железке, здесь и оборвался.

– Возвращаемся, – сказал Сашка.

– Почему? – спросил Савелий.

– Потому! – ответил Сашка, но, увидев налившееся кровью лицо и стиснутые кулаки механика, поспешил объяснить: – Откуда мы знаем, что у него на уме? Как бы в засаду не угодить.

Логично, не поспоришь. Мы и не спорили. Савелий, поняв, что Леший жив, заметно успокоился, а что ушёл, никого не предупредив – он же умный, ему виднее, может потом и объяснит, зачем он это сделал. И механик сказал:

– Быстло, поехали!

Мы не поехали ни быстро, ни медленно: броневик не завёлся. Савелий открыл капот, я тоже заглянул во внутренности машины. Вроде бы, вчера там было точно так же. Только вчера машина работала, а сегодня – нет. Беда-а…

– Починить сумеешь? – спросил Партизан потухшим голосом.

Механик растерянно трогал руками какие-то шланги. Показалось, он не расслышал вопрос, но потом кивнул.

– За сколько управишься? – поинтересовался Сашка.

– Полдня, – прошептал Савка, и, наморщив лоб, прибавил, – навелно.

– Полдня, или день, или два, – Сашка пнул колесо. – Точно сказать не можешь. Понятно-о…

– Это он сломал машину? – спросил Савка, будто мы знали ответ на этот вопрос. – Зачем он так?

– Затем, чтобы ты его не догнал, вот зачем, – озлился Сашка. – Гнида твой Лешак. Мы-то с ним посидели, покурили, бутылочку допили. Если б знал, для чего он хотел в броневике переночевать, пристрелил бы!

– Ерунда, – наконец подал голос Архип, – никакой логики. Куда ему идти? К чужакам? Тогда зачем машину ломать?

– Найдём его, и узнаем, зачем, – Сашка плюнул на колесо броневика. – Давайте сначала с нашим делом закончим, а потом уж Лешим займёмся.

– Зачем он так? – повторил Савелий.

– Эх, Савка, простой ты человечек… кажись, попали мы в беду… – вздохнул Партизан. Он ссутулился, ружьё бессильно ткнулось прикладом в землю, повиснув в опущенных руках. Но глаза лесника колюче зыркали исподлобья. – Ладно, хорош, давайте собираться.

В то утро Партизан больше не вымолвил ни слова, сборами руководил Сашка.

Опорожнив рюкзаки, мы положили туда патроны – каждый столько, сколько сумеет унести. Сашка приказал, в придачу к своему оружию взять по автомату, Партизан схватил приглянувшуюся винтовку. При этом он криво ухмыльнулся, и Сашка, запнувшись взглядом об эту ухмылку, промолчал. Архип вылез с идеей, что в костюмах химзащиты можно пройти через поражённый вонючим мхом участок. Хоть и не велика тяжесть, но мы и так прилично нагрузились. А с другой стороны, если получится одолеть весь путь не уходя с железки в лес, дело будет того стоить. Опять же: в болоте не придётся бултыхаться, что тоже плюс. Ещё какое-то время ушло на подбор и примерку этих костюмов.

Мы рассовали по карманам всякую мелочь, а перед дорожкой плотно позавтракали, ужинать, если всё сложится, будем в Посёлке. Я бросил последний взгляд на эшелон, на ощерившийся распахнутым капотом броневик и вздохнул.

– Не переживай, – успокоил меня Сашка, – ещё вернёмся. Ладно, ребята, тронулись…

Мы вышли на околицу, а там немного замешкались. Над лугом играет ветер, травы колышутся зелёными волнам, а по небу плывут

набухшие серой тяжестью тучки; кажется, скоро заморосит.

От чудища, что мы подстрелили вчера, почти ничего не осталось; хорошо поработали трупоеды. Над тем, что не заинтересовало падальщиков, гудела туча наглых жирных мух, трава шевелилась от множества чернотелых жуков. Зрелище неприятное, зато придавшее нам дополнительную прыть.

Когда над головой сомкнулись кроны, внутри трепыхнулась едва ощутимая радость. Казалось бы, что такого? Зелёный полумрак, прохладная тень и застывший, густой и влажный воздух! Запахи, пение птиц и шуршание листвы – всё, как обычно. Заскребся в животе ледяной комочек, но как-то неуверенно заскрёбся, робко, скорее, по привычке. Вот уж нет: кое-чему дядя Дима меня научил! Лёгким, и почти неосознанным усилием я разбил ледышку, осколки растаяли, а тревога испарилась – её место заняло что-то большое, не дружелюбное, и не враждебное. Показалось, оно давно сидело во мне, так давно, что я стерпелся, перестал замечать. Ушёл из леса, и оно ушло, а теперь вернулось, как к себе домой, и стало спокойно и уверенно там обустраиваться.

«Сейчас – не лезь», прошептал я. Большое не ушло, но отодвинулось, и теперь, будто покуривая в сторонке, наблюдало за мной. Тяжкий груз свалился с плеч. Оружие никуда не делось, рюкзак давит на спину, сумка с костюмом химзащиты болтается на плече, но при этом ощущается непривычная лёгкость. Почудилось, словно из травы, из деревьев, из воздуха сквозь меня потекли невидимые бодрящие ручейки. Это и есть оно – сделаться частью Мира? Не так уж плохо, даже наоборот. Наверное, нужно было уйти из леса, и опять вернуться, чтобы понять – лес, спасибо дяде Диме, принял меня, я теперь здесь не чужой.

Чем это обернётся пока неизвестно, зато сейчас мне хорошо. А парням, чувствуется, не очень. Понимаю: шли быстро и ноша тяжёлая. Архип заглатывает воздух, и вместе с глубокими вдохами слышится тихий присвист. Лицо побледнело, на щеках, под клочковатой щетиной зажглись пунцовые пятна. Партизан же красный, словно помидор, и мокрый. Сашка весь обтрепанный, а Савка, хоть и молодцом, но взгляд его потух, а лицо закаменело. Но мне-то хорошо! Мне надо двигаться, иначе сгорю в хлещущей через край энергии.

Идти по железке не то же самое, что по лесу. Если сумеешь подстроить шаг, чтобы нога попадала на шпалы – и вовсе легко. Деревья редко прижимаются вплотную к дороге, подлесок не мешает, ветки не хлещут по лицу, не надо ломиться через буреломы.

Лес, заброшенный кордон, снова лес. Я больше не боюсь, я теперь почувствую любую опасность, но пока не чую ничего, кроме тревоги. Это не моя, это тревога моих спутников. Рассказать бы им, что никто нас здесь обижать не собирается, да не поверят.

Дядя Дима объяснял, и Архип его почти понял, он даже пытался втолковать мне: лес не сам по себе, лес – это монстр, слепленный из сознаний всех живущих в нём существ. Теперь я увидел это, и вдруг до меня дошло, что я тоже сделался кусочком этого монстра. Твари, по крайней мере, те, что рядом – как на ладони. Я знаю, что в сотне шагов, в зарослях прячется кто-то голодный, хоть и не очень агрессивный. Я чую зверя, а он чует нас. Ему хочется жрать, но голод слабее природной осторожности, мы – пока ещё! – не добыча, потому что слишком непонятны а, значит, опасны: с такими, без особой нужды, лучше не связываться, вокруг достаточно еды попроще. Стало быть, сейчас нам бояться нечего.

Думаю, Партизан ощущал что-то похожее, когда «слушал лес». Наверное, всем лесникам знакомо подобное состояние. Теперь и я могу также, и даже лучше: мне для этого и хмель не нужен.

Радость оказалась недолгой. Скоро всё в голове перепуталось, будто оттуда достали чувства и мысли, как следует их пережевали, смешали с чужими, слепили из этой массы комок, и засунули обратно. Сделалось жутко: подумалось, что теперь придётся жить с этой кашей в голове. Уж лучше ледышка в животе, чем непрекращающийся концерт местной самодеятельности в мозгах!

Пожалуй, нормальный человек долго такое не выдержит, и у меня вскоре началось головокружение, подкатила тошнота. Я принялся лихорадочно выстраивать мысленный барьер, а он не выстраивался, то там, то здесь хлипкая стена рушилась, и приходилось начинать заново. Что-то я, всё же, смог, потому что сумбур закончился, хотя лес запросто выискивал лазейки в неумелой защите.Я начал дико завидовать тем, кто твёрдо знает, что лес, это всего лишь куча деревьев, выросших в одном месте.

Я убеждал себя, что, если разобраться, хорошего в этом больше, чем плохого. Во-первых, уже забылась терзающая внутренности тревога, а во-вторых, если на меня захочет напасть местная тварь, я обязательно почувствую…

Борщевик не хотел нападать, он просто рос и никому не желал зла. На пути встали заросли двухметровой травы с белыми зонтиками мелких цветов и большими, похожими на лопухи, листьями. Я посмотрел направо и налево, можно и обойти, но тогда придётся лезть через буреломы. Зачем? Опасности я не чую…

– Стой! Помереть торопишься? – впервые с тех пор, как мы вошли в лес, открыл рот Партизан.

– Что? – спросил я, послушно застыв на месте.

– Болщевик, но из него болщ не валят, – объяснил Савелий.

– Да, – сказал Партизан. – Борщевик. Его лучше не трогать, мало ли? Давайте переодеваться.

Для такого случая мы и несли костюмы химзащиты. Мы не сразу, но разобрались, как натягиваются эти брюки на завязочках, куртки, перчатки и капюшоны. Серые комбинезоны защитили нас от сока зловредного растения. А вскоре начались болота. Гнилая жижа плескалась возле рельсов. Булькали пузыри, кто-то там, на дне, ворочался, и по чёрной зеркальной поверхности бежала рябь. За деревьями ухало и стонало. Когда болотная водица залила рельсы, я понял, наши костюмы – удобная для таких прогулок вещь.

Там, где нас когда-то поджидали щуки, теперь спокойно. Не сворачивая с железки, мы переправились через болото и прошли сквозь поражённый вонючим мхом и борщевиком участок леса: респираторы защитили от запаха, прорезиненная ткань – от сока и слизи. За мостом мы осторожно, чтобы не запачкаться зловонной гадостью, обляпавшей комбинезоны, разделись. Нести хоть и полезную, но изрядно пованивающую, защитную одежду не хотелось, и недалеко от железки, в кустах, мы приготовили тайник.

Заморосило, только нам было всё равно. Хоть комбинезоны и спасли от болотной водицы, зато мы изрядно пропотели, свежий ветерок заставлял зябко ёжиться.

– Неправильно, – сказал Партизан. Тоскливо у него получилось.

– Сейчас-то что не так? – удивился Сашка.

– Прём, как на параде. Главное, никакой опасности не чую. Совсем не чую.Так не бывает.

– Ну, и радуйся.

– Не могу. Понимаю, где-то спряталась большая подлянка, а где она спряталась, не чувствую.

Я тоже не чувствовал ничего плохого.

* * *

Этот сухой, тёплый, и, в общем-то, уютный домишко не так давно нагонял серую тоску, сейчас здесь хорошо, можно согреться, попить чай и немного перевести дух. Время есть, и даже с запасом. Рюкзаки сброшены, лязгнуло сваленное в кучу оружие.

– Ничего и не случилось, – Сашка уложил в буржуйку полешки. – А ты боялся…

– Хорошо, что так, – мрачно сказал Партизан. – Интересно, куда запропастился Сыч?

Я воспользовался спокойной минуткой, и повалился на кровать. Не важно, что сырая одежда воняет потом и лесом, пусть сопревшие ноги зудят в разбухших ботинках, сейчас имеют значение покой и тишина. Разглядывая муравьиные дорожки, я почти задремал, хотя уши слышали, как засвистел чайник, а нос чуял сигаретный аромат. Заскрипела дверь, вернулся Партизан.

– Саша, – спросил он, – ты, случаем, не знаешь, кто такой ревкаэсп?

– Впервые слышу. А что?

– Да так, поинтересовался, – ответил Партизан, – Подумал, вдруг ты знаешь? А кстати, Сыча я нашёл. Он в сарае. И мёртвый-премёртвый… давно. А ты спрашивал, где подлянка.

Слова Партизана пролетели мимо, даже не царапнув дремлющее сознание. Ну, в сарае, ну, мёртвый – бывает! Сашку новость тоже не зацепила.

– С тоски удавился? – равнодушно, будто речь шла о незнакомом, и абсолютно неинтересном ему человеке, уточнил он.

– Нет, Зуб. Не удавился он. Там круче… пошли, сам увидишь.

Через минуту мы столпились в бывшем хлеву, сейчас лесники его использовали, как дровяной сарай. Не тоска убила Сыча, это факт! Перед смертью он не скучал, хотя и для веселья у него поводов не было. Закоченелое тело свернулось калачиком на земляном полу. Это

тело: во-первых, раздели, во-вторых, избили, а в-третьих, над ним неслабо поизмывались. Когда надоело мучить и унижать человека, его полоснули ножом по горлу. Кровавая надпись на стене пояснила: «Наркоман и убийца казнён приговором РевКСП»

– Такие дела, – глухо сказал Партизан. – Олег, ты тоже не знаешь, кто этот ревкаэсп?

Я помотал головой и сглотнул подкативший к горлу комок. Одолела оторопь. Снова заскреблась ледышка, теперь где-то под сердцем. Такой жути я и в лесу не чувствовал. Что лес? Про него я понял: он может убить, но, скорее всего, если ты один, и не слишком испуган, и не посмотрит в твою сторону. А здесь побывали люди. Не лесные твари, не чужаки, а наши, поселковые – больше некому! Ты же хотел домой? Значит, добро пожаловать!

– А ты, Саша, может, всё-же знаешь, что это за «ревкаэсп» такой?

– Нет, Петя, не знаю – Зуб покачал головой. – Наверное, Леший до Сыча добрался!

– Ты ерунду не пори, – сказал Партизан. – Сам видишь, Сыч давно остыл. Не сегодня его прибили, это точно. Такие дела, орлы. Значит, что? Значит, сделаем так! В Посёлок я схожу один, посмотрю, что к чему. А ты, Савка, забери у всех оружие, потому что тебе я пока ещё доверяю… Ты за ними внимательно смотри…

– Нет, Петя, не так, – возразил Сашка. – Будет лучше, если ты сам отдашь ружьё.

– Че-е-его? – глаза лесника сделались большими-пребольшими, лоб прочертили глубокие морщины. Видно, Партизан попытался сообразить, как можно решиться предлагать ему такое, да так и не понял.

– Отдай, говорю, ружьё!

Тут лесник заулыбался:

– Ружьё, отдать? Тебе, что ли? На!

И Партизан, сняв дробовик с плеча, ткнул стволы в Сашкину грудь. Но Зуб держал автомат наготове, негромко клацнул предохранитель, и ствол «калаша» уставился в живот Партизана. Люди замерли, ощерясь, словно звери.

– Олег, – скомандовал Сашка, – возьми у него ружьё.

Я сделал шаг к леснику, но – стоп! Какого чёрта! Что, вообще, происходит?

– Ну же, арестуй его. Он враг Посёлка!

Я распахнул рот, и захлопал глазами; полный ступор и паралич умственных способностей. Одно дело, когда приходится воевать с лесными тварями: легко объяснить, что ими движет – им кушать хочется! А как быть, если люди, прошедшие вместе через разные-всякие передряги, ни с того, ни с сего загорелись желанием прибить друг друга? Сразу и не сообразишь! Словом, растерялся я. Хорошо, думаю, если пар выйдет, ребята успокоятся, и попытаются договориться. Лишь бы палить сгоряча не начали! Главное, непонятно мне, почему дело таким образом повернулось. А раз непонятно, то и влезать преждевременно.

Сашка смекнул, что помощи от меня не дождётся.

– Партизан, – сказал он, – Положи оружие, по-хорошему прошу! В Посёлке решим, что делать. Учитывая твои заслуги…

– Вон как, значит! Заслуги мои, говоришь, будете считать? Знаешь, сколько у меня этих заслуг? Тебе за три жизни столько не заслужить. Мне одно интересно, ты в любом случае собирался меня прикончить?

– Положи ствол!

– А Леший тебя, гадёныша, сразу понял, потому как чутьё у него на всяких гадов. «Чую, – говорил, – та ещё сволочь. У него с Пасюком дела. Ты глаз с этого мента не спускай». Предупреждал, а я, дурак, посмеивался, думал, до смертоубийства не дойдёт. А ты, значит, на всё готовый? Надо было тебя по-тихому мочить; мало ли что в лесу случается? Сдох, и сдох; светлая память герою. Мне рук марать не хотелось, а Лёша тебя пожалел. Ты-то его жалеть не стал…

– Считаю до трёх! Раз…

– Следы в грязи твои, а не Лешего. Слишком они глубокие. И не косолапил ты, а подволакивал ноги. Ты труп на руках нёс?

– Заткнись, и клади ружьё. Два…

– Не пойму, зачем ты броневик сломал? Или это Леший сделал, чтоб тебе не достался?

– Три!

Партизан ехидно ухмыльнулся, мол, что же не стреляешь, кишка тонка? Тут Зуб и выстрелил. Но за миг до этого на него со звериным рыком бросился Савелий. И всё перемешалось: грохот автомата, горячее жужжание в воздухе, шлепки вонзающихся в деревянную

стену пуль, вой случайного рикошета, едкая пороховая гарь и грязная брань.

Савка жестоко пинал Зуба, тот не сопротивлялся. Он скорчился на полу, закрыв голову руками, на его тело сыпались тяжёлые удары.

Партизан перестал ругаться – лишь невнятно бормотал. Одной рукой он зажимал рану – одежда на животе пропиталась кровью – другая рука ещё держала ружьё. Партизан не оставил надежду пристрелить Сашку, да вот беда – перед Сашкой, мешая прицелиться, маячил Савелий. Лесника шатало, ствол ружья рыскал из стороны в сторону, слабеющая рука опускалась. Пальцы разжались, оружие клацнуло об пол, и рядом осел Партизан.

Когда я вязал Сашке руки, тот не сопротивлялся. Шатаясь и спотыкаясь, он поковылял в избу. Савелий уложил на кровать Партизана. Лесник побледнел, его губы беззвучно шевелились. Профессор, как мог, обработал, и перебинтовал рану. Механик замызганной тряпкой вытер испарину со лба раненного друга.

– Как он? – спросил я, хотя сам прекрасно видел, как.

– Нужно в Посёлок, операцию, – пробормотал Архип, – пуля навылет, а что внутри, я не знаю! Давай надеяться.

* * *

Мы за столом, лицом к лицу. Сашка выпрямился, осанка почти гордая – это оттого, что руки прикручены верёвкой к спинке стула. Плохо Зубу, крепко досталось ему от Савелия: то головой замотает, будто стряхивая дурноту, то сцедит на пол переполняющую рот кровавую слюну.

Я стараюсь расслабиться, но меня трясёт. Я уставился Сашке в переносицу; нужно, чтобы он отвёл глаза, хотя бы сморгнул, но тот лишь улыбается краешками разбитых губ, словно говоря: слабоват ты ещё играть со мной, прожжённым ментярой в гляделки. Я от его нахальной ухмылки ещё больше нервничаю, а он, видя это ещё нахальнее ухмыляется.

– Саша, – я сжал потные ладони в кулаки, – что за ерунда?

– Эх, Олег, Олежек, – Сашка обнажил перепачканные кровью зубы в улыбке, на раздувшейся губе набухла алая капля, – ты ничего не понял? Партизан, и тот понял. А Леший вообще не в меру догадлив… был… Партизан, он же висельник. Ему прямая дорога в ад. Считай, что я исполнил отсроченный приговор. Ещё вопросы есть?

– Значит, и мне… пулю? – я попытался одолеть навалившееся чувство беспомощности. Опять всё складывается не так, как мечталось, совсем не так… – Меня тоже приговорили к вышке.

– Не пори ерунду. Ты – мент. Делом доказал! Кто тебе эти бандюки? О Посёлке думай! Главный для тебя вопрос: ты с кем? Если со мной, я замолвлю словечко, и всё будет хорошо. Если нет – лучше не возвращайся. Хозяин не заступится… нет Хозяина. И кума нет… Такие дела, друг!

– Подожди, Саша. Что с Терентьевым? – я ощутил, какое это гадкое чувство – беспомощность! Вокруг творится нечто, сулящее очередную порцию неприятностей, а я снова никак не могу повлиять на события. Куда-то иду, что-то делаю, временами кажусь сам себе героем, а в результате – оказываюсь, вообще, не при делах. Я спросил: – Откуда знаешь?

– Знаю.

– Вот зачем он ходил в броневик, по рации с Посёлком разговаривал, - догадался Архип.

– Брось, умник, - ухмыльнулся Сашка. – Я так и не сумел сообразить, как её настроить. Да и незачем, у меня своя. Не веришь? Посмотри в куртке.

Савелий обшарил карманы брошенной тут же, на полу, ветровки. Трубка, три пистолетных патрона, ещё какие-то детальки и маленький чёрный приборчик, немного похожий на дозиметр. Только это совсем другое, и предназначено для другого.

– Надо же, - удивился Архип. - Я думал, такие говорилки давно сдохли. И что, далеко слыхать?

– У Асланяна приёмник на вышке, - пояснил Сашка. – Ему слышно. А с этой штукой днём прямо беда, зато ночью работает. Еле-еле. Что надо я услышал. Тебе, Олег, скажу, а остальным незачем знать.

– Выйдите, – сказал я. Может, с глаза на глаз и разговор по-другому сложится, - Сычом, что ли займитесь. Прикопайте человека.

Люди без возражений, на ходу надевая плащи, побрели на улицу, и остались мы с Зубом вдвоём. Партизан, бледный и недвижный, вытянулся на кровати: то ли без сознания, то ли спит – он больше не в счёт.

– Что случилось, то и случилось, – начал Сашка, – когда-нибудь должно было. Они назвали это революцией… пусть так, слово, как слово, им нравится, а нам с тобой без разницы. Главное, что? Главное, больше нет Хозяина. И хорошо, что нет… Если подумаешь, сам поймёшь. Старым стал Терентьев, раньше и думать не смели на него тявкать! А Стёпка-волкодав? Держал народ в узде. Крепко держал, мог и в глотку вцепиться, но их время кончилось. Не хватает еды, одежды, некому работать, зато стариков и больных – девать некуда! Мы на грани голода. Хозяин не понимал… или понимал, да ничего не хотел с этим делать. Мы с тобой видим, что Посёлок гибнет. Ушёл бы Терентьев, дал бы власть тем, кто может принимать жёсткие решения… как он сам когда-то. Люди помнят, что мы выжили, благодаря ему… им скажи, молиться на него будут. Доживал бы в любви и уважении, так нет же, упёрся, и Захар с Клыковым за него. Разве против такой силищи попрёшь? Ждали мы удобного момента, да надеялись. А тут Партизан со своим эшелоном; если бы оружие досталось Терентьеву, считай, всё, сковырнуть бы его не получилось. На счастье, ты взбудоражил барачников. Умные люди потому и умные, что могут воспользоваться шансом, даже и минимальным. Будешь с нами, тебе за то ещё и спасибо скажут. Решай!

Легко сказать: «решай» – трудно решить. А Сашка смотрел исподлобья и ждал ответ.

– Кто эти умные люди? – спросил я. – Которые смогли воспользоваться?

– Главный теперь Асланян.

– Ладно, Асланян, так Асланян, – ничуть не удивился я. – Ты-то как оказался в этой компании?

– Знаешь, Олег, – ответил Сашка, – я тоже не дурак, многое вижу и понимаю. Сообразил, что дальше так нельзя. Мы с Асланяном давно всё решили. Он добивался, чтобы меня назначили командиром в эту экспедицию. А Белов выбирал между мной и тобой. Не мог он на всю голову повёрнутых лесников оставить без присмотра. Пока они тебя так и эдак проверяли, дело совсем в другую сторону повернулось. Оно и хорошо: во-первых, я узнал маршрут, теперь сам кого надо проведу к эшелону, а во-вторых, оружие не должно было попасть к Хозяину… ни в коем случае… я справился… если бы я ночью не связался с

Асланяном, и не узнал, что Хозяина больше нет, мне пришлось бы поступить с вами гораздо жёстче.

– Что, всех на тот свет?

– Думаешь, мне этого хотелось? Цена слишком большая – выживание Посёлка. Если откровенно, Леший с Партизаном сильно мешали – я сомневался, что смогу с ними договориться. А насчёт остальных… не враги вы мне, свои ребята… посмотрел бы, как дело сложится. Видишь, я ничего не скрываю. Тебе самому решать, по какой дорожке идти…

Объяснил Сашка расклады, и я поверил – да, скорее всего, если бы это было нужно, он бы нас пристрелил. Но не пристрелил же, до последнего выжидал! Кто там новый хозяин? Асланян? Значит, для него мы упирались, рисковали, тащили драгоценный груз! Принесли, дальше-то что? Какой благодарности ждать лично мне? Такой же, какая досталась Партизану? Или, к примеру, Лешему?

– Понятно, – процедил я. – Но Лёшку за что?

– Знаешь, я был готов ко всему, даже к тому, что придётся стать убийцей, но, после того, как узнал, что у Асланяна получилось, решил никого из вас не трогать. Зачем бы мне? Сам посуди: всё произошло, вы, на своих горбах несёте патроны для нового хозяина. Удачно, да? – усмехнулся Сашка, и на треснувшей губе снова вздулась капелька крови. – Леший мерзкий тип. Любопытный и подозрительный. Шпионил, гад. Чуял, что ли? Поехать на броневике я не мог вам позволить, вы парни горячие. Мало ли, что удумаете, оказавшись в Посёлке? Мне и надо-то было незаметно поломать машину, а с утра затеять скандал, что, мол, на эту развалюху надеяться нельзя и приказать топать домой пешком. Делов-то, пару предохранителей вынуть. А этот ночью к броневику попёрся, заметил, гад. Он даже слушать не стал, с ножом кинулся, и что было делать? Хорошо, Савка в кабине гаечный ключ оставил. Трахнул я Лешего по голове, он и окочурился, ни шума, ни крови. Замучился я тело до болотца переть. А вещи его из вагона вынес, когда вы заснули… Броневик, да, я сломал, а вы на Лешего подумали. Тоже хорошо получилось. Машину починить не трудно, поставить предохранители… это после. А сейчас ты должен мне помочь! Обижайся, сколько влезет, но дело не во мне, дело в Посёлке. Нет у тебя другого дома. Так что думай…

– Подумаю, – обещал я. Может, действительно, при новой власти жизнь моя наладится? Молодые, да здоровые всем нужны!

– Гнида ты, Сашка, – чётко и громко сказал Партизан. – Ты ж и волоска из бороды Лешего не стоишь.

– Может, и не стою, тебе-то какая разница? Тебе, всё равно, ловить нечего. Ты своё поймал, скоро с дружком повидаешься.

Партизан беспокойно заворочался. Присев рядом, я вытер ему испарину со лба, смочил потрескавшиеся губы.

– Олежка! – лесник глянул на меня тусклыми глазами, – Ты бы лучше водочки накапал. Для здоровья полезно…

– Молчи, дядя Петя, не дёргайся, – сказал я, – береги силы.

– Нафига, мне силы? – захрипел Партизан. – Кверху пузом валяться, много сил не требуется. Слушай внимательно! Получается, ты теперь в ответе и за себя, и за тех двоих – Савку и прохвессора. Помочь тебе я больше не могу, зато могу посоветовать. Сейчас, пока не стемнело, идите в Посёлок. Там расскажешь, будто все, кроме вас погибли. Соври, что напали волколаки, а хочешь, сам что-нибудь сочини. Эти поверят. А хоть и не поверят, проверить не смогут. Ничего тебе не будет, им нужен человек, знающий дорогу к эшелону. Сделаешь по-умному – сумеешь хорошо устроиться и при новой власти. Потом, если повезёт, и за мной вернёшься, авось, не загнусь к тому времени. А с Зубом не церемонься, отведи в лес, и шлёпни – проблемой меньше. А лучше дай ружьё. У меня сил хватит… не станет Сашки, и Асланян тебе ничего не сделает, ты будешь ему до зарезу нужен.

– Спасибо за совет, дядя Петя, – сказал я. – Наверное, ты прав. Нет человека, и проблемы нет. Только…

Я замолчал, а Партизан ухмыльнулся.

– Не хочешь мараться? Ну, пусть живёт, – сказал он. – Раз ты у нас такой ду… добренький, то пусть живёт! А ружьишко далеко не прячь, рядом положи. Не боись, ничего я ему не сделаю, только пригляжу. Ты свяжи его покрепче, чтобы даже шелохнуться не мог, а сам иди. Слышь, Санёк? Вот как вышло: остаёмся мы вдвоём. Если я подохну, и ты от голодухи помрёшь, сидя рядом с покойничком. Обхохочешься, правда? Всё, Олег, вали отсюда. Про ружьё-то не забудь, и патроны оставь. Положи на кровать, пусть под рукой будут. И хмель-дурман –

без него я, пожалуй, долго не протяну. Ещё курево. Вот теперь всё. Иди…

Встал я на краешек неглубокой пока ямки, будущей могилы Сыча. Механик нашёл в сарае ржавую лопату, слой дёрна уже снят и аккуратно уложен около стены, теперь Савелий ковыряет раскисшую землю. Рядом Архип, присел на брёвнышко, голова не покрыта, взгляд блуждает в пустоте. Я закурил, мысли пришли в порядок, да и нервы успокоились. Не знаю, как встретят меня в Посёлке, но, хотя бы, выслушают. А там посмотрим. Оставаться здесь – ещё хуже. Навалилась грусть: серое небо, мокрый лес, а неприятности вовсе не закончились. Может, ещё и не начались как следует. Вот же, въехал в Посёлок на белом коне, называется.

– Такие у нас дела, братцы, – печально сказал я. – Дома смута, и что нас там ждёт, неизвестно. Боюсь, ничего хорошего. На Сыча, вон, посмотрите! Заканчивайте быстрее, и пойдём. Скоро стемнеет.

– Я останусь, – Архип забрал у Савки лопату. – Пойми правильно, я тебя не бросаю… нужно за Партизаном присмотреть. Без меня загнётся. Он и так загнётся, а без меня – тем паче.

– И я с Палтизаном, – Савелий присел на брёвнышко, – Ты, это, не обижайся. Мы следом плидём.

* * *

Темно и тихо, не горят огни, не лают собаки, лишь шуршит еле слышно дождик. В сотне шагов от северных ворот я сошёл с железки и остановился, ближе подходить опасно – во мраке легко запутаться в колючке или попасть в ловушку. Опять же, могут и пальнуть не разобравшись.

Уже давно я перестал слышать лес. Напрягайся, не напрягайся, в голове лишь невнятный шум – наверное, Архип назвал бы его ментальным. Это просто умное слово, и ни черта оно не обозначает! Не слышно в этом слове ни страха, ни агрессии, ни сотни других, менее ярких, чувств и эмоций, растекающихся по лесу из-за Ограды. Ментальный шум ощущается, как липкий серый кисель. Он заволок пространство на много сотен шагов от Посёлка. Оказывается, всю жизнь люди барахтаются в этом киселе, и даже не подозревают о нём.

– Есть кто живой? – закричал я, и не дождался ответа.

Я выстрелил вверх. Из-за Ограды долетели голоса, затрещал генератор, вспыхнул прожектор, высветив прошивающие воздух капли

дождя. Пометавшись, луч вперился в меня, глаза вмиг ослепли, я прикрыл их ладонью. Другой, сжимающей цевьё автомата, рукой я помахал над головой, привет, мол, ребята, я вернулся. С минуту меня рассматривали.

– Первов, ты, что ли? – крикнули с вышки.

– А то кто же! – заорал я в ответ.

– Давай сюда, быстро!

Я неуверенно – перед глазами ещё плясали цветные кляксы – пошёл к воротам. Те, тяжко скрипнув, приоткрылись. Едва я ступил в Посёлок, меня окружили дружинники.

– Привет, – сказал я, а сам подумал, что парни какие-то хмурые, напряжённые они какие-то. Что молчите-то? Уберите автоматы – свой я, или как? Ох, не похоже, что мне здесь рады, совсем не похоже.

– Олежка, вернулся! – услышал я, а в следующий миг Клыков сграбастал меня в объятия. Немного полегчало. И потому, что хоть кто-то обрадовался моему возвращению, и вообще…

– Отпусти дядя Вася, раздавишь, – выдохнул я. – Еле на ногах держусь.

– Ох, извини, – расцепил руки Клыков. – Иди за мной, нечего торчать под дождём.

В сторожке тепло, на столике потрескивает свеча. Уютно. Сюда, кроме нас с Клыковым, попыталось втиснуться ещё несколько дружинников.

– Не толпитесь! Здесь вам не площадь. Марш на вышки, лоботрясы! – всех разогнал командир:

Когда люди нехотя вышли из тёплого помещения, он снял с буржуйки чайник и стал разливать по кружкам горячий отвар.

– Погоди, Василич, – я порылся в рюкзаке. На самом дне, вместе с сигаретными пачками, я спрятал коробочку с чайными пакетиками.

– Это тебе, – протянул я Клыкову подарок.

– Значит, нашли, – обрадовался тот, и принялся читать надписи на коробке. Он сел на табурет. – Не соврал Партизан. Где он, кстати? Почему один пришёл?

– Потрепало нас, дядь Вася, сильно потрепало, – сказал я. – Антон и Леший точно погибли. Насчёт других – не знаю. На волколаков мы нарвались. И, такая подлость, совсем рядом. Уже и мост перешли.

Раскидало нас по лесу… если никто не пришёл, значит, и не придут … скорее всего.

Не лежала душа обманывать, да не знал я, какие в Посёлке расклады, потому и выдавал наскоро слепленную версию. Врал я, а сам на командира дружинников поглядывал – поверит ли? Клыков отреагировал нормально: погрустнел, отвернулся, значит, история вышла правдоподобная.

– Жаль. Я надеялся… – тихо сказал он. – Ладно, хоть ты живой. Значит, до эшелона можно добраться?

– Ага, – я хлебнул горячий чай, – можно, если не гробанёшься по дороге. Но если дойдёшь, там будет много чего. И хорошего, и всякого.

– У нас тоже много всякого, не знаю, хорошего ли… – Клыков замялся, подбирая нужные слова, потом с военной прямотой сказал, – Дурдом у нас. Вместо Хозяина теперь Асланян, и хорошо ещё, что он, могло быть и хуже. Потому что вместо Захара знаешь кто? Держись крепче, а то упадёшь. Пасюков! У нас и милиции больше нет, разогнали милицию. Теперь у нас полиция. Во как!

Новость ошарашила по-настоящему. Пасюков – это сильно, и, главное, неожиданно.

– А Захар где? – спросил я. – И вообще, что с Хозяином?

– Никто не знает. Испарились. Человек десять исчезло. В лес удрали. Их искали, весь Посёлок обшарили, в Ударник ходили, только не нашли. Завтра в Нерлей собираются.

– А Степан?

– Степан арестован. Этот до последнего дрался. Кого-то подранил, кого-то напоследок прибил. А сам уйти не смог. Повязали. Не простят ему, вздёрнут. Утром и вздёрнут.

– Дела! Это всё, или ещё чем порадуешь?

– Больше, вроде, и нечем. Как Асланян объявил себя хозяином, так и назначил Пасюкова ментами руководить. Мы от такого поворота слегка ошалели, зато в Посёлке тишина наступила, будто никакой бузы и не было. Барачники довольны, а что изредка безобразят, к тому уж все привыкли. А люди притихли, не высовываются. Как видишь, не так уж плохо вышло. Сначала никто ничего и не понял, а потом уже всё случилось. Один Белов посопротивлялся. Ну, на то он и Белов… а среди граждан пострадавших нет.

– А вы-то как допустили? – не удержавшись, брякнул я. Честно говоря, думалось, что Клыков и дружинники, в случае нужды, любого размажут тонким и ровным слоем. Уж барачников хоть бы и взглядом пришибут, если будет совсем плохо с патронами. А случилось вон как!

– А что мы?! Мы люди военные! Начальство сказало: «не обострять ситуацию», мы и не стреляли. А те бабами прикрылись, заложники, говорят, у нас. А потом те, в кого надо было стрелять, вдруг сами начальниками стали. Прикажешь войну начинать? Людей губить? Мы людей защищать должны, а не губить! – Клыков, понизив голос, зашептал. – Семьи у многих. Пасюки обещались, что если кто против новой власти пойдёт, за тех ответят ихние бабы да ребятишки! Как с такими отморозками воевать? И чем воевать-то? Я, грешным делом, надеялся, может, вы с эшелона патронов добудете, тогда бы… а так… осталось последнее. Израсходуем – и точка.

Клыков махнул рукой.

– Насчёт патронов, – сказал я, – есть у меня немного. Пойду к Асланяну, доложусь.

– Подожди. Я дам человечка, проводит. Пасюки теперь наглые стали, от них всего можно ожидать; мы по одному на улице не появляемся, хоть бы и с оружием. А тебе и подавно надо ухи держать востро. А патроны, какие есть, ты лучше мне оставь, ладно?

Темнота, слякоть и лужи – всё родное. Оно, конечно, родное, а, кажется, что не совсем; чувствую – что-то сделалось по-другому, а чувствам я в последнее время стал доверять. Хлюпал я по грязи, а рядом, освещая дорогу факелом, ковылял дружинник Серёга. Суровый дядька, неразговорчивый. На вопросы отвечал через раз, всё больше делал вид, что меня нет. Возможно, подумалось мне, он считает, что я виноват во всех обрушившихся на него и на Посёлок неприятностях. И он прав – если бы не сунулся в бараки, да если бы не угрохал Корнила, может, и не случилось бы ничего. Жили бы себе, поживали. Если бы, да кабы… что теперь-то гадать, как бы оно было? Заново не перепишешь, а хочется.

Обошли мы площадь. Виселицу так и не удосужились разобрать. Когда? У людей революция, не время заниматься ерундой. А если случилось так, что революция победила, тем более, надо оставить – авось, пригодится. Над дверью в правление приколотили вывеску. Большая доска, на которой криво намалёваны буквы. Что написано, в

темноте не разобрать. Я поинтересовался. Серёга, громко харкнув, объяснил:

– Дык, это. Революцьённый Комитет Спасения Посёлка. Тебе, значит, сюда.

Я постучал, и, не дождавшись ответа, заколотил сильнее.

– Они не откроют, – проворчал дружинник, – глухие они. Смотри.

Он стукнул ногой. К двери прилепился шматок грязи. Дядька заколотил настырно, как пьяный хозяин, поздней ночью вернувшийся домой. Дверь заскрипела, отворяясь. Показалась сердитая физиономия. Ба, Мухомор! В одной руке свечка, в другой – автомат, лицо грозное, а глаза выпучены, пытаются рассмотреть, что за вражина скрывается в темноте.

– Чё припёрлись, – Мухомор красноречиво потряс «калашом». – А ну, вали отсюда, пьянь. Не то…

– Вот, куда тебе надо, туда и привёл, дальше сам разбирайся, а мне на службу надобно, – дружинник, чтобы не обострять ситуацию, отошёл, и я оказался в одиночестве. Ничего! Волколаков не испугался, с летающим монстром бился, а это лишь пасюк!

– Никак, живой! – признал меня Мухомор. Глаза у него совсем выпучились.

– Что мне будет? – ответил я. – Живее всех живых. А ты чего здесь ошиваешься?

– Охраняю. Теперь я, это, народная ми… тьфу, полиция, – немного засмущавшись, Мухомор показал красную повязку на рукаве. Чудны дела твои! Если барачники стали ментами, кем же сделались менты?

– Вон оно что, – сказал я. – Правильный мужик, и вдруг так… кажется, у вас какие-то понятия на этот счёт? Даже помогать милиции нельзя, а тут… Свои за это не спросят?

Мухомор задумался, видно, и сам не до конца разобрался, как относиться к случившимся переменам.

– Я так понимаю, – рассудил он. – Жизнь теперь другая, правильная. Стало быть, и законы другие.

– А-а, понятно, – одобрил я такой философский подход. – Тогда, охраняй. Неси службу образцово и с достоинством. Но сначала проводи меня к Асланяну.

– Отдыхает хозяин, обожди до утра, – сказал Мухомор, и пояснил: – совсем человек умаялся. Поспать ему некогда.

– Мне сейчас надо, а не утром! Срочно! Ты в курсе, откуда я вернулся? Артур – мужик резкий. Может и голову оторвать, если узнает, что ты меня не пустил.

– В том и беда, – вздохнул Мухомор. – Непонятно, от кого и за что по башке получишь. Хоть и правильная теперь жизнь, да непонятная. Ладно, идём.

В коридоре темно, лишь из щёлки под дверью пробивается тусклый свет. Мухомор бочком протиснулся в кабинет Хозяина, и оттуда донеслись приглушённые голоса. Потом барачник вышел, а я зашёл.

Из одежды на Асланяне только штаны. Чёрные с проседью волосы растрепаны, чёрная с проседью борода всклокочена, курчавая с проседью поросль на груди тоже взъерошена.

– Садись, – Асланян указал на стул. – Какой же ты! Молодец! Какой Молодец! Но… где остальные?

– Ну, здравствуй, – я уселся за стол, автомат между ног поставил. – Вернулся я, Артур Анастасович. Один вернулся. Такие дела.

– И у нас дела. В двух словах и не рассказать. Ты же куришь? На, кури, – Асланян достал из ящика стола кисет.

– У меня свои, – я нарочито медленно вынул из кармана мятую пачку и спички. У Асланяна глазки засверкали, скорбная гримаса перетекла в улыбку, а сам он вперёд подался.

– Оттуда трофеи? Молодец! Дай одну, – Артур достал и понюхал сигарету. Ноздри мясистого носа жадно затрепетали, учуяв позабытый аромат.

– С армии не курил. А сейчас попробую. Можно? – спросил Асланян. Я кивнул; кури, мол, Анастасыч, о чём речь?

Артур набрал в рот дым, выдохнул, и ещё раз надул щёки.

– Нет, не понимаю, – грустно сказал он, затушив сигарету о крышку стола. – И много там этого добра?

– Немало. Этого, и разного другого.

– Хорошо, получается, не зря рисковали. С остальными что? Кто-то ещё уцелел? Мы с Зубом сегодня по радио говорили, а, может, вчера дело было? – Асланян устало потёр виски. – Столько всякого случилось, в голове не помещается. Что у вас произошло?

Я рассказал. И про то, как мы спасались на дереве; оказывается – сверху удобно отстреливать лесных тварей. И про то, как Сашка Зуб

скрылся в лесу, а за ним ушла половина стаи – ещё долго с той стороны слышались выстрелы, а потом бабахнула граната. Как остальные пошли на прорыв, и как мы все в начинающихся сумерках потеряли друг друга. Никто никого не искал – уцелевшие сами должны возвращаться в Посёлок – так мы договорились. Я здесь, а про ребят не знаю. Верю, что они спаслись. Их нужно искать. С утра этим и займусь. Добровольцем пойду!

Неважно, что на самом деле такого не было, ведь могло же быть? Главное, чтобы Асланян поверил. А он завздыхал и опечалился:

– Жаль, Сашка боевой парень… был, наверное. Дай Бог ему… им всем удачи. А ты рассказывай остальное.

Больше врать не пришлось. И про настоящую встречу с волколаками, и про то, какая дурацкая смерть выпала Антону, и про гигантских щук рассказал. Конечно, и про чужаков не забыл. Вскоре я почувствовал – ещё немного, и засну. Хорошо в тепле, организм расслабился, захотелось отдохнуть. Да куда там! Асланян выспрашивал и выспрашивал.

– Слушай, давай ещё раз про дикарей, – велел он. – Теперь подробно. Говори, сколько их, чем вооружены. Где живут, и что знают о Посёлке?

Мне скрывать нечего, я повторил рассказ. Насупился Артур, глаза сильнее прежнего засверкали.

– Ты понимаешь, какая плохая новость? – устало спросил он. – Сколько жили, а не знали, что под боком эта дрянь. Если б не ты, и не узнали бы. Выходит, и за это тебе спасибо! Предупредил!

– Что тут плохого? – не понял я. – Они ж не враги. Нормальные мужики… особенно, бабы.

– Эх, наивный ты, Олег. Архип сообразил, что они все мыслями с лесом связаны. Это же ты его слова мне передал? Я правильно понял? А может быть такое, что они натравливают на Посёлок зверей? А что? Интересное предположение! Как считаешь?

– Не знаю, – подумав, ответил я, – честно, не знаю. Зачем тогда провели нас к эшелону? Вообще, они могли всех убить. Запросто!

– Это верно. Только нам с тобой о будущем думать полагается! Сейчас так, а как потом обернётся? Тревожно мне, Олег! Может, убери мы их, и все наши беды закончатся? Ты с ними, как я понял, очень

близко сошёлся. Как думаешь, это совсем не люди? Могут от них и нас родиться дети?

– Вот не знаю, – поразился я такому зигзагу начальственной мысли. – А зачем?

– Думаю, что с ними делать. Вдруг, получится ассимилировать? Хорошо бы. Тогда и проблема исчезнет.

В комнату робко заглянул Мухомор, и Артур умолк. Следом за новоиспечённым полицонером, по-хозяйски грохнув дверью, ввалился Пасюков. Ему не терпелось повидаться со мной, аж запыхался, бедняга. А как меня увидел, глотнул воздух, и забыл выдохнуть. Немного успокоившись, начальник ми… то есть, полиции, раскрасневшись лицом, набросился на Мухомора:

– Ты что же, гнида, оружие у него не забрал?!

Полицонер скукожился. Ничего, сам подписался на такую работу – пусть привыкает. Опять же, и польза от отеческого начальственного разноса немалая – в другой раз так не опростоволосится.

– Ты, Юрий, зря не кипятись, – начал успокаивать Пасюкова Асланян. – Олег надёжный парень. Я ему верю. Если ему не верить, кому тогда верить-то?

– Может, раньше он и был надёжным, а потом перестал! Ты же сам подписал ему приговор, значит, бандит он, к тому же вооружённый! Сейчас ты должен верить мне, и, вон, ему. – Пасюков кивнул на Мухомора. – Давай, забери у Олега автомат!

Полицонер неуверенно шагнул ко мне. Дружелюбно улыбаясь, я демонстративно снял оружие с предохранителя. Раньше-то я ни о чём таком и не помышлял, а сейчас руки зачесались. Кажется, напрасно я ломал голову над тем, как лучше вписаться в новую жизнь: спасибо Пасюку, подсказал, гад злопамятный, что, пока он жив, никуда я не впишусь.

– Стойте, стойте! – закричал Асланян, и двинул кулаком по столу. – Хватит, петушиться!

Пасюков замер, и тяжело перевёл дух.

– Ты бы, Артур, это… за языком бы следил. Я понимаю, что не со зла такими словами бросаешься, другие не поймут! А на счёт Олега… не заслужил он моего доверия. Не искупил вины!

– Искупил! – Асланян ещё раз грохнул кулаком по столу. – А твои люди пока не тянут. Сам видишь, не справляются.

– Зато я им доверяю!

– Пасюк, – ласково проговорил я, – Давно хотел тебе сказать, и вот случай выпал: иди ты лесом, сволочь распоследняя. Сам знаешь, нет на мне вины. Оружие не отдам, потому что нет у меня к таким как ты доверия – задёшево продашь! Если так хочется – попробуй забрать. Можешь пристрелить меня, только потом сам ищи дорогу к эшелону. Или тебе не надо? Ржавыми ножами думаешь революционный порядок наводить?

Пасюков фыркнул, показалось, что в его взгляде мелькнуло одобрение. Барачник ненатурально рассмеялся.

– Ладно, – сдал он назад, – погавкались, и успокоились. Нам одно дело делать. А что, может, мы и сработаемся?

– Я то не против, – ответил я с готовностью. – Но мне нужны гарантии. Сомнительно мне, что после того, как я проведу вас к эшелону, останусь живым.

Если подумать, не в том я положении, чтобы грубить Пасюку, но смотрел я на него, а пальцы сами автомат поглаживали. Что, если решить вопрос раз и навсегда? Очередь, ещё одна, и нет революционеров! Показалось – это лучшее, что я могу сделать для Посёлка, но… мы думаем, что смелые, что, когда наступит момент… вот он – этот момент. Дальше-то что? Мысли всякие: ничего, мол, так не решить, этих не будет, другие останутся. И, главная мысль: хорошо, допустим, повезло, допустим, получилось. Тогда, скорее всего, и меня вслед за ними отправят на тот свет! Просто так из Посёлка уйти не дадут. А если сумею улизнуть, то обратно вернуться не получится. И для кого тогда эти подвиги?

Видно, Пасюков почуял мои терзания. Его лицо расплылось в наглой улыбке. Дескать, давай, парень, вот он, твой шанс! А если не можешь, к чему понты? Ну и смотри, ну и лыбься! Сейчас и ты ничего со мной не сделаешь, я тебе нужен. И, желательно, целенький, обласканный и максимально лояльный. А потом… потом ты мне припомнишь, всё припомнишь: и то, что было, и то, чего не было – но мы ещё посмотрим, как масть ляжет.

Поиграли мы с Пасюком в гляделки, тем и кончилось. Война войной, но у каждого в этой войне свои интересы.

Мухомор виновато застыл у двери, оберегает жизнь хозяина. Пасюков, потеснив Асланяна, вальяжно расселся за столом, и стал

задавать мне вопросы. Впрочем, спрашивал недолго.

– Иди отдыхать, герой, – сказал он. – Завтра начнём работу. Думаешь, всё же сработаемся?

* * *

Вышел я на крыльцо, и сам себя поздравил с тем, что не сотворил непоправимого. Жизнь кажется особенно желанной, когда, после наполненного свечным чадом и запахом портянок помещения, снова вдыхаешь ночную свежесть и прохладу.

Я ещё раз попытался услышать лес, и опять тщетно; лишь усилилось ощущение, что меня завернули в колючую, едкую и смрадную вату.

– Ты, Олежка, в ментовку лучше не ходи, – виновато засопел подошедший сзади Мухомор. – Там ваших нет. Теперь мы там живём. К тебе обязательно прицепятся.

– И куда мне?

– В больницу. Твои дружки сейчас там.

Всё равно, где переждать остаток ночи. С утра, едва начнёт светать, уйду; какой смысл жить в доме, в котором хозяйничают крысы? Наверное, и мне тут найдётся местечко, скорее всего, это будет достаточно уютное место, но уютно мне будет лишь до тех пор, пока я нужен Пасюку. Только дело в том, что это и мой дом!

Оружия хватает, и знаю, где взять ещё. Людей бы побольше, тех, кому новые порядки поперёк горла. Найду Терентьева и Захара, тогда и посмотрим.

Так я думал, шагая по безлюдной тихой улице. Донеслись привычные звуки. В бараках пьяные голоса заорали песню, забрехала собака. Это далеко – на поселковых окраинах. А здесь – тихо и безопасно.

Главный вход в больницу раньше всегда был открыт. Теперь – иные времена. Я постучал. Тишина. Я собрался долбануть ногой, но сонный голос из-за двери произнёс:

– Какого чёрта припёрся? Вали отсюда!

– Эй, – ответил я, – сестричка, не гони. Пусти обогреться.

Клацнул засов, из дверного проёма в сырую тьму выплеснулся тёплый свет фонаря. Ольга взвизгнув, повисла у меня на шее.

– Живой, Олежка, – сестра приникла ко мне. – Вернулись! Молодцы!

– Я один, – сказал я, глупо улыбаясь. – Да не лапай ты меня. Грязный я. И мокрый.

Ольга моментально стала обычной – ершистой и насмешливой.

– Да, – поморщилась она, – разит от тебя… Ну, пошли, чего встал?

Нашёлся обмылок и ведро тёплой воды. Я привёл себя в человеческий вид, тут и друзья собрались. На столике появилась нехитрая снедь. Сигареты разошлись на ура. Я махнул полстаканчика за успешное возвращение, да полстаканчика за тех, кто из леса не вернётся, помянул Антона с Лешим. Сначала мне взгрустнулось, а потом я сомлел. Перед товарищами неудобно: хорошо сидим, народ хочет послушать, что скажу, а я голову на руки уронил, дремота одолела. Ольга поняла.

– Завтра наговоримся, – сказала она. – Видите, человек засыпает. Пошли ко мне, братишка.

Поднялись мы в небольшую, захламлённую разными ненужными вещами, каморку на чердаке. Убранство – дырявый, с торчащеим из прорех сеном, матрас на полу. Вместо подушки старый ватник. Я, не разуваясь, бухнулся на это царское ложе. Если честно, спать хотелось не сильно – вполне можно перетерпеть. Был нужен повод, чтобы выбраться из-за стола; пьянка могла затянуться до утра. Что я, друзей-приятелей не знаю?

И врать надоело, а друзьям тем более ни к чему, только за столом от расспросов никуда не денешься. Конечно, в этих парнях я нисколечко не сомневаюсь. Я и в Сашке не сомневался…

Лёжа на матрасе, я спокойно рассказывал единственному человеку, которому полностью, до конца, верил, что со мной произошло.

– Видно, пришли подлые времена, – выслушав меня, сказала Ольга. – Всё наизнанку. Барачники назвали себя ментами, вместо Захара теперь Пасюк! Понимаешь? В милиции – бандиты! Ментов больше, а порядка меньше, потому что такой мент хуже бандюка, он и сам беспредельничает, и дружков барачных покрывает. А те и рады. Обнаглели! Да людей от ментов спасать надо! Такая ерунда, Олег, у нас приключилась. А Сашка, конечно, сволочь.

Ольга махнула рукой.

– Не переживай, – сказал я, – наверное, как-то утрясётся.

Хотя понимал – не утрясётся. Степана утром повесят в назидание тем, кто ещё не осознал, что новый порядок – всерьёз и надолго. То есть, со временем как-то наладится, но до тех пор ещё дожить надо.

– Представляешь, – Ольга невесело улыбнулась, – Пасюк хочет, чтобы мы вкалывали на свинофермах. Мол, теперь начинается другая жизнь, всё будет по справедливости. Говорит – раньше менты кровь народную пили. У новой власти доверия к бывшим нет. Хотите жрать – работайте, и скажите спасибо, что прошлые грехи вам не припомнили. А не хотите – воля ваша, подыхайте с голодухи. Как будто я больше ни на что не гожусь – кроме как за свиньями убирать! А кушать хочется. Ещё немного, и соглашусь подтирать свиные задницы. Такие дела, братишка.

– Неважные у вас дела, – согласился я. – Как хочешь, сестрёнка, а мне в Посёлке делать нечего. Завтра с рассветом только меня и видели. Найду Хозяина с Захаром, и рванём к эшелону. Пойдёшь со мной?

– А смысл? Не велика разница – здесь пропадать, или в лесу.

– Я предложил, а ты решай. А смысл такой, что если мы попадём к эшелону, и с голода не помрём, и Пасюкова, как пить дать, прижучим. По крайней мере, будет у нас шансик. Ещё бы народец собрать, человек десять…

– Это, как раз, не проблема, – сказала Ольга. – С десяток я тебе хоть сейчас приведу, если не врёшь насчёт шансов. Но как мы из Посёлка выберемся?

– Авось получится. Уж в этом Клыков должен помочь. Зря я, что ли, ему патроны обещал? Перед рассветом и выйдём. Слушай, как дела у Кати? У меня для неё подарок.

– У Кати… ты молодец, конечно, что не забыл… знаешь, у Кати хорошо дела, – погрустнела Ольга, а я спохватился, что про сестричку и не вспомнил, хоть бы баночку кофе принёс, свинья такая, хоть бы пакетик чая – не надорвался бы. Я стал рыться в рюкзаке, да, как назло, из той мелочёвки, что тайком набрал в эшелоне, кроме приготовленной для Катюшки шоколадки, остались только сигареты. Что ж, так будет правильно.

Ольга взяла шоколадку, и равнодушно положила в карман, но от меня не скрылось, что глаза у неё засверкали, а в уголках губ промелькнула улыбка. Сестрёнка сказала:

– Спасибо, Олежка. Никогда не пробовала. Может, в детстве, но вкус давно позабыла. А Катю ты не тревожь, устала она. В больнице дел невпроворот. Оно ведь как? Теперь всё по справедливому устроено! Хозяин заботится, чтобы каждому воздавалось по делам его, проверяет, что из этого получится. Вытяжку хмель-дурмана больше не выдают. Если надо – купи, здоровье денег стоит. Нет денег – пусть родственники заплатят. Нет родственников – бери в долг. Отработаешь за Оградой, или в свинарниках – расплатишься. Если не можешь работать – и прока с тебя никакого! Правда, справедливо? Только не спешат люди платить, большинству и расплатиться-то нечем, потому и больница переполнена! Доктора с ног валятся, но чем тут поможешь?

Я сел. Стало тошно и мерзко. Выходит, Сашкины рассуждения – не простое балабольство. Решился Комитет Спасения. Воплотил в жизнь. Такой вот способ борьбы с, якобы, надвигающимся голодом. Можешь заработать на жизнь – живи, можешь купить еду – жуй. Справедливо, не поспоришь. И решает проблему лишних ртов. Никто и не обещал, что реформы понравятся всем.

– Это что же, – спросил я, – и тётя Лена тоже?

– Ты, Олег, за маму не волнуйся. Я за ней присмотрю. Тем, за кого некому заступиться, гораздо хуже.

– Да уж. Какая же дрянь здесь творится!

– Остынь. Сейчас ты ничего не изменишь.

– Не изменю. Хотя, может быть… – я достал из кармана пакетик. Вот они и пригодились. – Такие сейчас в ходу? Отдай, кому надо, пусть купит для людей лекарства. Всем не хватит, но всё же… сделаешь?

Ольга осторожно извлёкла потрёпанную, с расплывшимся по краю рисунком, бумажку. При виде тысчонки она удивлённо присвистнула.

– Я мигом, – сказала она, – Сама займусь. А ты ложись, братишка.

День девятый

Бывает так: хочешь проснуться, а вцепившийся мёртвой хваткой кошмар не отпускает. Долгие мгновения спустя, когда начинаешь осознавать, что сумел выкарабкаться из этого ужаса, приходит облегчение. Так вот: я проснулся, осознал, а облегчения не почувствовал. По правде сказать: лучше кошмар, чем такая реальность – и рад бы ещё раз очнуться, да не получается.

Сначала я ощутил боль в так и не сумевшем отдохнуть теле, потом стал соображать, откуда эта боль пришла. Руки зашарили по полу, но автомата рядом не оказалось. Зато барачников, что столпились вокруг, мои судорожные движения развеселили!

Били не сильно, калечить меня пока не собирались; судя по радостному гоготу, барачники получали удовольствие от самого процесса. Я сделал, пожалуй, единственное, что могло мне хоть как-то помочь в этой ситуации – скрючился и закрыл голову руками.

– Подымайся, раз проснулся, падла, – загундосил мерзкий голос. – Сейчас за дружка моего, Ваську, ответишь!

Я судорожно перевёл дух, и осмотрелся. Сквозь частокол ног столпившихся вокруг меня людей я увидел Рената: лицо разбито в кровь, ссадины на сжатых кулаках. Помощь от него я сейчас вряд ли дождусь – Ренату самому впору «караул!» кричать, потому что один из барачников прижал его к стене, а второй, на случай, если бывший мент вздумает артачиться, тиснул ствол автомата ему в живот. Не давая никому войти в комнату, дверной проём перегородил Мухомор.

Я, кряхтя, поднялся. Скверно, ох, скверно: болят рёбра, побитое тело ноет!

– Боисьси? – спросил Гундосый, он достал из кармана небольшой ножик, тот бабочкой запорхал перед моим лицом, и я невольно отстранился. Я боялся, но не очень: хотели бы убить, обошлись бы без дешёвых понтов. Но покалечить могут, от этого сброда всего можно ожидать. Гундосый легко, без замаха, ткнул мне в губы кулаком. Не удар получился, лёгкая плюха, лишь злости прибавилось, а страх, наоборот, прошёл. Стерплю, но запомню. На тот случай, если выпадет шанс поквитаться.

– Хватит, – сказал худой и длинный, по имени Андрей, а по прозвищу Слега. – Оставь его.

– Ха! – ухмыльнулся Гундосый. – Чего это? Я только начал!

– Асланян калечить не велел.

– Клал я на Асланяна, – барачник ударил ещё раз, теперь сильнее.

– Ты, тварь, удавлю. – зашипела Ольга. Пока Мухомор наблюдал за выкрутасами дружка, она проскользнула в комнату. – Ударь ещё раз, глазёнки выцарапаю!

По ней видно – не пустая это угроза: ощерилась, что волчица, напружинилась, того и гляди, бросится. Не баба – зверь! Обернувшись на голос, Гундосый увидел Ольгу. Его интерес ко мне заметно поубавился.

– Опаньки! – весело сказал он. – Мадамочка! Сейчас я тебя научу, как надо говорить с важными людьми. Вежливо надо, поняла дура-баба?

– Не тронь её, – встрял Мухомор.

– В самом деле, – поддержал Слега, – кончай быковать.

– Ладно, – неожиданно легко сдал назад Гундосый. Он, прищурившись, окинул меня взглядом. – Ботинки скидывай. И куртку. Тогда будем в расчёте. Что скажете, братцы? Это можно, или опять Асланян не велел?

– Это можно, – немного подумав, согласился Слега. – Шмотки ему больше не понадобятся.

Куртка – ерунда, поистрепалась она за эти дни, а ботинки, что на память от Антохи достались, жаль! Скривившись от омерзения натянул я стоптанные и вонючие гундосовы сапоги – дешёвую поделку барачных умельцев: мало того, что неудобные и мокрые, ещё и на ноге болтаются.

По крыше барабанит дождь, слышны приглушённые раскаты грома: похоже, ненастье разошлось не на шутку. Но барачники не стали ждать, когда утихнет ливень, без церемоний выволокли меня из дома. Пока брели, я гадал, что заставило Асланяна так резко поменять ко мне отношение. Мокрого и растерянного, меня доставили в участок, тут я всё понял. Вот он, сюрприз: притулился в уголке, на табурете, и зовётся этот сюрприз Сашкой Зубом. Так уж в последнее время повелось – жизнь выворачивается наизнанку, лишь бы не дать мне заскучать

По всему выходит, что я – самый болванистый болван в Посёлке, а, может, на всём белом свете, и есть. Понадеялся на товарищей, да вот беда: один из них без мозгов, другой, наоборот, шибко умный, а третий и вовсе не в счёт. Что с ними приключилось, неизвестно, а Сашка – вот он: истомленный, мокрый, грязный и громко хлебающий горячий чай. Когда меня впихнули в комнату, он ехидно подмигнул, мол, вон оно как обернулось, я предлагал договориться по-хорошему, ты не захотел, значит, и обижаться тебе не на что. Советовал же Партизан пристрелить Зуба: умные люди плохого не насоветуют, умных надо слушаться.

За одним с Сашкой столом расположились Асланян с Пасюковым, а больше никого, если не считать доставивших меня полицонеров, в комнате не было. Разговор получился короткий – не языками почесать собрались, всё уже решено, надо лишь соблюсти формальности. Оно и лучше, потому как я чувствовал странную неловкость под укоризненным взглядом Асланяна. Смотреть на брезгливо перекривившуюся физиономию Пасюка тоже не хотелось.

Я сидел, разглядывая столешницу, руку обжигала кружка с горячим отваром, а в зубах дымилась сигарета – набитая местным горлодёром самокрутка. С одежды и волос капало, под стулом образовалась небольшая лужица. Асланян почти добродушно пожурил: зачем, мол, так людей подводишь? Мы к тебе со всей душой, подумывали даже наградить, а ты, оказывается, врун! Ай-яй-яй, нехорошо-то как! Спасибо, знающие люди объяснили, что волколаки только в темноте нападают. Значит, не было никаких волколаков?

– Может, и не было, – легко согласился я. – Может, это другие твари. Я тебе не профессор, каждого зверя по имени знать.

– Ладно! – Асланян горестно покачал головой. – Волколаки, не волколаки, всё едино. Хуже, что моего человека обидел! Александр помощь ждал, а ты… эх ты!

– Артур, сам посуди, – заговорил я покаянно, – я даже предположить не мог, что этот душегуб – твой! Одного он ранил, а второго и вовсе убил, вдобавок ещё и броневик сломал. А это ж имущество Посёлка! За такие дела надо бы вздёрнуть бандита на самой высокой берёзе! А мы его судить хотели, чтобы, значит, по закону.

– Ну, хорошо, – ехидно сказал Пасюков, – сюда бы его привёл! Мы бы разобрались, кто чего заслуживает. А ты тайком норовишь.

– Да ну! – изумился я. – Неужели тайком? Первым делом к вам и пришёл. А остальные решили в лесу переждать, потому что испугались. Увидели, что сделал с Сычом этот ваш комитет спасения, и меня вперёд отправили. Чтобы, значит, разузнал, что и как, и можно ли домой возвращаться.

– А что там с этим… Сычом? – поинтересовался Асланян. – Его Терентьев осудил, причём тут мы?

– Ещё скажи, что это Терентьев ему глотку перерезал, и кровью на стене расписался, мол, это сделал ревкаэсп.

– Ничего такого не знаю, – толстые пальцы Асланяна сжались в кулаки, – Твои головорезы самовольничают, а Пасюков?

– Не головорезы, Артур, и не мои. Теперь это наши люди, – не стал отказываться Пасюк. – Может, они, а может, и не они. Может, и вправду, Терентьев? Разобраться бы надо… посылал я ребятишек Хозяина искать, тут скрывать нечего. Но в лесу они не очень ориентируются, быстро вернулись. А если Сыча повстречали, могли в запале перестараться, дело понятное. Расспрошу я их.

– Да уж, расспроси, – сказал Асланян, опустив голову, – много себе позволяют! Я начинаю сомневаться, можно ли таким доверять охрану Посёлка?

– Может, и нельзя, – усмехнулся Пасюков, – но других у меня, понимаешь ли, нету. Зато теперь они при деле. Пусть лучше порядок наводят, чем беспорядки устраивают. Верно?

– Ладно. Мы это потом обсудим, без посторонних. А Олега в подвал, дадим ему время подумать.

* * *

В камере ничего не изменилось; здесь мрачно, сыро и зябко. Но теперь я не один; на шконке, что возле окна, кто-то спит, замотавшись в одеяло. Когда дверь, закрываясь, громыхнула, человек, подхватился и уставился на меня. Он-то привыкшими к полутьме глазами сразу разглядел, кто перед ним.

– Олег? – услышал я голос Степана. – Ну и славно, что живой. Тебя за мной прислали?

– Здравствуй, Степан, – я присел на свободную кровать, тотчас навалилась разбавленная усталостью тоска. – Не за тобой я. Я сам по

себе.

– Понятно, – Степан лёг, и снова замотался в одеяло.

Я безразлично разглядывал стену. Рассвет выкрасил оконце под потолком в тускло-серый цвет, на светлеющем фоне прорисовалась решётка. Порыв ветра швырнул в стекло пригоршню дождевых капель, дохнуло сквозняком. Я стянул мокрую одежду и, укрывшись одеялом, лёг на свободную кровать.

Сначала в камеру ввалились полицонеры: двое встали по углам, ещё один – рядом с дверью, и лишь потом зашёл Пасюков. Клацнули затворы автоматов, ёкнуло в груди, показалось – сейчас превратят нас в дырявые мешки с фаршем. Степан сел и ухмыльнулся:

– Ну, ты, который справа, запамятовал, как тебя кличут.

– А тебе что за дело? – барачник опустил автомат, и стал поправлять сползшую на запястье красную повязку. – Ну, Бульдогом называют, потому что фамилия Булькин.

– Это тебя не по фамилии, это тебя по морде назвали. Короче, шавка, ты поаккуратнее с оружием. На дружков не направляй – оно пальнуть может.

– Рычишь? Ну, рычи, пока живой, – разрешил Пасюков. – Недолго тебе осталось.

– Я-то готов, – Белов, неспешно натянул сапоги. – Пошли, что ли?

– Торопишься? – ухмылка Пасюкова сделалась ещё шире. – А ты не торопись, ещё чуток обожди. Поживи немного, я разрешаю. Не меня благодари, а погоду. На улице ливень, а мне интересно, чтобы все посмотрели, как вас вздёрнут. Новая власть о людях заботится, негоже их выгонять под дождь. Мы ведь не торопимся, правда? И щенку твоему, Олежке, дадим время подумать. А как дождичек стихнет, глядишь, обоих и оприходуем. Представляю, как вы рядышком висите, ножками дрыгаете. Ох, и красотища!

Пасюк гоготнул, и, глядя на него, засмеялись полицонеры.

– Зачем же припёрлись? Ходют, спать мешают, – Степан, швырнув сапоги на пол, вновь закутался в одеяло. – Чего ржёте, уроды? Вы сейчас пришли к смертникам, понимать должны. Нет мозгов, так имейте хоть уважение.

– А не боишься, что мы тебя, за твой гнилой базар, поимеем? – ухмыльнулся Пасюков. – Порадуешь хороших людей напоследок!

– Попробуйте, – ответил Степан. – Смелее. Подходи по одному. Первому глотку порву, а с остальными, как получится. Вы меня знаете!

– Что ты с этой сукой цацкаешься? – спросил один из полицонеров. – Кому этот сморчок теперь нужен? Не о чем с ним базарить. Пошли отсюда.

– Слышишь, Стёпа, как тебя люди называют? – усмехнулся Пасюков. – Сукой, понимаешь, называют, а ты и есть сука! Жил сукой, и сдохнешь сукой! Когда-то мы тебя уважали, а ты наплевал на нас, и под Хозяина лёг. Не сразу тебя раскусили, а через это многие правильные люди жизни лишились. Подставу с бунтом я тебе не прощу! Всё бы простил, но это – никогда! Самого-то совесть не мучает? Получил ты кусочек хозяйского пирожка, и что? Стал счастливее? Бог видит, я дождался справедливости, а ты, считай, уже покойник. Жалеешь, наверное, что Хозяин меня, вместе с другими, тогда не грохнул?

– Тебя? – Степан засмеялся, – да кому ты был нужен? Гавкал, а укусить не мог. Ты и сейчас такой; пыжишься, норовишь побольнее тяпнуть, а не знаешь, как ухватиться. Если хочешь знать, это я присоветовал Хозяину до поры тебя не трогать. Если мужик правильно жизнь понимает, он с таким, как ты не свяжется, а те, кто не разобравшись, пошли за тобой, быстро ноги сделали. Зато разбежавшаяся из лагерей и уцелевшая в лесу шушера вся к тебе и сползлась. Надо было её прихлопнуть, да кровавое время закончилось. Может, и стоило тебя урыть по-тихому, но Хозяин запретил, сказал, что нельзя строить жизнь на беспределе. Велим людям закон соблюдать, значит, и сами должны. А законно к тебе, крыса ты подвальная, подступиться не получилось. Осторожный ты, по-крупному не палился, всё чужими руками норовил сделать. Подставлять других мастак, а сам так и помрёшь чистеньким.

– Все когда-нибудь помрут, – сказал Пасюков, – только, по всему получается, что я перед этим напьюсь на твоих поминках.

– Напейся-напейся. Можешь и меня порадовать, упиться до смерти. Я нормально пожил, чего мне переживать? Говоришь, в крови я испачкался? Даже ты не представляешь, сколько на мне крови, замаран по самую макушку. И, знаешь, совесть не мучает. Если б не я, другому бы пришлось, иначе бы вы всё тут в крысятник превратили.

– Понятно, – брезгливо сказал Пасюк. – Теперь под идейного косишь? Не корысти ради, а светлого будущего для… тем более, не о чем с тобой говорить; ты – враг новой власти, значит, будешь уничтожен. А Олежке, может, и дам шанс. Убийц, конечно, жалеть не стоит. Завалил невинных людей, по любым законам, и вашим, и нашим, ему виселица полагается. Но, с другой стороны, революции он не враг. Оступился, бывает! Сильная власть должна уметь прощать. Может, дать ему возможность исправиться, доказать преданность ревкому? Не знаю, как быть? Жизнь – штука сложная, да, Олег?

– Что ты ко мне прицепился-то?! – до этого я потерянно слушал перепалку, до меня медленно доходило, что они собрались и меня того… на виселицу. Меня! Олега Первова вздёрнуть при всём честном народе! Молчал я, молчал, а тут прорвало: – Получается, я зря ходил в лес?! Как ещё доказывать?!

– Не ори, – одёрнул меня Пасюков, – Не поможет. В лес тебя не я послал. Сходил, прогулялся, и ладно, а мне с того, какой прок? И без тебя найдётся знающий дорогу человек. Ты, вроде, и ни к чему.

– Олег, не спорь, бесполезно, – сказал Степан. – Он всё решил.

– Вот, – Пасюков назидательно поднял вверх указательный палец, – послушай бывалого человека. Он тебе объяснит, что к чему в этой жизни. От тебя теперь ничего не зависит, вот и не разевай пасть на тех, кто будет решать. Понял?! Ну, ладно, господа, отдыхайте. Вечерком увидимся, тогда уж и попрощаемся.

– Гад. Покоя от него нет, – проворчал Степан, когда за Пасюковым и его шавками закрылась дверь. – По три раза в день приходит, нудит и нудит, нудит и нудит – все мозги вынес! лучше бы дал пожрать. Эти революцьонеры так увлеклись своей революцией, что, иной раз и покормить забывают!

Степан угадал, мы остались без завтрака. Вспомнили о нас ближе к обеду. К тому времени я рассказал о походе к эшелону и о том, как меня угораздило попасть в тюремную камеру. Мы лежали, каждый на своей кровати, говорить не хотелось, да и не о чем было говорить.

А потом Сашка Зуб принёс котелок с тушёным мясом и картошкой. Белов обжигаясь и шипя, запихал картофелину в рот. Есть не хотелось. Какая еда? От запаха пищи едва не выворачивает наизнанку. Я заставил себя сжевать показавшийся невкусным и жилистым кусок свинины.

– Знаешь, Стёпа, – начал Зуб, – Как-то неправильно получается.

– А мы и не заметили! – прошамкал Белов набитым ртом. – Менты сидят в тюряге, а пасюки их стерегут. Сам-то ты кто? Ещё мент, или уже окрысился?

– Да не о том я, – раздражённо прервал его Сашка. – Я про тебя говорю. Ты всегда чуял, на чьей стороне сила. Так почему сейчас не с нами?

– Понимаешь, Саша, – ответил Степан. – В этот раз меня забыли спросить, сразу во враги записали. Кстати, с вами мне, в любом случае, не по пути. Я с Пасюком и не присяду на одном поле.

– При чём здесь Пасюк? – вскинулся Сашка, – я говорю про Асланяна.

– Асланян? – удивился Белов. – А при чём здесь Асланян? Мне показалось, у тебя с Пасюком дела.

– Этот нам помогает, и только! Не в нём дело, и не во мне, и вообще ни в ком! Надо было что-то делать, и Асланян сделал! Но Асланян один не справится, ему помощь нужна. Понимаешь?

– А я причём? – усмехнулся Степан, – Если бы он сразу попросил, было бы, что обсуждать, а теперь самому бы кто помог.

– Асланян велел передать, что любой вопрос можно попытаться решить, – зашептал Зуб, – Если бы ты согласился работать с ним, как раньше с Терентьевым…

– Хочешь подсунуть зряшную надежду? – ухмыльнулся Степан. – Спорим, кишка тонка у Асланяна решать такие вопросы? Куда ему супротив Пасюкова? Допустим, отмазать меня у вас получилось, что дальше-то? Хочешь, угадаю? В благодарность я должен буду завалить Пасюка? Понял Артурчик, что это не он использовал Пасюкова, это Пасюков им попользовался? Или это ты засуетился? Видать, расстроился, когда узнал, как высоко взлетел Пасюк, пока ты шкурой за-ради Артура рисковал? Сам, что ли, на эту должностишку облизывался? Мне-то без разницы, это твоя проблема, и, думается, не самая большая. Даже Пасюков теперь не очень большая проблема. А то, что Асланян вооружил барачников, и вовсе не проблема, это – беда! Сейчас Пасюк держит их в узде, а вам всё равно страшно. Подумай, что случится, если Пасюка не станет! На Клыкова надеешься? И мы с Хозяином надеялись. Тот мог бы в два счёта со всей этой швалью разобраться, а заодно и вас, революцьонеров, к стенке поставить,

раньше бы за ним не заржавело, а сейчас что-то не торопится. Только вы Клыкова всё равно берегите, больше вам надеяться не на кого; вы и живёте-то сейчас лишь потому, что у его парней есть оружие. Боится его Пасюк, пока ещё боится. А на меня особо не рассчитывайте. Не спасёт Асланян от виселицы, ему б о себе позаботиться.

– В чём-то мы просчитались, – согласился Сашка. – Ты в жизни всякое повидал, знаешь, что без ошибок в больших делах не обходится. Сам-то я Терентьева уважаю, много чего сделал человек. И плохого немало, но хорошего больше, гораздо больше. Но сейчас надо бы по-другому, потому как совсем неважные дела в Посёлке.

– Что-то я не заметил, – сказал Степан. – То ли ослеп на старости лет, то ли поглупел. После катастрофы, помню, было голодно. Ватаги беспредельные - это да, насилу отбились. Когда твари со всех сторон на Посёлок двинулись, тоже пришлось несладко. А сейчас-то что? Кто-то бедствует, картофельными очистками да водичкой перебивается? Нет, и не предвидится такого. Трудно, да, но не так, чтобы очень.

– Не верю, что ты не понимаешь! Дело не только в еде, скоро будем голыми ходить! – загорячился Сашка. – И металл заканчивается, и новую одежду шить не из чего. Хорошо, что вопрос с оружием решился!

– И другие вопросы надо решать! Если Артур придумал, где взять железо и тряпки, рассказал бы Хозяину, вместо того, чтобы подбивать барачников на бузу.

– Асланян не знает, где взять, зато он знает, что сейчас не время рассуждать о том, как организовать хорошую жизнь для всех. Бояться кого-нибудь обделить, когда мы все на грани гибели, это и есть верх лицемерия. И рад бы Асланян каждому отгрузить столько добра и счастья, сколько человеку надобно, да не знает, где найти его, это ваше дармовое счастье. Он говорит, что если кто-то кричит о счастье и справедливости для всех, его в первую очередь волнует счастье и справедливость для себя любимого, а остальным – что останется. А ещё он говорит, что справедливо, это не когда поровну, а когда по заслугам.

– О как! Это он правильно говорит: когда по заслугам, это хорошо, и… да… справедливо, кто же спорит? – задумчиво сказал Белов. – И что, теперь начнём заслугами меряться? Как же ты определишь, сколько и чего заслужил, к примеру, я?

– При чём здесь ты? Не о тебе речь! Смотри шире! Вон их сколько, ни на что не годных. Жить без вытяжки хмель-дурмана не могут. Нет, я не против, если такой вкалывает наравне со всеми. Так эти и не работают, мол, больные мы, пожалейте, дайте дозу! Если от такого нет пользы, одни затраты на него – зачем он нужен? Живёт, как плесень, и какой с него прок?

– Если как плесень, – сказал Белов, – то, вроде, и не нужен, только, посмотришь с другой стороны, и вреда особого от него нет. Плесень, она может пригодиться, из неё, знаешь ли, лекарство делают. Пусть живёт, сколько сможет, жалко, что ли?

– Пусть живёт, – согласился Зуб, – если всего навалом, и для него найдётся кусочек! А если таких появилось сверх всякой меры? Всем не хватает, а Хозяин продолжает делить поровну! Барачники вкалывают, а паёк у них, как у стариков, да хворых, на которых Терентьев хмель-дурман переводит. Это и есть первостатейное вредительство! Может, сначала обеспечить тех, от кого и другим польза? Ничего не надо выдумывать, всё давно выдумано: заработал на лекарство – живи, а не смог – извини! В природе так и устроено – естественный отбор, слыхали? Если нет, расспросите прохвессора! Он эти дела Олегу внятно растолковывал, а терентьевская уравниловка в нашей ситуации – не лучший вариант.

– Что ты к Терентьеву прицепился? Какая, к чертям, уравниловка? – сказал Белов. – Тебе ли, получавшему ментовский паёк о ней говорить? Сами замутили, а Терентьев виноват? Его вина, что двадцать лет с нами воюет весь мир, а мы живы, и собираемся жить дальше? Он виноват, что минимальный паёк обеспечен каждому? Голодать не будешь, а хочешь есть лучше других – кто мешает подзаработать? Только меру знай, у своих кусок не тяни, и Посёлок не обкрадывай. Собираешься дом срубить – администрация и с материалами поможет, и строителей выделит. Людей лечим, детей воспитываем, дружина защищает от тварей, менты – от бандитов. Привыкли, считают, что так и должно быть, а какие усилия прилагаются, чтобы им сносную жизнь обеспечить – о том и не думают. Благодарности от людей не дождёшься, так мы это делали не ради благодарности – не мешают, и за то спасибо! А они вон как: смутные времена – и все по хатам, авось пронесёт, как-то утрясётся. Дружинникам Хозяин лучшие куски отдавал, а те не впряглись. Значит, так вам всем и надо! Поживёте с

этим вашим естественным отбором, нажрётесь его по самое горло, тогда Терентьева и вспомните! Допустим, всё у Асланяна получилось, сумел он уберечься от Пасюкова, нет в Посёлке лишних ртов, кто остался, те счастливы. А через двадцать лет всё повторится, потому что это вы с Асланяном сделаетесь плесенью. Куча больных и старых дармоедов. Молодых-то поменьше будет, и они не смогут вас содержать. Тогда вам скажут: «извините, ничего личного, но будет неплохо, если все вы сдохнете, потому что кормить старую плесень нет возможности». Такой он, этот ваш естественный отбор.

– Зато у молодых появится хотя бы шанс прожить эти двадцать лет.

– Понятно. Тоже позиция, уважаю! Но ты мне объясни: допустим, избавится Асланян от лишних ртов, появятся излишки, и как вы их используете? Отдадите молодым, у которых, как ты говоришь, мы с Терентьевым отнимаем шанс выжить? Нет, у вас честный естественный отбор, а, значит, всё достанется новой пасюковской элите, потому как для того она в это веселье и впряглась. Остальным либо крохи, либо ничего, а таким, как профессор, рассказавший вам про этот самый естественный отбор, ежели он не собирается делаться плесенью, придётся искать другое занятие, потому что пасюки знают об этом отборе лучше самого профессора – они занимаются им на практике. А чтобы такие, как профессор не возмущались, им объяснят, что это временные трудности, необходимо терпеть и не вякать. Им разложат, что дерьмо, в которое их окунули и есть пресловутая справедливость, что те, кто живёт лучше – достойные, а те, кто плохо, сами виноваты, потому что не приспособились, не умеют работать, и вообще плесень. Кому она интересна? Её только вывести тяжело, а появляется она сама.

– Кстати, насчёт Архипа, что ты с ним сделал? – поинтересовался я.

Сашка, озадаченный переменой темы, спросил:

– Я должен был с ним что-то сделать?

– Из Ударника ты как-то сбежал.

– А-а, вон ты про что! - ответил Сашка. – Надеюсь, ничего с ними не случилось. Объегорил я профессора, как дешёвого фраера: тот сам развязал мне ноги, чтобы я по нужде сходил. Партизан отключился, Савка поленился выходить под дождь, некому было Архипу мозги

вправить. Каюсь, немного перестарался, когда засветил ему в нос коленом, только не было возможности удар рассчитать, как вышло, так и звезданул. Вы бы видели, как этот чудик с меня штаны снимал, помогал, значит, облегчиться, потому что у меня со связанными руками не получалось. Он уже шевелиться начал, когда я побежал, очухается. Ух, я и натерпелся: в ночном лесу без штанов, да без рук. Почти пропал, но под утро сумел выйти к Посёлку. Вы бы посмотрели на лица дружинников, когда я в таком виде появился. Они меня, с подачи Олега, уже похоронили…

Степан, услышав рассказ, улыбнулся:

– Точно. В этом весь профессор! Только языком чесать про всякие отборы, а на деле – хуже малого дитяти. Нельзя умников без пригляда оставлять! В общем, так, Саша, не убедил ты меня. Да ты не меня, ты себя убеждаешь, потому, как до конца не веришь в то, что делаешь. А твой Асланян, по всему выходит – идейный дурак. Такие, конечно, годятся для того, чтобы разрушить то, что было выстроено до них и без них, а потом на руины приходят крысы. Знаешь, крысы, дорвавшиеся до власти, могут построить лишь крысятник, а вытравить их дело не быстрое, и, скорее всего, кровавое. Если Асланян всё же отмажет нас с Олегом от петли, я буду ему помогать. Не из-за какой-то благодарности, и, упаси Боже, не из-за его дурацких идей, а потому, что даже Асланян лучше, чем полный крысячий беспредел. А сейчас уйди. Появятся важные новости, заходи, а с революционной агитацией лучше не надо, хорошо? И без тебя у нас с Олегом денёк обещает быть тяжёлым.

Когда за Сашкой, хлопнув, притворилась дверь, и, царапнув по нервам, визгливо проскрежетал засов, навалилась тоска. И раньше было не до веселья, а тут накрыло с головой. Не совсем я тёмный, читал, что когда-то люди за свои убеждения готовы были и в огонь, и на плаху, и из окопа в полный рост. Моё им всем уважение, только сомневаюсь, что у меня так получится. Вот какое дело: я всегда просто жил, и этого мне было достаточно. Легко понять: кто друг, тот и хороший, а кто пытается обидеть меня или моих друзей, те, стало быть, плохие. Вот и всё, что я могу сказать о своих убеждениях. Стоит ли ради такой ерунды на плаху-то?

А ещё мне только что попытались объяснить, что те, кого я считаю плохими, на самом деле тоже хорошие. Во всяком случае, не

такие уж и плохие, потому что не для себя они стараются, а для Посёлка. У меня не хватает опыта, чтобы судить, правы они или нет, и я даже готов осторожно согласиться, что – если посмотреть на это под определённым углом! – где-то и в чём-то правы,Тогда, выходит, это я ошибся?

Получается, всё зависит от точки зрения, только моя точка зрения несовместима с пасюковской! То есть, я готов договариваться, а они – едва ли! Значит пасюковская точка зрения в итоге победит. По идее, об этом не стоит переживать, потому что до того момента я не доживу – а, поди ж ты, переживаю, да ещё как!

Не даёт окончательно расклеиться, ещё одна мысль: а вдруг доживу? Зачем я Пасюкову мёртвый? Ни зачем. Хотя и живой тоже, вроде, ни к чему. Но барачник сам говорил, что есть для меня варианты. Опять же, и Сашка что-то такое Степану посулил. Хочется верить, что не всё сегодня для меня закончится. Пусть я для Пасюка лох, а для его дружков, и того хуже – мент-беспредельщик, замочивший корешей. Потому, если мне разрешат пожить, жизнь эта будет трудной, и, скорее всего, недолгой. Но всё же…

А жить хочется не просто так, хотя и просто так тоже хочется. Но теперь я нашёл причину, чтобы ни в коем случае не умирать, потому что у меня вдруг появилась цель. Сейчас объясню: старый-престарый дядя Дима выглядит здоровее наших сорокалетних мужиков. У него многочисленное потомство, а мысль о том, что это лишние рты даже не приходит ему в голову – Мир большой, еды и места хватает всем! А если всем, может, и для нас отыщется маленький уголок? Чужаки отлично чувствуют себя в лесу, никто их не пытается истребить. Наверное, и мы так сумеем! Пусть, не совсем так, пусть по-другому, нужно лишь придумать – как, и тогда всё, что говорил Сашка, больше не будет иметь значения. Кому придумывать, как не мне, с моими новыми знаниями и умениями? А времени на придумывание и нет. Значит, я должен выжить, должен выжить, должен…

Я беспокойно метался по камере. Пять шагов в одну сторону – стена, пять шагов в другую – стена.

– Сашка же нормальный мужик… раньше был, – не выдержав, начал я. – Степан, почему он так сделал? Видно же, сомневается он…

– Ты его пожалел, что ли? А ты не жалей, – ответил кум. – Чего их, сволочей жалеть! Тем более – идейных сволочей. Эти на всё

готовы: мол, чтобы другие жили счастливо, кому-то надо в крови перепачкаться. Знаю таких психов, сам такой.

Пять шагов в одну сторону, пять в другую…

– Степан, ты не из подлости, ты ради Посёлка, это же – другое.

– Другое, говоришь? Наверное, другое. Только бывало, особо поначалу, такая жуть разбирала – хоть вены грызи. Я этих приступов пуще смерти боялся, думал, свихнусь, а потом привык, даже во вкус вошёл. Когда тебя уважают, по крайней мере, опасаются, это, я скажу, многого стоит. Это затягивает. А Посёлок двадцать лет продержался, значит, всё правильно мы с Терентьевым делали. Сейчас начнут болтать про нас всякое, но это для того, чтобы заморочить поселянам головы, от себя людское недовольство отвести, и на других вину переложить. Люди-то со временем разберутся, думаю, что разберутся.

Наверное, Степан знает, о чём говорит. Хорошо ли, плохо ли, он достаточно пожил, и эту самую жизнь со всех сторон разглядел. Только мне от его слов не полегчало, наоборот…

– Ты сам-то как в Посёлке оказался? – спросил я, отмерив очередные пять шагов. – За что сидел?

– Зачем тебе? – усмехнулся Степан, – хотя, и скрывать тут нечего. Гада одного замочил. До сих пор жалею, что нельзя ту сволочь оживить, а потом снова медленно удавить. Мало для некоторых одной смерти-то… Я сам к ментам явился. С повинной пришёл, так сказать. Не потому, что совесть заела, просто знал – всё равно поймают. Значит, отмотал я больше половины, стал задумываться о том, как пойду на свободу с чистой совестью. Тут оно и случилось, начался беспредел – испугались все, и озверели. Если бы не Терентьев, всё бы и кончилось! Объяснил мне Хозяин, что хороших людей обижать не позволит, если нужно, не побоится и кровь пустить, не свою, зэковскую. Благо, теперь он – самая главная власть в Посёлке, а, может, и на всём белом свете. На Земле больше не перед кем отчитываться, а насчёт Бога возникли сильные сомнения… но, конечно, заключённых убивать не дело – тоже люди. Этот вариант остаётся на крайний случай. А чтобы такой случай не наступил, нужно всего-то заткнуть десяток человек. На самом деле, особых проблем не возникло, на зонах тоже люди, они, как и все, просто хотели жить. Баламутов было совсем немного. Кого-то я сумел убедить, а от кого-то пришлось избавиться. Нет, избавиться – не обязательно убивать, тут по-разному можно. Как это сделать,

Терентьев предоставил решать мне, а со своей стороны, обещал не сильно интересоваться тем, как я это сделаю. Поработал я неплохо, даже на бунт народ подбил, вот и появился у Хозяина повод выставить из Посёлка самых несговорчивых. Хорошо получилось… А когда я в открытую к Терентьеву перебежал, прежние дружки всё про меня поняли. Не простили они – такое не прощают. Двадцать лет я ждал заточку под лопатку, потому что, как ни поверни, получается, что я сука и тварь распоследняя. Только ручонки у пасюков оказались коротки, чтобы до Белова дотянуться. Но теперь уже всё… теперь достали.

Степан замотался в одеяло с головой. А я продолжал ходить от стены к стене.

Пять шагов в одну сторону, пять в другую…

– Слушай, не маячь, – сказал Степан. Я прилёг на кровать. В ушах – будто колокол звенел, этот гул разогнал все мысли. Я пустой, меня выжали, высушили и выбросили. Сил нет, а лежать не могу, движение хоть немного скрадывает беспокойство и прогоняет озноб. На какое-то время я перестал воспринимать происходящее: после бессонных ночей одолела чёрная дрёма, и взбудораженный разум отключился. Только что я шагал от стены к стене, и вдруг оказалось, что приблизился вечер. Меж двумя этими точками во времени – пустота. Голову заполнила свинцовая тяжесть, озноб измучил тело, а во рту сделалось горько и сухо. Я встал и на ослабших ногах подошёл к двери.

– Дайте воды, – попросил я.

– Потерпишь, не помрёшь, – тут же откликнулись на просьбу, а потом раздался довольный гогот. Когда отсмеялись, сообщили: – Недолго тебе мучаться. Дождик, вроде, кончился. Значит, сейчас народ соберётся, тогда и пойдём.

– Это хорошо, – сказал Степан. – Устал ждать.

Я заколотил в дверь, ответа не последовало, и я вернулся на кровать. От окна сквозило, я, натянул так и не высохшую куртку, а поверх неё намотал одеяло. Дверь немного приоткрылась, в щель просунулась рука с кружкой воды.

– Эй, – позвал Мухомор, – если кто у двери, пусть отойдёт. Дурить не будете? Тогда я вас табачком угощу.

– Это по-людски, – обрадовался Степан. – Этого я не забуду. Ты, Михаил, доброе дело затеял. Заходи, не съедим.

– Эй, Мухомор, с ума сошёл, табак на жмуров переводишь? – раздался тот же голос.

– Тебе то что, Солёный? – огрызнулся Мухомор. – Не твоё отдаю, а своё. А со своим что хочу, то и делаю.

– Ну-ну. Ты, значит, добренький, а мы – дерьмецо? Посмотрим, что скажет Пасюк.

– Беги, стучи. Только не придумано закона, чтобы людей перед смертью мучить. Полагается им воду попить, да табачок покурить, вот и пусть.

И Мухомор зашёл в камеру.

– Трубка у меня одна. Я уж вам её раскурил, а вы сами решите, кто первый будет дымить, да пошустрее давайте, – барачник всё оставил на полу возле двери. – Ну, как накуритесь, постучите.

Я жадно схватил кружку, вода оказалась противная и тёплая. Может, из-за горечи во рту почудилось, что у неё гнилой привкус. Сделав несколько больших глотков, я передал кружку Степану. А тот дымил трубкой. Пусть курит, я пока не хочу. А водички бы ещё попил…

– И подумать не мог, – Степан выдохнул клуб дыма, у меня запершило в горле, и я тут же закашлялся, – что когда-нибудь понравится курить нашу махру – та ещё дрянь. А вот, поди ж ты, как хорошо!

Я опять уселся на кровати, закутав себя одеялом. Несколько дней назад точно так же… кстати…

Я сунул руку под матрас, там пусто. Неужели, кто-то нашёл? Постель на пол…

– Клопов решил погонять? – съехидничал Степан.

Вот! Куда засунул, там и лежит, меня дожидается. Заляпанное бурым лезвие застряло меж кроватных пружин, к рукоятке присохла грязь.

– Может, пригодится? – спросил я.

Кум выхватил нож, а вместо него всучил мне трубку.

– Смешно, – задумчиво наморщив лоб, сказал Степан. – Я сам этот нож сделал.

– Ты же мне и подарил, – ответил я. – Не помнишь, что ли? Если бы не он, может, и не отбился бы я от пасюков.

– Видишь, разок тебя подарок выручил, значит, счастливый он. Авось, опять сгодится. Как думаешь, перед тем, как поведут на площадь, нас обыщут?

– Обязательно, – уверенно сказал я. – Раз полагается, значит, непременно.

– Кто знает, как у новой власти полагается. Я вот думаю… – Степан вогнал нож меж половиц, начал гнуть в одну сторону, потом в другую. Сталь для приличия посопротивлялась, и, звонко щёлкнув, лезвие переломилось в сантиметре от рукоятки. – Неудачная, видать, поделка. Ты не сильно расстраивайся, ладно? От ножа в нашем положении мало пользы, а лезвие – дело тонкое. Хоть в сапоге можно спрятать, а хоть и в рукаве. Эти дурни и не догадаются. Хорошо бы руки верёвкой скрутили, глядишь, и удастся тихонько перепилить. Тогда и попутчик нам с тобой найдётся. Я бы, ради старой дружбы, помог Асланяну, Пасюка бы с собой прихватил…

Говоря это, Степан приспосабливал лезвие. Он тряс рукой, и кусочек остро заточенной стали выпадал из рукава. После десятка неудачных попыток, Белов сдался.

– Не выходит, – сказал он. – Да не сильно и рассчитывал. Придётся в сапог положить. Ладно, как получится, так и получится. А ты чего замер? Прячь рукоятку, да застилай кровать. А то подумают чего…

За нами пришли. Коренастый и красномордый Помидор сопел, лицо у него лоснилось то ли от пота, то ли от дождевых капель, он ежеминутно утирался рукавом. Худой и бледный Слега деловито и тщательно обыскал нас, заставил разуться, но лезть в чужие сапоги побрезговал.

– Готовьтесь, – сказал он, и пристегнул Белова наручниками к спинке кровати.

Посмотрел я на барачников: Помидор заметно волнуется, хоть и пытается казаться молодцом, только взгляд его трусливо убегает в сторону; Слега, вроде бы, жалеет нас, но чувствуется – будет нужно, пристрелит не задумываясь. Чего скрывать – тут меняи накрыло: до дрожи в коленях, до ударов пульса в висках. Ясно так представил, как иду я по улицам Посёлка, на площади собрались друзья и просто знакомые. Петля на шею, последняя сигаретка, если дадут, и счастливого пути! Степану почти без разницы, для него всё решено,

смирился он, даже облегчение на лице промелькнуло. Но я-то помирать не хочу! Нельзя мне!

Усадили меня на кровать рядом с Беловым, пристегнули к другой спинке, и зашёл Пасюк. Показалось, что дышит он тяжело, нет радости в свинячьих глазках. Зато там есть неуверенность. Чуешь, тварь, что скользкое дело затеял? Как люди отреагируют – неизвестно, а назад не отыграешь – свои не поймут. Почувствовал я, боится Пасюков, но жизнь научила его прятать страх даже от самого себя. Я так не мог.

Смотрел на меня Пасюк, и всё понимал. От того ему становилось спокойнее; вот уже появилась чуть заметная ухмылка.

– Побреетесь, или вам без разницы? – милостиво спросил он, когда я опустил глаза.

Степан поскрёб ногтями не пристёгнутой к кровати руки заросший седой щетиной подбородок и сказал:

– Так сойдёт.

– Дело ваше. Готовы? Я народец собрал. Не задерживайтесь, а то снова дождь пойдёт! Тут к вам поп заявился. Позвать, или вам и это без надобности?

– Отчего же, позови, – разрешил Степан, – кто знает, как на том свете дело повернётся.

– Давайте сюда попа! – крикнул Пасюк за дверь. Отец Алексей, словно того и ждал, быстро вошёл в камеру. – Ну что, святой ты наш. Не боишься остаться наедине с душегубами? Может, посторожить?

– Уйдите вон, – тихо сказал отец Алексей.

– Как знаешь, если что, зови. Мои люди за дверью. А я, пожалуй, на площадь сбегаю. Надо бы проверить, – Пасюк ушёл, за ним, оставив дверь приоткрытой, потащились барачники.

– Что, парни, будем исповедоваться? – спросил отец Алексей. – Души, наверное, хотите облегчить?

– Не, – отказался Степан. – Если нет во мне Бога, так на кой я за ним к тебе попрусь?

– А ты, э-э, сын мой? – обратился поп ко мне.

Я помотал головой.

– Ладно, воля ваша. Отпускаю вам грехи, и всё такое… об одном прошу, как приведут на площадь, бузу не поднимайте! Себя вы не спасёте, а людей взбудоражите. Люди сейчас нервные, могут волнения начаться, кровь польётся. Вам надо? И никому не надо! Так вот,

Пасюков обещал – будете себя хорошо вести, помрёте быстро. Ты знаешь, Стёпа, умереть достойно в твоём положении – тоже большое дело. Конечно, если хотите помучаться, и на то воля ваша. Но Пасюков своим автоматы дал, а у дружинников оружие отнял. Думай, Степан, а, главное, оцени ситуацию верно: ты всегда старался, чтобы людям было хорошо. Не каждому по отдельности, а так, чтобы всем вместе. Что у тебя получалось – другой вопрос, но ты старался. Бог видит, он зачтёт. А ты сделай хорошее дело и в последний раз; умри спокойно. Не надо больше крови. А я за вас помолюсь.

– Зачем нам твои молитвы? – покачал головой Степан. – И Бог, который про нас забыл, мне не нужен. Я в него давно не верю.

– Я тоже, – неожиданно сказал отец Алексей. – Разуверился, а снова поверить не смог, как ни старался. Люди больше не нужны Богу, а Бог ещё кому-то нужен. Вот я и даю его. Работа, не хуже других, на жизнь хватает. Но я всё равно за вас помолюсь. Авось, пригодится.

* * *

– Белов, ну-ка, руки за спину, и на выход.

Щёлкнули, стянув куму руки, наручники. Тот подмигнул – не дрейфь, мол, парень – и вышел. Я, будто в прорубь ухнул, душа скукожилась и заледенела. Думал, я подготовился, случалось и мне выводить людей из этой камеры, знал, как это происходит. Ни черта я не знал! К тому, что это будет настолько буднично – руки за спину, и марш помирать! – наверное, не подготовишься. Возможно, меня ожидает самое важное событие в жизни, а этим вокруг, наплевать; у них свои проблемы. Останется лес, останется Посёлок, друзья и враги тоже останутся, а меня не будет. Не то, чтобы страшно, а, как-то… неправильно.

Если неправильно, значит, и не должно этого случиться! Мало ли, чего им захотелось, а без приговора вешать не положено! Ни при какой власти. А приговора-то и не было! Меня даже не судили, допросили для порядка, и всё! Сейчас захлопнется дверь, клацнет замок, а я буду, заглушая движением страх, метаться по камере. Пять шагов в одну сторону, разворот, и пять в другую. А потом всю жизнь, сколько её ни останется, я буду стараться этот страх забыть. Пусть так, я согласен!

Тяжко заскрипели половицы. Донёсся звук удаляющихся шагов. Точно, уходят! Облегчение, от которого, почему-то, стыдно, и хочется сходить в туалет.

– Руки за спину, Первов, и не вздумай дурить! – громко сказал Мухомор, а когда он сковывал мне запястья, прошептал: – Ты, Олежка, на меня не обижайся. Так-то ты нормальный, просто жизнь злая, – и, громче: – Выходи, чего мешкаешь? – И совсем громко: – Иди, иди, не задерживайся!

Я поковылял; ноги ватные, раздолбанные сапоги шаркают по полу, а низ живота скрутил болезненный спазм. У тех, кого выводил из камеры я, была надежда. Только сейчас до меня дошло, как это для них было важно – надеяться! Вдруг, отменят приговор, вынут из петли и отправят в лес? Эта надежда жила до конца и умирала в агонии вместе с телом. Как много я сейчас отдал бы за возможность надеяться!

Спрятаться бы, зарыться в землю, как делают личинки жуков, переждать. Смотреть на пасюковские рожи противно; я уставился в пол, на кляксы раздавленных мокриц и ошмётки грязи.

– Пошёл! – толкнули меня в спину. Чтобы не упасть, я сделал несколько быстрых шагов к лестнице. Ноги всё же заплелись, и я больно ударился коленями о ступени.

– Не дури. Шевели мослами, – прогундосили над ухом, и грубая рука, ухватив меня за воротник, рывком поставила на ноги, – не то хуже будет!

Куда уж хуже…

Побрел я к выходу. Лестница. Комната. Стол, на нём – объедки. Крыльцо. Ветер. Серое небо. Вокруг Степана – четверо с автоматами.

Оказался я рядом с кумом, опустил голову, дышать тяжело, влажный воздух с трудом пролезает сквозь стиснутые зубы. Попытался я унять дрожь и тошноту. Не очень-то получилось.

– Ну что, готовы? – спросил Слега. – Сами пойдёте, или тащить придётся?

– Дорогу знаем, – ответил Степан. – Я по ней мильон таких гадёнышей, как ты, провёл.

Мы кое-как, спешить-то некуда, поплелись по лужам, по грязи.

– Двигайся, падлы! – загундосили сзади. – Люди ждут!

Услышав окрик, я невольно прибавил шаг, а Степан, наоборот, остановился. Уткнувшись в его спину, затормозил и я.

– Что за сявка лает? – ехидно протянул Степан. Ему бы о скорой смерти побеспокоиться, а он барачников дразнит, и, кажется, получает

от этого удовольствие. Мне бы так уметь! А кум продолжил: – Пасть захлопни, гнусь, и без разрешения не тявкай!

– Как ты меня назвал, сука? – взвился Гундосый. Короткий замах, и приклад автомата впечатался Белову в плечо. Степан под гогот полицонеров опрокинулся в грязную жижу. Поднялся он медленно и неулюже; руки-то скованы. С волос на лицо жидкими разводами стекала серая вода, с мокрой одежды капало.

– Молись, гадёныш, – прошипел Белов, надвигаясь на Гундосого. – Я запомню, расквитаемся!

И так это уверенно было сказано, что я поверил – с того света вернётся и припомнит! Барачник попятился, и я, несмотря на то, что в голове не осталось места ни для чего, кроме собственного страха, догадался – они тоже боятся, даже сейчас боятся. Кума скоро не будет, а ужас, который он нагонял на этих людей, останется. За двадцать лет их мозги пропитались этим ужасом. Понял я это, и сразу полегчало: пусть они трясутся, а мне-то теперь какой смысл?

Но таким, как Гундосый, нет большего позора, чем потерять лицо перед корешами. Накрутил он себя, и попёр на Степана. Когда раздалась визгливая брань, стало понятно – сейчас опять ударит. Не дело – бить человека, который не может ответить. Смотреть на это никакого терпения не хватит, у меня и не хватило – много претензий к Гундосому накопилось, а тут случай подвернулся, наверное, последний случай в жизни, хоть немного поквитаться с этим подонком. Зря пасюк повернулся ко мне спиной; как тут удержаться? Пнул я от души, силы, какие остались, в пинок вложил. Сапог, тот самый, который сам же Гундосый и отдал мне взамен ботинок, саданул по копчику. Барачник, хрюкнув, прикрыл руками зад. Когда он развернулся, и попёр на меня, ему добавил Степан – ударил расчётливо и точно.

Потом мы барахтались в грязи, а полицонеры охаживали нас по рёбрам. Едва я поднял голову из лужи, чтобы глотнуть воздух, в скулу прилетел сочный удар, обернувшийся вспышкой в глазах и взрывом боли в висках. На том второе за день избиение закончилось.

– Хватит с них, братцы, – прекратил это дело Слега. – А ну, как покалечим, придётся тащить, а они грязные.

Нас попытались привести в нормальное состояние, с шутками и прибаутками кое-как обтёрли грязь и кровь с физиономий, и всё равно

мы предстали перед народом в совершенно непотребном виде. Люди такое не одобрили, послышались обидные комментарии в адрес конвоиров, но стоило Слеге рявкнуть, смельчаки заткнулись.

Когда вели через толпу, люди расступились, вокруг – лишь виноватая тишина. Ну, что вы, граждане? Навалитесь всем миром! Вы же полицонеров, если захотите, порвёте! Куда там! Клыков со своими ребятами – смог бы. Но дяди Васи здесь нет, а чтобы сосчитать дружинников, которые всё же пришли посмотреть на казнь, хватит пальцев на руках. Барачники встали между нами и толпой – эти, в отличии от дружинников, вооружены.

Судьба водит меня кругами. Вот и очередной замкнулся: снова я на площади, и снова стою под виселицей. Роль у меня другая, а декорации те же - две петли раскачиваются на ветру. И вторая красноречиво рассказывает о том, что меня ждёт. Ту роль я сыграл неудачно, а эту и вовсе играть не хочется. Только никуда не денешься, жизнь – не поселковая самодеятельность, со сцены, пока не упадёт занавес, не свалишь.

А петля мозолит глаза; взгляд не оторвать. Верёвка, толстая и грубая, разбухла от влаги. Волокна торчат, как щетина, и с них капельки воды в большую лужу, которая образовалась как раз под виселицей, срываются. Почему-то невыносимо ноет шея, колени ходят ходуном, и кишки опять в узел завязались. Ох, в туалет бы…

Я наткнулся взглядом на друзей, надеялся, что хотя бы их здесь не будет; нет пришли! Согнали их в тесную кучку, а рядом вооружённые барачники. Ольга бледнее смерти: губы в ниточку, а глаза пылают. Странный такой взгляд; яростный и, одновременно, беспомощный. Увидев, что я глянул на неё, Ольга что-то сказала. Издали я не расслышал, но по движению губ понял – это обещание. Отныне Пасюку придётся жить, оглядываясь. Я через силу улыбнулся, и опустил глаза; сестрёнка не должна увидеть, что мне страшно.

Пасюков, торжественный и серьёзный, ждёт рядом с виселицей, Сашка стоит в цепи полицонеров, хмурый Асланян мнётся с ноги на ногу. Когда новый хозяин разглядел, в каком виде нас доставили, ещё больше помрачнел.

– Вас били, что ли? – спросил он.

– Так они, это, сбежать хотели! – объяснил Слега.

– Что ты, Артурчик, – перебил барачника Степан. – Никто нас и пальцем не тронул. Это мы твоих бармалейчиков немного потрепали. Щенки!

– Значит, у вас нет претензий? – Асланян пуще прежнего нахмурился.

– О чём ты? Какие претензии? – успокоил его Степан. – Ты этим воякам спуска не давай, гоняй в хвост и в гриву, не то хлебнёшь с такими защитничками горя. Да не хмурься так: связался с крысами – терпи!

– Ладно, разберёмся, – сказал Асланян. – Начинаем?

– Ты у меня спрашиваешь? – засмеялся Степан. – Ну, начинай. Разрешаю.

Понял Артур, что дело пошло не слишком удачно. Осуждённый откровенно поиздевался над ним, и люди это заметили. Кто-то свистнул. Артур поднял правую руку.

– Граждане Посёлка, мы собрались здесь… – громко начал он, голос дал петуха, и Асланян смущённо закашлялся. Специально он копировал манеру Терентьева, или случайно так получилось – какая разница? Если хозяин не может нормально вздёрнуть преступников, за что его уважать? Людей собирали не для того, чтобы повеселить, а оно вон как получается: уже раздались хоть и неуверенные, но недовольные выкрики. Нам со Степаном, как минимум, сочувствуют – и за то спасибо.

– Ты, Артур, как-нибудь по-своему скажи, без выкрутасов, – подначил Белов.

– Граждане Посёлка… свободного Посёлка. Мы собрались здесь, чтобы совершить правосудие… – сделал ещё одну попытку Асланян. Когда эти слова произносил Терентьев, народ замирал. Было, что-то у него было: не в одежде, не в жестах и уж тем более не во внешности. Те, кто видел Хозяина, откуда-то понимали – имеет право! Сейчас, волнуясь и суетясь, эти слова выкрикнул Артур; а в ответ донеслись ехидные смешки и похабные комментарии. Если люди смеются, значит – страх проходит, это не совсем то, что нужно Пасюку! Подошёл он к Асланяну, в руках автомат, тот самый, перекрученный изолентой, беловский «калаш». Короткая очередь поверх толпы, дробное эхо, и тишина.

– Тихо, сучьи дети, – сказал Пасюк негромко. – Я вас научу новую власть уважать! Если кто без разрешения вякнет, встанет рядом с этими двумя! Поняли?!

Люди поняли.

– Вижу, дошло до вас! Говори, что хотел, Артур.

Сначала Асланян сказал про Степана: не подчинился, сопротивлялся, дело смертоубийством кончилось, заслуг перед Революционным Комитетом не имеет, потому и не может рассчитывать на снисхождение. Приговаривается к высшей мере через повешенье. Всем ясно? Гражданин Белов, есть вопросы? Нет! Хорошо, сейчас приговор будет приведён в исполнение.

Потом Асланян объяснил, за какие грехи накажут меня. Он напомнил, что ещё прежняя власть вынесла суровый, но справедливый приговор, казнь гуманно отложили, а меня временно выслали из Посёлка. Так как я, нарушив условие ссылки, незаконно вернулся, отсрочка приговора становится недействительной. Революционный трибунал подтверждает приговор, вынесенный прежней властью, и приводит его в исполнение. Тебе понятно, Первов?

Я машинально кивнул: что тут понимать – суда не будет, приговор вынесен, болтаться мне на виселице. Мало ли, что посулил Пасюков? Это же не он меня осудил, а Терентьев.

О том, что происходило дальше, остались смутные обрывки воспоминаний. Моросит дождик, петля возле носа покачивается… курю; последняя жадная затяжка обжигает губы… мокрая, холодная и шершавая верёвка захлестнула шею… Я зажмурился, и непроизвольно втянул голову в плечи. Мгновения скачут, сердце бешено колотит в рёбра, а в глазах красная муть. Сейчас начнётся… Скорее бы, нет сил удерживать рвущийся на свободу ужас!

Прошла вечность, и ничего не случилось. Я пока живой, с петлёй на шее, льёт дождь и холодные ручейки пробираются за ворот. Я слышу голос Асланяна, и понимаю – что-то идёт не по тому сценарию, который известен мне. Приоткрыв глаза, я вижу: Артур стоит подняв руку, а народ ждёт. Теперь люди готовы ловить каждое слово, будто перед ними сам Терентьев.

– Революционный трибунал, – начал Асланян, – нашёл обстоятельства, позволяющие пересмотреть приговор, вынесенный гражданину Первову. Трибунал принял во внимание героизм,

проявленный гражданином Первовым во время экспедиции к эшелону, а также несомненную пользу этой экспедиции для Посёлка. Революционный Трибунал учёл, что гражданин Первов до того, как совершил преступление, имел безупречную репутацию. Революционный Трибунал посчитал возможным отложить исполнение приговора на один год. В течение года Первову предстоит доказать верность Революционному Комитету. В случае, если в искренней преданности возникнут сомнения, приговор будет приведён в исполнение, если сомнений не возникнет, Олега Первова восстановят в правах гражданина, а приговор, вынесенный прежней, низложенной Революционным Комитетом, властью, будет считаться утратившим силу. Олег, тебе понятно?

Нелегко что-то произнести, когда петля давит на горло, трудно, даже кивнуть. И смысл сказанного, почему-то, ускользает. Но главное я понял: всё, что сейчас говорил Асланян – про меня, а, значит, буду жить!

Грубо сдёрнули петлю – чуть уши на верёвке не остались. Нет сил радоваться, вообще, всё безразлично; видно, человеку, похоронившему себя, на всё плевать!

– Живи пока, – смрадно дохнул мне в лицо Гундосый. – До поры.

Я кивнул: спасибо, мол, поживу, и до меня стало медленно доходить: как же хорошо, невозможно надышаться! Наручники сняли, я начал растирать запястья, а сам почувствовал, как на лицо наползает глупая улыбка. Не соврал Пасюк, пожалел меня. А, может, это Артур расстарался? Сейчас ещё и Белова помилует!

Подошёл ко мне Пасюков: смотрит заплывшими глазками, дышит луковым запахом.

– Готов поклясться в верности Революционному комитету? – спрашивает, а у самого вид, как у кота, сожравшего чужую рыбу.

– Готов, – закивал я. Может, и не по нраву мне «комитет», а только отчего бы и не поклясться, язык не отвалится. Лишь бы не в петлю.

– Повторяй за мной, – велел Пасюк. – Не шепчи, а громко, чтобы все слышали… говори: «Я, Олег Первов, осознаю свою вину, и клянусь искупить её честной и преданной службой Посёлку и Революционному комитету. Клянусь подчиняться и выполнять…» Я старательно повторил за Пасюковым ерунду, которую он тут же, на ходу и выдумал, и мы оба остались довольны.

– Ладно, парень, – похвалил Пасюк. – Вижу, ты осознал, и проникся.

Я потупился, мол, конечно, осознал и, конечно, проникся.

– Раз так, – барачник похлопал меня по плечу, – ты наш человек. Слушай первое задание Революционного комитета. Приказываю тебе привести в исполнение приговор… короче – повесь Белова!

Видно, Пасюк читал меня, как открытую книгу. Поросячьи глазки будто спрашивали: что же ты собираешься делать? А действительно, что? Отказаться, пожалуй, не выйдет: сам верой и правдой служить обещал – все слышали. Раз поклялся, надо служить. Только нельзя. Никак нельзя. Потому что люди увидят – Пасюков победил: окончательно, бесповоротно и навсегда. Значит, опять голову в петлю? Вот она, у носа покачивается, и капельки на ней снова набухли. Меня передёрнуло с ног до самой макушки. Нет, этот вариант больше не рассматривается!

Совсем я растерялся, а Пасюк за мной наблюдает. Что бы я ни выбрал, ему хорошо. Откажусь – верёвку на шею наденет, соглашусь – ошейник. Буду тявкать на коротком поводке, да помнить, какую гнусную цену за жизнь уплатил.

Кому-то из пасюков стало невтерпёж, послышался окрик:

– Давай, не тяни! Смелее!

И в самом деле: чего это я? В сущности Степан – тот ещё душегуб. Если кто и заслуживает петлю, это он и есть! И не скажешь, что совсем уж несправедливо. Он и сам это понимает. Правда, ко мне кум всегда относился хорошо, опекал, может, даже, по-своему любил. Только мне надо выжить – любой ценой, пусть самой подлой. Ради Посёлка, не для себя, ну, я же объяснял…

Подковылял я к Степану, а тот спокойно так глянул, словно тоже заинтересовался, как я буду из этой ситуации выпутываться. Я засуетился – поправил верёвку, чтобы узел оказался не под ухом, а сзади, воротничок зачем-то пригладил.

– Ты извини, Степан, – покаялся я, – как-то нехорошо получается. Ну, тебе же без разницы, кто тебя вздёрнет, а мне ещё жить.

Пасюковские прихвостни, те, кто расслышал эти слова, заухмылялись. Степан презрительно сощурился, а люди притихли, ждут.

– Прости, – чтобы как-то подбодрить Степана, я неуклюже потрепал его по плечу. Белов глянул на меня, как на мокрицу. Нет, как на мокрое место, оставшееся от попавшей под сапог мокрицы. Зачем так глядишь? Какая разница, кто сделает? Ты всё равно покойник, сам так учил, помнишь? Я постараюсь сделать быстро и не очень больно, хорошо? Опыт у меня небогатый, так что извини, как получится. Зато будет шанс расквитаться. За нас обоих потом расквитаюсь, понимаешь? Мне и так тяжело, поэтому не усложняй, Степан. Закрой глаза, не смотри. Прости… да, я бы сам не пожал руку человеку, совершившему такую подлость. Но выбора нет…

Я, лишь бы убежать от наполненного презрением взгляда, поспешно встал за спиной Степана. Затем я суетливо проделал множество ненужных вещей: зачем-то проверил наручники на запястьях приговорённого, одёрнул ему куртку, поправил задравшийся рукав.

– Хватит копаться, – недовольно сказал Пасюк. – Считаю до трёх, или ты его вешаешь, или встаёшь рядом с ним. Раз…

– Сапоги у него хорошие, – набравшись наглости, заявил я. – Мои твой полицай забрал, видишь, в чём хожу?

– Ладно, – презрительно скривился Пасюк, – Получишь свою награду. После заберёшь.

– Как же, заберёшь, – заныл я. – Твои же все вещи и потырят.

– Хватит! – сорвался на крик Пасюков. – Два…

– Носи, не стаптывай, – Степан аккуратно, чтобы не потерять равновесия, поддев носком одного сапога пятку другого, разулся. Теперь он топтался босыми ногами, на которых болтались полуразмотавшиеся портянки, в луже. Я быстро переобулся. На меня уставились пасюки; даже они меня презирают, а сами, что ли, лучше? Асланян отвернулся, граждане опустили глаза. А вы как думали? Жизнь у меня начинается тяжёлая. Продавщицы и кладовщицы теперь вряд ли будут мне улыбаться, разве что из жалости, а вещи мёртвым ни к чему, вещами должны пользоваться живые.

Я поставил свою стоптанную обувь рядом со Степаном.

– Обуйся, замёрзнешь.

– Потерплю…

– Три, – сказал Пасюков.

Надо решаться, а не могу. Зябко, я съёжился и сунул руки в карманы. Ладно, всё равно когда-то придётся… что-то полицонеры разнервничались. Чего вы? Не видите, я ваш. Со всеми потрохами ваш.

– Не сердись, – я потянул верёвку. Степан привстал на носочки, вместо дыхания из горла вырвался хрип, голова задёргалась. Надо бы решиться, закончить одним рывком, да не могу я так. Всё внимание охраны привлечено к Степану. Чего им бояться, они вооружены, а я сломлен. Они видят, что я сломлен. Они расслабились. Зря!

Я решился…

Подфартило, я не поскользнулся на раскисшей от дождя земле. Второй раз повезло – Асланян топтался рядом с виселицей, и когда я метнулся к нему, ничего не успел предпринять. А самая большая удача – Степан, разуваясь, не выронил из сапога лезвие ножа, я умудрился незаметно зажать его в кулаке, а потом переложил в карман. Спустя несколько мгновений я прикрылся Асланяном, как щитом. Получилось быстро и, на удивление, ловко. Прижавшись к Артуру сзади, я, в попытке обездвижить, обхватил его одной рукой за туловище, а вторая рука с зажатым в ней лезвием под густой бородой отыскала беззащитное горло.

Асланян поначалу не сопротивлялся, но вскоре растерянность прошла, и он завертелся в моих объятиях. Ещё несколько секунд, и пасюки опомнились, но острый металл прижался к глотке нового хозяина. Артур замер и выкрикнул:

– Не стрелять, не стрелять!

Барачники уставились на Пасюкова – ситуация-то щекотливая, пусть начальник думает, ему виднее. Скажет – издырявят меня, только и Асланяну при этом достанется.

А мне терять нечего, чик, по горлышку, и всё! Лучше бы, конечно, порешить Пасюкова, но ты, Асланян, оказался ближе, тебе и отдуваться. Извини!

– Никто не дёргается! – завопил я, надеясь заглушить ором и страх, и неуверенность. – Порежу его! Клянусь, порежу! Ко мне не приближаться! Освободите Белова! Быстро, я сказал!

И – тишина. Барачники удивлённо таращатся, да соображают, как быть, потому что Пасюк ни словом, ни жестом не показал, чего от них ждёт. С одной стороны – руки чешутся пострелять, но если с

Асланяном что-то случится, как начальник отреагирует? Может, и похвалит, а вдруг – наоборот?

– Никто не будет стрелять, я обещаю, – сказал Сашка. – Только не психуй, отпусти Артура.

Степан стоит, изредка переступая босыми ногами в грязи. Лицо его побагровело, глаза выпучились.

– Шевелитесь, или перережу ему глотку, – заорал я, а пальцы судорожно стиснули лезвие. Вот гадство, порезался! Ладно… другие, верно, думают, это я горло Асланяну проткнул, вон как хлынула кровища. Я надавил сильнее. Нервы у Артура вовсе не стальные. Как понял, что я шутить не собираюсь, завопил:

– Делайте, что велит!

– Ты, Олежка, успокойся, – заговорил Пасюков. – Побаловался, и хватит. Отпусти его, и мы всё обсудим… я обещаю.

– Освободите Белова, – упрямо повторил я.

Полицонеры не спешили, а Пасюк думал, как лучше обыграть ситуацию. Может, и неплохо, если я, своими руками, на глазах у честного люда, зарежу Асланяна? Только обставить это дело нужно красиво, чтобы Клыков ничего не смог предъявить, и, заодно, моё злодейство увидел. А для этого Пасюку надо хотя бы сделать вид, что пытался спасти Артура, который, вообще-то, хотел как лучше, даже убийцу и врага помиловал, а этот убивец злом отплатил за добро. Получается, что бы Пасюков ни сделал – всё ему на пользу, а у меня снова, кажется, не вышло. Ох, тоска, тоска!

Тут через толпу обалдевших от происходящего барачников, к виселице протолкались Ренат и Ольга.

– Не трогать их. Пусть, – сказал Пасюков, наблюдая, как стаскивают петлю с шеи Степана, и пристально посмотрел на меня. Толстые губы тронула улыбка. – Куда они денутся?

– Наручники с него снимите! – заорал я, рассудив, что если уж начал наглеть, лучше не останавливаться. Странно, барачники послушались, а Пасюк их не остановил. Степан, первым делом, грязными ногами залез в мои сапоги, а потом принялся командовать.

– Ренат, возьми пистолет у Асланяна, – сказал он сиплым голосом и тут его согнул кашель.

Ренат взял оружие, и замер; барачники приготовились открыть огонь. Им больше не нужна команда вожака: пистолет в руках Рената –

сам по себе повод начать стрелять во всё, что движется. Теперь полицонеров может спровоцировать любая ерунда. У одного сдадут нервы, второй его поддержит, и понесётся веселье! Не важно, уцелеет ли Асланян, мы точно этого не переживём.

– Не стрелять, я скажу, когда можно, – чуть помешкав, приказал Пасюк. – Попробуем спасти Асланяна. Если не получится, этих можете не жалеть…

– Отойди, Олег, я присмотрю за Артуром. – Степан едва отдышался, лицо ещё пунцовое, зато в слезящихся глазах бесенята пляшут. Он забрал у Рената пистолет, и приставив к голове Асланяна, громко добавил: – Наденьте ему наручники. Теперь дайте нам оружие! Быстро!

– Ну, ты наглец! – почти одобрительно сказал Пасюк. – Нет, оружие не получишь. Вы отпускаете Асланяна, я отпускаю вас из Посёлка – мотайте к Терентьеву. Договорились?

Я бы не рискнул поверить Пасюку на слово, Степан тем более не отличается наивностью, поэтому Асланян ещё немного побудет с нами.

– Мы уходим, – сказал Белов. – Асланяна отпустим, когда выйдем за ворота. Не дёргайтесь, я нынче нервный, могу с перепуга стрельнуть.

Я на дрожащих ногах пошёл сквозь толпу. Вот… сейчас… ещё шаг, и начнут стрелять… Заныли порезанные пальцы. Я сжал ладонь в кулак – кровь не останавливалась. Тяжёлые капли падали на землю, перемешиваясь с грязью. Шаг, другой, третий… полицонеры расступились… Асланян, будто набитая ватой кукла, чавкал по грязи подгибающимися ногами, он вполголоса матерился, но шёл туда, куда его вёл Степан. Неожиданной стороной жизнь повернулась, да, Артур? У меня в последнее время каждый день крутые виражи, уже привык. И ты, на всякий случай, привыкай!

Мы вклинились в толпу – люди освобождали дорогу. Вдруг мы попали в плотное кольцо, нас окружили клыковские парни. Лишь казалось, что они безоружны, мужчины достали из-под курток кто нож, кто самострел, а двое держали в руках обрезанные ружья. «Молодец, Олежка»: хлопнул меня по плечу дружинник Серёга. Зелёный платок обмотан вокруг головы, из-под него выбиваются пряди слегка тронутых сединой волос, а борода встопорщилась – такого

можно испугаться, даже если он без оружия, а нас обложил десяток похожих на Серёгу головорезов.

– Бегом, к Северным воротам, – велел дружинник, и мы побежали. Теперь моя спина прикрыта. А что, может, и до ворот доберёмся? А там, глядишь…

Створки приоткрыты, за ними – свобода, а на пути к ней встал Клыков: ноги широко расставлены, на плече пулемёт. Рядом с командиром пятеро. Эти тоже вооружены по-настоящему. А барачники уже близко.

– Клыков, – заорал Пасюк, – Ворота закрыть, никого не выпускать! Или повешу!

– Вот, дурак, – сказал Клыков негромко, а потом заорал в ответ. – Ты кто такой, чтобы мне приказывать?! Катись ты в лес, крыса помойная! Лучше к мутантам, чем вас, свинопасов охранять, и уже нам: – Чего встали? Давай быстрее! Долго вас ждать?

Пасюк, почуяв неладное, юркнул за спины барачников, а те замерли, увидев смотрящий на них чёрный зрачок пулемёта. Мы бросились к воротам. Тут до Асланяна и дошло, что сейчас он попадёт за Ограду.

– Отпустите, – заверещал он. – Вы не понимаете. Я должен быть в Посёлке.

– Не скули, – оборвал его Степан, и грубо вытолкал за ворота.

Едва нас укрыли деревья, я повалился на землю, и пил, пил, пил из лужи дождевую воду. Глотал до тех пор, пока живот не переполнился, а горло всё равно осталось сухим и шершавым.

Повисла неловкая тишина: слышится лишь тяжёлое дыхание, и шорох листьев. А на лицах дружинников растерянность. Совсем недавно я так же смотрел на оставшийся за спиной Посёлок. Тогда казалось – всё кончено, за Оградой человек жить не может. Теперь я знаю, что это враньё, а эти люди ещё не знают.

– Отпустите, – жалобно попросил Асланян. – Вы не понимаете, что натворили. Без меня Пасюков натворит бед.

– Это ты ни черта не понимаешь! – рявкнул Клыков. – О чём думал, когда связался с этой мразью? Пасюк тебя не трогал, пока я был в Посёлке! А сейчас за чью спину спрячешься? Ни ментов, ни армии – полный ноль! Ты и нам без надобности, иди, если думаешь, что тебя

пустят за ворота. Скорее, шлёпнут, чтобы не мешался, а людям наврут, будто мы. Никому ты больше не интересен.

– А как же Ограда? – зашептал Асланян. – Что же ты наделал, Клыков. Давай вернёмся вместе… ты должен охранять Посёлок! Ты обязан…

– Дурак, – сказал Клыков.

– Что об этом думать, – сказал я. – Теперь там рулит Пасюков, пусть и охраняет. А у нас полно других проблем.

– А ты, Олегжка, молодец, – похвалила Ольга. – Здорово разыграл там, на площади. Даже я поверила, что ты Степана, того…

– Да уж, – ухмыльнулся Белов, – я тоже, грешным делом, решил, пока ты про сапоги не стал ныть. Кстати, возвращай мою обувь.

– Да ладно, возьми, – я не стал объяснять, что до последнего сомневался. Не верилось, что у меня получится. Честно, всё само вышло; разве такое спланируешь? Каждый надеялся, что у него будет шанс переиграть ситуацию в свою пользу. И вооружённые дружинники оказались кстати: тоже, ведь, к чему-то готовились, и Ольга с Ренатом пришли, и Клыков сумел раздобыть пулемёт… Нет, возможности спланировать такое у меня не было, но если думают, что я замыслил этот финт загодя, пусть так и будет.

Я вздохнул, и обул свои отвратительно-мокрые и холодные сапоги. После того, как Степан залез в них грязными ногами, они стали грязными и скользкими ещё и изнутри.

– Что дальше? – спросил Степан.

Я не сразу понял, что это он ко мне обратился. Так получилось, я здесь единственный, кто хоть немного знает лес, мне и командовать. Ох… ну, ладно.

– Проще простого, – беспечно сказал я. – Плёвое дело, вообще-то. Пойдём в Ударник, там наши, а главное – там оружие. А после уж – к эшелону!

День десятый

– Не расслабляйся, парень, – Серёга несильно пихнул меня в плечо. – На-ко вот, хлебни.

Легко сказать: «не расслабляйся». Глаза таращатся в темноту, и ничего, кроме этой темноты, не видят. Ни тварь, ни человека не разглядишь, пока они совсем близко не подберутся, а если подберутся, будет поздно рассматривать. Попробовал я по-своему, как научил дядя Дима, но услышать лес не получилось.

Вокруг много людей. Они не придают большого значения эмоциям, изливают их, как факелы изливают зыбкий и тусклый свет, но, в отличие от факелов, ничего не освещают, а, наоборот, окутывают в туман. Другим этот туман не виден, я тоже его не вижу, зато чувствую. В Посёлке не так, там всё будто утонуло в киселе, а здесь клубится лёгкая, почти незаметная, дымка. Но я устал, выжат до последней капли, мне трудно пробиться даже сквозь такую хлипкую завесу.

Я взял предложенную Серёгой фляжку, и сделал хороший глоток – не сильно помогло, хотя дрожь унялась. А мысли петлёй возвращаются во вчерашний день. Забыть бы и успокоиться, да не получается.

Разболелась ладонь. Не было времени серьёзно заняться порезами. Архип обработал рану, но, пока я готовил огневую точку, повязка растрепалась, под неё набилась грязь, и всё это теперь сочилось сукровицей. Ноющая боль раздражала, и, в то же время, помогала отвлечься.

Ночью было не до сна: я искал в развалинах окрестных домов брёвна, доски, кирпичи – всё, что могло бы пригодиться для сооружения баррикад. После того, как мы укрепили расположенные близ околицы избы, Клыков разрешил немного передохнуть.

И вот мы лежим на чердаке старого дома, готовые к встрече гостей, если у них хватит наглости прийти. Неритмичная дробь дождевых капель по металлическому карнизу нагоняет дрёму, глаза будто запорошило песком…

– Хорош кемарить, смотри, – вернул меня к действительности негромкий голос. Я вскинулся, и понял: уже рассвело, а по железке, не

таясь, движется ватага в два десятка человек, и тот, что идёт чуть сбоку и позади, Сашка Зуб, собственной персоной. Долетели громкие голоса, похоже, барачники для храбрости выпили, некоторых изрядно мотает. Я потянулся за автоматом.

– Обожди, мы сами, – Серёга легонько хлопнул меня по плечу, а Клыков приник к пулемёту, и приказал себе:

– А-а-гонь.

Коротко грохотнуло. Барачники заметались, кто-то застыл на месте, кто-то бросился в кусты. Клыков закричал:

– Я предупредил! Больше шутить не буду! Кто спрятался, выходи, всё равно я вас вижу! Оружие на землю, и сюда по одному!

Барачники не послушались. Один пальнул, второй подхватил, и уже все ошалело лупят в белый свет. Нам что? Мы в укрытии, а всё ж глухие шлепки впивающихся в деревянные стены и мешки с землёй пуль изрядно мотают и без того растревоженные нервы. Дружинники стреляют в ответ, я тоже, не целясь, палю в сторону пришлых, и через несколько секунд воевать становится не с кем. Барачники резво прячутся в кустах и за деревьями.

Троим не повезло, разметались в траве недалеко от железки. Может, ещё живы, бедолаги, помочь бы им, но дружки урок усвоили, не хотят подставляться; схоронились, стараются не отсвечивать. Пусть посидят, им там холодно и сыро. Только это не мои проблемы, мне на чердаке тепло и сухо, а сверху открывается прекрасный вид. А вижу я, что из кустов высунули палку, с привязанной к ней грязной тряпицей. Похоже, вняли умному совету Клыкова, надумали сдаваться.

– Выходи! – закричал Клыков. – И, это. Хенде хох! Руки подымай, говорю.

Из кустов на карачках выполз Слега. Он встал, и, обтерев ладони о штаны, послушно задрал руки.

– Сюда иди! – позвал Клыков.

Барачник неуверенно, то и дело оглядываясь, подковылял к дому.

– Чего хотел-то?

– Надо бы переговорить! – заявил Слега.

– Поболтать я завсегда готов, – согласился Клыков. – С кем говорить-то, с тобой, что ли?

– Нашему командиру нужен Олег! – сказал барачник.

– Зачем ему Олег? Здесь я командую!

– И командуй себе. У нас в отряде пока ментяра за главного, – Слега поморщился, будто надкусил дикое яблочко, а оно оказалось не только кислым, но и с червяком внутри, – и ты ему на фиг не нужен, а нужен ему Олег. Если хотите решить дело по-хорошему, пусть выходит. Зуб обещает его не трогать. Надо бы попробовать договориться, а если не получится, тогда уж будем решать, мочить друг друга дальше, или разойтись в разные стороны.

Выдержав паузу, Клыков сказал:

– Ладно, пусть приходит без оружия, и чтобы руки над головой. Заметим неладное – стреляем. Если начнёте первыми – всех положим, это я обещаю.

Слега ушёл. Я спустился с чердака в дом, там ждал Степан.

– Ну, что? – усмехнулся он, – хочешь поболтать со старым дружком?

– Не хочу, – угрюмо сказал я, – но договариваться надо. Не нравится мне по своим стрелять.

– И давно бандюки тебе своими стали? – зло спросил Клыков. Спустившись вслед за мной, он привалился плечом к стене. – Они своими никогда и не были. Ты уж извини, Ренат, не про тебя это. И, понятно, не про тебя, Стёпа. Давние дела не в счёт – и среди моих парней многие через зону прошли, сейчас я за каждого из них пасть порву. А я про тех, кого в смутное время позабыл к стенке поставить. Разбойничали они в лесах, а как прижало, к нам прибежали. Хозяин их принял, а они хоть и жили рядом, как были чужими, так чужими и остались. Сейчас, вот, силу почуяли, значит, надо окорачивать. Зря Хозяин с ними церемонился. Доцеремонился, блин! Стёпа, ты должен знать, где теперь Хозяин.

– Где, где, в… одном месте, – нехотя ответил Степан. – Я знаю, где. С этими разберёмся, и найдём. Значит, слушай меня, Олег, если даже Зуб что-то дельное предложат, сразу-то не соглашайся. Обсуждать будем.

А выглядит Сашка не очень: поник, спрятал руки за спину, одежда, напитавшись дождём, потемнела. Мокрые волосы прилипли к голове, и стала видна обычно едва заметная плешь.

– Привет, – Зуб, наконец, посмотрел на меня и неуверенно протянул руку.

– Чего хотел-то? – спросил я, не ответив на приветствие.

– Ладно, – вздохнул Сашка. – Друзьями нам больше не быть, может, хотя бы врагами не станем… По крайней мере, с тобой мне делить нечего.

– Говори, если есть, что, – нарочито грубо прервал я.

– Ты прав, не до болтовни. Давай сразу к делу. Вот что велел передать Пасюк: он не в обиде, наоборот, очень тобой доволен. Теперь Асланяна в Посёлке нет, и Клыкова нет, и дружинники ушли, а у тех, кто остался, нет оружия, – Сашка посмотрел на меня, и в его взгляде я не заметил ничего, кроме равнодушной усталости. Но я почувствовал, а в последнее время я чувствителен к таким вещам, Зуб ненавидит меня. Он продолжил: – Теперь Пасюков главный. Понимаешь, Олег, что ты натворил? Пасюков – главный в Посёлке! И он хочет, чтобы ты вернулся. Не бойся, ничего тебе не сделают, хуже, чем в лесу, точно, не будет. А ещё Пасюк хочет, чтобы вернулись прохвессор и дурачок. И Партизана, если живой, отдайте. А ежели отбросил копыта, нас устроит и на труп посмотреть. Так вот, если явитесь добровольно, будете жить. И даже, как того и заслуживаете, жить хорошо. Это Пасюков гарантирует.

– Спасибо, – ехидно сказал я. – Знаю, его гарантии. Потом не расплатишься.

– Понимаю, – кивнул Сашка. – Но сейчас не время для обид. Он перегнул, погорячился, и пожалел об этом. Всё! Надо простить и забыть! Теперь он говорит искренне…

– Какая разница, искренне, или как всегда. Лучше скажи, что будет, если мы откажемся?

– Плохо будет, – посмотрел мне в глаза Сашка. – И вам, и нам плохо. Пока вы четверо здесь, мы отсюда не уйдём, и вам уйти не дадим. Сколько надо, столько и будем караулить, потому что другого выхода у нас нет. Мы сможем меняться, а сколько протянете вы? На дружинников мне плевать, ничего про них сказано не было, значит, им самим решать, как жить дальше. Хотят остаться в лесу – их дело. Хотят возвратиться – пусть с новой властью договариваются. А вы четверо вернётесь в Посёлок. В любом виде вернётесь. Решай!

– За себя-то я решил, уж мне-то в лесу безопаснее, чем рядом с Пасюком.

– Вот и хорошо, – равнодушно, будто заранее знал ответ, сказал Сашка, – значит, будем воевать. Я не хотел, чтобы гибли люди, ты сам

выбрал! Ладно, у меня последнее предложение, только сразу-то не отказывайся, сперва подумай. Я предлагаю решить это дело между собой, никого в наши дела не впутывая. Ты и я, один на один. Короче, я вызываю тебя на поединок.

– Поединок? – опешил я. – Ты стал бандюком?

– Какая разница, – перекривился Сашка. – Так, в любом случае, прольётся меньше крови. Вот мои условия: дерёмся на ножах, до смерти. Когда я закончу с тобой, то вызову Савелия. А потом прохвессора; захотят вернуться в Посёлок – останутся живыми, не захотят – это будет их выбор.

Наверное, Сашка предложил не самый плохой вариант. Не идеальный, но не самый плохой – это точно. По крайней мере, он каждому позволил выбирать. Правда, есть во всём этом маленький недостаток: драться он собирается всерьёз, а, стало быть, и умереть кому-то из нас придётся по-настоящему. Вчера у меня была возможность, а больше что-то не хочется.

– Просто из любопытства, – поинтересовался я, – если я тебя… убью, что мне с того будет?

– Ты? Меня? – хохотнул Зуб. – Тогда барачники отсюда уйдут, я гарантирую. Принимаешь вызов?

– Конечно, нет, – ответил я. – У нас, это не у вас. У нас живут по закону.

– Олег, – набычившись, сказал Сашка, – Не знаю, по какому закону вы живёте, но долго не протянете. Ты будешь драться, потому что я так решил. Я каждого сумею заставить! Поверь, для нас обоих будет лучше, если ты сам согласишься.

Клыков посмеялся от души. Наверное, Сашке кажется, что мы загнаны в угол; согласны хоть за решётку, хоть на виселицу, лишь бы разрешили вернуться. Клыков оценил ситуацию по-другому: хорошо укреплённые позиции, боеприпасы, и, как долгожданный приз – возможность навалять пасюкам. Ради этого стоит рискнуть всем, что ещё осталось, а осталось не так уж много. Значит, и плата, даже в худшем случае не окажется чрезмерной.

– Козёл! – сказала Ольга. – Пожалуй, я бы с ним помахалась.

– Я бы тоже, я бы его полвал за Палтизана, – поддакнул Савелий.

– И не думайте, – отрезал Степан. – Если бы на кулаках, тут я, Савка, поставил бы на тебя. А на ножах, может, у самого Партизана

против Зуба и был бы шанс, а у вас едва ли. Уж поверьте, я знаю, кто чего стоит. Вообще-то я Пасюка понимаю. Боязно ему, что вы нас к эшелону проведёте.

– А мы, значит, лишь появится возможность, сразу туда и двинемся, – весело сказал Клыков, и погладил приклад партизановской винтовки. – Говоришь, это Зуб сломал броневик? Там нужно поставить на место предохранители? Это те маленькие штучки, что лежали в кармане Сашкиной ветровки вместе с рацией? Мне Архип показал. Будет у нас машина, тогда и поглядим, кто в этой песочнице главный. А ты, Олег, передай своему дружку, пусть губёнки обратно закатает. Так и передай… странные у него хотелки. Нездоровые. Мы это вылечим, у нас специальное лекарство имеется. «Ба-бах!», и хотелки такие, какие полагаются… нету больше никаких хотелок.

– Погоди, – сказал Степан. – Это успеется. Вылечишь одного, а с другими что делать? Если они грамотно нас обложат, никуда мы не денемся.

– Только до темноты, – усмехнулся Клыков, – потом разбегутся. А кто не разбежался, я не виноват! Мои ребята поодиночке их отловят.

– Я думаю, им того и надо, до темноты нас задержать, – сказал Белов. – Скорее всего, эти специально на рожон лезли, дурачков изображали, а мы и рады, стрелять начали, выдали себя. Хотя, мимо бы они не прошли, не для того были посланы. Мимо, вернее всего, другие направились: тайком, в обход и к эшелону. А эти выяснили, что мы здесь, теперь будут отвлекать, и пытаться вернуть в Посёлок знающих нужный маршрут. Или, на худой конец, укокошат их, и домой вернутся. Пасюкову и так и эдак хорошо. Как думаешь, Олег, если Зуб объяснил, как дойти до эшелона, они дойдут?

– Шансы есть, – ответил я. – Тут ведь что важно? Если Санёк рассказал, где спрятаны костюмы химзащиты, запросто дойдут.

– Точно, – согласился Степан, – иначе бы Пасюк Сашку от себя не отпустил, и уж тем более не позволил бы ему рисковать башкой. А тут он прямо нарывается. Видать, крепко Пасюков прижал Зуба, если тот всё ему выложил. Наверное, и маршруты на карте отметил. Пока мы сидим здесь, они, значит, уже…

– Ох, – помрачнел Клыков, – что-то мне такой расклад совсем не нравится.

Усталое лицо, тусклый и убегающий взор. Утром Сашка держался лучше.

– Ну, что, решился? – глядя под ноги, спросил Зуб.

– Не собираюсь я с тобой драться.

– Будешь. Я же говорил, будешь. Посмотри. – Сашка махнул рукой. – Вон твой приз.

Я посмотрел, и понял – от драки не уйти! Два пасюка выволокли на железку Катю. Она не кричала и не сопротивлялась, лишь иногда переводила затравленный взгляд с меня на пленителей. У девочки связаны руки, подгибаются ноги, она растеряна и покорна. Пропитанная дождём одежда облепила тело. Пряди мокрых волос упали на лицо…

– Ты сам это придумал, урод? – спросил я оторопело. Во рту сделалось сухо, язык стал шершавым и непослушным. Сашка отступил на пару шагов. И правильно – сейчас мне и нож не нужен. Руками на клочки разорву, зубами вцеплюсь.

– Ничего с ней… пока… не сделали, – сказал Сашка. – Всё зависит от тебя Я не в силах помочь… а ты и другим передай: у каждого в Посёлке кто-то остался. Ты всем скажи, они поймут…

– Саша? – выдавил я сквозь зубы. – Как же я раньше-то не разглядел, какая ты сволочь?

– Это не я, – тихо сказал Сашка. – Это решено за меня. И за тебя. Пасюк всех нас держит за… Если бы не ты… увёл Асланяна, и всё пошло прахом. За это я тебя и убью.

Волна ярости схлынула. Я, тяжело дыша, смотрел на Зуба.

– Дурак твой Асланян, – сказал я, – Пасюк им уже попользовался, а теперь он пользуется и тобой. Ладно, давай меняться? Катю на Асланяна?

– Зачем? – усмехнулся Сашка. – Асланян теперь никто. Если не боишься – дерись, если боишься, тоже дерись… пойми, этим сейчас не до шуток, и они, действительно, убьют Катю. Не сразу. Сначала позабавятся, а потом убьют…

Клыков выпроваживал дружинников из комнаты, а те не спешили возвращаться на позиции. Обида и недоумение на лицах; кое-что из нашего с Сашкой разговора долетело и до их ушей, остальное парни увидели сами. Надрать задницы пасюкам – это с радостью, об этом мечтали! Но заложники… так мы не договаривались! С одной

стороны, барачников надо бы проучить, и немедленно, эти ребята давно нарывались! Только… в Посёлке остались друзья и родные. Пасюк намекал, да не верилось.

Эх, сидели бы за Оградой, авось пересидели бы смутное время. Хотели драться по-другому – рвать и крушить врага. Кто же знал, что война окажется такой подлой.

– Не передумал, Олежка? – спросил Степан.

– Что тут думать? – отмахнулся я. – Убью Сашку, а дальше будет видно.

– Хорошо бы, – пробурчал Белов. – А если?.. Ладно. Решил – сделай! Но можно и по-другому. Шлёпнем Зуба, и всё. Зря, что ли, Партизан снайперку тащил? Снимем и тех козлов, что держат Катю, не вопрос. Если выйдет, у девчонки появится шанс улизнуть, лишь бы не растерялась. А мы начнём воевать по-настоящему. Всех положим, я обещаю. Что скажешь?

– Я буду драться, – заупрямился я. План Белова тоже неплохой, но Катю жалко.

– Я не смогу тебя отговорить?

– Нет.

– Ладно, дерись, – буркнул Степан, – я уважаю твоё решение, хотя и считаю его… э-э… неправильным. Надеюсь, ты понимаешь, что Зуб сильнее тебя. Поэтому – забудь всякую чушь о жалости и благородстве, это для других случаев. А Сашка уже покойник. Если он воткнёт в тебя нож, в тот же миг я его застрелю, и дальше всё пойдёт по моему плану. Лучше убей его сам. Если решил драться – не бойся, дерись. Клыков, не в службу, в дружбу, найди парню хороший нож. Поспрашивай у своих.

Крупные капли забарабанили по стеклу, мутные струйки воды сделали мир по ту сторону окна зыбким и размытым. «Дождь не скоро закончится», подумал я, тускло-серый свет, проникающий в комнату сквозь мутное окошко, нагонял тоску.

Вернулся Клыков.

– Выбирай, – сказал он, протягивая мне три ножа, – по-моему, самое то.

Степан забрал оружие. И ладно, пусть сам решит, какой лучше, он в этом деле толк знает.

– Думаю, этот, – кум протянул один из ножей ручкой вперёд. – Попробуй.

Этот, так этот: не хуже других, наверное. Я осторожно взял оружие. Если бы не повязка на ладони… она мешает крепко сжать рукоятку, нож, того и гляди, выскочит. Я переложил его в левую руку. Неудобно и непривычно. Морщась от боли, я размотал тряпицу. Порезанные пальцы распухли, там, где короста оторвалась вместе с тканью, засочилась кровь. Я сжал ручку ножа. Больно, да ничего с этим не поделаешь…

– Дай посмотреть, – велел угрюмо следивший за мной Степан, и, увидев покалеченную ладонь, ещё больше помрачнел.

– Болит? – посочувствовал Клыков.

– Терпеть можно, – ответил я, – дядя Вася, дай закурить.

Клыков поспешно вытащил трубку.

– Всё хуже и хуже, – сказал Степан, – Клык, ещё раз подсуетись, сгоняй за профессором.

И без того неуклюжий, Архип, после бессонной ночи двигался так, будто накануне переборщил с медовой настойкой.

– Партизану совсем худо, – тихо сказал он, шмыгнув распухшим и покрасневшим носом.

– Про это после, – недослушал Степан. – Ты Олегу ладонь посмотри.

– И что? – завёлся Архип, глянув на мою руку. – Тоже мне, рана! Поболит, и пройдёт. Я говорю: «Партизану совсем худо!»

– Не ори, мы тебя услышали, – тихо сказал Степан. – Займись Олегом.

– Обработать надо.

– Так обработай. А вылечить сумеешь?

– Сумею. Через недельку будет, как новенький.

– Надо сейчас.

– Я учёный, а не колдун.

– Значит, обезболь. Хотя бы это…

– Это могу, – сказал Архип. – Ты сам это можешь. Дай ему хмель-дурман, он про эту болячку и думать забудет.

– А не опасно? – спросил я. – Недавно пробовал! Вдруг привыкну?

– Опасно, – жёстко сказал Степан. – Но драться с Зубом ещё опаснее. Может, ты и привыкнешь! Может, даже, и помрёшь от дурмана. Потом. А так Сашка зарежет тебя через пять минут. Жуй, и не выпендривайся!

Пришлось подчиниться, а чтобы перебить кислый вкус во рту, я стал жадно попыхивать трубкой. Степан, между тем, говорил:

– Сашка опытен, тебе до него далеко. А ты, зато, моложе. Значит, быстрее и выносливее. Опять же, реакция лучше. Потому не старайся решить дело сразу, не лезь на рожон, затягивай бой. Пусть он прыгает, а ты жди своего шанса. Понял?

Я кивнул.

– Не вздумай бить ногой; не пройдёт. Нож ты у него не вышибешь, а он полоснёт тебя. Или в грязи поскользнёшься, тогда конец. Надеюсь, понял?

Я кивнул.

– Не вздумай парировать ножом. Или уходи, или лови руку в захват и сближайся. Понял?

Я кивнул.

– Забудь про всякие стойки. Ты этого не умеешь. Пусть Санёк выпендривается, а ты двигайся, как в жизни. Не мешай телу. Оно само знает, как нужно. Понял?

Я кивнул.

– Не верти нож в ладони. Как взял, так и держи. В сырую погоду руки быстро станут скользкими, можешь выронить. Понял?

Я снова кивнул.

– Раз понял, всё… иди. Больше ничем помочь не смогу. Да не спеши ты. Пусть подождёт. Ишь, стоит, мокнет, герой! А нам это лучше. Замёрзнет, мышцы застынут. Ты пока скидывай рубаху.

Степан твёрдыми пальцами начал разминать моё тело.

– Как рука? – поинтересовался он, когда закончил.

Я сжал и разжал кулак. Ладонь совсем не болела, по ней растеклось лёгкое онемение. Взяв нож, я направился к выходу.

– Стой! – велел Степан.

– Что ещё? – обернулся я.

– Разувайся, обуешь мои сапоги. В твоих не шибко побегаешь. И ещё… ладно, чему раньше не научил, сейчас научить не успею. Ты там это, не благородничай. Просто зарежь его, и возвращайся. Понял?

Я в очередной раз кивнул.

– Раз понял, удачи!

Клыков перекрестил меня. Он постарался сделать это незаметно, а я увидел.

* * *

Я медленно приблизился к Сашке. Хотелось накрутить себя, сейчас бы мне пригодилось немного злости, да где же взять её, эту злость? Когда стала нужна, вся куда-то подевалась, незаметно, по капельке, утекла. Ничего не осталось, даже страха, лишь звенящая пустота в голове. Ну, дайте же хоть немного злости! Без неё – пропаду!

Сашка ждал: обнажённый торс, к груди прилипли мокрые волоски, в правой руке нож.

– Не передумал? – спросил я.

– Начинаем.

– Ну, начинай…

Драка на ножах – не очень зрелищное дело, пожалуй, со стороны это ещё скучнее, чем выступление поселковой самодеятельности. И здесь, и там самое интересное случается в конце, но там концерт завершается танцами, а здесь с них всё начинается. Мы топчемся на месте, словно в неспешной пляске, выжидаем и боимся упустить возможность – ту самую, которой успеет воспользоваться лишь один.

Сашка делает осторожный шажок. Я так же осторожно пячусь. Ещё шаг. Зуб мотает головой, убирая некстати упавшую на глаза мокрую чёлку, и кидается в атаку. Я, суматошно взмахнув руками, отскакиваю. Лезвие чужого ножа – снизу вверх – проносится перед лицом. Этот удар – мимо. Повезло… на всякий случай отхожу ещё на пару шагов. Чёрт, как скользко… Сашка наступает, я пячусь. Всё время назад и вправо.

Снова мелькает нож, теперь не опасно – далеко от меня.

Ветер в лицо, дождь в глаза; протереть бы, проморгаться… Сашка вновь атакует, а я отступаю.

– Хватит бегать, дерись, – рычит Сашка.

– Пошёл ты!

Сердце колотится, но злости, по-прежнему, нет. Нет и страха; переживать и бояться я буду потом, сейчас есть дела поважнее. В голове пустота, и… всё качнулось и поплыло, будто навалилось

странное опьянение: чувства приглушены, зато пропала скованность, и отступила усталость.

Сашка нападает, а я поспешно делаю несколько шагов назад; нужно переждать внезапное головокружение.

– Иди сюда, трус! Чего тянуть? Давай уже решим, – Сашка со свистом втягивает воздух, слова получаются, как лай – злые и короткие.

– Успеешь, – говорю в ответ. Странно, я нисколько не запыхался. Напротив, тело по капельке наполняется энергией. В ушах – грохот. Показалось, что земля ушла из-под ног: сердце подскочило к горлу, а на его месте осталась пустота. Это длится недолгий миг, а потом всё обретает чёткость. Дождь больше не мешает, он теперь за меня. Я ухитрился занять удачную позицию; ветер швыряет капли в Сашкины глаза.

Зуб снова рядом. Он ощерился, и тут я ударил… если бы я подумал! Некогда думать, пока есть возможность, нужно бить. Нога сама взметнулась, целя в стиснувший нож кулак. Степан предупреждал, что так нельзя. А ещё он говорил: тело знает, что делать. Чёрта с два оно знает! Оно у меня глупое и неопытное!

Сашка поворачивает нож лезвием вниз, и мне приходится сдерживать удар, выкручиваться. Ногу я спас, но оскользнулся, потеряв равновесие. Тут бы Сашке и закончить. Есть, есть у него такая возможность, но он, прищурившись, наблюдает за моими судорожными движениями, и ухмыляется, глядя, как я на четвереньках отползаю в сторону.

Нож я не выронил, но ладони сделались грязными и скользкими. Я поднялся, и посмотрел на Сашку. Невероятно, теперь я разглядел каждую морщиночку на его осунувшемся лице, каждую капельку дождя, повисшую на слипшихся сосульками волосах, и каждый листочек на ветках деревьев за его спиной. Увидел нереально чётко.

Это что, хмель-дурман дал такой эффект? Не важно! Я затряс головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Чавк-чавк, хлюпает под ногами. Вжик – нож чертит зигзаг перед лицом. Всё замедлилось; я вижу капли водяной пыли, которые срываются с лезвия. Сквозь гул крови в ушах я слышу едва различимый хруст Сашкиных суставов. Чудеса!

Исчезла звенящая пустота, неспешно, по капельке, разум начала заполнять ярость.

Сашка бросился на меня. Наверное, он думал, что этот удар невозможно отразить, но для меня его движения распались на отдельные кусочки. Я увидел, как набухают и опадают мышцы, как медленно приближается нож. Сашкин рот оскален в жуткой гримасе, из него вытекает тягучий рык. Ненавижу! Хватит бегать. Я дождался своего момента. Пора!

Шаг навстречу. Заблокировать медлительный удар, и дело сделано. В теле – звериная мощь. Ничто не может помешать! Мир вокруг будто заснул, а у меня откуда-то появилась немыслимая реакция.

Я же не знал, что изменилось только моё ощущение времени, возможности тела остались прежними! Я сделал шаг навстречу ножу, показалось, будто завяз в густой патоке – я ничуть не быстрее Сашки! Защищаясь, я вскинул руку. Молнией мысль: «не успеваю!» Подставился, дурак!

Тело всё же умнее меня, в этот раз оно не ошиблось, включившись на полную мощь, заработало на пределе, а, может, и за пределом. Когда развеются чары хмель-дурмана, я узнаю, как вопят потянутые и надорванные мышцы, а сейчас даже не чувствую, что кончик ножа прочертил кровавую борозду у меня на груди. Пустяки, царапина, от удара я ушёл. Но в запястье руки, сжимающей нож, вцепилась Сашкина ладонь. Мы рядом. Я ниже, и легче, он, похоже, сильнее. Но во мне кипит ярость, а тело не чувствует боли. Я впечатываю лоб в его переносицу. И следом, не останавливаясь – коленом в пах… гадкий удар, но не гаже того, что сделал этот червяк, когда приволок сюда Катю, я не собираюсь играть с ним в благородство!

Сашка возится в грязи. Рука шарит в мокрой траве, пытаясь отыскать нож, кровь хлещет из расплющенного носа, перемешиваясь с дождевой водой. Я, расставив ноги, стою над ним, и размышляю, что же делать. Долетают возгласы дружинников, а Степан орёт:

– Добей, идиот, добей!

Сашка поднялся на четвереньки. Ещё усилие, и он на коленях. Встал. Ух, как его шатает! А лес переполнен злобой, он заливает её в

меня, как в пустой кувшин: сам просил, получи и распишись! Страшный подарок, от него трудно избавиться.

– Давай остановимся, – мычу я сквозь зубы.

– Продолжай! – по Сашкиному подбородку тянется кровавая слюна. – Другого шанса я тебе не дам!

И Зуб сумасбродно бросается в атаку. Что-то идёт не так, он понимает, что нужно решать быстрее. Безумный натиск мог бы привести к успеху, но не сейчас. Шаг влево, разворот, Сашка пролетел мимо. Я ударил меж лопаток. Мог бы всадить нож в спину, тогда бы всё закончилось, но я ударил кулаком. Дело не в жалости – причём тут это? Просто возникло звериное желание поиграть с жертвой. Мне нравится смотреть, как этот червь копошится в грязи у моих ног. Мне нравится запах страха…

Кажется, до Зуба стало медленно доходить, что этот бой – не его.

– Доволен? – перебарывая желание броситься и разорвать, спрашиваю я. – Может, прекратим?

Сашка молча встаёт на ноги, он дышит неровно, он меня боится – я чувствую. Вернее – как зверь – чую.

Он больше не думает нападать. Взгляд исподлобья, в нём не только страх, но и отчаянная решимость. Знал бы ты, как я тебя ненавижу! Если бы ты мог это почувствовать, ты бы помер, мне не понадобилось бы и ножа… Я больше не человек, мои губы расползаются, обнажая оскал, из груди рвётся утробный рык. Это страшно, и этому невозможно противиться. Лес опять принял меня. Но сейчас это не тот непонятный и таинственный лес, с которым меня подружил дядя Дима. Этот лес ненавидит чужаков, что решили выбраться оттуда, где им дозволено существовать. Но я – частица леса. Чужак с ножом, хочет убить не меня, он хочет убить эту частицу. Его нужно уничтожить. Это не обсуждается, это – естественный порядок вещей. Так чувствуют тысячи звериных сознаний. Так они заставляют чувствовать меня. Сашку надо убить! Убить! Убить!

Взгляд туманит багровая пелена. Я больше не владею телом – оно живёт своей жизнью. Тот кусочек разума, что я ещё могу контролировать, затопил страх. Я до безумия испугался зверя, в которого сам же и превратился. Страх помог. Я вышвырнул из себя лес. «Всё, мне конец», заползла в голову ленивая мысль. Навалилась тяжесть. Я хрипло заглатывал воздух. Рука сжимала нож, проснулась

боль в порезанной ладони. Болела пораненная грудь, болел живот, болело тело. Как было бы здорово – лечь и умереть.

Сашка пронзил меня взглядом широко распахнутых глаз. Пока он жив, но лишь пока – с такими ранами это не может продолжаться долго. Зуб попытался взмахнуть рукой с ножом, ещё надеясь достать меня, а потом его тело смирилось с неизбежностью. Нож выпал. Сашка открыл рот, собираясь что-то сказать, но рухнул на спину. Я победил…

В меня медленно, медленно, медленно, вместе с мыслями о том, что я сейчас натворил, влился ужас. Только что я, как взбесившийся зверь, растерзал человека. Значит, я могу быть и взбесившимся зверем.

На самом деле, это не я! Вернее, не совсем я… а, может, такой я, каким даже сам себя боюсь узнать. Но откуда взялось чувство, что из Сашиной израненной груди, перемешавшись с его кровью, по капле вытекает моя жизнь? Ладно, осмыслим произошедшее потом, а сейчас… что-то я недоделал. Что-то важное, ради чего это и затевалось. Ах, да…

Катя. Что-то в её взгляде… испуг? Ты не бойся, я хороший. Добрый-предобрый… правда-правда.

Барачники смотрят, как я, неуверенно загребая сапогами по грязи, ковыляю к ним. Они отпустили Катю, и та осела на землю.

– Видели? – спросил я.

Они кивнули.

– Всё было честно?

Снова кивнули. Попробовали бы возразить; нож, вот он, намекающе розовеет лезвие, и с ладоней стекает кровь. Я что, рвал Сашино тело руками? Не помню…

– Приз мой?

Опять кивнули. Если нож для них не аргумент, то высыпавшие на крыльцо дружинники с автоматами должны подсказать, что пора отсюда убираться. И пасюки попятились.

Я опустился на колени рядом с Катей, она попыталась отползти. Не бойся, глупенькая. Это я с врагами суров…

Осторожно, боясь причинить девочке боль, я перерезал верёвки на её запястьях, убрал мокрые пряди волос с её лица. Катя отстранилась. Я ощутил, как напружинилось, готовое при любом резком движении отпрянуть, тело. Прошла одна тревожная минута, потом вторая, и Катя

затряслась в прорвавшихся, наконец, рыданиях, её холодные и мокрые ладошки вцепились в меня. Натерпелась, девочка! Ну, подождите, и за это вам будет предъявлено!

– Больше никто тебя не посмеет обидеть, – неловко утешал я.

– Ты весь в крови, – давясь всхлипами, сказала Катя.

– Ерунда.

Мы встали и пошли. Ноги заплетались. Все до единой мышцы стонали от боли.

– Не упади. Держись за меня, – велела Катя.

– Знаешь, – пробормотал я, – я принёс тебе шоколадку. Самую настоящую.

– Правда? – кажется, она улыбнулась. – Что это такое?

– Извини, – вспомнил я. – Шоколадки нет. Извини. Но я знаю, где можно взять ещё. Я схожу, принесу тебе плитку. А лучше ящик. Ты каждый день будешь есть шоколадки.

– Хорошо, – сказала она, – спасибо! Осторожно, здесь ступеньки.

Я стал валиться, кто-то, кажется, Ольга, подставила плечо. Потом меня подхватили крепкие мужские руки.

– Что с ним? – спросил Степан.

– Бредит, – ответила Катя.

И всё…

* * *

Я чувствую все свои когти, клыки, жала, щупальца, рога!

Охота получилась успешной; стая загнала добычу, жертва больше не сопротивляется. Если тебе выпало стать едой – смирись. При чём тут сострадание и жестокосердие? Это – всего лишь естественный порядок вещей. Но… что-то не так. Беспокойство. Откуда-то расползается непонятная злоба. Чужаки покинули логово. В этот раз их очень много. Как рана гноем, они сочатся ненавистью и страхом. Отравили себя, отравляют мир. Место им за стеной из мёртвых деревьев, которые они сами вокруг себя посадили. Пусть там и гниют заживо. Здесь чужая территория, они должны уйти, иначе будет неправильный порядок вещей… Вожак, крупный зверь с рыжей подпалиной на боку, задрал морду, и хрипло завыл. Одна охота закончилась, начинается другая. Волки развернулись, и потрусили туда, где собрались чужаки…

От самки вкусно пахнет. Догнать, исполнить брачный танец, тяпнуть за ухо – так должны поступать здоровые молодые самцы. Но что-то мешает. Этому невозможно противиться. Этот зов сильнее зова плоти. Нужно устранить причину беспокойства. Когда вернётся естественный порядок вещей, вернётся и время для самок….

Головой раздвигая комья земли, заглатывая чернозём, продавливая сквозь себя, переваривая, выделяя густую вонючую слизь и едкий кал, туда, откуда исходит беспокойство. У существа одна цель – сожрать чужаков. В этом естественный порядок вещей…

Когти, клыки, жала, щупальца, рога – всё сгодится, чтобы прогнать людей в логово. Кто не захочет возвращаться, что ж, сам виноват.

Лес спросил: «ты тоже чужой, но ты пришёл ко мне, и я принял тебя. Ты нуждался в помощи, и я помог. Теперь ты – это я. И что мне с тобой делать? А, главное, что будешь делать ты?»

« Мы уходим, – сказал я. – Потерпи немного, мы сейчас уйдём»

Лес заглянул мне в глаза…

* * *

«Смотри в глаза, смотри в глаза» – как же ты надоел! Что я тебе сделал? Хлестать по щекам, это совсем ни в какие ворота! Надо бы глянуть, что за смельчак вздумал измываться надо мной?

Я приоткрыл глаза и увидел Врага! Нестерпимо захотелось вцепиться в него когтями, клыками, жалами, щупальцами. Зажмурившись, я незаметно перевёл дух. Это морок. Немного полежу, и пройдёт. Я справлюсь.

Ураган ярости лесных тварей, обрушившийся на мою бедную голову, отбушевал, и унёсся прочь. Я вернулся к людям.

– Кажется, очухался, – неуверенно сказал Степан, когда я снова открыл глаза. – Ты как?

Откуда мне знать, как? Лежу на кровати. Виски ломит, мышцы стонут, из порезанной ладони сочится кровь. Повязка на груди пропиталась красным. Лоб трещит и пульсирует болью; от души я боднул Сашу. Ох, Саша, я же его… не только боднул… или привиделось? Грудь болит, значит, всё было на самом деле. Погано мне, братцы, ох, и погано. Забыть бы!

– А ты жёсткий боец, – сказал Степан. Я не понял, то ли он меня похвалил, то ли наоборот… – Даже чересчур жёсткий. Кто бы мог

подумать!

– Ага, – ответил я. – И со мной не в салочки играли.

– Я видел, – усмехнулся Степан. – Зуб должен был тебя валить. Пару раз – точно. Я бы так и сделал, а он – нет. Потом стало поздно, ты словно взорвался.

Я сел, и тут же руки вцепились в спинку кровати: комната завертелась, а взгляд застлала темнота. Степан попытался уложить меня.

– Не дёргайся, – велел он, – Архип говорит, ничего страшного не случилось. Лёгкое сотрясение, а ещё небольшая кровопотеря и сильное переутомление. Короче, устал ты, парень, отдыхай. Завтра будет лучше.

– Уже прошло, – я снова сел. И в самом деле полегчало. Лишь в ушах еле слышно позванивает, и к горлу подкатывает едкая желчь. – Правда, нормально. И вообще, не в этом дело… нужно уходить, Степан. Драпать со всех ног. Сюда идут твари – не отобьёмся.

– Ну-ка ложись, я позову Архипа!

Во рту пересохло. Облизав шершавым языком сухие губы, я попросил воды. В два глотка я влил в себя мерзкое на вкус, отдающее железом, тёплое пойло. В желудке забулькало. Наверное, сейчас меня вырвет, равнодушно подумал я. Степан молча ждал, а когда я отдышался, спросил:

– Что же нам делать, Олег

Откуда я знаю, что им делать? Здесь должны решать он и Клыков. А я кто?

– Барачники где? – спросил я.

– Ушли.

– И вы уходите, – устало сказал я. – Может, небольшими группами пробьётесь. Идите к Хозяину. Мне ты можешь сказать, где он?

– В Нерлее. Есть там хитрый схрон.

– И вы туда идите. Глядишь, пару дней выгадаете.

– А ты?

– Я? Кому-то надо попасть к эшелону, так? Я, наверное, сумею.

– Понятно. Ты на ноги встать не можешь, а туда же…

– Я говорю, мне надо. Мне Савелий нужен…

– Савелий? Бери. И, раз такое дело, я тоже пойду с вами.

– Зачем? Ты здесь нужнее.

– Здесь нужнее Клыков, – ответил Степан. – Он и без меня разберётся. А я за тобой присмотрю. Хреново ты выглядишь, не дойдёшь, на полпути свалишься. Савка – мужик надёжный, да не больно головастый. И не спорь!

Я и не спорил. Если Степан решил, о чём спорить?

* * *

Сначала ушли разведчики, за ними потянулись остальные. Мрачные, вероятно, тысячу раз пожалевшие, что ввязались в это дело, люди натужно смеялись. Отводя глаза, они говорили скомканные и пустые слова. Мы пойдём к эшелону, а им, служакам и бойцам, дорога в Нерлей, где можно отсидеться. Как бы ни так – даже если вы туда доберётесь, это не значит, что Пасюк оставит вас в покое. И не факт, что там вы укроетесь от зверей.

Нет, парни, по всему выходит, это я вас бросаю. Извините, но у меня дела…

– Я принесу тебе шоколадку, – промямлил я на прощанье. – Помнишь, я обещал.

Катя не ответила, полные слёз глазищи укоряли: «ты не только шоколадку обещал, ты обещал защитить, а сам уходишь». Она молча повернулась и побежала за дружинниками.

– Удачи, – сказал я вдогонку. Моросил нудный дождь.

Ольга задумчиво жевала травинку. Насупившись, она смотрела, как неуверенно, то и дело, спотыкаясь и оскальзываясь, убегает Катюшка.

– Оль, – Степан обнял мою сестру за плечи, – ты поняла, да?

Та выплюнула травинку, и кивнула, мол, не беспокойтесь, присмотрю я за этой дурёхой. Она попросила:

– Вы быстрее, ладно?

Я улыбнулся. Конечно, мы мигом, о чём говорить? К нам подошёл Клыков.

– Степан, – сказал он, – я насчёт Партизана. По всему видно, не жилец он. На дурмане держится. До Нерлея вряд ли донесём. Может, не будем его мучить?

– Что скажешь, Олег? – повернулся ко мне Степан. А я снова не знал, что сказать. И, вообще, какого чёрта вы лезете ко мне с дурацкими вопросами? Вы главные, вы и думайте, а я не хочу

принимать таких решений. Не-хо-чу! Разве не понятно: Партизану поможет чудо, а я не волшебник! Дядя Дима – тот бы, наверное, сумел. Только где он? Далеко. Мелькала у меня одна мысль, а теперь снова подумалось… хуже-то не будет…

– Носилки приготовили? – поинтересовался я.

Клыков кивнул.

– Так идите, – велел я. – Оставьте немного дурмана, и человечка покрепче. А с Партизаном мы разберёмся.

– Ренат с вами просился, – сказал Клыков.

– Это хорошо, – одобрил Степан. – А ты, Клыков, не расслабляйся. Даже в Нерлее не расслабляйся!

До синевы бледный Партизан лежал на носилках. Спутанная, выпачканная кровавой слюной борода. На лбу капли пота. Сознание к леснику больше не возвращалось. Подумалось, что будет правильнее дать ему спокойно уйти. Я сцедил сквозь стиснутые зубы в рот Партизану очередную шишечку пережёванного хмель-дурмана, не удержавшись, сам проглотил остатки.

– Мужики, берите, – скомандовал я. Савелий и Ренат взялись за носилки.

– Куда ты собираешься его тащить? – поинтересовался Степан.

– Не волнуйся. Тут близко, – ответил я.

Когда проламываешься сквозь чащобу, и сотня шагов кажется нескончаемой далью. А если с носилками в руках, и шагов этих добрых две тысячи? Я упрямо шёл через мокрый и сверху и снизу лес, а за спиной слышалось пыхтение, трещали ветки, по округе разлеталась хриплая брань. Люди доверчиво пошли за мной, интересно, как они себя поведут, когда поймут, что я затеял? Хуже всего, что я сам не уверен, правильно ли поступаю, но теперь не скажешь: «Хватит, парни, бросьте носилки, не мучайтесь. Я передумал!»

Ноги едва шевелятся, мышцы стонут, а перед глазами плывёт розовый туман, но я упрямо иду вперёд. Пара тысяч шагов и час пути. Где-то здесь.

– Остановитесь, – велел я.

– Носилки можно опустить? – хрипло сказал Ренат.

– Да, – разрешил я. Тёмные, почти чёрные, обвешенные паутиной ели, растопырив лапы, встали у нас на пути. Понятно, что чутьё меня и

на этот раз не подвело, мы пришли куда надо; об этом говорил тяжёлый, напитанный запахом разлагающейся плоти, воздух. Мало ли что в лесу может смердеть, но я знаю – это здесь; я уже заметил: когда я связан с лесом в одно целое, иногда, как бы ниоткуда, в голове появляются интересные знания.

– Так, ребята, – я вгляделся в жёлтое лицо Партизана, – Что бы ни происходило, дальше ни шагу. Пожалуйста…

– Не знаю, что ты задумал, – подбодрил меня Степан, – только не тяни, мы и так везде опоздали.

Я взял Партизана под мышки, и поволок через ельник. Знаю, Пётр, тебе сейчас нелегко. А мне, думаешь, легче? Меня самого, хоть тащи. А ещё надо высматривать во мху хищные ловчие отростки! Тяжёлый ты, Партизан, ох, тяжёлый. Размяк, обвис. Может, и хорошо, что без сознания? Лучше тебе не знать, что я собираюсь делать. Ты держись. Уж очень страшно ты хрипишь. Не захлебнись кровью-то, не помри раньше времени, ладно? Всё, я тебя дотащил, теперь полежи спокойно на травке.

Что дальше? Разжевать хмель-дурман, и эту жвачку – Партизану в рот? Стоп! Нужно сделать кое-что ещё. Голодный кровопивец… или как он его называл? – в общем, голодный кровопивец чужих просьб не слышит; кажется, что-то такое говорил дядя Дима Архипу. А может, и не говорил, может, я сам это придумал. Какая разница?

Значит, сначала нужно накормить растение, остальное – после. У дяди Димы была собачонка. Была собачка, нет собачки, отгадайте, где она? Скушал кровопивец. Приятного аппетита! Где в лесу раздобыть собачку? Вопрос! Дядя Дима не позаботился заранее о подходящей жертве, я тоже. У него под рукой была облезлая собачонка, у меня ничего нет. Может, зайчик сойдёт, или белочка? Есть же здесь кто-нибудь не очень зубастый и не очень злобный? Из тех, кем все эти злобные и зубастые питаются. Ладно, пойдём на охоту…

Я зажмурился, напрягся. Ох, словно лбом о стену. Совсем нет сил, ничего-то без хмеля не получается.

Значит, говорите, дурман в умеренных дозах полезен? А если в неумеренных? Проглотил я отраву, пока нормально. Даже хорошо. Мышцы расслабились, из них ушла боль. По организму разлилась истерическая бодрость. Поищем? Вот он. Надеюсь, это подходящий экземпляр. Забавно получится, если я сейчас приманю кого-нибудь

большого, зубастого и злобного. Кис-кис-кис, не бойся, иди сюда, получишь вкусняшку. Ты же не зубастый и не злобный, правда?

Явился не очень крупный, не больше домашней кошки, пушистый зверёк. Славный мальчик, красавец. Дело вовсе не в зубах и когтях – они приемлемых размеров – и не в ядовито-зелёной шёрстке. Два клыка, словно два маленьких кинжала, торчат по бокам открытой пасти. Саблезубый кролик, Архип бы помер от восторга! Ладно, сгодится и это чудо. Иди ко мне. Ещё и шипит, как гадюка! И сапог отпусти, зараза! Отпусти сапог, говорю! Не сердись, красавчик, не для себя стараюсь!

Я застрелил зверька, тушку – за уши, и кровопивцу на угощение – кушай, вкусно! Ещё и спасибо скажешь! Нравится?

Вижу, нравится. Листья свернулись в кочан, по ним растёкся багрянец. Пока ты жрёшь, нужно подготовить Партизана. Опять хмель-дурман. Жевать, жевать, жевать. Во рту кислая кашица. Не сглотнуть бы, двойная доза, это слишком. Я склонился над дядей Петей, и внутри похолодело. Не дышит! Фу-х-х, показалось. Ещё жив. Раз живой, открой рот. Рот открой, понимаешь?

Я, разжал сомкнутые челюсти лесника, и, прильнув к губам, выцедил пережёванное зелье. Партизан зачмокал. Кадык задрожал. Всё, сглотнул. Теперь будем ждать, пока кровопивец насытится зверушкой. Подумаем, всё ли сделано? Не всё. Настёну перед этой процедурой раздели. Не знаю, важно ли это…

Ох, тяжело раздевать недвижного человека. Начнём со штанов. Следом – исподнее. Никогда этого не забуду! Стаскиваю с лесника влажную куртку, отдираю грязные бинты. Жуткая рана гноится и кровит. Кожа вокруг почернела, надулась опухоль

Ещё Настёну обмазали чем-то блестящим и вкусно пахнущим, украсили цветами. Не знаю, можно ли обойтись без этого, но такой услуги, дядя Петя, я предоставить не могу. Перебьёшься как-нибудь.

Эй, Партизан, ты что? Не нужно тебе приходить в сознание! Зачем?

Очнулся, и пристально так смотрит, следит за мной взглядом. Только молчи, не мешай, пожалуйста!

Растение переварило кролика, листья неохотно раскрылись, подставив дождю забагровевшее нутро. Будь что будет. Ты, Партизан, прости, если что. Тебе, по любому, нечего терять. Я хотел, как лучше, а

как получится – скоро узнаем! Ладно, удачи тебе, и мне тоже… давай смелее!

Кровопивец лениво запеленал Партизана. Пока я смотрел на это, десять раз испугался того, что затеял, десять раз передумал это делать и десять раз осмелился заново. Лесник забился в конвульсиях; видно, умирать ему жуть, как не хотелось. Но туловище листьями обёрнуто, не очень-то подёргаешься. И закричать не получилось – в рот заполз волосатый отросток. Зато на лице жуткая гримаса. В глазах ужас и ненависть, глаза эти прямо из багрово-зелёного кокона уставились на меня. А я не знаю, что делать…

Думал, начну, а там разберусь, что к чему. Должно было быть так: стану слушать лес, как научил дядя Дима, зацеплю сознание кровопивца, и прикажу ему лечить. Просто и логично. Только ничего не получилось. Голова кружится от дурмана. Лес, как на ладони – он спокоен. О чём ему тревожиться? Чужаки убежали, твари, которые пришли, чтобы их прогнать, больше не нужны; они разбрелись, недоумевая, что заставило их сбиться в разношёрстную стаю. Это я слышу ясно, но мне надо совсем другое.

Кровопивец! Как же тебя почувствовать? Интересно, у растений есть сознание? Может, какое-никакое всё-таки имеется? Почему я тебя не вижу? Ты – всего лишь призрачное сияние, бесформенное облачко, которое не то, что уцепить, ощутить невозможно.

Партизан затих. Конец?

Я уселся на мокрую траву возле кровопивца; ноги калачиком, а сам качаюсь, как берёзка на ветру. Что ещё делали, когда лечили Настёну? Песню пели! Странная была песня: гудение пополам с жужжанием. Попробую, вдруг, именно этого кровопивцу и не хватает? Зажмурился я, загудел, зажужжал, а про себя бормочу полумолитву-полубред:

– Лес, помоги, тебе что, трудно?! Я знаю, ты можешь! Я сам видел… понимаешь, лес, хороший человек помирает! Он любит тебя, лес. Ну, ладно, пусть не совсем любит. Может, даже, наоборот… но он всегда с тобой, он без тебя и вовсе не он!

Допускаю, что в лесу есть специальное хранилище знаний. Возможно, я подключился к такому хранилищу. А может, всё произошло совсем по-другому, но только в какой-то миг почудилось,

что я понял: если Партизан не захочет помочь себе сам, лес помочь не сможет. Это же яснее ясного!

В тот самый миг, когда показалось, что сознание вот-вот меня покинет, что сейчас я грохнусь рядом с кровопивцем, и больше не встану, я и нашёл то, что мне было нужно. Поплыло, завертелось, и я увидел слабый, мерцающий огонёк – безвольный и гаснущий. Партизан? Отзовись, Партизан. Отзовись, отзовись, отзовись

Ко мне потянулся мотылёк умирающего сознания. Жизнь, она хорошая, дядя Петя. Бывает гадкой, ужасной, а другой у нас с тобой нет, и не предвидится. Значит, нужно цепляться и за эту. Борись, Партизан, сдаться мы всегда успеем! Не страшись леса. Он тебе не враг. Откройся ему. Смотри, как надо. Ты умеешь. Да, ты правильно делаешь! А теперь ори, да так, чтобы у чёртова леса зазвенело в ушах, и потемнело в глазах. Пусть его проймёт, гада бездушного! Со всей дури кричи: «Я хочу жить! Я хочу жить! Я хочу жить!» Лес услышит. Обязательно услышит.

Лес услышал…

У меня получилось, и – я откуда-то это понял! – теперь всё будет хорошо. Мотылёк умирающего сознания разорвал паутину боли. Он запылал яростным пламенем. В почти мёртвое тело по капле потекли необходимые живительные соки. Тяжко стряхнув липкий дурман, я открыл глаза. Спелёнатый, опутанный травяными нитями, Партизан спал. Его щёк слегка коснулся румянец. Друг, что мог, я для тебя сделал. Дальше, как-нибудь, сам, а мне нужно отдохнуть.

Я побрёл к своим. На меня вытаращились. Савелий попытался встать, но Степан положив ему руку на плечо, что-то зашептал; механик успокоился. Ренат опасливо подвинулся, освободив место у костра; и когда успели разжечь? Я сел, озябшие ладони потянулись к огню. Оказывается, я продрог. Ух, как трясёт, зубы выбивают чечётку. А вы думали, легко творить чудеса?

– Получилось, – сказал я, одолевая дрожь.

– Что получилось-то? – спросил Степан.

– Партизана я вылечил, вот что.

– Хорошо бы. А то мне в последнее время частенько из-за тебя прилетает в морду, – Ренат потёр скулу, на которой багровела свежая ссадина. – Когда в следующий раз захочешь поколдовать, ты сперва свяжи Савку, а с меня хватит. Этот бугай хотел тебе шею свернуть,

когда ты отдал Партизана этому растению, думаешь, легко с таким справиться? И так страха натерпелись, глядя на твои выкрутасы. Шаман, блин! У самого была мыслишка завалить тебя, да Степан не разрешил. Давай, говорит, посмотрим, чем дело кончится. Любопытно, блин, ему!

– Всё будет хорошо, точно вам говорю, – промямлил я, и опрокинулся в холодную траву. Сон был, как омут.

День одиннадцатый

Сон, как студёный омут: тратя последние силы, выныриваю, чтобы судорожно глотнуть воздух, и вновь затягивает глубина. Поняв, что окончательно очнулся, и больше, даже если очень постараюсь, заснуть не получится, я чувствую лишь облегчение. Заботливо приготовленное для меня ложе из елового лапника не спасает от предутреннего холода: тело трясётся в ознобе, ноют кости, болят усталые мышцы – какой уж тут сон.

Кажется, скоро начнёт светать. Ветер шуршит кронами, слышно, как с листьев падают капли, но дождь прекратился, тучи разбежались, и луна залила пространство меж чёрными деревьями зыбким светом. Укрывшая меня разлапистая ель под дуновением ветерка покачивает ветвями, иногда под неё залетают отсверки костра. Мне хочется тепла и света, и я выбираюсь к огню.

Когда я вылез из-под дерева, никто на меня и не посмотрел, все уставились в темноту, оттуда доносилась тяжкая брань, а потом неподалеку затрещали ветки, и в неверном свете я увидел, как из ельника выдрался Партизан – белёсое пятно во тьме.

Растрепанный и голый человек притулился у костерка, к мокрому телу прилипли травянистые волокна и еловые иголки. Те, кто не совсем обалдел, похватали оружие, а меня одолела оторопь, потому что не ожидал я, что это случится так быстро. Настёне, чтобы вернуться с того света, понадобилось добрых полдня.

Первым к другу бросился Савелий.

– Вот те на, Савка! Ты откуда взялся? – удивлённо завопил Партизан, остановив поток сквернословия, а потом растерянно спросил: – И вообще, где это мы? И что вы здесь делаете?

Лесник не понимал, что с ним произошло. Голый – лишь накинутая на плечи куртка Савелия защищает от ночной прохлады – он скукожился у костра; всю одежду Партизана я разбросал возле кровопивца, тогда мне и в голову не пришло забрать её с собой, а лезть в темноте за грязным тряпьём в логово хищного растения дураков не нашлось. Только это не все плохие новости для Партизана; как бы сказать ему поделикатнее, что придётся топать по лесу босиком? Нам и

в голову не пришло захватить из Ударника его обувь. Самого Партизана взяли, а про сапоги и не вспомнили. Разве кто-то думал всерьёз, что они ему ещё понадобятся?

Лесник нещадно скрёб ногтями голое тело; облепившие туловище обрывки кровопивца отдирались неохотно, с едва слышным треском. Когда Партизан вытаскивал из-под кожи очередной обломанный шип, над поляной разносилась смачная брань.

– …Объясните, что случилось? Дайте покурить! Нет, сначала есть! Я буду жрать, а вы рассказывайте. Знаете, как было хреново! Долго-предолго, хреново-прехреново. Это помню, а дальше – не помню! И есть хочу!

Механик, чтобы накормить друга, выложил из своего рюкзака все припасы. Суетясь возле Партизана, он иногда, вроде бы случайно, задевал его ладонью, видно, проверял, не призрак ли перед ним.

– На мне что, сиськи выросли?! – накинулся на Савку лесник, механик отпрянул, и замотал головой. – А зачем ты меня лапаешь? Найди себе девку, и лапай, сколько влезет, а меня не трожь!

И он, торопливо и шумно, слопал всё, чем поделился с ним Савка. При этом лесник, ни на секунду не умолкая, чесал языком. Я и не догадывался, что Партизан может так много, смачно и не по делу болтать:

– Открываю, значит, глаза, чую, обмотали меня листья, будто кочерыжку. Хочу на помощь покричать, а во рту толстенная волосатая дрянь. И между ног, чувствую, что-то егозит… тьфу, срамота! Ни вздохнуть не могу, ни чего ещё… рукой пошевелить – и то не получается. Ногой подрыгать – тоже никак. И, главное, не помню ж ни черта! Сообразил, что нужно выбираться. Как про это подумал, так сразу и отпустило. Руки-ноги освободились, волосатые шланги из меня повылезали. Встал я, значит, на карачки, хотел проблеваться, а из меня какая-то едкая жижа прёт. А потом костёр заметил. Пока ног не почувствовал, полз, а как дополз до ёлок, на ноги поднялся. Ну-ка, кто расскажет, что за дела здесь творятся?

Вызвался Савелий – рассказал, как сумел. Партизан кое-что понял, а что не понял, то дофантазировал.

– Значит, хотел скормить меня кровопивцу? – прошипел он. – Я-то думал, что примерещилось, быть не может, чтобы Олежка…

В глазках лесника злобно сверкнули отблески углей. Я попытался отодвинуться, вдруг показалось, что лечение дало побочный эффект – тело выздоровело, а мозги, наоборот… – но крепкая ладонь схватила меня за грудки. Видно, встревожился не только я, Степан занял позицию за спиной лесника.

– Сперва хотел повесить, а теперь решил так со мной разделаться? Что плохого я тебе сделал, гнида?! Ты заодно с Зубом, да? Вы, менты… – Партизан примерился к моей переносице, только бы не вздумал боднуть. На лбу и так надулась здоровенная шишка, я чувствовал, как она пульсирует. Для полного счастья не хватает сломанного носа.

Степан легонько, чтобы отвлечь от меня, и немного привести в чувство ошалевшего лесника, хлопнул его по плечу. Тот выпустил мою куртку и набросился на кума – точно, повредился головой! Степан, заломив руку Партизана, развернул, а затем пнул его. Грязный сапог плашмя шлёпнул по голому заду; если смотреть со стороны, получилось даже забавно. Глупая ситуация, и немного для Партизана непонятная. Побить бы кого-нибудь для успокоения нервов, да не получается. Наверное, очень неприятно, когда все против тебя, а ты голый и растерянный. Степан, изобразив на лице скуку, поигрывает ножиком, поодаль Ренат – укоризненно качает головой, его автомат, вроде и смотрит в сторону, да неспроста ментяра насупился и зыркает исподлобья – разбери, что у него на уме! И уж совсем ни в какие ворота – верный Савка не рвётся заслонить грудью: руки его машут, будто крылья, глаза, что блюдца, и орёт он громко, но, почему-то, на Партизана, а не на его обидчиков.

– Ты бы сначала выслушал, дядя Петя, – попытался я угомонить возбуждённого человека. – А то скандалишь, не разобравшись!

– Пусть послушает, может, докумекает. Ренат ему растолкует, кто, кому и чем обязан, а мне надо бы с тобой посоветоваться, – кум сунул нож за голенище, и увлёк меня с освещённой костром полянки. Когда мы отошли, он зашептал: – я здесь, как слепой. Ничего не вижу, а понимаю ещё меньше, но чувствую, что за нами следят. Объяснить не могу, да что-то мне жутковато. Смотрю на ночной лес, как нецелованная девка на тёмную подворотню и сам на себя страх нагоняю. Других я решил не пугать, а ты знать должен. Сам решай!

Я ничего не услышал – моим ушам не дано отличить звук шагов крадущегося зверя от шороха листвы. И не унюхал – после ночёвки под дождём нос с удовольствием хлюпал, но едва ли уловил бы запах твари, даже если бы она сдохла под ближайшей ко мне ёлкой несколько дней назад. И уж, тем более, ничего не увидел в сгустившемся перед рассветом сумраке. Но я почуял волков: они не агрессивны и не дружелюбны, и они явились по мою душу.

– Оставайся здесь, – сказал я, и направился туда, где, как мне чувствовалось, затаились звери. Я, действительно, не видел опасности. Хотели бы, давно б разорвали, этих не отпугнёт едва живой костерок. Но кума с собой я брать поостерёгся, не был уверен, как стая отреагирует на Степана, а, главное, как отреагирует на зверей Степан.

Небо чуть посветлело, но меж деревьями по-прежнему чернильная тьма, лишь едва заметно, ещё сильнее подчёркивая эту тьму, светятся шляпки перезрелых грибов и гнилушки. Я увидел едва различимый чёрный силуэт, горят жёлтые светляки глаз – вожак вышел навстречу, он ждёт. Почти собачье тявканье предостерегло: ближе подходить не следует.

Говорить с животными невозможно даже мысленно. Я думаю, что для них слова, тем более, не произнесённые вслух, ровным счётом ничего не обозначают. Наше с волком общение – это мешанина из образов и чувств. По-человечески это могло бы звучать примерно так::

«Стой здесь. Не бойся (снисходительно и добродушно сообщает волк). Ты не добыча. Ты в моей стае. Сейчас. Потом не попадайся. Будешь добычей (это уже предостережение)».

«Я тебя понял».

Ещё я понял, что вожак не знает, что заставило его привести сюда стаю, просто знает, что находиться здесь и охранять меня – естественный порядок вещей. Я не вижу в этом ничего естественного, и понимаю гораздо больше того, что хотел сказать волк. Это меня пугает. Но, вернувшись к Степану, я даже не делаю попытки объяснить, какая забота меня одолела.

– Они нам не навредят, если мы сами не спровоцируем, – успокоил я Белова. – Они пришли, чтобы охранять нас… или сторожить.

Мы вернулись к костру. Партизана к тому времени угомонили, привалившись спиной к берёзе, он пытался соорудить из рукавов

куртки механика какое-то подобие обуви. Лесник выглядел потерянно – кураж и жажда деятельности поугасли.

– Слушай, мне Ренат объяснил. Вон как, оказывается, – глянув на меня исподлобья, пробубнил Партизан. – Значит, будем считать, расквитался ты со мной за то, что хотел повесить… может, я ещё и должен. Ты знаешь, за мной не заржавеет! А Зуба ты, в самом деле, завалил?

– Там всё по-честному, – почему-то заоправдывался я.

– Мне без разницы, как у вас там было! Должок за ним остался. Значит, он опять сумел отвертеться… – нашёл новый повод для расстройства Партизан.

А за компанию с ним загрустил и Савелий. До него, наконец, дошло, что никакие кровопивцы не монстры, если даже почти мёртвых людей исцеляют. Вон оно что, граждане! Получается, зря механик в Антоху стрельнул? Удружил, называется! Не знал я, как объяснить, что не было у нас шансов оживить Антона, мы тогда и не представляли, что такое возможно. Пришлось растолковывать, что кровопивцы – они, как люди, тоже разные: одни хорошие, а другие – так себе. Честно-честно, Савка, тот гад был очень злым, значит – всё ты сделал правильно! Утешил я механика. Самого бы меня кто утешил, тяжко стало на душе после встречи с волками.

Едва из утреннего сумрака проступили очертания деревьев, я принёс Партизану одежду и мы торопливо собрались. Шли быстро, надеясь опередить потихоньку выползающий из овражков туман. Партизан, слегка опомнившись, вновь принялся безумолчно болтать, а когда, наконец, выговорился, на него навалилось угрюмое безразличие. Время от времени лесник останавливался, чтобы поправить обмотки на ступнях, потом его взгляд начинал беспокойно шарить по кустам и деревьям, а руки искали несуществующее ружьё. Мы, не дожидаясь Партизана, шли дальше, и тому приходилось, чертыхаясь догонять.

Волки не лезли на глаза, но их присутствие чувствовалось. Я прибавлял шаг – да разве от зверья убежишь? И вовсе я не боялся, что затевается недоброе, а всё равно хотелось оказаться как можно дальше от этих попутчиков. Лесник нервничал, он чуял – поблизости кто-то есть, а опыт говорил, что зверь может быть либо охотником, либо дичью, по-другому никак. Я не пытался убедить лесника в обратном; он и без того время от времени колол меня подозрительным взглядом.

Понятно, не по вкусу ему, что здесь командует абсолютно тёмный в этом деле, и, кажется, немного спятивший молокосос.

Вскоре мы подошли к мосту; костюмов химзащиты на месте не оказалось – там, где был тайник, остались разворошённые ветки да листья. Не буду врать, что ожидал чего-то другого, но была-таки, надежда.

Барачники намного опередили нас. В лесу нынче беспокойно, надежда лишь на то, что это их задержало. Может, да, а, может, и нет, они идут по железке, и, скорее всего, уже вышли из леса, а нам теперь придётся полоскаться в болоте.

Шоссе, деревня, где возле дома, в котором мы провели ночь, разбросаны обглоданные падальщиками кости волколаков, снова лес, и болото.

Похоже, волкам известен короткий путь через топи. Мы ещё не выбрались на берег, а волки поджидают нас там, где рельсы выныривают из воды. Теперь я хорошо их рассмотрел – это крупные, очень крупные звери. Они больше не хотят прятаться, сбились в кучу, бока вздымаются и опадают. Мокрая шерсть, раззявленные пасти, алые языки и желтоватые клыки.

– Не вздумайте стрелять, – забеспокоился я, и, поспешно выбравшись из болота, пошёл к волкам. На меня уставилось восемнадцать хищных глаз, горящие взгляды выморозили внутренности, но я не остановился. Когда я приблизился, звери нехотя потрусили в лес, и только когда они ушли, люди решились выйти на берег.

Я решил, что буду делать дальше, и теперь обрадовал товарищей:

– Идите без меня.

– Что случилось? – опешил Степан.

– К чужакам собрался? – догадался Партизан. – По Настёнке своей заскучал?

– Сообразительный! – сказал я. – Ты умеешь слушать лес, вот и послушай, может, смекнёшь, что к чему.

– Да я бы послушал, я бы послушал… – ответил лесник, и, помявшись, спросил: – У тебя есть хмель? Без него я глухой.

– Что ж сразу-то не сказал? – я отсыпал Партизану несколько шишек. – В общем, так, звери вас не тронут, вы только сами к ним не лезьте. И пасюкам не попадайтесь.

– Что встали, орлы? Пошли, – лесник слегка повеселел: ему больше не придётся выполнять дурацкие приказы спятившего молокососа, теперь вокруг лес, а Партизан главный. Привычная роль в знакомых декорациях. А, может, всё проще, и человеку для счастья не хватало пары шишек хмеля. Несколько дней жизнь в нём поддерживалась дурманом. Вдруг, теперь он без этого коварного зелья и вовсе не сможет?

Я баламутил ногой болотистую жижу, которая в этих местах заменяла почву. В сапоге хлюпало. Я задумчиво посмотрел вслед уходящему леснику, и, не удержавшись, окликнул его. Партизан остановился, и, оглянувшись, спросил:

– Чего тебе?

– Ты заметил, что больше не хромаешь?

– Иди ты лесом! – ответил Партизан, а сам притопнул покалеченной ногой, на лице промелькнуло изумление, и лесник, махнув рукой, бросился догонять ушедший вперёд отряд.

– Уже иду, – вздохнул я, и свернул с железки. Путь мне перегородил большой серый волчара. У зверя выпуклый лоб, а на боку рыжая подпалина. Одно дело – беседовать с ним в темноте, совсем другое – смотреть в жёлтые глаза, ощущать запах псины и горячее дыхание. Одно дело догадываться, а другое – видеть, что ты живой лишь потому, что зверь позволяет тебе жить. Я попытался стряхнуть охватившее меня чувство незащищённости, а волк начал разговор:

«Уходишь, Вожак (недоумение)?»

«Да»

«Нам бежать с тобой?»

«Не надо. Я один»

«Теперь можно охотиться на твою стаю (предвкушение)? Ты их больше не защищаешь?»

«Это моя стая. Нельзя убивать. Надо охранять»

«(сожаление) Ладно, они останутся живыми. Я прослежу. Не попадайся, когда я охочусь. Ты будешь добычей»

Волчара слегка наклонил голову, и оскалил пасть, будто улыбнулся. Раздалось почти собачье тявканье. Пёс! Передо мной большой, глупый и ласковый пёс! Представилось, что я взлохматил зверю загривок. Недовольный рык, вздыбленная шерсть и обнажённые клыки. Я отпрянул: «извини, серый, был неправ, пойду своей

дорогой». Долго ещё взгляд жёлтых глаз буравил спину. Волк боролся с инстинктом. Настигнуть, повалить, разорвать – это естественный порядок вещей. На всякий случай я прошептал: «не добыча, не добыча, не добыча!»

* * *

Волки… ещё долго не оставляло чувство, что звери следят за мной. Когда я впервые заглянул в горящие жёлтым глаза вожака, в голове будто что-то щёлкнуло, картинка сложилась. Тоже мне, достижение – к двум прибавить два! Если немного поразмышлять, да сопоставить факты, всё покажется очевидным. Беда в том, что не было возможности хоть на миг перевести дух, а, тем более, подумать. В последнее время я занимался другим – пытался выжить.

Волчий эскорт, это конец истории, пусть, даже, середина, а мне хотелось бы разобраться, с чего всё началось. Хотя бы это: откуда я узнал, как надо лечить Партизана? Будто инструкцию прочитал: сделай так, а потом – эдак. Или вот: я дрался с Зубом, и лес, по какой-то своей прихоти, пособил. Как я просил, так он и помог – накачал звериной яростью и заставил моё тело работать далеко за пределами возможностей. Память услужливо прячет подробности, оставляя на виду лишь смутные застывшие картинки, а на этих картинках угадывается: я, обратившись в чудовище, терзаю ножом живое тело. Как вышло, так и вышло – не мне привередничать, а то, о чём не хочется вспоминать, я уговорю себя позабыть.

А если ещё раньше? То самое ощущение скребущейся и вымораживающей внутренности ледышки. А сверлящий дыру в затылке воображаемый взгляд? Куда это делось? Ушло, растаяло, как снег, уплыло туманом. Между тем, как было раньше, и тем, как стало сейчас, я познакомился с вождём чужаков. Ладно, допустим, дядя Дима всего лишь научил меня, как это у него называется, «говорить с Миром». Ага, накормил дурманом, я посмотрел странные видения, и всё случилось. Ничего усложнять не надо, правда?

Только была у Архипа занятная идейка, мол, действия леса иногда кажутся разумными именно потому, что в его ментальную сеть включен разум дяди Димы, а, может, и других чужаков. Или это говорил Артур? Не важно! Важно, что я не захотел услышать: некоторые вещи лучше пропускать мимо ушей. Если знаешь –

необходимо что-то делать, а если не знаешь, тогда и волноваться не о чем – пусть всё идёт своим чередом.

Но если дядя Дима, быть может, сам, а, скорее всего, вместе с другими чужаками, день за днём заставляет Мир вертеться в нужную ему сторону, значит, он виноват и в том, что лес хочет уничтожить Посёлок! Логично? Вроде бы, да! Я не утверждаю, что дядя Дима вредит людям специально, я скорее поверю, что он и не догадывается о том, как на самом деле обстоят дела. Он считает, что вокруг него разумный Мир, и не видит, что этот Мир – увеличенное и перекривлённое отражение его же собственного разума. Вернее, он и есть разум этого Мира.

Для вождя Посёлок – зло! Для леса это сигнал к действию. Мы ничего плохого чужакам не сделали, возможно, нелюбовь к нам зародилась в те времена, когда Димка обидели беглые зэки. Дмитрий думал, что такие, как они и держат в Посёлке власть. Может, это не повод, чтобы стремиться уничтожить неизвестное поселение вместе с незнакомыми людьми, но вполне достаточная причина для возникновения неприязни.

И вообще, не имеет значения, как всё началось. Важно лишь, как обстоят дела сейчас.

Если я ошибаюсь, и в моих рассуждениях нет ни крупицы истины, это тоже не имеет значения. Не важно, что всё может быть не так, гораздо важнее, что, быть может, всё так и есть. Я догадываюсь, как бы поступил Степан, если бы знал то, что знаю я, но что же делать мне? То есть, понятно, что мне следовало бы сделать; цена вопроса слишком высока. Возможно, потом я сумею убедить себя, что именно так и надо, а другие варианты гораздо хуже. Но убить дядю Диму? Просто – взять, и застрелить? У меня получится. Смог же я зарезать Сашу, а он тоже когда-то был мне другом. Наверное, потом, если останусь жив, я буду ненавидеть себя за предательский выстрел, и постараюсь забыть ещё один эпизодец из своей жизни. Это пустяковая цена за возможность дать Посёлку и людям шанс на выживание. Пусть это теперь не мой Посёлок.

Но пока лучше об этом не думать; вокруг лес. Интересно, можно ли, подключившись к ментальной сети, считывать не только эмоции, но и мысли? У меня, положим, не получается, но это не значит, что и чужаки не могут. Как-то же они умеют общаться без слов.

Я не сбился с дороги, что-то во мне вернее любого компаса указывало нужное направление. Прошло немного времени, и простуженный нос уловил едва ощутимый дух жарящегося на углях мяса. Желудок заурчал, как домашний котёнок, ему захотелось горяченького, ароматного и вкусного. Но я не стал торопиться, надо бы ещё раз всё обдумать и взвесить. Хотя, кого я обманываю? Решение было принято ещё тогда, когда я заглянул в глаза зверю, против своего желания пришедшему нас охранять.

– Привет, как дела? – сказал я, подойдя к костру. Особого интереса моё появление не вызвало, похоже, здесь я стал своим. Тем лучше.

– Иди, – мне указали на избушку дяди Димы, – ждёт.

Сидящего на травке возле избы, и прислонившегося спиной к стене человека я заметил издалека. Без куртки, босой и в камуфляжных штанах, он грел на солнышке обнажённый живот. На лицо упали космы спутанных волос, из-под которых высунулась рыжая клочковатая борода. Показалось, я знаком с этим человеком, а потом я его узнал. Но это не может быть Леший, такого не бывает. Я бросился к другу, и, как в невидимую стену, с разбега врезался в пустой взгляд. Теперь я увидел – тот, кого я принял за Лешего, ненормально расслаблен, слюнявый рот приоткрыт, а взгляд блуждает нигде.

– Леший, – позвал я тихо, – не узнаёшь?

Показалось, или на самом деле в глазах человека затеплилась искорка мысли? Эта искорка разгоралась, разгоралась, да так и не разгоревшись, угасла. Точно так же, как я недавно разговаривал с волком, я решился поговорить с Лешим. но тут же отпрянул – пустота, в звериной голове было больше человеческого. Не Леший это, лишь оболочка. Дружище, что они с тобой сделали? Выждав какое-то время, я вновь потянулся к Лешему – очнись, да очнись же! – и что-то в пустоте затрепетало.

– Олег? – невнятно пробормотал Леший, и после долгой паузы, – Зуб гадина. Берегись его.

И снова – серая, без малейшего просвета, муть.

«Это чужаки сотворили с ним такое? – подумал я, стискивая автомат. – Но, как же? Зуб его убил! Выходит, они оживили! Каким бы Леший ни был – он живой».

– Я чувствовал, ты идёшь за ним, – сказал дядя Дима, выглянув из-за двери.

– Нет, – ответил я, – Я не знал, что он жив. Я… по другому вопросу

– Он и не жив, и не мёртв. Он посередине. Мальчики услыхали, что он умирает. Он хотел жить и он почти добрался до леса, а в лесу почти умер. Мальчики старались, тело исцелили, разум он открыть испугался, и теперь его душа спряталась глубоко-глубоко. Она вернётся к нему, или нет. Я попробую вернуть душу, только нужно время. Хорошо, что он тебя узнал, добрый знак.

Они, значит, спасли Лешего, а я пришёл их убивать – очередная загогулина! Казалось бы, всё ещё больше усложнилось, а на самом деле, наоборот, стало проще, только сразу я этого не понял, а когда сообразил, навалилось облегчение… я бросил автомат на землю. Вот уж нет! Я честно попытался, и не смог, потому что нашёлся повод не делать этого. Совесть у меня чиста. Можете натравить на Посёлок хоть всех лесных тварей, а я, пока не пойму, что вы это сделали специально, убивать вас не стану. Потому что думаю, не враги вы, а значит, есть надежда, что вы же мне и поможете.

Степан сказал бы, что я размазня, хлюпик, и, вдобавок, идиот. Наверное, так и есть. Если б я, когда была возможность, застрелил бы Пасюка, и, заодно, Асланяна, со мной бы не произошло множество неприятностей! Вместо них появились бы другие. В том и беда, что не знаешь, каким местом к тебе жизнь, полосатая стерва, повернётся.

Дядя Дима смотрел на меня прищуренными глазами.

– Оставь оружие на земле, и зайди в дом, – велел он, и я подчинился. Одно я знал точно – Степану про то, что я опять не решился стрелять в безоружного человека, лучше не говорить.

Я прислушался к ворчанию в желудке. Там, будто камешки перекатываются; сам виноват, наглотался жирного мяса, теперь страдаю. Рядом початый кувшин, дядя Дима внимательно слушает, а я рассказываю о своих злоключениях.

– У вас одно и то же, – подвёл итог чужак. – Вчера воевали, сегодня воюете, и потом будете воевать. Людей осталось мало. Надо жить и плодиться. Надо род возрождать, как делает всё живое, а вы убиваете. Так и будете убивать. Потом останется один человек. Потом он умрёт, и вас больше не будет. Люди – ошибка. Мир это видит.

– Вы тоже люди.

– Мы – другие. Мы останемся. А вы – нет. Приходи к нам и живи. Тебя и твоих друзей мы приютим. Остальных – нет.

– Спасибо и за это, – пробормотал я, и приложился к кувшину. – Но я хотел просить о другом. Мне нужно, чтобы ты меня научил. Понимаешь, мои друзья не могут вернуться в Посёлок. Они в лесу и мне надо защитить их от тварей. Вас твари не трогают, расскажи, как это сделать?

– Это? Это просто. Так можешь и ты. Думай о Мире, как о доме. Думай, что в доме хозяин – ты. Нельзя дом не любить, и нельзя его бояться. Это просто, разве не понимаешь? Если твои люди станут так думать, никто и никогда их не тронет. Даже один, думающий правильно, сумеет защитить других, если те не будут своими мыслями мешать. Понял?

– Не совсем.

– Ладно, расскажи мне, как ты вылечил Партизана? Я учу этому своих мальчиков, а получается не всегда и не у всех. С Лешим, это, с Лешим у них плохо получилось. А ты сам.

– Если б заранее понимал, как будет, не стал бы и пытаться, – честно сказал я. – А когда начал, стало поздно останавливаться.

– Вот и правильно, что решился, – улыбнулся дядя Дима. – Я тоже первый раз когда-то. Думал, что не получится! Ты вылечил Партизана, и не понял, что можешь не только говорить с Миром? Ты можешь управлять Миром – вот сила! Так и защитишь своих друзей. Понял?

– Не совсем. Управлять Миром, это то, что делаешь ты? Это же ты прислал к нам волков?

– Волков не знаю, – дядя Дима забрал у меня кувшин, и сам сделал несколько глотков. – Тебе было плохо, я не хотел, чтобы с тобой случилось плохое, а всё остальное случилось само. Ты думаешь, можно заставить подчиниться животных? Ненадолго можно, но когда отвернёшься, зверь вонзит в тебя когти. А вот ежели Мир поймёт, чего тебе надо, он сам сделает. Только надо стать частью Мира. Другому Мир не поможет.

Я забрал у дяди Димы кувшин, и надолго припал к вину. Получается, вождь сам признал, что лес исполняет его желания. Эх, моя нерешительность, надо было сразу стрелять, потому как сейчас не

смогу. Не смогу я и заставить дядю Диму изменить отношение к людям, и к Посёлку, а значит, всё пока останется, как прежде.

В этот раз усилий вообще не понадобилось: я разжевал хмель, подумал в нужном направлении – внутри, будто что-то щёлкнуло, и нарисовалась картинка: огненные брызги, разноцветные сполохи, радужные мерцания и переливы… красота, и жуть неодолимая; надо бы скорее вынырнуть из блистающего водоворота, и не получается; пучина влечёт.

Если спрятаться, свернуться в клубочек и замереть – про меня забудут. Нет! Вцепились и тянут в глубину. Похоже, конец! Спасите! Вдруг – тихий шёпот: «Всёхорошоуспокойсярасслабьсявсёхоро…» Чуть-чуть, совсем немного, отпустило. «Это ты, дядя Дима?» – послал я робкую мысль. «Кто ещё? – зашелестело в ответ. – Иди за мной…» Я зажмурился, и нырнул в радужный водоворот…

Меня пронзили искрящиеся волны. И настал миг, когда показалось – я понял: цветной хаос и не хаос вовсе, а сложная, и почти непознаваемая структура. Теперь я видел не только искорки сознаний, но и то, чем наполнено пространство между этими сознаниями. Я разгадал, как всё это связано. Лесной псевдоразум, он такой сумасбродный… чужой! Он впитывает в себя всё! Будь ты муравей, чья искорка сливается с другими такими же искорками в бесформенное сознание муравейника, или волколак, чей серый ум рыгает страхом и ненавистью. Неважно, кто ты – я тебя вижу. Жизнь кишит, мерцает, перетекает из одного в другое, связывается разноцветными нитями, заплетается и расплетается. Подчиняется сложным и строгим правилам. Если понять эти правила, если разобраться в связях…

На миг показалось, что я понял и разобрался. Если дёрнуть за эту нить, если её порвать, то… Меня подхватило и выбросило на поверхность.

Я лежал ничком в избушке дяди Димы. Старик тяжело и хрипло дышал. Кажется, от него пахло тем, что Партизан называет запахом страха…

– Ты молодец, – будто сквозь вату долетели слова, – но дурак. Да, ты глупый мальчик. Зачем делать, чего не понимаешь?

– О чём ты? – спросил я.

– Хочешь казаться ещё глупее? Или не ты сейчас пытался сломать красоту мира?

– А-а, – вспомнилось, как я хотел разорвать нить. – И что бы случилось?

– Что бы случилось? – переспросил дядя Дима. Кажется, он успокоился, по крайней мере, в прищуренных глазах зажглась ехидная улыбка. – Я откуда знаю! Может, ничего бы и не случилось. А может – случилось бы. Я не стал рисковать, чтобы узнать, и остановил тебя. А ты ещё сильней, чем я думал вначале! Для многих это невозможно, а для тебя это, думаю, только ступенька. Мир – это дом. У него много этажей. Раньше ты был на первом. Сейчас ты был на втором, и чуть не залез на третий. На первом можно понимать, на втором – управлять, а что на третьем я не знаю. Сам не пробовал…

– Почему?

– Боюсь, не хватит сил. Стану другим. Мир сильнее. Он меня подчинит, а не я. А ты сразу… говорю же – дурак. Надо загородиться, и наблюдать. А ты захотел переделать и поломать. Сначала контролируй себя, потом Мир. Или он станет играть с тобой, как с другими тварями. Ладно. Вот и ответ, как тебе защитить своих людей. Понял?

Я неуверенно кивнул, а дядя Дима продолжил:

– Не всё ты понял. Или ничего не понял. Думаешь, это Мир делает вам неприятности? Это вы делаете неприятности и Миру и себе. Научитесь думать без зла и страха, а смело и с любовью, Мир вас полюбит. Да разве вы сможете? Без помощи и ты сначала не сможешь. Завтра к полудню придут мои мальчики, они защитят твоих людей. Но ты должен пообещать, что вы не сделаете им зла. Это ты можешь пообещать?

Я кивнул чуть увереннее.

– Жди, где железная дорога приходит к вашему Посёлку, тебя найдут.

* * *

Две рыжих от ржавчины рельсы, как две путеводные нити. Они в последнее время всегда рядом. Куда бы я ни шёл – показывают направление. Не заплутаешь. Хочется пуститься вскачь, потому что тело наполнено энергией. Она кипит, пузырится, выплёскивается

наружу, её не удержать. А перед взором картина, увиденная во время путешествия вглубь Мира. Сейчас я там, в радужном круговороте.

Когда-то лес меня пугал, оказывается, его можно не бояться, а просто жить. Все умеют просто жить, но забыли про это умение. Мне помогли вспомнить, теперь я должен помочь вспомнить другим. Если получится, проблемы решатся сами. Их больше не будет – этих проблем. Даже не верится, что всё так просто. Наверняка, что-то я упустил, но об этом я подумаю не сейчас.

Я торопился – когда доза хмель-дурмана перестанет подпитывать энергией и оптимизмом, навалится депрессия, возможно, я свалюсь без сил. Надо успеть в Нерлей до темноты. Пока всё хорошо. Только Леший… его пустой взгляд, как заноза. Ничего, дядя Лёша, главное, ты жив. Значит, за тебя мы ещё поборемся.

Из-под ног брызгали разноцветные ящерки, я обошёл стороной гнездо с детёнышами какой-то змеюки, в чаще затаилась неведомая тварь – поджидая добычу, она передавала на всю округу: «иди сюда, здесь хорошо и спокойно». Я, вслух и мысленно, послал соблазнительницу подальше.

Недалеко от железки я заметил на дереве дикую кошку. Я не интересовал её: «шагаешь, и шагай себе мимо, дылда». Она мне тоже не очень интересна, и всё же я приказал: «Иди за мной». Спутник мне ни к чему, пожалуй, я это сделал просто из озорства; пока ещё внутри кипела подаренная мне хмель-дурманом, да так и не растраченная энергия. Кошка чуть не взорвалась от негодования: зачем ей бежать за непонятным двуногим существом? Но деваться некуда, пришлось семенить рядом. Улучив момент, когда я отвлёкся, залюбовавшись цветочной полянкой, этот комок недовольства и раздражения, сиганул в кусты. Вот, пожалуй, и вся моя власть над Миром. Но тем, кто считает лес абсолютным злом, совладать с которым нельзя, даже этот маленький фокус может показаться колдовством.

Ударник я обошёл стороной, даже воспоминания о том, что там произошло, заставляли зябко ёжиться, и еле слышно шептать ругательства. Понятно, что я не стал заходить и в Посёлок. Вот и унылый в дождливых сумерках Нерлей. Сказали бы месяц назад, что пройти лес из конца в конец можно за несколько часов, не поверил бы. Оказывается, если поспешить – почему бы и нет? А силы на исходе. Больше мрачных мыслей, тяжелее поступь.

Человека в кустах я почувствовал, хотя едва не прошёл мимо; чары хмель-дурмана почти развеялись, а без этого никак – слишком устал, и людей вокруг многовато.

– А ну, стой! Руки подымай! А личико-то открой, дай рожей твоей полюбуюсь. Брось автомат, говорю! А теперь подымай руки-то.

Как велели, так я и сделал. «калаш» на рельсах, капюшон скинут, руки в небо задраны! Чего ещё пожелаете?

– Ну-ка, поворотись. Только медленно, – пожелал часовой. Я повернулся, и он обрадовался. – Точняк, Олег! Думаю, может, обознался! Смотрю, идёт! Походка, вроде, знакомая, а харю и не видать. Вон, какой стал! Борода отросла! Мужик! Да ты автомат-то подыми, да иди себе, бродяга. Твой Захар в той избе. У него и спросишь, что да как. А вот и он, покурить вышел. Захар Иваныч! За-а-а-хар, твою! Подь сюда!

– Ладно, – сказал я, – слушай, как у вас дела? Нормально?

– А то-ж! Из Нерлея хорошо добрались. И девочка твоя, и другая девчонка. Все тута. Пасюки нас и не тронули. Ты так Санька-предателя отделал, они до Посёлка бежали, не оборачиваясь. А ты чо один? Нешто, случилось чего? Как Партизан-то? Отмучался?

– Да нет, Михалыч. Всё хорошо. И с Партизаном тоже.

– Ну? И хорошо, что хорошо. За-а-ахар, твою, где застрял-то?!

– Михалыч, чего орёшь, как потерпевший? – спросил прибежавший на вопли часового Захар.

– Дык, вон! – дружинник указал на меня пальцем. Захар вгляделся, и наконец признал в заросшем и грязном оборванце коллегу и товарища.

– Ух ты, Олег! – заулыбался он, – живой, чертяка. Наслышаны мы о твоих геройствах, дружинники лишь об этом и говорят. Я знал, далеко пойдёшь, если милиция не остановит. А зарос-то, бомжара! А ну, быстро в баню, надо бы тебя на вшивость проверить. А то, не ровен час…

И сграбастал меня длинными ручищами.

– Как вы тут? – закряхтел я, выбираясь из крепких объятий.

– Мы то? Дрянно, – погрустнел Захар, – Терентьеву совсем худо. Сам увидишь.

Хозяину, и впрямь, нездоровилось. Из Посёлка бежали в спешке – что успели, то взяли, а вытяжки хмель-дурмана под рукой не было. Из

больницы её должен был забрать Степан, да не получилось. «Терентьев без неё, считай, и не жилец, давно уж болеет, а сейчас почти загнулся Серёга, – грустно сказал Захар. – Если бы Архип из Ударника немного хмеля не принёс, наверное, и помер бы уже. Это чудо, что Клыков подоспел. Теперь не прячемся от пасюков. Наоборот, ждём их, пусть только сунутся».

– Здравствуй, Олег, – тихо сказал Терентьев, глянув на меня покрасневшими глазами.

– Здравствуй, – я осторожно пожал жёлтую, в пигментных пятнах, ладонь, лежащую поверх одеяла. Показалось, дотронулся до холодной и безвольной куриной лапки.

– Садись, – велел Терентьев, и я пристроился на краешке кровати. Натопленная изба. Тягостный дух, какой бывает в доме тяжелобольного человека. Недавно в этой избушке мы пережидали ночь. Разве тогда думалось, что судьба вернёт меня сюда? Комната наполнилась любопытными. Катя заставила Терентьева съесть шишку хмеля.

– Жуй, Сергей Владимирович, надо, – и Катюшка, бросив на меня косой взгляд, поспешно вышла. Не сказала, как рада видеть, и не поздоровалась. А Хозяин, меланхолично пережевав хмель, натужно сглотнул. Дёрнулся кадык, из уголка рта вытекла тонкая зелёная струйка.

– Расскажи старику, что в мире творится, – немного взбодрившись, поинтересовался Терентьев. – Эти молчат, не хотят расстраивать. Может, от тебя услышу правду. Видишь, как бывает! Дело всей жизни – псу под хвост. Ударили, откуда не ждал, видно, нюх я потерял. Пришла пора уступить дорогу молодым. Да где ж нынче молодых взять? Думал, без нас, стариков, не обойтись! А получилось наоборот – мы же всё и профукали.

– Ещё не всё, – подбодрил я Терентьева, – что-то же осталось? Ты, Сергей Владимирович, главное, не переживай. Может, оно и к лучшему? Теперь ты видишь, кто тебе друг, а кто враг.

– Точно, вся контра, как на ладони, нужно её прихлопнуть. Займёшься этим?

– Конечно, запросто! – я подумал, что, может быть, не так и плохи дела Терентьева, раз пытается шутить. Это шутка, правда? Не в серьёз

же он решил, что я все его косяки выправлю? Или всерьёз? Может, действительно, не в курсе человек, что вокруг него происходит?

И я рассказал, но получилось не совсем так, как на самом деле. Слишком оптимистично вышло, потому что тяжело это – говорить правду больному старику, да и незачем её говорить. Терентьев узнал, что это лишь на первый взгляд ничего хорошего в сложившейся ситуации нет, а на самом деле наоборот. Начнём с того, что эшелон – вовсе не фантазии Партизана, и скоро лесник появится здесь – на броневике, и с кучей оружия. Отберём у Пасюкова Посёлок, как пить дать, отберём, а после – заживём! Да не как раньше, а гораздо лучше, и правильнее. Потому что, во-первых, у нас теперь есть эшелон, а во-вторых, тратить силы на войну с лесом больше не будем! Чужакам и в голову не приходит, что с лесом надо воевать, а мы что, глупее? Сумеем, как они, тогда у нас будут и пастбища и поля. Еды – вволю, причём для всех. Бабы детишек рожают, мы охотимся да сельским хозяйством занимаемся – все при деле, и лишних нет. А стариков и больных мы будем лечить, это я теперь умею. Пусть все работают на благо Посёлка. Нечего им болеть! Кстати, я Партизана с того света вытащил, а тебя, Сергей Владимирович, и подавно вылечу. Ты ещё немного потерпи, и жизнь наладится.

Терентьев жадно слушал, и морщины на его лице разглаживались. Потом Хозяин уснул. Шатаясь от усталости, я вышел на свежий воздух. Тупая, и пока несильная боль пульсировала в висках, по затылку стучал молоточек.

Окончательно свечерело. Я пытался сообразить, где можно устроиться на ночлег. Прохладный ветерок трепал влажные от пота волосы. Лёгкие жадно глотали ночную свежесть; она казалась сладкой после отравленного свечами, махоркой и болезнью воздуха в комнате Хозяина. Очень кстати подошёл Клыков, дал покурить. Он сказал:

– Молодец, хорошо говорил, даже я заслушался, а старик и вовсе успокоился.

– Наверное, хорошо, – вздохнул я, –только не о том. Есть ещё одна проблема – скоро жить нам станет негде. Отсюда лес прогонит, а в Посёлок Пасюк не пустит. Знаешь, Клыков, нам нигде не рады. Я позвал на помощь чужаков. На первое время это выход. А дальше надо будет решать. Слушай, что-то я устал. Где тут можно поспать?

– Да где хочешь. Вон сколько пустых домов, заходи в любой. А лучше иди к Ольге. И Катя там, пообщаетесь. Накормят тебя девчонки, напоят, да спать уложат.

– Клыков, – попросил я, – Будь другом, проводи. Я не знаю, где они живут.

* * *

– Ну, что вы, в самом деле? Отстань, Клыков, ну, отстань, – но тот не отставал.

– Хватит спать, лежебока, – требовал он. – От Пасюкова пришли. Говорить желают.

– А я причём? – попробовал отбиться я, – Ты главный, ты и говори.

– А они не хотят со мной. Они опять хотят тебя.

– Хотят, перехотят, – забубнил я, пытаясь стряхнуть сон. Сговорились они, что ли? В который уж раз, едва засну, начинают будить. Лучше бы совсем не ложился, чем так. Голова, будто из свинца, мысли не то, чтобы разбегаются – их вовсе нет.

Я никак не мог вспомнить, куда подевал сапоги. Их принесла Ольга. Она, вытянув руки перед собой, держала мою раздолбанную обувку кончиками пальцев за голенища.

– Просушить бы, – сестра состроила брезгливую физиономию, и грохнула обувь на пол. – А портянки я выбросила. На пока мои.

Ольга протянула мне две относительно чистые тряпки.

– Сейчас, – я, кряхтя, обулся. Тело корёжила ноющая боль, – подождите.

Мы втроём вышли на улицу. Солнце вот-вот выползет из-за верхушек деревьев, звёзды погасли, а бледный пузатый месяц повис у горизонта. Клыков поделился табачком и трубкой, сразу полегчало. Голубое небо, нарядные берёзки колышут зелёными веточками, красота в общем-то! Жаль, и в этот раз нашлись желающие помешать радоваться жизни.

– Куда идти-то? – спросил я.

– На платформу, куда ж ещё? – ответил Клыков. – Там они, голубчики.

«Голубчики» озираются по сторонам, да с ноги на ногу переступают – неуютно им. А неуютно оттого, что вокруг десяток наших ребят, и каждый смотрит неласково. Пасюки задрали лапки

вверх, всем видом говорят: «ничего плохого мы не имели в виду, просто заскочили на огонёк, о жизни поболтать». А дружинники злые, не ровен час, поддадутся искушению. Они и не скрывают, что время церемоний закончилось, был бы повод, а за ними не заржавеет. Пасюки же хорохорятся, потому, как ничего другого им не осталось. В общем, все на взводе.

– Привет, Мухомор, и ты, Череп, здравствуй, – поздоровался я, – Зачем звали-то? Разбудили вот. Могли бы с кем другим побазарить, если приспичило.

– Пасюков велел договариваться с тобой, – объяснил Мухомор.

– Ну, если Пасюков, тогда ладно, тогда договаривайтесь, – разрешил я.

– Пусть они оружие-то уберут, – начал наглый и глупый Череп. – А то базара не будет. Переговорщики мы, понял? А переговорщиков трогать не полагается. На понт нас не возьмёте. Больше, как в Ударнике, не подставимся. В лесу наши люди, а вы тут, как на ладони. Дёрнетесь, и конец вам. Так что не советую, понял, сучий прихвостень?

– Как ты меня назвал?! Сучий прихвостень, говоришь? – прошипел я и, стремительно шагнув к Черепу, схватил его за грудки. Барачник от неожиданности подался назад.

Слова Черепа не произвели особого впечатления. Помня, как Клыков организовал оборону в Ударнике, я не сомневался – здесь дела обстоят не хуже. Я не боялся, что пасюки могут незамеченными пробраться мимо клыковских постов, куда им? Но мы, на всякий случай, проверим. Хорошо бы хмель-дурман пожевать, потому что тяжело без него такими делами заниматься, особо, когда не выспался и нервы на пределе. Тяжело, но можно.

Получилось не очень, тускло и мутно получилось, но я понял – если в лесу рядом с нами кто-то и затаился, их совсем немного. Звериной мелкоты полно, только не она меня сейчас интересует. Я почуял шестерых. Четверо по отдельности, они спокойны, и едва видны, скорее всего – наши. А двое, как прожектора в ночи, сияют страхом. Ещё недавно и я светился тем же самым, это сейчас поумнел, дошло до меня, что страх и есть магнит, который притягивает неприятности.

– Угрожать решил?! – я хорошенько встряхнул Черепа. – Жидковаты вы, чтобы мне угрожать. Думаешь, двое в кустах вам помогут? Да они скоро от страха обгадятся.

Череп вылупился на меня, глазки захлопали, видно, барачник решал сложную задачку: что лучше – продолжать борзеть, или сбавить обороты?

– Где прячутся? – влезла в мужской разговор Ольга, я показал туда, где, как мне виделось, засели пасюки. Сестрёнка обратилась к дружинникам: – Что, парни, проверим? Этих можно, в случае чего, немножечко подстрелить?

– Их можно, – разрешил я, – они же не переговорщики.

– Ты, Олежка, погоди в бочку лезть, это Черепок немного недодумал, – вмешался Мухомор. – И ты, девонька, не спеши. Насилу мы вас отыскали. То в Ударнике вы, а то в Нерлее, непонятно, где будете завтра. А мы к вам с хорошим предложением. Выслушали бы.

– Мы бы выслушали, – ответил я, – да вы ничего не говорите, только понты кидаете.

Череп возражать не решился, но глазёнки зыркнули из-под бровей. А Мухомор сказал:

– Слушай, Олежка, что велел тебе передать начальник!

– Начальник, это теперь кто? – спросил Клыков.

– Это Пасюков, других сейчас нету. Так вот, он говорит, что все немного погорячились. И он перестарался, и ты, Олег, тоже намудрил. А дела творятся нешуточные, и нервы у людей не железные, вот и вышли непонятки. Для всех лучше, если забудем недоразумения. Хватит резать друг друга, нас и так мало. Возвращайся ты в Посёлок, хозяин тебя примет, а те проблемы, что меж вами остались, вы, никого в свои дела не вмешивая, за рюмочкой чая и обсудите. Нам нужны люди, чтоб и в лесу, как дома, и в Посёлке на своём настоять могли. Глядишь, и сделаем тебя главным полицейским, благо, должностишка теперь свободная. А может, дружиной займёшься. В общем, дел полно, а делателей мало. Ну, как? Пойдёшь с нами?

– Неплохой ты дядька, Мухомор, – задумчиво проговорил я, – Вроде бы честный. Вот и ответь по-честному, сколько я в вашем Посёлке проживу? Ведь прирежете! Как случай подвернётся, сразу и замочите! Разве нет?

Череп оскалился, а Мухомор помялся, но сказал:

– По-моему, чем-то ты Пасюкову приглянулся. Впечатлить его ты сумел – это точно. Он говорит, если вернёшься, и другие смогут. Разбираться будем с каждым по отдельности, но справедливый суд гарантируется всем. А если кто решит по глупости жить в лесу, так Пасюков не возражает. Могут даже оставить себе оружие, главное, чтобы не подходили с ним к Посёлку. Когда-то барачники так жили, и ничего… кто хочет, пусть попробует. Но есть одно условие: нам нужна солярка. Она и так наша, принадлежит Посёлку, а вам и вовсе ни к чему. Мы её в любом случае возьмём, не сейчас, так после, но если отдадите добровольно, всем вам послабление выйдет. Такое вот предложение.

– Да, – сказал я, – хорошо говоришь. Мы должны подумать, с людьми посоветоваться!

– Думай, начальник даёт вам полдня! Ему торопиться некуда, он всё понимает, и условие у него такое: кто к вечеру не явится в Посёлок, тот, значит, и не захотел. Пусть остаются в лесу. А чтобы не думали, что мы вам враги, в счёт будущих добрососедских отношений Пасюков освободит заложников. Всех ваших родственников приведём. Стариков и больных тоже забирайте, раз вы за них переживаете. К вечеру все здесь и будут. Кто решит остаться, пусть готовят им жильё.

* * *

Чадят свечи, а старая яблоня скребётся в окно коряжистыми ветками; чудится, будто когтистая лапа рвёт душу. Лицо Хозяина бледно до желтизны, лоб в испарине. Терентьев пытается курить, его рука дрожит, и сигарета не всегда попадает в рот. А если попадает, ничего хорошего из этого не получается; осторожная затяжка, и следом – мучительный кашель. «Денёк-другой, и я займусь твоим здоровьем, подбодрил я мысленно человека, лишь бы к тому времени получилось разобраться с прочими делами!»

Кроме меня и Хозяина в комнате Захар и Клыков, остальных выставили за дверь. Чудно мне, что я в этой компании на равных. Более того, они меня спрашивают, а когда я говорю – слушают. Огоньки свечей танцуют в едком махорочном дыму, отражаются в оконном стекле, а на столе парят наполненные горьким чаем кружки.

– Не понимаю, – я, в очередной раз прошёлся по комнате, – чего это Пасюк пристал ко мне?

– Не маячь, – Захар подождал, пока я усядусь на колченогий табурет, и сунул мне в руки горячую кружку. – Хлебни, успокойся. Может, и вправду, впечатлил ты его. А, скорее всего, нужно было проверить, здесь ты, или ушёл к эшелону. Он ведь не знает, что Партизан живой и здоровый.

– Это хорошо, – тихо сказал Клыков, – Но еды почти не осталось. Долго не протянем. Нельзя нам забирать у Пасюка заложников – тогда всем хана. И отказаться нельзя, такими же сволочами станем. Гад, лихо придумал! Понимает, что нам самим жрать нечего. Олег, твои чужаки помогут с едой? Иначе подохнем!

– Не расстраивайся, не подохнем, вернее, подохнем, только не с голодухи. Лес убьёт нас быстрее, – подбодрил я Клыкова. Даже сейчас я ощущал, что рядом слишком много людей, и у каждого своя неприязнь к окружающему миру, и свой, особенный, страх. А если народа ещё поприбавится? Сюда придут голодные, больные, умирающие. Без вариантов – лес зачистит Нерлей. Недавно он чуть не зачистил Ударник, и который уж год пытается зачистить Посёлок. Здесь будет то же самое, только нас не защитит Ограда. И дядя Дима ни при чём, твари сбегутся на запах страха! Я подумал, что спасти нас может лишь чудо, или Партизан на броневике, что, в общем-то, можно приравнять к чуду. Я сказал: – Пасюк, наверное, и сам не догадывается, как удачно придумал с заложниками. Теперь у нас два выхода: либо до вечера возвращаемся в Посёлок, либо начинаем войну.

– Я бы повоевал! – хмыкнул Клыков, – Знать бы, как? Здесь мы от зверья, если повезёт, отобьёмся, а для штурма Посёлка не хватит ни сил, ни умения. Точно, Захар?

– Точно. Там и поляжем.

– Может, и поляжем, – сказал я. – А может, и нет! То есть, конечно, да, если, как бараны, полезем напролом!

– А как? – спросил Захар. – Расскажи, коли умный. Нет, ежели у тебя найдётся вертушка, или, на худой конец, знаешь, где раздобыть бэху, тогда хорошо. Тогда я не завидую пасюкам. А если ничего этого нет, о чём, вообще, говорить?

– Ладно, – сказал Терентьев, – Мы же не знаем, что предлагает Олег? Давайте послушаем его. Или ты просто так языком треплешь?

– Ну, что вы, в самом деле? – я снова заходил по комнате, – Есть же у вас тайный ход. Вы по нему из Посёлка драпали.

– Ход есть, – ответил Захар, – А толка от него нет! Проверяли. Пасюки нашли, теперь стерегут. Попробуй сунуться, такой шум поднимут! Попасть в него можно с кладбища, что за южными воротами. Есть фальшивая могилка. А ведёт этот ход в подпол заброшенной избы, там теперь засыпано.

– Это весь твой план? – печально спросил Терентьев. – Слабенький он у тебя.

– Вообще, – сказал я, – это даже и не план. Я хотел узнать, что да как. Если по-тихому нельзя, то и не надо. И без подземного хода обойдётесь. Я вот о чём подумал: если в полдень у северных ворот начнётся шумное представление, твари устроят прорыв, или ещё что-то такое же интересное случится, все пасюки туда сбегутся. Или почти все. Твои дружинники, Клыков, так и делали, значит, и эти должны. Выбирайте место поспокойнее, и лезьте через Ограду, если уж подземный ход вам не нравится. В общем, не военный я, плохо в таких вещах разбираюсь. Вы уж сами придумайте, как лучше.

– Так, – сказал Терентьев, – закуривай. Мне всё-таки кажется, что план у тебя слабенький. Или я чего-то недопонял?

– Если можете предложить другое, предлагайте – ответил я. – Я ведь не настаиваю. Только здесь вот какое дело: барачники, скорее всего, уже добрались до эшелона, к вечеру они вернутся с патронами, тогда нам всем хана. А могут и к обеду подоспеть – это если броневик сумеют починить. Так вот, супротив броневика с пулемётом мы, вообще, не тянем.

– Да что тот броневик? – отмахнулся Клыков. – Устроим завалы на железке, и конец броневику. Через лес не проедет.

– Вот и устройте, – сказал Терентьев. – Сейчас и отправь людей, пусть делают засаду.

– Им бы в команду лесника хоть какого. Так-то мои ребята в лесу не очень. Может, с ними Олег пойдёт?

– У меня другие дела, – отказался я. – Дядь Вась, ты уж сам разберись с этим, ладно? А так-то, я слышал, у них в Посёлке патронов мало.

– Немного, конечно. Но на одну хорошую драку хватит.

– Я организую им эту драку. Только драться будут не с вами. Звери попрут, как давно не пёрли. Вот и посчитаем, сколько у них патронов.

– А ты взаправду такое можешь? – спросил Хозяин.

– Да, – ответил я, хотя на самом деле не был уверен.

– Не боишься?

– Боюсь.

– Ладно, рискуй. Вдруг получится. Вправду-вправду можешь? И меня вылечишь? Не врёшь?

– Не вру, – сказал я.

– Хорошо. Пора это дело заканчивать. Мы не звери, а друг друга убиваем. И я так жил, а сейчас вот понял. Надеюсь, Бог простит. Он знает, что по-другому было нельзя. Как думаешь, знает? А ты смотри, не подведи, – Терентьев погрозил костлявым пальцем. – Как поправлюсь, огородом займусь. Давно мечтал! Знаете, какие я тыквы буду выращивать? Вот узнаете, какие! Я вас всех угощу. Теперь давайте думать, что будете делать, если у Олега не получится?

– А ничего, – сказал Клыков. – Ничего тогда не сделаем. Развернёмся, и уйдём. А ежели у него получится? Ну, попали мы в Посёлок, и что?

– Откуда мне знать, что?! – сказал я. – Вы люди военные, вот и думайте, а я просто так… ты же давно мечтал, Клыков… вот и шанс. Соглашайся.

– Не так, Олег, с этими чурбанами разговаривать надо, – захихикал Терентьев. – Дай им волю, будут весь день спорить да обсуждать. Самим всё ясно, а поболтать хочется. Смотри и учись, авось, пригодится. Слушайте приказ, товарищи офицеры: сейчас Клыков отправляет двоих бойцов на разведку. Аккуратно проверят, что, да как, выберут место, где удобнее проникнуть в Посёлок. А уж после того, как одолеете Ограду, идёте на склад боеприпасов. Дальше – как получится, детали обговорите сами. Вопросы есть?

– Никак нет, – вроде бы с иронией ответил Клыков, а глаза-то у него стали серьёзные и жёсткие. – Задачу уяснил. Сделаю, Владимирыч, не волнуйся.

– Ну и добро, – сказал Терентьев, – Иди, готовься. Дальше ты, Захар. На тебе Нерлей. Понимаю, хочешь повоевать. Не держу. Там каждый боец пригодится. Тем более, опытный. Но и солярку без охраны оставлять нельзя. Обеспечь, а потом уж ступай на войну.

– Понял, – кивнул Захар.

– Теперь уйдите, устал я, отдохну. День-то, кажется, непростой получится, - когда я выходил, он спросил ещё раз. – Правда-правда ты

всё это можешь? И меня вылечишь? Не соврал старику?

День двенадцатый

Одеяло почти сползло на пол; совсем бы упало, но Хозяин вцепился в него костлявыми пальцами. Может, в неверном полумраке комнаты лишь показалось, что морщины на лице покойного разгладились, а в уголках губ спряталась едва заметная улыбка, будто сбросил, наконец, человек изнурявшую его долгие годы ношу. Что мог, он сделал, что хотел сказать – сказал, настал черёд других, а он отдохнёт.

И мир, в котором у меня когда-то была своя маленькая и вполне уютная норка, рухнул. Он шатался, когда за спиной скрипнули, закрывшись, ворота Посёлка, по нему бежали трещины, когда шею перехватила петля, и даже когда я терзал Сашку, этот мир был готов развалиться, но уцелел. Казалось, если сильно захотеть, всё станет, как прежде, или почти так же. И вдруг до меня дошло: разбившееся вдребезги – не склеить. Можно только попытаться собрать заново: быть может, выйдет так же хорошо, может, ещё лучше – но как раньше уже не получится.

Катя выпустила мой локоть и, всхлипнув, убежала; она была при последнем вздохе Хозяина, а потом привела сюда меня и Захара. Подумалось, надо бы догнать, утешить девчонку, но когда я, помешкав, вышел на крыльцо, её там уже не было. И хорошо, сейчас из меня никудышный утешитель – самого бы кто успокоил.

Кто-то должен ответить за мой разбившийся мир. Другие сейчас далеко, а этот рядом, он и ответит! Ноги сами принесли меня к избе, в которой жил Асланян. Вставай, ишь, разоспался! Не время для церемоний, за шиворот, и с кровати на пол… не понимаешь, что на меня нашло? Трусишь?

Босого и в исподнем, я выволок Артура на улицу, и тычками погнал к избе Терентьева. Асланян почти не сопротивлялся. Дружинник с автоматом, распахнув рот, проводил нас взглядом.

А весть уже расползлась по Нерлею, люди потянулись к Хозяину. Они заходили, потерянно топтались у тела, мяли в руках шапки. В изголовье зажгли свечу. Когда я впихнул Асланяна в комнату, люди расступились, пропуская нас к покойнику.

– Смотри, ты этого хотел? – прошипел я.

Асланян шумно втянул воздух.

– Доволен? – спросил я без злости. Кончилась злость, вся вышла, вместо неё осталась тоска. Я попытался с головой окунуть в эту тоску Артура. Я зашептал: – Он считал тебя другом. Скажи что-нибудь. Расскажи нам, как ты его любил.

– Заткнись, пожалуйста, – ответил Асланян.

Тогда я не сдержался. Рука взметнулась, захотелось расплющить этот мерзкий мясистый нос. Чтобы кровь, сопли, и слюни… может, тогда полегчает! Замах, и… возможно, показалось, но я увидел, что в глазу Асланяна блеснула слёза.

– Прекрати, Олег. Не пачкайся о дерьмо, – сказал Захар.

– Что-то душно, – я выбежал на крыльцо.

Прохладный ветерок слегка проветрил мозги. Захотелось курить, рука привычно нырнула в карман, и я, в который раз, с опозданием спохватился, что у меня давно нет ни своей трубки, ни своего табака. Я сел на ступеньки. Вышедший вслед за мной Захар присел рядом. Он достал кисет, мы молча свернули сигаретки.

– Что дальше? – нервно затянувшись, спросил он.

– Дальше? – переспросил я. – Лишь нам решать, что дальше. Мне казалось, что всё зависит от тебя, от Степана, от Хозяина, от кого угодно, только не от меня. А на самом деле свою жизнь делаю я, а твою делаешь ты. Это так, Захар. Даже когда кажется, что это не так, всё равно это так. И всегда так было. А, значит, ничего и не изменилось. Вот и давай делать, что можем, а там посмотрим, что получится.

Облака развеялись и стало припекать. Я, не торопясь, шагал по шпалам, До условленного времени ещё далеко, но я поспешил уйти из Нерлея – тяжко там. Обойдя Посёлок лесом, я вышел к Северным воротам и схоронился в кустах на опушке.

Показалось, там, за Оградой течёт обычная жизнь. Перекликаются люди на вышках. Кто-то во всё горло заорал песню, в ответ послышалась ругань, и песня оборвалась. Забрехала собака, другая поддержала, и вот зашлась в истерике вся свора. Через минуту лай утих. Привычные звуки.

Получается, люди как-то приспособились, и вдруг, не спросив, нужно ли это хоть кому-то, появляюсь я со своими претензиями! Они,

видите ли, надумали строить новую жизнь. Они даже меня вежливо пригласили поучаствовать в этом деле. Только почему-то, с самого начала, оказываюсь я во всей этой кутерьме крайним – а такого быть не должно! Личного интереса ещё никто не отменял, а интерес простой; я хочу, чтобы всё было хорошо. И у меня, и у моих друзей, и даже у врагов, при условии, что они перестанут делать мне плохо, пусть всё будет хорошо. Скромное желание, правда?

Вскоре я забеспокоился. Звуки Посёлка, чириканье птиц, назойливый звон мошкары, шорох листвы – всё это способствует успокоению нервов, и прочим полезным для организма процессам, но я хотел бы услышать что-нибудь напоминающее хруст ветки под ногой обещанных дядей Димой парней. Сказал же тот, что мальчики прибудут к полудню, а их всё нет. Как бы не пришлось делать вид, что не очень-то на них и рассчитывал. Авось, и сам справлюсь. Дело не кажется слишком трудным – дурман мне в помощь!

План такой: отойду подальше, туда, где я слышу лес, там найду тварь покрупнее и поклыкастее, вроде медведя, что недавно проломил ограду, лучше, для верности, двух таких зверюг, а ещё лучше – трёх, и заставлю их атаковать Посёлок. Что тут сложного? Даже у безмозглого муравьиного льва запросто выходят подобные трюки. Я не глупее, у меня, тем более, должно получиться. С лесной мелкотой справляюсь, а это, надеюсь, как раз тот случай, когда размер не имеет значения. Дядя Дима сказал, что долго держать под контролем зверей невозможно, а мне и не надо. Команду «фас!» дать успею, думаю, этого будет достаточно. Смущает, конечно, что звери могут прорваться в Посёлок, кто знает, как там сейчас организована охрана? Но идеальных решений не бывает, ведь так?

Я решился действовать самостоятельно, и уже направился вглубь леса, тут мне и повстречались обещанные дядей Димой «мальчики». Их пришло шестеро, и двое оказались девушками. Мне без разницы, только – вот дела! – одна из них Настёна. Когда я в последний раз был у чужаков, про неё и не вспомнил. Неудобно получилось, – мысленно раскаялся я. Надо было повидаться, хотя бы перекинуться парой слов, но так всё завертелось; у меня и на Лешего времени не нашлось.

Настёна подошла ко мне. Не люблю, когда смотрят сверху вниз, но тут уж ничего не поделаешь, она выше меня на полголовы.

– Где твои друзья, которых дядьдим велел защищать от зверей? – Спросила она. Я замялся, не зная, как объяснить, что теперь от неё мне нужна совсем другая помощь.

– Дело в том, – я заглянул Настёне в глаза, и впервые увидел их при свете дня. Подумалось, что они как у женщины с картины, что висит над кроватью Рената, только живые и сияющие. Никогда я не видел таких ярких, будто светящихся изнутри синим светом, глаз. Немного помявшись, я продолжил: – Кое-что изменилось, Настя, у меня к вам другая просьба…

Чужаки слушали: неподвижные лица, расслабленные позы и заинтересованные взгляды – не поймёшь, о чём эти ребята думают. Между собой они как-то общаются; чуть заметных жестов и восклицаний им хватает, чтобы понять друг друга. Возможно, дети чужаков, или дети их детей и вовсе перестанут пользоваться людской речью. А потом забудут, что они люди. Но эти-то ещё помнят.

– Мы не поняли, – спросила за всех Настёна, – людей так много? Не всем хватает еды? Зачем тебе убивать своих людей? Убивать плохо. Я не стану даже для тебя.

– Правильно, нас много. Так много, что мы не знаем, как быть дальше. Но я не хочу никого убивать, – тяжко вздохнул я, и подумал, что это для меня всё выглядит логично: приходят звери, барачники собираются у северных ворот, отстреливаются, вскоре у них заканчиваются боеприпасы, и мы легко побеждаем. Проще простого, но как объяснить это чужакам? Так объяснить, чтобы поняли, потому что, если смотреть со стороны, кажется, будто я решил разорить свой же дом, и убить людей, которые там живут. Я ещё раз попытался: – Их нужно только испугать. А после звери должны уйти.

– Оттуда пахнет страхом, – долговязый юноша указал в сторону Посёлка. – Страхом пахнет жертва. Звери убивают жертву. Зверей будет трудно остановить.

– Но вы же их остановите? – спросил я, а чужаки промолчали. Тогда и закралось сомнение: а вдруг не остановят? Или даже так: не станут останавливать? Понятно, что моя затея выглядит сомнительно, такое могло прийти в голову лишь от безнадёги. Спорю на что угодно, если бы Хозяин был в здравом уме, он бы не одобрил. И Клыков бы на корню пресёк, если бы понял, что я собираюсь воспользоваться

помощью тех, кто желает, чтобы Посёлка не стало. В былые времена и за меньшее к стенке ставили.

– Вы глупые? Пусть лишние уйдут. Туда, где им хватит еды, – на несколько мгновений задумавшись, посоветовал другой юноша. Логично рассудил, я не знаю, как ему объяснить, что никому уходить не хочется, а вместе жить с недавних пор не получается.

– Старого вождя не стало, – сказал я, – а тот, кто занял его место, думает, что лишние должны умереть.

– Вождь, это который говорит остальным, что нужно делать? Как дядьдима? Тогда новый вождь глуп. Пусть вождём станет другой, - поразмышляв ещё немного, дал совет рассудительный юноша.

– Это я и пытаюсь сделать, – обрадовавшись, что мне подсказали простое и внятное объяснение, проговорил я.

– Ты хочешь показать новому вождю, что он слабый? Ты сам хочешь быть вождём? – Настёна заулыбалась, кажется, разноцветные осколочки в её голове сложились в понятный узор.

– Примерно, так, – сказал я. – То есть, нет, про то, чтобы стать вождём я не думал.

– Подумай. Мне понравится, если ты захочешь быть вождём. Значит, мы никого не убьём? Только напугаем?

Они посовещались, а потом трое разошлись в разные стороны; их задача – найти тварей, и отправить их к Ограде. Остальные должны следить, чтобы животные не натворили слишком уж много бед.

Я облюбовал развилку могучего дуба; дерево выросло почти на краю леса, густая крона укрыла меня и Настёну, расположившуюся на толстой ветке чуть ниже, от любопытных взглядов из Посёлка, но, сквозь прорехи в листве я отлично видел, что делается на лугу перед Оградой. Чужачка оцепенела, пальцы, стиснутые в кулачки, прижались к груди, я чувствовал острое и крепкое плечо, упирающееся мне в рёбра. Настёна старалась изо всех сил, её тело изредка передёргивали странные конвульсии, которые всё учащались, и перешли в частую крупную дрожь.

Я решил помочь; сделал так, как учил дядя Дима. Когда он был рядом, у меня получалось, а сейчас – нет! Я позвал лес, и никто не откликнулся. Хотел один с этим делом справиться, а оно вон как оборачивается – и у чужаков не очень-то выходит: колдуют, стараются, а результата нет.

Когда я совсем уверился, что моя затея оказалась никудышной, оно и началось. Прилетела стайка небольших, чуть больше голубя, птиц с вытянутыми зубастыми клювами. На вид не красавицы, и, даже, наоборот – те ещё уродцы. Стая, издавая звуки, похожие на лягушачье кваканье, закружила над Посёлком. Не совсем то, чего я ожидал, но пусть будет хотя бы это.

Настёна окаменела, её пальцы больно вдавились в моё бедро. Одна птичка, сложив крылья, камнем понеслась к земле. Из-за ограды донёсся изумлённый вскрик, потом кто-то громко засмеялся. Настёна закатила глаза, и начала соскальзывать с ветки. Я придержал её – чужачка прильнула, расслабилась, её дыхание стало ровнее.

– Здесь плохо, – тихо пожаловалась она. – Здесь нельзя жить. Как ты здесь живёшь?

Ещё одна птичка, выбрав жертву, камнем рухнула вниз, следом за ней другая – и стало весело! Люди за оградой опомнились, раздались выстрелы – первые, панические и неорганизованные. Вряд ли эта смешная атака сильно напугает барачников; в худшем случае они отделаются лёгкими укусами да царапинами. Думать о том, что случится, если такой птичке подвернётся ребёнок, не хочется. Я уже говорил, что есть в моём плане сомнительные моменты. Только сомневаться нужно было наперёд, сейчас некогда. А потому будем считать, что всё идёт, как и задумано.

Пальба стихла, люди поняли, что лупить из автомата в такую мишень – зря тратить патроны. Бахнули ружейные выстрелы, тушки, кувыркаясь, и нелепо колотя крыльями, стали валиться на землю.

Вслед за птичками из леса притащились волколаки: хвосты поджаты, глаза слепо сощурены, а носы нервно вбирают воздух. Твари недоумевают, зачем они средь бела дня покинули логовище, что за сила заставила их пойти туда, где стреляют. Они боязливо сгрудились под деревьями, выйти на открытое пространство им не хватило смелости.Звери топтались рядом с моим дубом, от них отчётливо смердело!

Едва я увидел старых знакомцев, руки сами потянулись за оружием. Но поднял один из уродцев голову, от него пахнуло страхом вперемешку с растерянностью, а из слепо сощуренного глаза выкатилась мутная слезинка. Пожалел я животину, мысленно шлёпнул по линялой холке. Зверь заскулил и отпрянул.

«Не лезь на рожон, – посоветовал я, – и всё у тебя будет нормально. И, это, вали от моего дерева, не привлекай внимания». Волколак в ответ жалобно квакнул.

Твари ощерились и, подчиняясь команде чужаков, поплелись к Ограде, на горбатых спинах вздыбилась редкая шёрстка, раздался знакомый мне скрежещущий вой. Звери двигались неуклюжими скачками, вразнобой, а люди, увлечённые стрельбой по летающим мишеням, не сразу заметили, что появились новые цели.

Наверное, если наблюдать за волколаками из-за ограды, они не кажутся опасными. Кого-то даже позабавят их нелепые прыжки. Может, потому в них пока и не стреляют. Тварей спасает ещё и то, что сейчас в Посёлке едва ли найдутся люди, умеющие точно поразить движущуюся цель с двух сотен шагов. А ближе осторожные звери не подходят, их пугают ловушки, колючая проволока и льющийся с чистого неба солнечный свет.

Неподалёку затрещали деревья; в двухстах шагах от моего с Настёной укрытия, почти там, где из леса выходит бегущая через Посёлок железка, появился медведь-гигант. Он гордо покосолапил к Ограде. Может, из-за того, что между нами нет частокола, он показался страшнее и больше, чем его собрат, не так давно вломившийся в Посёлок. Эй, защитнички, сейчас-то догадаетесь поднять тревогу, или ещё недостаточно испугались?

Сообразили, зазвенел набат! Один удар, тишина, ещё один удар. Степень опасности – первая! Поняли, что нынче всё по-взрослому? Это не птички, и даже не полусонные волколаки, трусливо наблюдающие за происходящим из тени деревьев; против медведя нужны пулемёты. Колотите, колотите по рельсу! Чем больше вас здесь соберётся, тем легче будет Клыкову.

Пришёл ещё один монстр. Быть может, Архип рассказал бы о нём много интересного, а я про такое чудо и не слышал. Зверь не удался размерами, зато вооружился огромным количеством зубов, когтей и шипов, приделанных к нелепому телу. За ним явились ещё два медведя, эти обычные. Из какого-то недалёкого болота приползло несколько крупных, больше метра, ящерицеподобных тварей. На хвостах у них шишкастые наросты, а зубы, торчат из пастей, словно кривые иглы. Рептилии хорошо прячутся в траве, их почти не видно.

Строчит пулемёт, продолжает истерично звенеть набат.

Ёлки зелёные! Из леса вытекла пушистая разноцветная масса. Зайчики? Они! А также котики, белочки, и прочие смешные симпатяги. Это не зубастые монстры, это на самом деле страшно! Потому что зверушек много, кто-то сбил их в стаю, и этой стае всё нипочём. Они легко проходят под колючей проволокой, прут на ловушки, пули выкашивают их ряды, а они упорно текут к Ограде, всё живое освобождает им дорогу. Эти прорвутся, подумалось мне. Чёрт! Ни медведи, ни ящеры, ни волколаки не пройдут – всё решат кролики!

Ураганный, бешеный, истеричный огонь, а потом разрывы гранат, и нашествие остановлено. Пришел момент, когда инстинкт взял верх над непонятной самоубийственной силой, толкающей зверьков на штурм. Стая развалилась, отдельные особи, ополоумев, удрали в лес. Среди травы пестреют пушистые тушки. Еда сама пришла в Посёлок. Вот она, берите, всё даром! Но попробуй, возьми. Кролики ушли, но пожиратели крольчатины остались…

Из-за ограды слышатся крики, команды и возбуждённые голоса, собаки захлебнулись истошным лаем. Лес отвечает рычанием, воем, и прочими животными звуками.

Бородавчатые банши важно прогуливаются вдоль опушки. Залюбоваться можно; каждая не меньше свиньи – хорошей, отъевшейся хрюшки. Лоснящиеся мягкие бока, блестящая дорожка слизи, остающаяся там, где тварь проволочила пузо. Показалось, ветерок принёс болотные запахи. Раздался карябающий душу вопль, затем ещё один. Я машинально сложил кукиш.

Вдалеке, на другом конце Посёлка, захлопали выстрелы, и вновь – тишина. Я пока я не знал наверняка, только надеялся, что это Клыков. Я пожелал, чтобы у него всё сложилось хорошо. Уже потом мне рассказали, как легко они проникли за Ограду…

* * *

Они легко проникли за Ограду. Получилось настолько просто, что Клыков затревожился: где подвох? Словно в гости зовут…

* * *

Южная стена – тихое местечко, здесь никогда ничего не происходит. Но сегодня охрана усилена, будь неладны эти сбежавшие в лес предатели; мёрзни из-за них. А тут ещё с севера донеслись выстрелы, и, вскоре, забили в рельс.

Четверо, забрав оружие, ушли на звук набата, дед Митрий остался. Не очень надеялись, что он, случись неприятность, сумеет в одиночку с ней разобраться, но в рельс-то ударить сил хватит! Наверное, старичок радовался, что не пришлось ковылять на другой конец Посёлка. Лучше поскучать, от скуки ещё никто не умирал, а там стреляют, какой же дурак самовольно пойдёт туда, откуда слышатся выстрелы?

День выдался тёплый, Митрию было неуютно под жарящим с голубого неба солнцем. Он вспотел, и теперь ёжился на вышке от редких прохладных порывов ветра. Барачник, близоруко щурясь, посматривал на кладбище, потом его взгляд перемещался на стену леса. Стрельба не утихала, и это сильно нервировало. С возрастом Митрий стал слабоват на глаза, что происходит на дальних вышках, разглядеть не мог. И, что характерно, ни одна сволочь не придёт, не объяснит, как быть, если и здесь начнётся? И что, вообще, может начаться? Теперь неизвестность тяготила, он бы даже согласился сходить, разузнать, что да как, но нельзя. Уйдёшь с поста – Пасюк голову оторвёт. На самом деле оторвёт, по закону военного времени – имеет право. Все уже поняли – он больше не шутит! И не докажешь, что здесь от Митрия пользы, всё равно, нет. Какая может быть польза от деда с такой же старой, как и он сам, «ижевской» двустволкой?

* * *

Утренний туман помог дружинникам незаметно пробраться на кладбище. Люди, боясь шевельнуться, затаились в густой сирени. С утра донимал холод, потом ветерок утих, стало жарко, и туман развеялся. Пошаливали нервишки, кому-то хотелось закурить, кого-то достала мошкара. Когда ждёшь неведомо чего, и даже чёрту не известно, дождёшься ли, лопается самое крепкое терпение. Но дождались же! Стрельба, потом набат, и снова стрельба – всё, как и было обещано!

Ни на этой, ни на соседних вышках не осталось никого, лишь маячила смешная вязаная шапочка деда Митрия. В дело пошла снайперская винтовка Партизана. Клыков целился долго, палец не хотел жать на спуск: жалко старичка. «Извиняй, дед».

На одинокий выстрел в Посёлке не обратили внимания; везде палят. Прошло какое-то время – никто не поднял тревогу. Дружинник Серёга одолел частокол. Безлюдно, лишь на вышке полумёртвый от

страха дед Митрий прикинулся трупом; снайпер из Клыкова оказался так себе, пуля расщепила деревянный бортик, щепкой барачнику лишь раскровило щеку. Дед мгновенно сообразил, что геройство в такой ситуации не окупится. Пока спустишься, пока начнёшь колотить в рельс, точно дострелят. И ноги враз перестали слушаться, вот и прилёг дед Митрий, чтобы никому случайно не помешать.

Ворота открыли, дружина вошла в Посёлок. Деда связали, пусть немного посидит в запертой сторожке.

* * *

Двух бывших барачников, а ныне полиционеров, отрядили за подмогой: во время прорыва положено всеми силами помогать ликвидировать опасность. Если совсем ни на что не годен, сиди в укрытии, нечего шляться без надобности. Полиционеры к полудню изрядно захмелели, но, при виде клыковских бойцов не стали изображать из себя героев. Дружинники пока были не очень злы, стрелять вслед улепётывающим барачникам не стали, кто-то, для смеха, свистнул вдогонку, остальные довольно заржали.

* * *

А у нас ничего интересного не происходило. Возня у Ограды продолжалась, но атаковали твари вяло, без прежнего азарта. Туша гигантского медведя распласталась бурой грудой поверх вырванных и поломанных кольев; сквозь огромную прореху в частоколе видно, как суетятся люди. С вышек лениво постреливают – бьют нечасто, и только по самым настырным тварям, а зверьё не особо и наседает. Если так пойдёт и дальше, вялотекущий штурм может продлиться до темноты, а что случится ночью – неизвестно! У чужаков к тому времени сил, чтобы разогнать животных, точно, не останется.

Настёна закрыла глаза. Я придерживаю за плечи мокрую от пота и горячую чужачку. Когда ей становится совсем нехорошо, я осторожно прижимаю женщину к себе, и тогда она немного расслабляется.

Кабаны затеяли догонялки: носятся друг за другом, клыки вспарывают дёрн, оставляя зигзаги чёрных борозд. В небесах показались силуэты трупоедов. Ящеры обступили лежащую на спине тушу истекающей слизью банши – та шевелит короткими лапками, вздувается белёсое брюхо. Ящеры жадно вонзают зубы в мягкие бока, мотая головами, вырывают, и, давясь, заглатывают ломти живого мяса. Волколак тащит за ногу тушу кабанчика. Его сородичам трусливо

жмущимся к опушке, тоже хочется кушать, и они затевают небольшую свару.

Идиллия, все заняты своими делами – смотреть тошно. Поддадим жару, пока за оградой совсем не заскучали? Чего доброго, заинтересуются тем, что творится у них за спиной.

– Тяжело, – бормочет Настёна, едва приоткрыв глаза.

Но что-то меняется, раздаются крики, визг, рёв животных. На Ограду накатывает новая волна. А парни Клыкова тем временем пришли в бараки.

* * *

Пасюки не сразу, но сообразили – власть опять сменилась; насовсем, или временно – не важно! Важно, что здесь и сейчас откуда-то появились свирепые вооружённые дружинники. И они очень злы.

Десятью минутами ранее клыковцы заглянули в общежитие. Когда-то там, под приглядом, жили одинокие старики, теперь комнаты оказались забиты больными, ждущими, когда их отправят к беглецам в лес. Минимальную помощь нуждающимся новая власть всё же оказывала – в Нерлей они должны попасть в более-менее нормальном состоянии; а что с ними случится потом, Пасюкова не касается.

Дружинникам очень не понравилось то, что они увидели, а ещё не понравилось, что Пасюков решил переложить на них ответственность за жизнь и здоровье этих людей.

Клыковцы осерчали, и с барачниками не слишком церемонились. Тех, кто под действием винных паров или неуместного в такой ситуации гонора, сопротивлялся, били жёстко. С теми, кто решился взять оружие, пусть даже сгоряча схватился за тупой хлебный нож, вообще не разговаривали.

Под шумок Ольга разобралась с Гундосым. Спровоцировать пьяного пасюка ей не составило труда. Несколько сказанных громко, чтобы все услышали, слов, да таких, за которые в бараках не прощают. За базар надо отвечать, и дура-баба сейчас ответит… сама напросилась, он ей объяснит… Гундосый, достав нож, попёр на Ольгу. «Ой, мамочки! Помогите! Убивают!», – завопила сестрёнка и длинной очередью разворотила Гундосому брюхо. Тот успел осознать вину, и пожалеть, что связался с психованной сучкой! Выстрел милосердия положил конец его душевным и физическим терзаниям.

В бараках пробыли недолго; большинство из тех, кто мог бы доставить неприятности, сейчас дрались у северных ворот, остальные не сильно артачились. Со злыми дружинниками лучше не связываться; стоя зубами к стене, трудно будет объяснять, что ни в чём не виноват… тут надо бы обождать, посмотреть, чем дело кончится.

Клыков спешил, его нервировала долетающая от северных ворот стрельба. Двое вызвались приглядывать за бараками, основная группа направилась к милицейскому участку, а небольшой отряд Захара – к складу боеприпасов.

* * *

У волка огромный лоб, а на правом боку рыжая подпалина. Откуда ты здесь? Почему не охраняешь Партизана? Жаль, не можешь ты рассказать, как у него дела.

Зверь поднял голову, меня обжёг горящий жёлтый взгляд. Волк тявкнул; почти как собака. Ну-ка, подожди, дружище. Твоё сознание открыто, и я кое-что понимаю:

«Ты звал? Я пришёл. Ты обещал охоту! Где?»

«Уже скоро»

«Позови, когда нужно. Мы идём драться с… (образ волколака, азарт, ненависть, презрение)»

Вожак задрал морду к небу, душу пронзил тоскливый вой. Из-за деревьев появлялись другие.

* * *

Вот гадство, ещё и непонятные выстрелы в Посёлке! – почти равнодушно подумал Слега. И патруль, отправленный за подкреплением, запропастился, и Пасюка нет. Когда нужен, его и нет! Здесь такое – без начальства не разберёшься! Да где же его, это начальство, взять? Не соизволили они явиться. Зато потом до всякой мелочи будет докапываться – только держись! А сейчас они там, где тепло и не стреляют. Здесь каждый на счету – некого послать за Пасюком. Вон, из леса вышла стая волков, принесла же их нелёгкая! Близко не подходят, а с такого расстояния их не достанешь. И откуда столько зверья на нашу голову? Ладно, у Мухомора сейчас дробовик, никакого толка от дробовика.

– Эй, Михаил, а ну, сгоняй за начальством. Да чтобы шустро. Одна нога здесь, другая тоже…

* * *

Чужаки выдохлись, Настёна, кажется, и вовсе уснула: дышит, будто плачет, глаза крепко зажмурены а руки-ноги, как у куклы на верёвочках. Я, на всякий случай, придерживаю обмякшее тело. Что ж, пора и мне… Я достал из кисета шишку хмеля, разжевал, и, немного подумав, взял ещё одну.

И пригрезилось, будто я – комар, завязший в сером клубящемся киселе. Если приглядеться – это вовсе не кисель, а сплетённая из зловонных нитей паутина. Эта паутина так плотна, что в ней застревают и взгляд, и мысль. Смотришь, и не видишь, кричишь, а крик возвращается, как глухое эхо.

Но, если вглядеться пристальнее, сквозь муть начинают тускло просвечивать огоньки. Одни горят ярко, другие чуть заметно мерцают, есть и такие, что лишь слегка угадываются. В этих условиях я не могу говорить с лесом, но можно же приказать тварям напрямую! Захватить чужое сознание, заставить его повиноваться не получается, но послать команду всем, кто готов ей повиноваться, мне по силам. И я крикнул:

«Вперёд. Настало время охоты!»

Твари двинулись к Ограде. Они всю жизнь считали, что там, за частоколом скрывается их главный враг. Я не заставлял их делать ничего, что противоречило бы их желаниям. Посёлок огрызнулся громыханием выстрелов, началась бойня: люди тоже «услышали» команду, они тоже решили поохотиться. Звери метнулись назад, под защиту деревьев – инстинкт самосохранения победил, а свинцовый град ещё долго бил по траве, кустам и деревьям…

* * *

Оружейный склад: постучали, и Яков открыл, никаких проблем!

– Слушай внимательно, – в третий раз объяснял Захар. – Сейчас ты отдашь ключи, и свалишь отсюда, целый и невредимый.

– А как я отчитаюсь?

– Отчитаешься! Я тебе, где надо, распишусь, – начиная злиться, пообещал Захар. Тут никакого терпения не хватит, Клыков ушёл к участку, надо бы догонять, да вот застрял, не получается переупрямить упрямого Яшку. – Я тебе сейчас так распишусь!

– А, пропади оно всё! – Яков шмякнул на стол тяжёлую связку ключей. – Оружия нет, пасюки забрали. А патроны ещё остались. Берите, последнее!

– Сразу бы так, – Захар взял ключи. Пока он возился с дверью, сзади клацнуло. Обернувшись, Захар увидел в руках у Якова охотничий карабин. «Ай да Яшка, кто бы мог подумать, перехитрил меня старый чёрт!» А сердце заёкало. «Не успею. И ребятки в сенях остались, курят. Никто не поможет! Эх, будь, что будет!» Милиционер сорвал автомат с плеча, вскинул… Яков проверял своё оружие, он и не думал стрелять. Не стал торопиться с этим делом и Захар.

– Ты не дури, – сказал он. – Слышь, Яша, брось.

– Сам не дури! Грозный какой! Я с тобой иду, что, прикажешь пасюков голыми руками давить?

Захар опешил.

– Тебе это надо? – только и сказал он.

– Не знаю. Наверное, нет, но я всё равно пойду, – ответил Яков, и, подумав, добавил. – Тебе гранаты, случаем, не нужны? Во временное пользование!

* * *

А от Клыкова удача отвернулась. Застать Пасюкова врасплох не вышло, те самые сбежавшие полицонеры его предупредили. Новый хозяин Посёлка теперь не расставался с охраной – мало ли… оказывается, и от своих нужно ждать подвох. Хуже нет, когда неприятности приходят, откуда не ждёшь.

Узнав, что Клыков в Посёлке, Пасюков заперся в участке.

Дружинники забыли об осторожности. По сравнению с барачниками они вояки хоть куда, через Посёлок прошли, как раскалённый нож сквозь масло. Слишком легко всё получилось, вот и расслабились.

Попытка сходу войти в участок обернулась перестрелкой, не ожидавшие такого поворота дружинники откатились. Стало ясно – весёлая прогулка закончилась. Перевязав раненных, и сказав: «ты полежи тут, мы скоро вернёмся» убитому, клыковцы пошли дальше. Неизвестно, сколько человек охраняет сейчас Пасюкова, а если неизвестно, значит, нечего лезть на рожон. Пусть посидят взаперти, о жизни своей подумают, может, сговорчивее станут.

Дружинники пошли дальше, четверо остались приглядывать за участком; из укрытий эти ребята не выйдут, но завалят любого, кто попытается выйти из здания.

После этой неудачи Клыков стал осторожнее…

* * *

Звери наседали, из-за ограды постреливали, и я забеспокоился, что не смогу остановить тварей, если те сами не прекратят атаковать Посёлок. Надо бы это дело заканчивать. Я стал осторожно спускаться на землю.

– Там опасно, – прошептала Настёна.

Я не ответил. Мышцы окостенели, и слезть с дерева оказалось нелегко. Сначала я растёр ноги, и, когда они перестали подгибаться, заковылял к опушке. На лугу, возле ограды, во множестве валялись туши и тушки, но ещё больше здесь было живых тварей. Прогнать бы эту разношёрстную стаю, но сил хватает лишь на то, чтобы просигналить тем, кто начинает проявлять ко мне повышенный интерес:

«Не добыча!»

Застыла тишина. Изредка её раскалывают звуки выстрелов – это внутри Посёлка. Ну, что же, как сумел, я барачников отвлёк, дальше пусть разбирается Клыков.

Живое и тёплое ткнулось в бедро. Меня окружила волчья стая.

«Пора начинать охоту (почудилось, зверь приплясывает от нетерпения)?»

«Не спешите. Будьте рядом» – подумал я, а мир поплыл, зашатался и стал зыбким. Интересно, если я потеряю сознание, как поступят серые «друзья»? Мне кажется, или в их глазах действительно пылает злоба? Ну, чего скалитесь? Я ещё не добыча. Пока нет.

«Ты не добыча. Ты болен».

Наверное, волчий ответ лишь примерещился в дурманном мороке. Вдруг, всё вокруг – лишь бредовое видение? Потому что этого точно не может быть, такого не бывает! Звери посообразительнее удирают в лес, другие, обезумев, мечутся по лугу, запутываются в «колючке», попадают в ловушки. Они тоже почуяли – грядёт по-настоящему страшное…

Между Оградой и лесом, аккурат под железной дорогой, словно прыщ на теле земли, взбух холмик. Этот прыщ надувался и опадал, гнулись рельсы, хрустел гравий, с треском разлетались обломки шпал. А потом раздался оглушительный металлический щелчок, две рельсы разъединились и встали дыбом. Из-под земли на белый свет выдавилось нечто громадное и белёсое! Сначала я восхищённо

подумал: «вот примерещилось, так примерещилось!» Потом ужаснулся: «неужели это на самом деле!?», и только после возникла слабая надежда: «понятно, такого не бывает, переборщил-таки с дурманом!»

* * *

Прибежал Мухомор; глаза бешеные, руки, будто мельницы.

– В Посёлке дружинники! – закричал он, ещё не успев забраться на вышку. – Клыков вернулся! Там стреляют! Хана Пасюку! Еле ноги унёс!

«И так помирать, и эдак помирать. Жаль, недолгим вышло веселье», загрустил Слега. Получается, он сейчас за главного, ему и отвечать за всё, что здесь происходит. Если Мухомор ничего со страха не перепутал, помощи ждать неоткуда. И никто не подскажет, что делать – выпутывайся, как умеешь. Дурная весть не очень расстроила – одной проблемой больше, только и всего. Этих проблем в последнее время и так через край. Вон одна из них, за оградой, из земли выкапывается.

– А ну, чего уставились! – заорал он. – Сколопендров не видели?! Быстро взяли оружие, и сюда! Бегом, я сказал!

* * *

Клыкова трясло, он был взбешён, его люди едва сдерживали ярость. Обнаружилось, что Пасюков наконец-то использовал виселицу по назначению, казнил двоих из тех, что остались в Посёлке, дружинников. Бойцы перерезали верёвки, и бережно сняли тела. Хорошо, что простой люд попрятался в убежища. У обозлённых клыковцев от желания пострелять чесались руки. Могли бы сгоряча, да по ошибке…

Если укрыться за строениями, реально подобраться вплотную к вышкам, а дальше – как получится. Честно говоря – не терпелось наказать пасюков, да не совсем у командира отшибло мозги – переть супротив пулемётов. И не только в пулемётах дело – барачников больше, они на вышках, может обернуться и так, и эдак, значит, надо что-то придумывать.

Клыков, как сумел, угомонил своих людей. Они попрятались на чердаках окрестных домов, и в заброшенных избах, оттуда и наблюдали за суетой у Ограды.

С самого начала идея взять Посёлок штурмом вызывала у Клыкова, мягко говоря, недоверие, согласиться на такое можно лишь от безысходности. А, поди ж ты, выгорело дельце! Жаль, не обошлось без потерь, но думалось, будет хуже. Клыкова догнал Захар со своей частью отряда, присоединился и кое-кто из поселковых, со склада конфискованы боеприпасы, словом – все козыри на руках. Раз так, можно попытаться договориться на устраивающих тебя условиях. Например, предложить задрать лапки вверх и не рыпаться.

Серая рубаха сошла за белый флаг. Клыков подошёл к вышке, а его, кажется, и не заметили. Пришёл, и жди себе; выдастся минутка – пообщаемся. Он и ждал, а внутри снова закипала злость. Рядом суетились вооружённые люди, иногда командир ловил на себе любопытные взгляды, но, видно, сейчас у барачников нашлись дела поважнее, чем разговоры со сбежавшим в лес, а теперь неизвестно зачем вернувшимся, дезертиром. Через пяток минут на него соизволил обратить внимание Слега.

– Чего пришёл? – спросил он, после того, как, неуклюже, задевая локтями и коленями углы, спустился с вышки

– Пришёл, значит, надо, – ответил Клыков.

– А чего тебе надо-то?

– А того. Главный мне нужен. Кто у вас командир?

– Наверное, я. Чего тебе?

– Хочу предупредить, чтобы не вздумали рыпаться. Пасюк не поможет, и боеприпасы со склада мы забрали. Так что сдавайтесь, не-то всех постреляем. У нас есть пулемёт и снайперка, понятно? С вышек вы не спуститесь, пощёлкаем вас по одному. А если сдадитесь, жить, пожалуй, будете. Хотя, конечно, сильно вы нас рассердили.

Вместо ответа Клыкова угостили загогулистой бранью. Слега объяснил, что скоро Посёлок превратится в зверинец, а значит, дружинники могут идти со своей дурацкой войнушкой в лес! У людей, выполняющих, между прочим, его, Клыкова работу есть дела поважнее, чем воевать с неизвестно зачем явившимися предателями. Высказавшись, барачник полез на вышку, а Клыков швырнул белый флаг наземь, и, растерянный, побрёл к своим. Он утешил себя тем, что хотя бы попытался решить дело без большой крови. Не получилось, и не по его вине, между прочим…

* * *

Я оцепенел; нечто выбиралось на белый свет. Почти выбралось, а я всё не мог заставить себя двинуться с места.

То ли сколопендра, то ли многоножка, то ли скорпион – представили? А теперь представьте, что это существо длиной не меньше, чем вагон поезда; пусть хитиновые пластины, закрывающие тело, будут прозрачными, чтобы видеть, как тварь устроена изнутри. Если пока не страшно, прикрепите на морду чудовищу огромные жвала, по бокам приделайте клешни, а хвост, наподобие скорпионьего, воткните сзади. Усыпьте туловище колышущимися отростками, одни из которых тварь использует вместо ног, а другие, покороче, рассыпаны по всему телу, сочатся слизью и мерзко шевелятся. Пусть это лоснится и сверкает на солнце. Ну как? Посмотрели на плоды своих фантазий? Испугались? Могу спорить, что выкопавшаяся у Посёлка тварь страшнее, потому что она, вдобавок, излучает цепенящий, завораживающий ужас. В буквальном смысле излучает. Я это чувствую. «Доигрался, идиот!» – подумал я, и заставил себя сделать несколько деревянных шагов на негнущихся ногах вглубь леса.

Усталые и напуганные, чужаки спустились с деревьев.

– Мы его не звали. Само пришло, и не слышит нас, – острые плечики Настёны дрожат, сверкают глазищи, наполненные слезами, а вид у женщины больной и виноватый. Да что там, все чужаки выглядят неважно. Парень тихо сказал:

– И мы не можем её прогнать… Мы теперь ничего не можем.

Он скрылся в лесу, за ним ушли другие, осталась лишь Настёна. Я прижал её к себе и неуклюже провёл ладонью по влажным спутанным волосам. Успокойся, ну, всё, уже успокойся, перестань трястись. Чёрт, меня-то кто успокоит?

– Всё, уходи, – отстранился я от Настёны.

– Ты пойдёшь со мной? – спросила она.

– Не сейчас, позже приду, – соврал я. Или не соврал: быть может, скоро у меня не останется другого места, куда бы я мог вернуться. Эх, послать всё к чёртовой матери, и драпануть к чужакам; дядя Дима обещал приютить.

Я выглянул из-за деревьев. Пожалуй, не такой уж и большой этот монстр, как показалось с перепуга. Примерещилось чёрт те что! Хотя, конечно, уродище, против этого не возразишь!

Тварь медлительна, вряд ли под землёй она может двигаться быстрее, чем по земле. Значит, когда мы начали призывать зверей, она была рядом, не успела бы приползти издалека. Не на мой зов она явилась, просто совпало! - попробовал я оправдать сам себя. Или так: оно вылезло здесь, потому что услышало наш зов, если бы не это, продолжило бы своё подземное путешествие, пока не добралось бы до Посёлка! А уж там… лучше не думать, что случилось бы, если бы это выкопалось в Посёлке, а если ночью? Помнится, Архип предположил, что в лесу уже появилась созданная людям на погибель тварь. Вот она, его фантазия! Полюбуйтесь!

Наверное, Архип сумел бы доказать, что гигантской многоножки не существует – существование таких монстров невозможно с точки зрения законов природы. Но чудище, на беду мне и назло учёному, приближалось к Ограде.

Тварь слишком тяжела, и не может двигаться быстро. Да ей и не надо. Заинтересовавшие многоножку животные оцепенели от ужаса, остальные поспешили убраться в лес; а я-то переживал, что никто не сможет отогнать тварей от Посёлка! Сколопендра легко справилась с этим делом. Осталось найти того, кто прогонит её.

Отростки, заменяющие существу ноги, совершали неторопливые волнообразные движения, волоча грузное тело по земле. Впереди Ограда, сзади борозда лоснящейся от слизи взрыхлённой почвы. Что этому монстру ловушки, что ему колючая проволока?

Кабанчик, повинуясь ментальному принуждению, сам подошёл к твари, к нему потянулась клешня: медленное, неотвратимое и оттого – завораживающе-страшное действие. Сколопендра остановилась, перетирая пищу жвалами, а затем потащила грузное тело к следующей жертве. Сквозь прозрачные пластины, закрывающие туловище, было видно, как перемолотый в кровавый фарш кабанчик начал своё последнее долгое странствие по пищеварительному тракту чудища. Жаль, этого не видит Архип – он бы порадовался!

Я рискнул прощупать разум твари, и чуть не рухнул наземь. Не нашёл я никакого разума, лишь вечные голод и боль, которые заставляют монстра жить и двигаться.

К ноге прижалось тёплое и дрожащее тело. Даже не отводя глаз от сколопендры, я понял – волк. Серые не бросили. Почудилось – сейчас ближе них у меня никого не осталось.

«Здесь охотится Большой Охотник (мысли зверя пропитал страх). Скорее уходим»

«Я остаюсь. Я не добыча для него. Он добыча для меня»

«Ты будешь охотиться на Большого Охотника? Ты болен. Никто не охотится на Большого Охотника. Большой Охотник охотится на всех»

«Я не все, я другой»

«Удачной охоты. Прощай (мне послышалась печаль)»

Вот и серые меня бросили. Я бы тоже ушёл, если бы не чувствовал – в том, что сейчас происходит изрядная доля моей вины. Оправдывать себя можно как угодно, а факты такие: вот чудище, а вот я, один на один с той бедой, которую накликал на Посёлок. Звери, что не сумели вовремя убежать, не в счёт. Они меня сейчас не интересуют, я их тоже – у каждого из нас свои проблемы.

А за Оградой нашёлся человек, сумевший побороть оцепенение. Застрочил пулемёт. И сразу – шквал огня. Молодцы, поддайте жару, так её!

Многоножка замерла, пули терзали грузное тело, летели куски хитина, брызгала слизь. Обволокший меня ужас начал таять.

* * *

Люди Клыкова растерянно наблюдали за суетой и беготнёй. Барачники плевать хотели на дружинников. Если на кону существование Посёлка, остальное – побоку. За двадцать лет Хозяин сумел вдолбить эту истину в каждую голову.

* * *

Точно не скажу, но думаю, что на земле все смертны, однако эта тварь сдохнуть не пожелала. Даже с расстояния в сотню шагов я увидел, как от тела сколопендры отваливаются хитиновые ошмётки, как выплёскиваются, заляпывая панцирь, фонтанчики мерзкой жижи, переламываются срезанные пулями отростки. Не знаю, ощущала ли многоножка боль, могла ли, безмозглая, чувствовать неуверенность и страх, но то, что происходило, ей сильно не нравилось. Кто-то посмел сопротивляться! Уничтожить! Тварь потащилась туда, откуда в неё летел жалящий металл. Наверное, пули так и не повредили ни один жизненно-важный орган – если предположить, что у этого создания имеются жизненно-важные органы.

Выстрелы звучат реже, патронов, считай, не осталось, а тварь так и не собралась подыхать.

* * *

Ловить шансы – это у Клыкова всегда хорошо получалось. Едва утихла стрельба, дружинники рванули к вышкам. А, взобравшись по лестницам, бойцы увидели чудище. Защитить Посёлок – самое важное, разборки – после. Минуту назад люди готовы были убивать друг друга, сейчас дружинники делились патронами с барачниками – так уж легла масть.

Сориентировавшись в ситуации, Клыков отдал нужные команды. Его парни стреляли быстро и точно: в конце концов, валить монстров – их работа.

* * *

Тварь опять остановилась, её тело выгнулось, полетели комья земли. Сколопендра попыталась зарыться, но, обессиленная, замерла. Вот и конец тебе, злорадно подумал я, и ошибся.

Монстр несколько минут отлёживался, потом оставшиеся целыми отростки на спине твари судорожно задрожали. Теперь у неё не хватало одной клешни, а вторая болталась на каком-то лоскутке. Хитин изрешетили пули, он потрескался, а из отверстий потекла слизь, но существо вновь ожило – ничего себе, регенерация!

Грохнуло ещё несколько выстрелов, и наступила окончательная и безнадёжная тишина. Жуть! Снова знакомый холод в животе и пульс в висках. Потому что я осознал – теперь эту тварь никто не остановит. И я, чтобы одолеть ужас, завопил, и побежал к монстру. Понятно, я ничего не сделаю: всё оружие Посёлка оказалось бессильным – куда уж мне. Только лучше самому залезть этой твари в пасть, чем утонуть в таком же окончательном и безнадёжном, как и окутавшая мир тишина, отчаянии. Я бежал, и думал, что это неправильно, что ничего этой дурацкой атакой не решить, а ноги несли меня навстречу погибели.

Попался! – мысленно кричал я сам себе, – попался! Подцепила меня, гадина! И поделом! Думал, ради справедливости по отношению к себе любимому можно пойти на всё, главное, знать меру и вовремя остановиться? И какая она, эта мера? Теперь ты её знаешь? Твои слова о том, что сейчас всем плохо, а надо сделать, чтобы всем стало хорошо – всего лишь слова, оказывается, за ними ничего нет. Вообще ничего,

кроме оправдания перед самим собой своего же эгоизма. То, что ты натравил на Посёлок зверей – это тоже для того, чтобы всем стало хорошо? Что, серьёзно? Теперь и рад бы остановиться и отмотать назад? А что делать с монстром, этим твоим неожиданно материализовавшимся кошмаром? Его отмотать назад не очень-то получается.

Но я, действительно, хотел, чтобы всем стало хорошо! Может, лишь некоторым плохо. Но эти некоторые – плохие, а, значит, оттого, что им плохо, хорошим людям хорошо. Звучит, как бред, и кто в него поверит, если я сам не верю?

Кто-то догнал меня, и, едва не сбив с ног, пронёсся мимо. Ещё один. И ещё. Серые? Решили принять участие в охоте? Спасибо, ребята. Гурьбой оно веселее… даже перевариваться во внутренностях монстра.

Стая обложила сколопендру. Волки хотят драки, но тварь не даёт приблизиться, хвост, будто хлыст, со свистом рассекает воздух, жало мелькает перед волчьими мордами, заставляя зверей отступать. Зато чудище, отвлеклось, забыло про меня. И я почувствовал – отпустило, я снова могу распоряжаться своим телом.

Монстр и раньше не отличался быстротой, а теперь, наверное, из-за ран, иногда и вовсе замирал, будто там, внутри у него переклинивало какой-то механизм. Этим и воспользовался один из волков. Когда тварь в очередной раз впала в ступор, его пасть сомкнулась на хвосте сколопендры рядом с жалом. Многоножка, придя в себя, попыталась избавиться от обидчика. Волк грянулся оземь, его проволокло по траве, но челюсти не разжались. Воспользовавшись моментом, стая ринулась на чудовище. Вот и хорошо, вот и славно, так его, рвите! Сейчас и я в этом поучаствую.

Сначала подумалось, что взобраться на спину твари – дело нетрудное. На боках бугорки да отростки, в панцире множество свежих дыр и трещин; цепляйся, да лезь. Оказалось, дело это непростое: броня чудища покрыта едкой и вонючей слизью – наверное, смазкой для ползанья под землёй. И всё же мне удалось закарабкаться на монстра, теперь нужно думать о том, как удержаться на склизкой поверхности. Я распластался на спине многоножки, пальцы сомкнулись на сочащихся слизью отростках.

Я мимолётно испугался, что в незажившие раны на ладони вместе с выделениями попадёт яд – по закону подлости, слизь, скорее всего, ядовита. И запах у неё какой-то нехороший. Ладно, об этом будем переживать потом, а сейчас нужно добраться до головы. Лишь бы волки удержали хвост, иначе тварь нанижет меня на жало, как Архип накалывает на проволочки жучков-паучков.

Я подтягиваюсь, перехватываюсь одной рукой, и немного подтаскиваю себя. Иногда ладони попадают в трещины разбитого панциря, и погружаются в холодную податливую плоть. Куртка цепляется за острые края расколотых пулями хитиновых пластин. Тварюга вся нашпигована металлом, но умирать почему-то не собирается. А собирается она продолжать охоту. Инстинкты у неё такие, видите ли!

Вцепившись, как клещ, в покорёженный панцирь, я пережидаю очередной приступ конвульсий монстра; существо бьётся, а я соскальзываю, соскальзываю… в этот раз удержался, надо двигаться дальше.

Моя задача – подобраться к голове твари, что будет потом, я представляю смутно. Всадить пару магазинов в затылок – фантазии хватает только на это. Пусть у неё там, в башке, всё превратится в омлет! Сдохнет чудище после этого, или нет – вопрос. Я слыхал, тараканы и без головы неплохо себя чувствуют, может, и сколопендрам этот кусок тела не очень нужен? Хотя представить такое нелегко – во что-то же твари нужно засовывать пищу? Пусть даже потеря головы не убьёт зверюгу. Интересно будет посмотреть, как она сможет обойтись без усиков, глаз, жвал, и прочих нужных и полезных приспособлений.

Такой нехитрый у меня план. Сработает или нет – вопрос! Только ничего другого не придумывается.

Многоножка затряслась в очередных конвульсиях, и я почти сорвался! Уцепившись рукой за острый край трещины, образовавшейся в панцире после удачной пулемётной очереди, я повис над землёй. Зазубренный хитин распорол едва поджившую плоть на израненной ладони. Слизь, будто жидкое пламя, ожгла свежие порезы. И хочется разжать пальцы, да нельзя, окажусь под дёргающимися ногами-отростками существа. Из-под них летят комья дёрна, увесистый камень бьёт меня по плечу, и рука быстро немеет; спасибо, что не размозжила мне голову, тварь! Рывок, я кричу, чтобы заглушить

боль и, каким-то непонятным образом, вновь оказываюсь на спине монстра. Цель рядом. В щели между пластинами видна удивительно тонкая для такого гигантского создания шейка. У меня хватает сил удивиться, как на ней держится эта огромная башка со всеми причиндалами?

А ещё я замечаю недалеко от головы большую прореху в панцире. Туда можно сунуть руку, а можно и ствол автомата. Белёсая плоть податлива, под ней ритмично пульсирует небольшой, размером с кабачок, сгусток. Нервный узел? Сердце, если, конечно, у многоножек есть сердце? Почти знакомо, как бы само собой, наступает понимание – сюда и надо стрелять, это и есть тот самый, очень важный и нужный монстру орган.

Одной рукой я хватаюсь за шевелящийся слизистый отросток, другой стягиваю автомат со спины. Пораненная рука пульсирует болью, кажется, ладонь раздулась, как гриб-дождевик, когда станет совсем неприличных размеров, тут же и лопнет, разбрызгивая вокруг кровь, слизь и отравивший её яд.

Повезло, что я не выронил оружие, когда пытался просунуть его под панцирь: перепачканная ладонь не чувствовала автомат, зато чувствовала огненную боль. Ствол упёрся в податливую мякоть, и неожиданно легко, будто острый нож вошёл в обнажённую плоть чудовища. Я поднатужился, и вогнал «калаш» ещё глубже, туда, где дрожало и трепетало то, во что я собрался стрелять. Грудь навалилась на приклад, палец из последних сил вдавил спуск.

Неожиданно сильная отдача, чуть не сбросила меня на землю. Автомат задёргался в руке, удары приклада сбили дыхание. Непременно нужно протолкнуть воздух в лёгкие, а он комом застрял в горле. Я, как рыба, открываю и закрываю рот, тело монстра выгибается дугой, и я лечу в темноту.

Тёплая и влажная тряпочка прошлась по лицу, коснулась губ, носа, век. Я попытался отстраниться, и приоткрыл левый глаз. Надо мной нависло большое, серое и красное. Раскрыв правый глаз, я не сразу, но всё же сфокусировал зрение: на меня, обдавая горячим дыханием, оскалилась волчья морда. Я попытался встать, и зверь, ещё раз лизнув меня в лоб, отошёл.

«Ожил (показалось, а, может, в мысленном посыле волка и вправду зазвенела радость)»

Я с трудом поднялся на ноги. Ох, лучше было бы умереть – болит каждый кусочек тела, рука и вовсе пылает. «Зато живой, – попытался взбодриться я. – Опять удалось остаться живым!» Многоножке гораздо хуже – лежит на боку, изредка подёргивая теми отростками, которые у неё вместо ног. Как бы ты, милая, не оклемалась! Видели мы твою тягу к жизни; надо пресечь. Где автомат? Вот он, рядом, весь измазан липким и вонючим. Фу-у, противно брать в руки!

Я огляделся: твари разбежались, перед оградой я, волки, да тело многоножки. Заменив магазин на полный, я поковылял к монстру. Теперь подойти к нему можно без проблем; хоть погладь, хоть ударь – не ответит. Голова чудища запрокинулась, открыв лоснящуюся шею. Вновь мимолётно удивившись, какая она тонкая, я приставил к ней автомат. Затрещали выстрелы, брызнула слизь, разлетелся мелкими осколками хитин. Там, куда попали пули, образовалась приличных размеров дырка, я сунул в неё ствол и стрелял короткими очередями до тех пор, пока оружие, щёлкнув в последний раз, не смолкло. Я снова переставил магазины – в первом ещё осталось несколько патронов.

У чудовища больше нет шеи, голова повисла на каких-то белёсых канатиках. Перерезать бы их, да где же взять нож? Ну, и ладно. Едва ли этот труп теперь оживёт, а что продолжает дёргаться – пусть, это никому не мешает.

Стая ликует: оскаленные пасти, вздыбленная шерсть, горящие глаза. В битве досталось каждому, два волка погибли, у одного перебита лапа – я не знаю, сумеет ли зверь с такой травмой выжить – и всё же стая ликует! Тот, кто говорил со мной, приволок обрубленную клешню поверженного монстра.

«Твоя часть добычи»

Тяжеленная штука, грязная, и смотрится мерзко. Я взял трофей и с трудом перекинул через плечи. Чего уж, и так выгляжу неважнецки: одежда болтается мокрыми лоскутьями, на ней пятна слизи и крови, волосы спутались и слиплись, а разит от меня, как из выгребной ямы. Повисшая на плечах, будто коромысло, клешня не сильно подпортит образ.

«Великая охота»

«Большого охотника нет»

«Теперь мы Великий охотник»

Восторг и гордость: волки веселились, как молодые псы. Я рефлекторно, словно передо мной любимая собака, взъерошил волчий затылок, а зверь не отпрянул, и не ощерился. Холодный нос ткнулся в ладонь, хищник пронзил меня горящим взглядом. На миг показалось, волк завиляет хвостом, но нет – это недостойно Великого охотника.

«Я и ты дрались вместе. Тебе будет тяжело, мы придём»

– Спасибо! – поблагодарил я, и поковылял к дыре в Ограде, зияющей там, где гигантский медведь разметал частокол; я не знал, как меня встретят в Посёлке, честно говоря, мне было всё равно. С вышек глазели люди – клыковские вперемешку с пасюковскими. Это меня не удивило – сил удивляться не осталось. Хорошо, что не стреляют; сейчас радует даже такая малость.

* * *

Только что они вместе стреляли в чудовище, но, пока я ковылял в Посёлок, спустились с вышек и разделились на две неравные – барачников чуть не втрое больше – группы. У кого-то в руке появился нож, кто-то перехватил автомат за ствол, намереваясь использовать как дубинку, а у особо бережливых, видно, ещё остались патроны, эти были готовы стрелять.

Но наваждение ушло, люди опомнились; на кой чёрт сдалась эта войнушка, если двадцать лет худо-бедно уживались, махорка из одного кисета, да самогон из общей фляжки привязали друг к другу почище кровных уз. Бывало и так: навалится тоска, нехорошие мысли полезут в голову, завыл бы зверем, да не поможет. Когда тебе плохо, это всем видно, как ни скрывай – научились чувствовать, у кого что на душе. Быть может, в обычной жизни ты человека не замечаешь, встретишь на улице, и, не обернувшись, пройдёшь мимо, а он бросит вслед хмурый взгляд, сплюнет да пробурчит под нос что-то похабное. И вдруг, когда тебе совсем невмоготу, этот, почти чужой, хлопнет по плечу, скажет: «посмоли, братишка», и поделится куревом. Дёрнешься, озлишься, захочешь обругать, но чинарик возьмёшь. Посидели рядом, помолчали: затяжка, вторая – и улетела тоска вместе с сизым дымком. Посидели и разбежались в разные стороны, как бы чужие друг другу, а, как бы и не совсем.

Но подраться, выпустить пар – это святое. Проскочит меж людьми искра, один начнёт, второй подхватит, и понесётся веселье.

В такой не слишком подходящий момент я и появился. Ну, чего уставились? Рога увидели, а может, у меня копыта и хвост выросли? А-а, клешня! То не моя.

– Пришёл! Хватило наглости! – почти обрадовано закричал Слега. – Кто сомневался, что Пасюк за дело хотел удавить этого иуду? Не поверил бы, если б сам не видел, как ты с волками лижешься! Что, привёл зверьё, и никого тебе не жаль: ни баб, ни ребятишек? Всех бы отдал на съедение? Чего молчишь, зови тварей, мы не боимся!

– Дурак ты, Слега, – я скинул наземь клешню, и здоровой рукой потянул с плеча «калаш». – Это вы почём зря губите людей. А звери пришли, и ушли, при чём здесь я?

– Настал твой черёд подыхать! – раздалось из толпы. – Раз мы тебя приговорили, бегай не бегай, от справедливости не убежишь. На ножи его, братцы!

И барачники, пока несмело, двинулись ко мне.

– Оружие на землю! – я передёрнул затвор, и боль жарким пламенем ожгла покалеченную ладонь. – Слега, я не шучу, поймаешь ты свою пулю!

Остановились, кто-то даже спрятал нож за спину, но Слега почему-то не струсил.

– И стреляй, – сказал он, – всех не перестреляешь. Не боись, братва, пусть он боится. Давай с ним кончать!

«Пожалуй, на этом и всё»,– безразлично подумалось мне. Остались у них патроны, нет ли – какая разница? Со мной они справятся и голыми руками. Ох, поделом. Зверей привёл? Да! Могли они ворваться в Посёлок? Запросто! А кто отбивался? Барачники. Значит, они и есть герои – вовсе не я. Ну да, я победил сколопендру – так ведь из-за меня она сюда приволоклась. То есть, я не хотел, я даже представить такого не мог, скорее всего, я, вообще, ни причём! Только чувство вины – подлая вещь, от себя его не скроешь.

Теперь дружинники, и те делают вид, что не при делах. Эх, ребятки, да кабы не я, через пару дней эти же звери явились бы по ваши души в Нерлей, и никто бы вам не помог! Теперь, значит, нос воротите?

Только никому ничего теперь не докажешь. Да и не хочу я никому ничего доказывать, идите все лесом!

Рука горит, и сочится кровью, всё труднее держать оружие, ствол «калаша» пляшет и опускается к земле; кажется, и пострелять напоследок не удастся. Пусть, настрелялся.

Клыков первым поборол сомнения и встал рядом со мной. Не бросил всё же! Я почувствовал плечом его плечо, и от того стало чуть легче.

– У тебя много патронов? – зашептал он.

– Не знаю, нет, кажется.

– Плохо, – Клыков забрал у меня перепачканный кровью и слизью автомат, а взамен сунул «макаров». – Держи! Этим тебе будет сподручнее. Стреляй, только если полезут. У них патронов-то нет, одни понты остались. Так что не дрейфь. Повоюем.

Я взял пистолет здоровой, левой рукой. Думаю, в упор не промахнусь. Клыкову я сказал:

– Уходи. Бери своих парней, и…

Договорить я не успел, толпа побежала. Барачники вперемежку с дружинниками лезли на ближайшие вышки, а из пролома в ограде к нам неслась волчья стая. Вот и случилось – звери в Посёлке.

Волки не стали преследовать бегущих, вокруг меня и Клыкова сомкнулось плотное, тёплое, оскаленное, тяжело дышащее кольцо. Спасибо, серые. Обещали помочь, и пришли. Вы всего лишь невольные, вынужденные, из-за прихотей высших для вас сил, оберегать меня, телохранители, но, так уж сложилось: сейчас вы – лесные твари – самые близкие мне существа. Я чувствую: вам здесь плохо, вы не слышите лес, вас ненавидят, отсюда хочется убраться, но вы заслонили меня, показывая всему миру вздыбленную шерсть и острый оскал.

– Не бойся, не тронут, – попробовал я успокоить напрягшегося Клыкова. На псарне заголосила свора – лишь бы не додумались пустить собак, только их, для полного счастья, и не хватает. Вдруг с вышки завопили:

– Едут! Клещ едет!

– Ура! – обрадовано закричал Слега. – Значит, сумели, нашли эшелон. Вовремя появились. А тебе, Олег, спасибо напоследок скажу; протоптал ты для нас дорожку. Может, и гад, а хорошее дело сделал. Глядишь, и помирать тебе будет не так грустно, потому что иногда помянут тебя добрым словцом. А помереть придётся, уж не

сомневайся. Теперь и лесные псы не помогут. Что, ребятушки, сдадитесь по-хорошему, или чуток подождём?

Прошло минут пять, никто не рискнул спуститься с вышки, чтобы открыть ворота. Ещё через минуту в дыре, которую пробил в частоколе топтыгин, показалась физиономия: узкое лицо, нос к низу крючком загнулся, а ему навстречу подбородок выпирает. Клещ и есть. Похоже, он и согласился провести барачников к эшелону. Стоит, глазеет, пытается сообразить, что за дела у нас творятся. Побоявшись войти, Клещ исчез.

Ещё через какое-то время в ту же самую прореху спокойно зашёл Партизан.

- Только попробуйте! - предупредил он, автомат в его руках посмотрел сначала в сторону одной вышки, потом другой. – Если кто дёрнется, разнесём тут всё к чертям собачьим. Вы меня знаете.

Лесник спокойно подошёл к воротам и распахнул створки. Знакомый мне броневик, натужно урча и пуская чёрный дымок, въехал в Посёлок.

Автомобиль развернулся и замер. Открылся верхний люк, и Ренат встал к пулемёту. Ствол оружия покрутился из стороны в сторону, а потом уставился на ближнюю вышку.

Следующим из машины, чертыхаясь, вылез Савка. Он пнул колесо:

– Длянь железная, ломался всю дологу.

– Я смотрю, весело у вас, – Степан захлопнул дверцу и оперся плечом о броневик. – Ехали мы, ехали. Так бы мимо, по краешку, и проскочили, а тут деревья поперёк дороги навалены, из кустов чуть стрелять в нас не начали! Насилу с этим делом разобрались, сюда подъезжаем – ещё интереснее: зверьё побитое, монстрятина дохлая, дыра в заборе. Такое веселье, и без меня! Нет, ребятки, больше я вас без присмотра не оставлю.

– А Клещ? – растерянно спросил Слега.

– Клещ-то? – ухмыльнулся Партизан. – Клещ, выходи. Народ требует.

– Думали, я вас до эшелона поведу? Вот вам! – вылезая из машины, сказал ехидно Клещ, он вскинул правую руку, а левой ударил по сгибу локтя. – Сначала другана моего Лёшку угробили, а после ко мне припёрлись! Один раз я сводил вас до Ударника, так вы Сычу там

кровавую баню устроили, а потом мне угрожали, чтобы, значит, молчал. Решили, что испугаюсь, и дальше на вас пахать буду? Не таков Клещ. Завёл дураков на болотные выселки, и дёру. Одному-то сподручнее через лес ходить, чем со стадом баранов за спиной. Спасибо, что путь мне нарисовали, я с вашей картой до эшелона дошёл, будто по бульвару прогулялся. Думал там смутные времена пересидеть, посмотреть, как дела пойдут, а после уж решать, что делать дальше. А тут Партизан заявился.

– Вот это поворот, – сказал Клыков, а потом, уже громко, чтобы на вышках услышали. – Вы спускайтесь, спускайтесь. Бросайте оружие, и по одному ко мне…

– Эх, – попенял я Степану, – опоздали вы. Такое веселье пропустили…

А сам с детской обидой подумал, что все мои усилия теперь обесценились – парни бы приехали на броневике, и всё без меня и моих зверей порешали. Надо было лишь немного подождать. У меня ещё хватило сил бросить вслед уходящей волчьей стае: «спасибо, братки!», а потом в глазах потемнело и я осел на землю.

* * *

– Сволочи, – Клыков, сжимая кулаки, щерился на Слегу, – сволочи! Я ж вас к стенке… я ж вас голыми руками…

Дружинники уложили на мокрую траву тела казнённых товарищей и бойца, погибшего во время недавнего штурма участка. Ещё четверо – трое граждан и один барачник – разметались на мокрой земле поодаль. Их нашли возле правления, там, у стены они лежали с перерезанными глотками.

– За что? – поинтересовалась Ольга, мрачно глядя, как дружинники бережно, стараясь выбрать место посуше, укладывают тела друзей, и заботливо накрывают покойников отобранной у барачников одеждой.

– Удрать хотели, – хмуро пояснил Слега. – К вам уйти. С оружием. Да словили мы их. Вот, значит, за дезертирство, по законам революционного времени и вздёрнули.

– А этих? – Ольга кивнула на четыре трупа. – Тоже по закону?

– Конечно, – подтвердил барачник, – мы ж не беспредельщики. Эти трое – мародёры, пытались из больницы лекарства украсть. А вон тот, наш, видно, лишнего перебрал. Не знаю, что ему примерещилось,

а только начал из автомата палить, чуть Пасюка не пришил. Пулю для таких жалко, а виселица оказалась занята. Вот и…

– Ясно, – мрачно сказал Клыков, – И где же Пасюк? Ещё не сдался? Лично повешу гада. По закону революционного времени! Слега, мы заходили в общежитие. Скоро там начнут умирать. Стариков-то за что?

– Их-то? Они сами почему-то мрут. Тяжёлых из больницы туда перевели, чтобы, значит, место не занимали, а они помирать начали. Мы ж не звери, кого могли, подлечили…

– И много умерло? – спросил я.

– С утра было пятеро, а сейчас и не знаю.

– Понятно, – равнодушно сказал я, сил для переживаний не осталось. – Значит, что делать? Значит, живых надо в больницу, а мёртвых похоронить. Асланяна бы сюда, чтобы копал могилы, глядишь, и понял бы, что натворил. Нет здесь Асланяна, придётся, Слега, тебе. Бери дружков, и вперёд. А к больным ведите врачей. Надо спасать.

– И чего стоим?! Приказов не слышим?! – заорал Степан, вертя в ладони нож. – Слега, чтобы через полчаса все барачники, как на параде, стояли перед участком.

– А потом? – спросил Слега. – Расстреляете?

– Может, и расстреляем, – задумчиво сказал Степан. – А может, и нет, видно будет.

– Степан, – напомнил я, – не забудь, в общежитии нужны врачи. Все, сколько есть.

– А может, подождём? – зашептал Белов. – Кто выживет, тот, значит, выживет, а от остальных всё равно нет толка. Без них и нам легче будет. А, главное, мы не при делах. Асланян виноват, на него и так всё повесят, одним грешком больше, одним меньше, он и не заметит… логично?

– Логично, – признал я. – Только не по-людски. Мы же люди. Пусть жизнь делает из нас зверей, а мы должны, где возможно, оставаться людьми. Я, конечно, наделал много глупостей, но уж это сумел понять. Это же просто… неужели не понимаешь?

Степан посмотрел на Клыкова, тот на Партизана, лесник кивнул и ухмыльнулся:

– Правильный ответ, – сказал он. – Пять баллов.

* * *

Участок взяли в плотную осаду. Теперь, с тем оружием, что привёз Степан, мы можем разнести здание по кирпичику. Появились зрители; стрельба давно затихла, набат пробил отбой, нужно узнать, что случилось, и как жить дальше. Собрались люди в кучки, смотрят на вновь откуда-то появившихся дружинников, на ментов – не нынешних полиционеров, а тех, которые следили за порядком раньше, при Хозяине, но больше косятся на броневик.

У барачников, засевших в участке, желание сопротивляться исчезло. Объяснили мы, что зверствовать не будем – каждому воздастся по делам его, но лишнего никто не получит, а сдавшимся добровольно, ясное дело, снисхождение полагается. К Пасюкову это не относится, но справедливый суд мы и ему гарантируем.

Встали выползшие на белый свет барачники лицом к стене, ноги шире плеч, руки за голову. И всего-то их оказалось четверо, Пасюков пятый. Этот отдельно от других. Ничего ему больше не светит. Конечно, прямо сейчас кончать его не будут, а неприятность в виде показательного суда с дальнейшей показательной казнью – это наверняка.

Такие расклады легко просчитываются; их бы и дурак просчитал, а Пасюк вовсе не дурак. Он сказал:

– Разговор у меня к тебе, Олежка.

– О чём говорить-то? – равнодушно ответил я. – Всё, что нужно – сказано, всё, что должно – сделано.

– Не всё. Есть одно предложеньице. Не сомневайся, мы оба с него поимеем выгоду. Я хочу обменять свою жизнь на твою.

Я попытался смекнуть, в чём тут смысл, да так и не понял. Видно, от усталости голова совсем перестала соображать.

– Иди ты лесом, – ответил я.

– Зря торопишься, – зачастил Пасюков, – подумай, я плохого не предложу. На кону твоя жизнь, понимаешь? Взамен я прошу, чтобы вы отпустили меня. Уйду в лес, и больше вы обо мне не услышите. Хорошая сделка, верно?

– Моя жизнь, она и так моя, – сказал я. – А твоей мне и даром не надо. Тем более, она теперь не твоя. Суд разберётся, как с ней поступить.

– Тут мы с тобой похожи, – ответил Пасюк. – Помнишь, я тоже вынес тебе приговор? Значит, твоя жизнь стала моей. В сущности – ты покойник, и рано или поздно до тебя доберутся. Ты пока не знаешь, как это будет: нож в сердце или кирпич по темечку. Я сам не знаю, кто и как исполнит мой приговор. Помнишь Сыча? Вот то-то! Ты давно должен был помереть, да друзья у тебя непростые, сначала в лесу спрятали, а потом ты прямо из-под виселицы исхитрился улизнуть – везунчик. Насколько я тебя понял, ты не захочешь всю жизнь оглядываться. Жить, оглядываясь, не очень весёлое занятие, так? А я могу отменить приговор, и, даже, рассказать, что на самом деле в смерти Корнила и Суслика твоей вины нет. Сумеешь повлиять на решение суда? Тогда и я отплачу тем же.

– Он бредит? – спросил я у Степана.

– Не то чтобы совсем, – помявшись, ответил Белов. – Скорее, немного преувеличивает. Ты не волнуйся, мы с этим разберёмся. Если что, из каждого пасюка душу вытрясем… В конце концов, я двадцать лет так живу – и ничего, свыкся. А за тобой мы приглядим. Если кто посмеет хоть пальцем тронуть, мы того, как клопа, раздавим.

– Ага, – сказал Партизан, – все слышат? Глухих нету? Если кто его заденет, я сам, своими руками удавлю того гада. Убью медленно и больно!

– Спасибо, что успокоили, – поблагодарил я. – Так что, может, отправите его в лес?

– Понимаешь… – Клыков смущённо разглядывал свои сапоги. – Мы не звери, но Пасюков должен умереть. А, возможно, и не он один. Чтобы даже мысли ни у кого не появилось ещё раз попробовать. Потому что если они ещё раз попытаются, может сложиться так, что придётся валить их всех, без оглядки на виноватость.

– Понятно, – сказал я. – Видишь, Пасюк, ты должен умереть. Извини…

– Так я и думал, – спокойно, словно ничего другого и не ожидал, ответил Пасюков. – И всё же, мы с тобой должны закончить наши дела. Я вызываю тебя на поединок. Ведь ты не откажешься? Или струсишь?

Я бы посмеялся, но сегодня грустный день. Я устроил штурм Посёлка; я дрался с гигантской сколопендрой; до этого я убил Сашу – врага, которого считал другом; я воскресил Партизана, которого

раньше чуть не казнил. А ещё… много чего ещё. Иному с лихвой на две жизни хватит, да и мне уже достаточно.

– Степан, – спросил я. – Я не обязан это делать?

– Жизнь твоя, – ответил Белов, – тебе и решать. Будет полезно, если ты его прикончишь. Прямо здесь и прямо сейчас, чтобы народ видел.

– Зачем? – я удивился, потому что ожидал совсем другой ответ. Там, в лесу, Степан отговаривал меня от драки с Зубом, а теперь – наоборот.

– А затем! Затем, что если ты победишь, не будет ни суда, ни виселицы. Нам не придётся никого казнить, а наказание совершится, причём, по ихнему, крысячьему, закону. И тут уж, как ни крути, он сам это дело затеял, значит, при всём желании пасюки не сумеют сделать его безвинно пострадавшим. В общем так: с тебя началось, тебе и заканчивать. А заодно раз и навсегда решишь вопрос своей безопасности. Пасюк, как боец, гораздо слабее Зуба, тут тебе бояться нечего.

– Понимаешь, Стёпа, – сказал я, а сам подумал, что ни черта он не понимает. Откуда ему знать, что там мне помог лес, а здесь он не поможет, здесь придётся самому, и я не уверен, справлюсь ли? Я сказал: – Понимаешь, Стёпа, я очень устал.

– Вижу, и не настаиваю.

– Ладно, у меня нет ножа.

– Держи, – Степан достал из-за голенища оружие, и протянул мне. – И вот тебе совет: не смотри, что Пасюк жирный и старый. Боец он, всё же, хороший, а, главное, подлый – будь начеку. Потребуй раздеться до пояса, ты имеешь такое право. Заметил, у него топорщится ватник? Наверняка, под ним что-то есть.

– Ладно, – махнул я рукой, – пусть.

– Понял, Пасюков? – спросил Степан. – Сейчас вы будете драться. Но сначала ты громко, чтобы все слышали, чтобы у самой тупой крысы не осталось сомнения, расскажешь, как, и за что вы подставили Олега. Всё расскажешь, и, специально для меня, назовёшь имена.

* * *

Люди образовали неровный круг, мы с Пасюком – в центре. Смотрю я на противника, и не могу поверить, что это всерьёз: сейчас мы будем драться насмерть, а мне вовсе не страшно. Мне безразлично.

Вот я, вот мой враг, я должен его убить – проще простого! Рукоять ножа скользкая, ладонь её не ощущает, она не ощущает ничего, кроме пульсации боли в кровоточащих порезах. Что-то похожее со мной недавно случалось. Жизнь, будто ей не хватает сюжетов, замкнула ещё одну петлю! А может, она просто дразнится: мол, не такая уж ты важная птица, тебе и так сойдёт! Мысли, будто заволокло туманом и вообразилось – всё происходит не на самом деле, всё только бред, только кажется…

Где-то сияют звёзды и разлетаются галактики. Умные люди мне говорили, что это длится почти пятнадцать миллиардов лет, и будет длиться ещё столько же. Когда людей не станет, звёзды будут так же сиять, а галактики – разлетаться, хотя и непонятно, зачем сиять и разлетаться, если никто не увидит и не оценит? К чему я? Вся эта мишура сияла и разлеталась и в тот миг, когда сообразительная обезьяна додумалась взять в руку палку, и начались тысячелетия истории, сияла и разлеталась потом, когда другая сообразительная обезьяна запустила ракеты с боеголовками, и на этом история закончилась. Привиделось мне, что эти пятнадцать миллиардов лет, все бессчётные цепочки событий, да что там, все законы вселенной были созданы ради того, чтобы случился этот самый, главный миг… вечность всяческой суеты для того, чтобы череда случайностей привела меня в это место и поставила лицом к лицу с этим бандитом… Говорю же – бред! Не может быть, чтобы ради этого.

Но Пасюк – вот он, настоящий; его крик разносится в густом вечернем воздухе, в руке у него блестит нож, и с этим надо что-то делать.

– Что, сучонок, боишься? Иди ко мне! Удавлю тебя твоими же кишками – визжит Пасюк, а нож выписывает разные фигуры, да так красиво, залюбуешься! Скачи, клоун, весели народ! А мне бы отдохнуть, устал я. Понимаете, устал!Поспать бы, а то лезет в голову всякое. Сейчас, только закончу это дельце…

Наверное, со стороны смотрится забавно: хорошо одетый, выбритый и причёсанный пожилой дядька скачет вокруг обросшего истрёпанного мальчишки в перемазанном уже начавшей подсыхать кровью, грязью и слизью рванье. Я вижу – Пасюку страшно! Он знает, что я сделал с Зубом, но не знает, что Зуба убил не я, а лес, что сейчас совсем-совсем другой расклад.

Я стою скособочившись, потому что избитое тело ноет, усталость вяжет мысли и движения, только горячая боль в ладони не даёт провалиться в беспамятство, и я плохо представляю, что делать.

Можно помолиться – хуже не будет. И я, как умею, молюсь: «Боже, если бы мог, я бы в тебя поверил, да вокруг столько дряни, что не получается, извини. Так вот, хоть тебя и нет, но ты помоги. Ладно? Не допусти, чтобы Пасюк осталась жить. Пусть сдохнет он, а не я, ведь это можно устроить? Или бестолково просить у того, кого нет? Даже если ты есть, тебе плевать на людей, а это так же, как если бы тебя не было. А раз уж тебя нет, значит, ничего мне от тебя не надо. Сам управлюсь! Не впервой!»

Пасюк осторожно приближается.

– Готов подохнуть?! – вопит он. А дыхание тяжёлое, с присвистом. Нелегко прыгать, с твоим-то весом? Но ты поскачи напоследок, больше не придётся. Я опускаю левую руку в карман, шершавая рукоятка пистолета, который я в суете так и не вернул Клыкову, удобно ложится в ладонь. Я снимаю оружие с предохранителя…

Накатила волна дурноты, надо, пока есть силы, заканчивать! Значит, так – отныне я сам буду сочинять правила игры. Сегодня они такие – придётся тебе, Пасюков, умереть. Это не обсуждается! Давай, подходи ближе. Я не очень хороший стрелок, но с трёх шагов не промажу.

Пасюк почуял. Он замер, взгляд сделался стеклянным, как у лягушки, приготовившейся запрыгнуть в пасть ужа. Стой на месте, и не дёргайся, мне так проще!

Нож теперь мешает, и я швыряю его в застывшее лицо противника, в широко распахнутые от нахлынувшего предчувствия, глаза.

Я не старался специально, не такой уж я умелец. Думал оглушить, пусть ошарашенный барачник хоть на секунду замрёт – большего не надо. Потом я достану пистолет, и… Видно, Богу, несмотря на моё безверие, я не совсем безразличен, или вернулась моя птица удачи, снова клюёт из ладошки. Нож попал в левый глаз, когда-то стрела от самострела так же поразила чужачку. Сюжет опять повторился. Пусть, я не стану из-за этого капризничать…

Пасюк вскинул руки к лицу, мёртвое тело повалилось в лужу, напоследок забрызгав меня грязью. Пистолет не пригодился, и хорошо. Пока над Посёлком висит тишина, пока люди готовы слушать, надо бы сказать что-то запоминающееся, поставить жирную, красивую финальную точку. Но сил хватает лишь на кривую ухмылку, а в голове – пустота.

– Поединок закончен. Всё было честно, – с нажимом на слове «честно», возвестил Степан. – Не толпимся, граждане. Расходимся.

А люди не спешат расходиться; они медленно осознают очередной выверт до недавнего времени монотонной поселковой жизни. Всё будет хорошо, захотелось подбодрить их, но я не сказал – не поверят! Я склонился над мёртвым врагом – никаких эмоций, быть может, если сильно вслушиваться, услышишь лёгкое удовлетворение: дело сделано, проблема решена, можно будет отдохнуть. Значит, и к убийству появилась привычка.

Сначала я хотел расстегнуть ватник на груди Пасюка, но, решив не тратить время и силы, рванул посильнее, так, что пуговицы брызнули в разные стороны.

– Гляди-ка, Степан, что у него, – нарочито громко, чтобы все услышали, сказал я, и достал одну металлическую пластину, потом вторую. Пасюк, и впрямь, хорошо подготовился к схватке.

– А что ты ждал от этой мрази? – так же громко, больше для других, чем для меня, ответил Степан.

Обняв за плечи, он повёл меня сквозь толпу к броневику, там ждали друзья-товарищи. Я бездумно переставлял ноги, а кум вполголоса, но очень зло, читал нотацию:

– Надо бы морду тебе за такие штучки набить! А если бы промахнулся? Да Пасюк тебя на полоски бы искромсал!

Пальцы Белова стальными крючьями впились в моё плечо.

– Не промахнулся же, – я передёрнулся, в надежде освободиться от цепкой хватки.

– Повезло. Дураков удача любит.

– А пистолет на что? – сказал я. – «Макаров» против металлических пластин. Честно, правда?

– Какой «макаров»? – удивился кум. Его пальцы разжались, и я наконец-то выскользнул из объятий.

– Который мне дал Клыков, – я сунул руку в карман, чтобы достать оружие.

– Не вынимай, – зашипел Степан. – И не вздумай никому рассказывать об этом, понял?

Я, будто обжегшись, выдернул руку из кармана. Степан покачал головой.

– А ты повзрослел, – тихо сказал он. – Очень быстро повзрослел. Оно и хорошо: нет времени учить тебя уму-разуму. Ладно, если так – командуй. Есть мнение, что пока ты и будешь за Хозяина.

«Ещё Терентьева не похоронили, а они уже назначают, кто будет вместо него!» - подумал я без всякого удивления; кажется, я потерял способность удивляться; любое чудо, я воспринял бы сейчас, как должное.

– Нет, – сказал я.

– Почему? – спросил Степан.

– Не хочу. Какой из меня Хозяин? Лучше ты. Вы с ним столько лет…

– Серёга, Серёга… – грустно сказал Степан, – эх, Терентьич… не вовремя он. Я, как узнал… ладно. Мне никак нельзя, потому что я злой. А ещё злопамятный. Дай волю, всем придётся несладко. Терентьев это понимал… то есть, я бы попробовал, только я ему обещал, если что, никогда…

– Значит Клыков, или Захар…

– Они солдаты, им тоже хватит работы, – сказал Степан. – Всем нам нужно время, чтобы навести здесь порядок. Возможно, после этого, кто-то из них… но какое-то, скорее всего, недолгое время – ты. И не ломайся. Мы все варианты перебрали, ничего лучше не придумывается. В общем, так: мы не предлагаем, мы приказываем….

И Клыков, и Захар, и Партизан, и даже Савелий с Ренатом закивали, а Ольга отвернулась. Меж собой они всё обговорили, а я – не такая уж важная птица, чтобы со мной обсуждались вопросы назначения меня Хозяином.

– Пойми, – сказал Клыков, – больше некому. Люди видели, как ты бился с чудой-юдой. У меня по спине мурашки, как вспомню. А когда за тебя заступились волки… это, вообще, запредельно, парень! Такое не забывается. Мои головорезы очень тебя зауважали. А барачники, после того, как ты вскрыл Сашу, а теперь, до кучи, Пасюка, будут

обходить тебя стороной. Ты для них авторитет. Привыкай; тебя будут уважать, будут бояться, а любить – это вряд ли. Переживёшь?

– Переживу, – вздохнул я.

– И хорошо, – радостно воскликнул Захар. – Ты, главное, не бойся. Мы тебя в обиду не дадим. Я обещаю! Степан говорит, ты проговорился, что знаешь, как наладить жизнь в Посёлке. Так налаживай, флаг тебе в руки!

– Ладно, – сказал я, – допустим, я соглашусь. А люди? Меня изгнали, чуть не повесили, я натравил на Посёлок зверей. Спрашивается, какой я, к чёрту, Хозяин?

– Вот тупой, – удивился Ренат моему непониманию. – Да ты самый… как это? Летиги?.. Лебиди… мый?

– Легитимный? – подсказал Степан.

– Вот-вот, такой. Короче, больше и некому. Сам посуди, кто-нибудь спросит: «а по какому праву Олег тут раскомандовался? Чем я-то хуже?» А мы ему в ответ: «а где ты, морда, был, когда Пасюк морил стариков? Пережидал, чем дело кончится? А Олег ходил к эшелону, а потом вернулся, и разобрался с Пасюковым. Вот поэтому он, а не ты. Понял, морда?» Скажу я так, и засвечу этой морде в морду, и желание задавать лишние вопросы у этой морды пропадёт.

– На первое время можно и так, – согласился Степан. – А потом придумаем тебе официальную должность. Хоть президентом сделайся, хоть императором. Всё, что пожелаешь… захочешь – народ изберёт тебя на демократических выборах, причём – единогласно. А не захочешь, изберёт кого-то другого, кого ты захочешь, и тоже единогласно. Только это потом. Сейчас есть дела поважнее, чем глупые игры в демократию.

– Надо бы с людьми поработать, – сказал Ренат. – Люди, они такие, от них благодарности не дождёшься. Немного придут в себя, и начнут болтать всякое…

– Пусть брешут, – отмахнулся Клыков. – А мы в ответ расскажем, как Олег бился с гигантской многоножкой. Шагов сорок, говоришь, в ней было?

– Двадцать, – сказал я, – уж точно, не больше тридцати.

– Я и говорю, пятьдесят. А у него в руке дубинка.

– Автомат.

– Даже дубины не было. Герой!

– Ладно, – попытался вяло отбиться я, – кончайте трепаться. Все всё видели.

– А что видели-то? – улыбнулся Клыков. – Мы, если хочешь знать, от страха обалдели! Лично я клешню, которую ты притащил, видел. Большущая! Люди ещё и не такое наплетут: приврут и разукрасят. А через год и сами запутаются, где правда, а где россказни.

– Именно, – добавил Степан. – Так получилось, что мы победили. Значит, какую захотим, такую и сочиним историю. Как скажем, так и было. Ты лучше не сомневайся, а подумай, с чего начнёшь?

Откуда мне знать, с чего начинать? Разному Архип учил. Про зверей, козявок, и всякие экосистемы рассказывал, а что делать с Посёлком, как обращаться с людьми – этому не обучал! Всё-таки сволочи вы, ребята. Перевели стрелки. Сами в загул на радостях уйдёте, а мне, значит, разгребать.

Люди начали потихоньку расходиться. Много всякого случилось, сейчас опять меняется власть. К добру ли, к худу ли – непонятно, но лучше держаться от этого процесса на расстоянии. Те, кто поглупее, да полюбопытнее, ждали: не произойдёт ли ещё чего-то? А мне приключений хватило, обожрался я приключениями, аж наружу лезут.

– Ну, что, – весело сказал Захар, – раз уж мы победили, отметим это дело!

– Во-во, зря везли, что ли? – поддержал начинание Партизан, и пошла бутылка коньяка по кругу.

– Значит, быть добру! – провозгласил Ренат. Сделав несколько жадных глотков, он шумно занюхал рукавом и протянул выпивку Захару. – На, хлебни. Чтобы, значит, добро чаще побеждало. Добро, оно такое, оно завсегда победит, если у него есть ножик, а лучше автомат, а ещё лучше – броневик.

– Вы уверены? – спросил я. – Что-то, в последнее время, я перестал различать. И добро, и зло – всё какое-то похожее. Пойди-ка, разберись, где что.

Захар хлебнул, а потом объяснил:

– На самом деле это совсем просто. Смотри, вот мы, все из себя славные. А вон они, – Захар кивнул на лежащего кверху пузом Пасюка, – мерзкие и грязные! Чего же тебе ещё-то? Мы и есть добро. Раз ты с нами, значит, ты за добро. Ты же с нами?

Я посмотрел на их почти серьёзные лица, и понял, что сейчас лучше быть с ними. Потому что… ну, не с мёртвым же Пасюком мне быть, правда?

– Конечно, я за добро, – подтвердил я, и в награду получил от Захара бутылку.

– Это правильно, – кивнул Степан. – Так и думай. А если начнёшь сомневаться, и вопросы дурацкие в голову полезут, ты лучше отойди в сторонку, и не мешайся. Мы сами всё сделаем.

– Я не сомневаюсь, и вопросы у меня не дурацкие. Ты про них скажи, – я кивнул на поредевшую толпу, – они понимают, что победило добро?

– Они-то? – Степан взял у меня бутылку, – они догадываются. Некоторые. А тем, до кого не дошло, мы объясним.

Мрачновато выглядят граждане, радости по поводу очередной неизбежной победы добра не наблюдается. Едва приспособились к новым порядкам, и снова надо приспосабливаться. Непонятно, чего ждать, но вряд ли будет лучше: отвыкли люди от хорошего.

Ренат поспешил внедрить добро в массы. Засунув руки в карманы, он вальяжной походкой вышагивает вдоль неровной шеренги барачников. Ренат громко считает, и каждый десятый угрюмо выходит из строя. Набирается похоронная команда. Сейчас невезунчики пойдут рыть могилы, и каждый будет думать – не для себя ли копает? Не обижайтесь, вы же знали, что за всё надо платить! Надеялись, что для вас бесплатно?

И лица дружинников тоже не светятся от радости. Усталость на них, облегчение, и, может, недоумение. Всё, что угодно, а радости нет!

– Ладно, – неуверенно согласился я, – не знаю, какой из меня командир, но попробую. Только, чур, без обид. Если не получится…

– Получится, обязательно получится, – бодро сказал Клыков. – Это ж кретином надо быть, чтобы не получилось. У тебя мои хлопцы, захаровы менты, и полный эшелон оружия. Чего ж тебе ещё?

И я понял – должно получиться, потому что это не я взял власть, это они дали её мне. Значит, она не моя, а их, захотят и быстро всё переиграют. Меня и не спросят.

– Ладно, победители, – сказал Захар, – Ещё по глоточку, и пойдём творить историю.

– Отставить, – приказал я, – никаких больше «по глоточку». Значит, слушайте сюда: Захар, собирай наших парней, организуй патрулирование. Да, не забудь хорошенько вооружиться. Мало ли чего; народ нынче взбудораженный. Только сам-то людей не задирай…

Тут я осёкся. Кого учу? Я учу человека, который в сто раз лучше меня знает, как и что ему делать. Они все лучше меня знают свою работу. Но я продолжил:

– Всё, как обычно, Захар. А ты, Клыков, займись оградой. Бери тех, кто посвежее, нужно организовать дежурство. Понимаю, люди устали, но надо… Партизан, вместе с Савкой дуйте на броневике в Нерлей. Всех, кто там остался, везите сюда. А потом, но только потом, если будут силы и желание, погуляете. Надо бы ещё на выселки сходить, посмотреть, может барачники, которых увёл Клещ, живы. Ладно, сам он завтра этим и займётся. Ах, да, ещё Леший! Я вам говорил, что дядя Лёша живой? Правда-правда. Савка, не вздумай меня обнимать, поломаешь! В общем, катитесь вы к чёрту, а мне надо поспать. И чтоб до утра не будили. Понятно?

Сначала они уставились, распахнув рты. Чего смотрите? Думаете, не знаю – если начнёте гулять, не остановитесь, пока не кончится водка. А дела кто будет делать, я, что ли?

Я хотел уйти, да Белов меня окликнул. Я обернулся и увидел, как Партизан воровато спрятал бутылку за спину.

– Шоколадку я для твоей Катьки привёз, – сказал Степан. – Обещал ты ей, соловьём разливался. Забыл?

– Забыл, – признался я. – А теперь вот вспомнил. Спасибо…

– Да ладно, – ответил Захар. – Зачем ещё нужны советчики? Чтобы начальник мог думать о больших делах. А о мелочах мы позаботимся. Ты же возьмёшь нас в советчики?

– Не знаю, – подумав, сказал я. – Мне советники не нужны. Вернее, нужны. Но ещё больше нужны друзья.

– Знаешь, – засмеялся Клыков, – одно другому не всегда мешает.

А Савка расплылся в улыбке и подмигнул.

Ольга (что взять с бабы, ей лишь бы о ком-нибудь позаботиться!) заглянула мне в глаза, её сухая и прохладная ладошка коснулась моего лба.

– Чего пристали к человеку? – рассердилась она. – Ему врача надо, а вы зубоскалите, козлы, Он весь горит…

– Ему не врача, ему деваху под бок, чтобы снаружи прогрела. А изнутри лучше прогревает водка с красным перцем. Завтра будет, как новенький, – неуверенно прописал лечение Партизан. Я махнул рукой; что с них взять, они сегодня победители. Эйфория у них. Хочется зубоскалить, а дела делать совсем не хочется.

Я увидел спешащего к нам отца Алексея; шум утих, он и появился. Конечно, правильный поп любой власти полезен, только не хочу я сейчас с ним общаться, пусть Степан разбирается.

Я брёл в участок, и думал, что же теперь делать? Жить, как при Пасюкове в моём Посёлке никто не будет – это не обсуждается. Естественный отбор для тварей, а мы – люди. Только и Терентьевский вариант остался в прошлом: то, что разбилось вдребезги, не склеишь. Можно постараться, но стоит ли оно усилий? Степан будет доказывать, что мы ничего лучше придумать не сможем. Он сам строил ту жизнь, так пусть берёт из неё хорошее, и начинает из этого хорошего лепить что-то новое. А всякой дряни место в прошлом. Барачники, например: что мне с ними делать? Одно я знаю точно - никаких больше граждан и неграждан. Все – люди! Ещё не знаю, как я это сделаю. Может, расселю пасюков по Поселку, а бараки сравняю с землёй! Надо подумать.

Только это не самое важное. Проблема в том, что, как бы мы тут, внутри не менялись, какие бы перестройки не затевали, лес, по-прежнему, будет нашим врагом. А когда вокруг тебя враги, и внутри война.

Надо полюбить лес, говорит дядя Дима. Надо измениться, приспособиться, считает Архип. Хорошие они люди, и зла никому не желают. Я тоже, было, прельстился этой идеей, очаровался ментальными путешествиями вглубь мира, и не понял одного: в лесу, конечно, живут пушистые зайчики и белочки, только главные здесь не они, а пожирающие друг друга, и мечтающие сожрать нас твари. Спасибо сколопендре, до меня дошло, что можно сколько угодно говорить о том, что нужно сделаться частью этого мира. Означает это, что нужно стать таким же, как дядя Дима. Возможно, у кого-то получится, а кому-то даже понравится быть чужаком. Только и это не гарантирует от того, что вскоре появится очередное пытающееся сожрать нас порождение леса!

Сейчас наш страх и наша злость – это наша броня! Едва начнём перестраиваться, едва попытаемся стать добрыми и всех устраивающими, тут же и слопают.

Значит, если не хочется меняться самим, придётся переделать лес – пусть он становится таким, какой устраивает нас. Партизан говорил, что переделывать мир под себя – это в нашей природе и это естественный порядок вещей.

Скажете – трудно? А как иначе? Когда нам было легко?

Скажете – невозможно? Может быть. Пока не попробуем, не узнаем.

Я попробую.

Понять бы, с чего начинать! Говорят, хорошее начало – половина дела. Придумал… вывеска на правлении. Что там намалёвано? «Революционный комитет Спасения»? И где тот комитет? Приказал долго жить! Значит – вывеску снять! Вот и нашлось важное дело на завтра. Очень важное и нужное дело.

Наверное, и виселицу надо бы разобрать. Или пока оставить? Мало ли что…

Но самое главное сейчас – выспаться, а великие дела подождут. Мир вертелся пятнадцать миллиардов лет, и за ночь не остановится.

А парни пусть веселятся. Не дурак, понимаю, что они удачно прикрылись мной, что за моей спиной и от моего имени будут делать, что им заблагорассудится. Конечно, в определённых пределах эти люди мне что-то позволят. Интересно, только вывески менять, или кое-что ещё? Вот и надо выяснить, каковы они, эти пределы. А уж выяснив, будем думать, как их расширить. Трудно, но Терентьев как-то с этими людьми справлялся. Или не справлялся, и только со стороны казалось, что справляется? Интересный вопрос! А другой вопрос ещё интереснее – я-то справлюсь? Думаю – вряд ли! Но я и это попробую. Ладно, потом обдумаю эту мысль, сейчас – устал. Но у вас ещё будут поводы удивляться, друзья мои. Вы все сильно удивитесь!

Я заулыбался, потому что, честно говоря, мне даже понравилось. Как там говорил Степан? Президент Олег Первов! Согласитесь, звучит! Хотя, мне больше нравится, когда называют Хозяином – простенько и со вкусом…